КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ, С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ И И. Н. КУБИКОВА

СБОРНИК № 5



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД



Г. В. ПЛЕХАНОВ.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ.

(Предисловие к пятому изданию книги) [1].

I.

Мне хочется прежде всего сказать два слова о названии предлагаемой книги.

Есть два монизма: 1) идеалистический, 2) материалистический. Кто говорит: «монистический взгляд», — выражается неопределенно. Я знаю это теперь, но знал и в 1894 г., когда писал эту книгу. Разница между обоими взглядами монизма указана мною в самом ее начале. Но и последующие страницы не оставляют никакого сомнения насчет того, какого именно монизма я держусь, и если все-таки я предпочел поставить в заглавии неопределенное выражение, то на это была причина, с своей стороны довольно определенная.

Тогдашняя цензура терпеть не могла материализма, и я не хотел приводить ее в неприятное настроение духа, уже на обложке заявив, что речь пойдет у меня о *материалистическом монизме.*

Нежеланием приводить тогдашнюю цензуру в неприятное настроение духа об'ясняется неоспоримая неуклюжесть заглавия — «К вопросу о развитии и т. д.». Проще было сказать: «В защиту материализма». Но это казалось мне слишком

---

[1]) Статья эта была написана Г. В. во время его пребывания в Петрограде, летом 1917 года, для предполагавшегося нового издания знаменитой его книги, которая почему-то не вышла. Показавшиеся нам необходимыми теперь незначительные пропуски мы обозначили многоточиями. *Ред.*



Г. В. ПЛЕХАНОВ.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ.

(Предисловие к пятому изданию книги) [1].

I.

Мне хочется прежде всего сказать два слова о названии предлагаемой книги.

Есть два монизма: 1) идеалистический, 2) материалистический. Кто говорит: «монистический взгляд», — выражается неопределенно. Я знаю это теперь, но знал и в 1894 г., когда писал эту книгу. Разница между обоими взглядами монизма указана мною в самом ее начале. Но и последующие страницы не оставляют никакого сомнения насчет того, какого именно монизма я держусь, и если все-таки я предпочел поставить в заглавии неопределенное выражение, то на это была причина, с своей стороны довольно определенная.

Тогдашняя цензура терпеть не могла материализма, и я не хотел приводить ее в неприятное настроение духа, уже на обложке заявив, что речь пойдет у меня о *материалистическом монизме*.

Нежеланием приводить тогдашнюю цензуру в неприятное настроение духа об'ясняется неоспоримая неуклюжесть заглавия — «К вопросу о развитии и т. д.». Проще было сказать: «В защиту материализма». Но это казалось мне слишком

---

[1]) Статья эта была написана Г. В. во время его пребывания в Петрограде, летом 1917 года, для предполагавшегося нового издания знаменитой его книги, которая почему-то не вышла. Показавшиеся нам необходимыми теперь незначительные пропуски мы обозначили многоточиями. *Ред.*

просто, а потому рискованно. Длинно-неуклюжее заглавие выбрано было мною как громоотвод.

В 1906 г., когда появилось второе издание моей книги, в подобных громоотводах уже не было надобности. Нет ее в них и теперь. Но я не считал и не считаю себя вправе изменять что бы то ни было в своих полемических сочинениях. Поэтому я сохранил и сохраняю своему детищу его старое, умышленно-неуклюжее имя.

Мне довольно часто приходилось слышать сожаления о том, что детище мое обнаруживает слишком воинственный характер. Но и тут я не хочу ничего изменить:

Еже писах, писах!

Да, по правде сказать, я не жалею о том, что детище мое уродилось таким задорным. Один из величайших мыслителей Греции утверждал, что «война есть всего отец и всего царь».

Я согласен с ним, поскольку это касается идейной войны: без нее, в самом деле, не родится в области идей ничего нового, и именно потому, что в *области идей* без войны не родится ничего нового, В. Г. Белинский писал когда-то Н. А. Бакунину: «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся».

Борьба за понятия, имевшая огромное значение во всех литературах, имела, может быть, наибольшее значение именно в нашей, которая в лице Кантемира началась сатирой, представляющей собой один из видов борьбы за понятия. Чем крепче замыкается для интеллигенции данной страны дверь, ведущая на арену непосредственного практического действия, тем больше дорожит она понятиями и тем страстнее воюет за них. В цитированном мною письме к Н. А. Бакунину Белинский говорит: «Надо условиться в значении слова «понятия»; если по вашему понятию яблоки вкуснее груши, а город Торжок богаче города Ельца, — я за это не могу ни любить, ни ненавидеть вас. Вы поймете меня. Есть понятия, для которых и жизнь и счастье жизни — возможные жертвы. Есть понятия, которые смущают покой ночной, отравляют пищу, которые по воле кипятят и прохлаждают кровь. Читали ли вы когда Ветхий Завет, думали ли вы о значении юдаизма? Знаете ли вы, что такое ревность по господу, снедающая человека? Что человек без бога? Труп холодный. Его жизнь в боге, в нем он и умирает, и воскресает, и страдает, и блаженствует».

Из дальнейших слов Белинского видно, что словом «бог» он обозначает все понятия, имеющие великое общественное и нравственное значение. И вот из-за этих-то понятий не раз возгоралась страстная борьба в нашей литературе. Из-за них и сам Белинский боролся в течение всей своей жизни. И заметьте, что он боролся из-за них не только с людьми, находившимися на противоположном полюсе идейной сферы: с Булгариным и ему подобными, — нет, ему приходилось вступать в горячие боевые схватки с такими людьми, с которыми его когда-то связывала общность идейных интересов, напр., с К. Аксаковым.

Впоследствии славянофилы очень далеко разошлись с западниками, но в эпоху Белинского эти два течения русской общественной мысли *местами* довольно близко подходили друг к другу (по крайней мере, так казалось их представителям). И однакож кто не знает, как ожесточенно воевали подчас славянофилы с западниками. И кому не известно, что от этой их войны русская общественная мысль не только ничего не потеряла, но, напротив, очень много выиграла. «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся».

Вопрос о том, суждено или не суждено пойти России по тому пути, по которому давно уже идут народы Запада, был один из тех великих общественных вопросов, которые, по выражению Белинского, «смущают покой ночной, отравляют пищу, кипятят и прохлаждают кровь»... Конечно, — у таких людей, в жилах которых течет кровь, а не вода.

Этот проклятый вопрос возник у нас еще в XVIII веке, но форму острой борьбы из-за понятий философско-исторических спор об этом вопросе окончательно принял лишь в конце тридцатых и в начале сороковых годов прошлого столетия. Именно из-за него происходили горячие схватки славянофилов с западниками. И очень ошибаются те публицисты, по мнению которых схватки эти прекратились оттого, что вопрос этот был решен. В действительности он оставался нерешенным и тогда, когда перестали спорить славянофилы с западниками. Но он принял другой вид. В восьмидесятых годах он явился в виде вопроса о том, *каково должно*

быть дальнейшее экономическое развитие России. Одни говорили, что, подобно западным странам, Россия не минует фазы капитализма (это были мы), другие возражали, что наше отечество и может и должно избежать этой фазы. Это были наши противники: народники-«суб'ективисты». По-моему, очень легко обнаружить идейное родство народничества со славянофильством. Но тут я не могу заниматься этим. Я сделаю это в другом месте. Тут я могу удовольствоваться указанием на то, что, по крайней мере, некоторые славянофилы хорошо сознавали это родство (И. С. Аксаков).

Таким образом появление моей книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» было лишь одним из литературных этапов в истории старого спора о том: каково должно быть отношение мыслящих детей России к тому ходу общественного развития, который совершается на Западе.

Участвуя в этом споре, мы, а также наши противники обнаружили не меньше горячности, чем славянофилы и западники. Оно и неудивительно, так как, принявши более конкретную форму, спорный вопрос сделался еще более жгучим, более грозным, нежели при жизни Белинского. Он властно говорил русской интеллигенции: разгадай меня или совсем откажись от служения родине.

II.

Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся. Это — неоспоримая истина.

Историк русской литературы должен непременно напоминать о ней тем из своих читателей, которые по добродушию и близорукости до сих пор огорчаются тем, что вот, мол, хорошие люди, марксисты, ссорились с не менее хорошими людьми — народниками и суб'ективистами. Борьба за данное понятие остается святым делом только до тех пор, пока она не утратила своего исторического значения. Раз она его лишилась, то продолжать ее могут только люди, не имеющие более серьезного занятия. Если даже она и не совсем *лишилась*, а пока еще только *лишается* его, то более дальновидные публицисты должны почувствовать, что прежняя страстность спора становится уже неуместной.

Именно это должны, как мне кажется, чувствовать теперь наиболее дальновидные публицисты из лагеря *противников капитализма*, равно как и из лагеря его *сторонников*.

Вопрос о том, должна ли Россия вступить на путь капитализма, решен самой историей. В этом теперь никто уже не сомневается. А если это так, то спорить об этом вопросе — бесполезно, как толочь воду в ступе. Теперь место этого великого, но уже решенного историей общественного вопроса будут занимать другие, не менее важные, но еще нерешенные вопросы, из-за которых будут происходить новые боевые схватки и в которых будут возникать новые группировки общественных сил. Довлеет дневи злоба его!

Правда, если коренной вопрос о том, может ли Россия миновать фазу капитализма, уже решен об'ективной логикой истории, то остается еще много второстепенных вопросов, из-за которых возможны и даже неизбежны споры между марксистами и народниками. Но публицисты обоих лагерей должны понимать, что *первостепенного* значения вопросы эти иметь не могут и что нерасчетливо было бы *из-за них* оставлять без внимания общую задачу, роднящую между собой оба направления.

Задача эта состоит в защите экономических и политических интересов трудящегося населения, как определились они в нынешней России. Интересы эти жестоко нарушались и нарушаются людьми того лагеря, которому одинаково ненавистны как народники, так и «ученики Маркса», и защита этих интересов станет тем успешнее, чем удачнее будут об'единены усилия марксистов с усилиями народников.

Об'единить их усилия — вовсе не значит немедленно сгладить черту, их разделявшую. Пусть черта пока что продолжает существовать, но пусть она не мешает взаимному сближению в тех — без колебания скажу — *весьма широких пределах,* в которых сближение становится возможным и необходимым, благодаря тому, что об'ективная логика истории уже бесповоротно решила главный вопрос — быть или не быть капитализму в России.

На Бреславльском с'езде с.-д. партии Бебель принадлежал к числу тех, которые защищали проект аграрной реформы, решительно отвергавшейся Каутским. В речи, произнесенной в защиту аграрного проекта, Бебель, между прочим, сказал, что, когда ему приходится обсуждать какую-нибудь социальную реформу, он прежде всего спрашивает себя, не задержит ли она ход развития капитализма? Если оказывается, что да, то он отвергает ее как реакционную, если же нет, то он считает нужным рассмотреть ее в подробностях. Он защищал представленный Бреславльскому с'езду проект аграрной программы только потому, что не видел в нем ничего реакционного, т.-е. способного задержать развитие капитализма.

Как известно, Бреславльский с'езд отверг этот проект, что нисколько не помешало Бебелю и его единомышленникам по аграрному вопросу продолжать итти с Каутским и с единомышленниками этого последнего.

Как ни важен был проект аграрной реформы в глазах его сторонников, но все-таки он и для них имел лишь второстепенное значение. Вследствие этого разногласие по поводу аграрного — точнее сказать, крестьянского — *вопроса* нимало не нарушило и не могло нарушить единства партии.

Я считаю этот пример весьма для нас поучительным. Если народники согласятся с марксистами в том, что Россия уже не может миновать фазу капитализма, то они должны будут согласиться с нами также и в том, что задерживать наше капиталистическое развитие — значит ослаблять силу сопротивления трудящейся массы ее эксплоататорам. А так как *ни те, ни другие* не могут желать ослабления этой силы, то *и те, и другие* обязаны решительно отвергать всякие проекты, клонящиеся к замедлению капиталистического развития.

Подобные проекты надо целиком предоставить реакционерам разных цветов и оттенков. Как только народники согласятся в этом с марксистами, — а я не вижу, почему им теперь же не согласиться с ними, — тогда разногласия по другим экономическим вопросам окажутся частностями, по поводу которых можно будет вести споры, но из-за которых непозволительно будет расходиться попрежнему в разные стороны.

III.

Говоря это, я наперед знаю, что найдутся такие рьяные «марксисты», которые закричат, что я о чем-то забываю, чему-то изменяю, сдаю какие-то позиции и т. д., но я не смущаюсь этим. Я уже давно привык слышать упреки в забвении основных принципов марксизма от таких людей, которые сами весьма плохо понимают эти принципы. Больше того, уже не раз выходило так, что чем хуже разбирался данный «марксист» в марксизме, тем больше выказывал он склонности защищать учение Маркса от моих будто бы ересей. Усердие не по разуму почти всегда идет вместе с невежеством. Я не раз видел себя вынужденным — особенно там, где речь шла о тактике, — преподавать азбуку марксизма тем из моих противников, которые воображали себя призванными неусыпно охранять его чистоту. Иногда мне начинало казаться, будто я преподаю в первоначальной школе, имеющей ту особенность, что в ней не учителя ставят отметки ученикам, а ученики — учителям, при чем суровее других «спрашивают» учителей обитатели школьной «камчатки». Но что же делать? Плохо одаренные от природы «малоуспешные», но сердитые обитатели «камчатки» — нечего греха таить — до крайности надоедливы. Однако на них можно только досадовать и никак нельзя серьезно считаться с ними. Я понимал неизбежность появления «камчатки» еще тогда, когда писал предлагаемую теперь читателю книгу «о монизме». Метод Маркса, по-моему, совершенно незаменим при исследовании общественных явлений. Но чем важнее те услуги, которые оказывает он толковым людям, тем нелепее те выводы, к которым приводит он *бестолковых*. Вот наглядный пример: возражая противникам материалистического об'яснения истории, я говорил в своей книге, что не надо думать, будто, по мнению марксистов, человечество похоже на ту чиновницу у Г. И. Успенского, которая даже в предсмертном бреду неизменно твердила: «В карман норови, в карман». Я утверждал, что марксисты не отрицают значения идеалов в процессе исторического развития и лишь стараются выяснить общественные причины, вызывающие появление данных идеалов именно в ту, а не другую

историческую эпоху. И я с величайшим негодованием отвергал упрек в том, что мы, марксисты, не дорожим интересами истины и справедливости. Но когда по случаю нынешней войны я выразил ту мысль, что международный пролетариат должен в своей международной политике руководиться соображениями справедливости, нашлись «марксисты», умозаключившие отсюда, что я изменил марксизму и перешел на почву идеализма. Эти мудрецы, как видно, в самом деле думали, что последовательный марксист может советовать человечеству одно неизменное «в карман норови, в карман».

Впрочем, это был не первый случай, показавший мне, до чего может доходить непонимание Маркса у некоторых мнимых марксистов. В одной из заграничных русских колоний я прочел лет 12 тому назад несколько лекций об искусстве с точки зрения материалистического об'яснения истории. По окончании одной из них ко мне подошла небольшая группа слушателей, как будто чем-то смущенная, и начала со мной следующий разговор, глубоко врезавшийся в мою память.

«— Стало быть вы признаете существование эстетического чувства?

«— Да как же я мог бы не признать его? Вопрос не в том, существует ли оно. Эстетическое чувство несомненно существует, по крайней мере в известной части человечества (я прибавил «по крайней мере», так как у меня родилось подозрение, что у моих собеседников эстетического чувства никогда не бывало). Вопрос в том, как и почему ход его развития определяется ходом развития общества».

«— В Бельтове (т.-е. в предлагаемой книге. *Г. В.*) вы не то говорили».

Я видел, что мои слушатели готовы упрекнуть меня в отказе от марксизма, и мне вспомнилось, как в том же «Бельтове» я предупреждал своих читателей от «антифизики» д'Алямбера.

Д'Алямбер брался написать такое руководство по физике, все выводы которого будут противоречить действительности.

Чтобы написать его, говорил он, вовсе не нужно придумывать какие-нибудь небывалые явления. Достаточно

односторонне пользоваться выводами, сделанными на основании явлений, совершенно неоспоримых и всем нам хорошо известных. Тот, кто, односторонне пользуясь такими выводами, захочет предусматривать будущие явления, непременно предскажет то, чего быть не может. У него выйдет, что ртутный столб перед дождем в барометре должен повышаться, а не понижаться, и т. д.

Совершенно так, делая односторонние выводы из совершенно правильных теоретических «устоев» учения Маркса, можно сочинить своего рода *анти-социологию*, не заключающую в себе ничего, кроме смешного вздора. От подобного вздора я и предупреждал своих читателей.

Впоследствии некоторыми будто бы марксистами действительно написано было несколько глав *анти-социологии*. Покойный Шулятиков выпустил в свет такое рассуждение об истории философских систем с точки зрения исторического материализма, которое можно было принять за злейшую насмешку над учением Маркса. Минуя некоторые другие главы той же *анти-социологии*, я укажу на главу, посвященную в ней *тактике*.

Еще Гизо сказал, что вся история Франции «сделана войною классов». Согласно исторической теории Маркса, классовая борьба играет огромную роль в процессе развития всякого общества, кроме первобытного, в котором еще нет классов. И это, разумеется, так. Не только политический строй общества, но также ход его умственного, нравственного, эстетического и религиозного развития может быть правильно понят лишь таким исследователем, который дает себе труд хорошенько вникнуть в историю взаимных отношений общественных классов. Теперь это становится все более и более признанным: борьба угнетенного класса за свое освобождение обыкновенно служит одной из пружин общественного прогресса. Это теперь тоже одна из неоспоримых истин общественной науки.

Но и эту неоспоримую истину понимают подчас так плохо, что пытаются обосновать на ней тактику, не имеющую с марксизмом ничего общего, *кроме разве терминологии*.

IV.

Я сказал, что классовая борьба обыкновенно служит источником общественного прогресса. В чем заключается тут прогресс? В том, что угнетенный класс, так или иначе, с той или с другой стороны улучшает свое положение или хотя бы только обеспечивает себе возможность улучшить его со временем (обеспечение такой возможности иногда крайне важно). Стало быть, все дело здесь в интересе угнетенного класса. Кто умеет пользоваться марксовым методом для решения тактических вопросов, тот не позабудет об этом, когда интерес эксплоатируемого класса, ведущего борьбу с классом эксплоатирующим, потребует временного ослабления этой борьбы, например, для того, чтобы дать отпор третьему общественному классу, пытающемуся наложить свое иго не только на эксплоатируемых, но и на *непосредственных* эксплоататоров, — тогда человек понимающий скажет: классовая борьба должна быть ослаблена *в данном случае, с данной целью, в данных пределах*. Маркс и Энгельс — уж, конечно, умевшие пользоваться своим собственным методом — едко осмеяли в «Манифесте коммунистической партии» так называемых истинных немецких социалистов, отвергавших борьбу с абсолютным немецким правительством на том основании, что поражение правительств отдало бы власть в руки буржуазии. В другом месте Маркс, возражая Гейнцену, писал: рабочие прекрасно знают не только то, что буржуазия должна будет сделать более значительные уступки, чем абсолютизм, но и то, что она против своей воли создает, в интересах собственной промышленности, почву для сплочения рабочего класса; сплочение же рабочих сил — первое условие их победы. Так рассуждал Маркс, разбирая вопрос о тактике пролетариата. И это его рассуждение вовсе не было подсказано какими-нибудь исключительными обстоятельствами данной минуты. Раз'ясняя дальше тому же Гейнцену пролетарскую тактику, Маркс указывал не только на Германию, но также и на Англию, где рабочие во время борьбы за отмену хлебных законов *вполне сознательно поддерживали*, по его словам, *вигов против ториев*, а на другой день после отмены хлебных законов на поле битвы стояли друг против друга уже не тории и фритредеры, а фритредеры и чартисты. Маркс понимал, что не человек для субботы, а суббота для человека, не пролетариат для классовой борьбы, а классовая борьба для пролетариата...

В предлагаемой книге я показываю, что материализм Маркса и Энгельса отличается от материализма предшествовавших эпох, напр., от французского материализма XVIII столетия, своим диалектическим характером. Диалектика же не знает абсолютных решений. Наш Н. Г. Чернышевский превосходно раз'яснил это, говоря о диалектической философии Гегеля в своих «Очерках гегелевского периода». Он раз'яснил это, между прочим, на примере войны. Пагубна или благотворна война? — спрашивает он. Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет речь, — все зависит от обстоятельства времени и места. Для диких народов вред войны менее чувствителен, польза ощутительнее. Для образованных народов война приносит обыкновенно менее пользы и более вреда. Но, напр., война 1812 г. была спасительна для русского народа, Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества.

Это значило, по словам Чернышевского, что отвлеченной истины нет, истина — конкретна. И он так пояснил это: «Конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей, как представляет его отвлеченное мышление, суждение которого, поэтому, не имеет смысла для действительной жизни».

V.

Положим, что все это так, — возразит иной противник марксизма. Но если теория Маркса отвергает *отвлеченные истины* и опирается только на *действительность*, то вы должны признать, что действительность жестоко теперь противоречит ей: эта теория провозглашала грядущее братство народов и доказывала неизбежность его пришествия. Где же оно теперь, это международное братство? Народы

ведут между собой истребительную войну. Вместо братских приветствий посылают друг другу злые проклятия. И в этой-то истребительной войне сознательно участвуют пролетарии разных стран, те самые пролетарии, к которым Маркс и Энгельс обращались со своим знаменитым призывом: «об'единяйтесь!». Это ли не крушение марксизма и как теории, и как практической программы!

Нет! Нынешняя война так же мало может служить доводом против марксизма, как французская война 1870—1871 гг. или всякая другая из войн, ей предшествовавших.

Действительно, пролетарии разных стран сознательнее относятся к нынешней войне, чем относились они к любой из предыдущих. Но говоря вообще, это вполне естественный результат более сознательного отношения рабочего класса наших дней ко всему тому, что так или иначе влияет на общественную жизнь. Разумеется, было бы желательнее, чтобы это развитие сознательности выражалось в упрочении чувства международной солидарности, а не в усилении готовности сознательно взяться за оружие. Но не смешивайте учения Маркса с учением Толстого. Марксизм никогда не осуждал противление злу насилием. Было бы очень печально, если бы современный рабочий класс не способен был энергично бороться со злом. Это показало бы, что он не обладает энергией, без которой нет освобождения...

Основателям научного социализма и в голову не приходило утверждать, что, идя к своей великой исторической цели, рабочий класс никогда и нигде не совершит ошибки, никогда и нигде не обнаружит слабости, никогда и нигде не увлечется приманками, выставляемыми для него господствующими классами. Если бы они вздумали утверждать это, они покинули бы почву научного социализма и стали бы утопистами. Мы знаем, что уже в одном из своих ранних сочинений Маркс прямо указывал на неизбежность ошибок в процессе освободительного движения пролетариата [1]). Но, указывая на эту неизбежность, Маркс и Энгельс в то же самое время указывали и на те об'ективные условия, благодаря которым самые ошибки пролетариата будут давать толчок дальнейшему развитию его самосознания. В этом состоит та черта их взгляда на жизнь современных обществ, которая придает ему светлый оптимистический характер. И эта оптимистическая черта, в свою очередь, обязана своим происхождением не благим пожеланиям доброго сердца, а внимательному изучению действительности.

[1]) См. «18-е Брюмера Луи Бонапарта» где говорится о неизбежных слабостях и половинчатости первых освободительных попыток рабочего класса.

Те, которые хотят опираться на учение Маркса-Энгельса, смотря на него через призму утопии, воображают, будто согласно ему у рабочего класса нет и не может быть общих интересов с господствующими классами. Но это неверно, — такие интересы могут существовать и существуют. Весь вопрос в том, как следует относиться к ним пролетариату, сознавшему самый глубокий, *коренной* свой интерес данной эпохи.

Еще Рикардо признал, что когда дело касается распределения стоимости, произведенной в течение известного времени, тогда интересы рабочего класса прямо противоположны интересам предпринимателей. На этом научном открытии, сделанном еще до рождения Маркса, основывается вся тактическая мудрость многих псевдо-марксистов.

Но прежде чем *распределять* данную стоимость, надо ее *произвести*. Каково же временное отношение рабочих и предпринимателей в процессе производства?

С одной стороны, антагонизм этих интересов и тут сохраняется во всей своей силе. Но есть тут и такая сторона, где антагонизм классовых интересов уступает место их солидарности. Послушаем самого Маркса: «Быстрый рост капитала вызывает, несомненно, более быстрое усиление конкуренции между рабочими, другими словами, — ведет к тем большему относительному уменьшению источников заработков, средств существования рабочего класса».

Это именно та сторона, где антагонизм интересов продолжает существовать во всей своей силе. Имея в виду эту сторону, вульгарный марксист, — *марксист, не усвоивший себе диалектического метода своего учителя*, мог бы, пожалуй, умозаключить: значит, надо позаботиться о том, чтобы замедлить рост капитала. Но у Маркса выходит иное: «А между тем, — продолжает он, — быстрый рост капитала является самым благоприятным условием для наемного труда» [1]).

[1]) «Наемный труд и капитал», Женева 1894 г., стр. 48.

Из этого следует, что все, задерживающее быстрый рост капитала, вредит не только интересам капиталистов, но также и интересам рабочих. Стало быть, не одни капиталисты, но и рабочие заинтересованы в устранении того, что задерживает быстрый рост капитала. Стало быть, в деле такого устранения интересы рабочих совпадают с интересами капиталистов.

Чем же задерживается рост капитала? Во-первых, его может задержать существование в данной капиталистической стране отсталых политических учреждений. Поэтому в их устранении заинтересованы не только капиталисты, но и рабочие. Этого не понимали истинные немецкие социалисты 40-х годов прошлого века, за что и подверглись жестокому осмеянию в «Манифесте коммунистической партии».

Но иногда быстрый рост капитала задерживается в данной стране конкуренцией других капиталистических стран. Устранение этой конкуренции тоже лежит в интересах не только предпринимателей, но и рабочих.

VI.

Целиком устранить конкуренцию других стран нельзя. Но можно ослабить ее различными способами. Так, например, можно поставить свою собственную страну в условия, наиболее благоприятные для сбыта продуктов на том или ином внешнем рынке. Этого и достигают обыкновенно приобретением колоний, заключением выгодных торговых договоров и пр. Выходит, что для рабочего класса данной страны вовсе не безразлично, приобретает ли она новые колонии, заключает ли она выгодные договоры и т. д. ...Все это совершенно понятно с точки зрения теории Маркса...

Еще в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс отметили, что своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран и, к великому огорчению реакционеров, лишила промышленность национальной почвы. Теперь с этим все согласны, но раз промышленность лишилась национальной почвы, раз она вынуждена работать на всемирный рынок, политика пролетариата, как самого передового общественного класса, не может оставаться *национальной*, она должна стать *международной*. Вот почему основатели научного социализма и звали пролетариев всех стран к об'единению. Такого об'единения, говорили они, требует самый глубокий, самый серьезный интерес международного пролетариата...

С точки зрения самого серьезного, самого глубокого интереса международного пролетариата завоевательная политика должна быть решительно отвергаема. В первом же манифесте международного товарищества, вышедшем тоже из-под пера Маркса, прямо сказано, что в основу международной политики пролетариата должны быть положены «простые законы нравственности и права»...

По прямому смыслу теории Маркса и Энгельса, международный пролетариат не может сразу подняться на ту степень сознательности, которая нужна для полного понимания им наиболее глубокого своего интереса. Пока не достигнута эта степень, остается возможным и даже неизбежным... забвение пролетариатом наиболее глубокого своего международного интереса ради менее глубокого частного интереса своей страны.

Правда, несомненно вот что: Маркс и Энгельс считали германский пролетариат гораздо более зрелым, нежели был он в действительности. В этом они ошиблись, как и все мы. Но подобная *отдельная* ошибка неизбежна даже там, где исследователь пользуется *совершенно правильным методом*. Маркс и Энгельс безошибочно определили *направление* общественного движения и этим сделали очень много. Они не могли определить его быстроту. Но этого до сих пор никто не может.

Промах, сделанный сегодня пролетариатом известной страны, может быть исправлен им завтра, послезавтра, короче, со временем. Поэтому, строго осуждая нынешнее поведение австро-германского пролетариата, не следует, однако, думать, будто оно разрушает наши мечты о грядущем братстве народов. Мечты эти имеют под собою весьма прочное основание, становящееся наиболее заметным именно при свете марксовой теории.

На низких ступенях развития производительных сил, находящихся в его распоряжении, человечество страдает от *недостатка* средств существования. Этим недостатком, по

большей части, и обусловливаются взаимные столкновения человеческих обществ, например, диких племен. Тогда с ужасами, ей свойственными, война порождается бедностью. Не то мы видим в современных нам передовых капиталистических странах. Производительные силы, находящиеся в их распоряжении, так велики, что каждая из них создает продуктов гораздо больше, чем она может сбыть на своем собственном внутреннем рынке. Поэтому она стремится так или иначе завладеть внешними рынками. Это порождает дипломатические и военные столкновения между капиталистическими странами. Стало быть, на этой ступени развития производительных сил войны несравненно более ужасны, чем прежде, и *порождаются не недостатком средств существования, а их избытком.* Человечество бедствует от того, что имеет материальную возможность жить безбедно. Это вопиющая нелепость. Как устранить ее?

Указанного избытка, причиняющего страшные бедствия, не было бы, если бы трудящееся население современных цивилизованных стран имело возможность как следует удовлетворять свои потребности. Но этому препятствуют свойственные этим странам капиталистические отношения производства. Они ограничивают покупательную силу трудящейся массы сравнительно небольшими размерами ее заработка. А это значит, что избыток, порождающий кровавые международные столкновения, сам порождается эксплоатацией трудящейся массы. Если бы не было этой эксплоатации, то небывалое прежде богатство не делалось бы источником неслыханных прежде бедствий.

Этим и определяется наиболее глубокий интерес международного пролетариата, перед которым должны отступить на задний план исключительные эгоистические интересы отдельных стран.

Для устранения тех отношений производства, которыми вызывается нелепость, что богатство родит бедствия, необходимы соединенные усилия рабочего класса, по крайней мере, всех цивилизованных государств. Их соединению мешает империалистическая политика, к сожалению, увлекшая за собою рабочих Австрии и Германии. Она родит те кровавые международные столкновения, от которых пролетариат страдает больше, чем другие классы. Поэтому международный пролетариат тем последовательнее и тем решительнее станет противодействовать политике империализма, чем дальше станет подвигаться вперед его самосознание.

Рабочий класс более всех других классов нынешнего общества страдает от кровавых международных столкновений. Вместе с тем он не только не заинтересован в сохранении производственных отношений, вызывающих кровавые столкновения между народами, напротив, он существенно заинтересован в их устранении. И если общественное *сознание*, в самом деле, определяется *бытием*, то рабочий класс цивилизованных стран будет все глубже и глубже проникаться сознанием насущной важности этой задачи...

Отдельный рабочий научается подчинять свой личный интерес общему интересу всех рабочих данного предприятия. Рабочие отдельного предприятия научаются подчинять свой частный интерес общему интересу всех рабочих данной отрасли промышленности, возвышаются до понимания общего интереса всех рабочих данной страны. Наконец, рабочие отдельных стран развиваются до понимания своего международного интереса. Лишь постепенно поднимаются они на эту высочайшую ступень, лишь мало-по-малу уясняют себе свою международную задачу. При этом они иногда ошибаются, уступают соблазну национальной исключительности, идут с теми, с кем они должны были бы бороться, и борются с теми, с которыми им надо итти вместе. Но это часто случалось и тогда, когда они поднимались на менее высокие ступени, а все-таки они поднялись на них.

Важно то, что указанный мною выше общий, самый серьезный и самый глубокий интерес рабочих всех стран определяется самым ходом экономического развития человечества. И не менее важно то, что современное чрезвычайно высокое состояние производительных сил цивилизованного человечества дает материальную возможность решения выдвигаемой этим интересом международной задачи.

Недаром Маркс говорил, что человечество ставит себе всегда только разрешимые задачи, так как «при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия для ее разрешения или когда они уже находятся в процессе возникновения».

Еще одно возможное возражение. Мне скажут, может быть, что в своем оптимизме Маркс слишком преувеличил высоту, которой достигают теперь производительные силы цивилизованного человечества, но я напомню о выводах английской королевской комиссии, исследовавшей в конце прошлого века причины застоя в торговле и промышлённости [1]).

В пятом и последнем докладе этой комиссии говорится, что в течение последних десятилетий рост производительных сил вызвал большую перемену в экономическом положении общества. Главная трудность состоит теперь не в недостатке и не в дорговизне предметов первой необходимости или удобства, а в их сбыте. Недостаток сбыта лишает заработка значительную часть населения и осуждает ее на бедствия избытка и дешевизны товаров.

Это как раз то, что говорил Маркс: бедность порождается избытком. Но это еще не все. В том же отчете вы прочитаете обстоятельное рассуждение о том, что избыток, порождающий бедность в современном обществе, вызывает международную борьбу посредством тарифов, вывозных пошлин и т. д.

И тогда вам уже совсем легко будет понять, каким образом война посредством тарифов может привести к вооруженным международным столкновениям. А благодаря этому вам опять станет ясно, что Маркс был прав.

Я привел мнение *меньшинства* королевской комиссии. *Большинство* ее этого мнения не отрицало, но само оно выражалось не так резко. Оно говорило, что в настоящее время «мировая способность производства (the world's capacity of production) обыкновенно превышает спрос» (там же, стр. 17). В сущности, это совершенно то же самое: мы и тут видим, что человечество бедствует оттого, что оно слишком богато. Не подлежит сомнению, что нынешняя война сделает эту социальную нелепость осязательной для многих из тех, которые прежде, в менее тяжелые времена, никогда и не задумывались о ней. «A quelque chose malheur est bon» [2]).

---

[1]) Anual Report of the Royal Commiss. L. U.

[2]) «Нет худа без добра».

К. СИВКОВ.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И ПАРТИЕЙ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ».

Автор печатаемой здесь статьи не известен в литературе, но он хорошо знаком с марксизмом, а также и с историей нашего революционного движения. Сделанный им в этой статье анализ распространяемых некоторыми популяризаторами неправильных сообщений относительно разногласий между членами первой у нас марксистской ячейки и представителями народовольческого направления, по нашему мнению, безусловно верен. Мы поэтому считаем эту статью заслуживающей полного внимания.

Ред.

Процесс перехода бывших народников — Г. В. Плеханова, В. Засулич, П. Аксельрода, В. Игнатова и Л. Дейча — в социал-демократы некоторые информаторы, популяризаторы и критики излагают не совсем верно: одни из них приписывают Г. В. Плеханову и его товарищам по группе «Освобождение Труда» слишком ранний разрыв с традиционными взглядами землевольцев, другие, наоборот, находят у них народнические предрассудки тогда, когда их уже не было и в помине.

Отвергнув «террористическую борьбу», — утверждают одни, — чернопередельцы отделились от общества «Земля и Воля» и стали на вполне марксистский путь, признав, что «лишь массы, а не единичные выстрелы решат исход борьбы».

В действительности чернопередельцы не только не отделялись от «Земли и Воли», но остались решительно на всех позициях старого народничества: «Земля и Воля» попрежнему осталось их боевым девизом, как это было за-

явлено в редакционной передовице 1-го номера «Черного Передела». А во 2-м номере этого журнала помещена программа Северно-русского общества «Земля и Воля», возникшего после провала организации «Черный Передел» из немногих уцелевших членов последнего — П. Б. Аксельрода, Е. И. Козлова, Е. Рубинчик, с одной стороны, и кружка моряков А. П. Буланова, С. Вырубова и их товарищей — с другой. К программе этого общества редакция «Черного Передела» сделала следующее примечание:

«Читателю само собою ясно, что эта программа — наша программа, что практические задачи общества — наши задачи».

Заметим здесь, что *принципиально* эта программа ничем не отличается от более ранних народнических программ. Правда, она отводит большую роль деятельности среди промышленных рабочих, но все же лишь как «необходимому дополнению к революционной деятельности в деревне».

Кроме того, надо сказать, что это общество не только не отвергало в то время террористической борьбы, но под влиянием обстоятельств «признает необходимость непосредственной борьбы с его (Российского государства) представителями, т.-е. так называемого террора *политического*».

Но, делая уступку, составители программы сочли необходимым оговориться.

«Однако общество «Земля и Воля» признает, что сосредоточение на этой (политической) борьбе не только всех, но даже и главных его сил поставило бы его в противоречие с указанными выше задачами аграрной революции».

Что касается вывода о решающем значении масс, к которому будто бы только «*теперь*», около 1880 или 1881 года, пришли «чернопередельцы», то это утверждение опять-таки не соответствует действительности. Взгляд на массу, народ, как на решающий фактор революции, *всегда был* присущ народникам, от чего произошло и самое их название.

Все главные революционные течения и оба имевшие до определенного времени преобладающее влияние вождя — Лавров и Бакунин — стояли на этой точке зрения.

Достаточно вспомнить, что в одной из первых программ, которая была формулирована кружками 1877 года, было заявлено:

«Исходя из того положения, что только *экономическая* революция снизу, при посредстве самого народа, может привести к окончательному разрушению современного общественного строя и к осуществлению более справедливой, согласной с народными идеалами, общественной организации, — землевольцы считают необходимым, чтобы операционным базисом их революционной деятельности была обязательно народная масса» [1]).

Нужно ли приводить еще другие доказательства того, что не было ни *одного* официального выступления или программного заявления со стороны народников, где не упоминалось бы то же самое?

«Революция — дело народных масс, — говорилось в программной статье журнала «Земля и Воля», — подготовляет ее история. Революционеры могут быть только выразителями народных стремлений».

Это было до такой степени общеизвестно, что несколькими годами позже, перейдя уже на социал-демократическую позицию, Плеханов счел нужным — в предисловии к своей работе «Социализм и политическая борьба» — заметить:

«Стремление работать в *народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему».

Только русские «якобинцы», в лице Ткачева, а затем некоторых народовольцев, во главе с Тихомировым, Морозовым и др., — выступили против этой тенденции. Делалось это во имя политической борьбы, к которой, по их мнению, масса не была способна. Последнее, действительно, было *ново* для революционеров того времени. Желябов отдавал себе в этом полный отчет, когда, по словам его биографа Л. Тихомирова, «русская революция ему представлялась не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» [2]).

Как известно, народники определили задачу революционеров как реорганизацию экономических и общественных

---

[1]) *О. Аптекман*, «Земля и Воля» 70-х годов, стр. 95—96 (1-го изд.).

[2]) См. брошюру «Андрей Иванович Желябов». Издание «Загр. Отд. Красн. Креста Нар. Воли», Женева 1882 г., стр. 10.

отношений, только не *при посредстве народа, но самим народом.* В этом отношении, в отличие от якобинцев, они целиком стояли на почве составленного, как известно, Марксом Манифеста Первого Интернационала, который гласит, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

Некоторые современники, очевидно, не понимают, что марксизм чернопередельцев на самом деле, — как это давно уже было установлено Г. В. Плехановым, — являлся только повторением взглядов Бакунина. Г. В. не раз подчеркивал, что редакция «Земли и Воли», а потом «Черного Передела» высказала лишь тот взгляд, который раньше ее *вслед за Марксом* повторял Бакунин. Но редакция принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор «*Государственности и анархии*». Так, в передовой статье первого номера «Черного Передела», принадлежащей Плеханову, встречается следующая, вовсе не случайная, фраза: «Таким образом, капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником». Это мнение можно назвать вполне марксистским; Плеханов всегда придавал ему очень большое значение и не отказывался от него до самой смерти.

Чем же в таком случае разнится Плеханов начала 1880 года от Плеханова конца 1883 и последующих времен? Чтобы об'яснить это, мы продолжим цитату: «Но, — говорится в той же статье, — неизбежность капиталистической продукции, как переходной ступени к социалистической организации будущего общества, признается нами лишь для тех сфер имущественных отношений людей, где индивидуализм являлся до сих пор исключительно господствующим принципом (сиречь на «Западе»)»... Там же, где «начала коллективизма проникают собою, по крайней мере, поземельные отношения массы, их дальнейшее развитие и распространение на движимые орудия труда может совершиться естественным путем, конечно, при благоприятных условиях».

Речь идет здесь о России. На этом примере отчетливо проявляется разница между формальным и диалектическим восприятием марксизма.

«Я потому считаю нужным указать на это, — говорил Плеханов в предисловии к книге Туна, — что тов. Невзоров

(Ю. Стеклов), преувеличивая значение нашего тогдашнего «марксизма», тем самым выставляет в неправильном освещении то теоретическое «*наследство*», которое было получено нами, русскими социал-демократами, от революционеров семидесятых годов.

«Это наследство было очень важно, — и даже совершенно незаменимо в смысле *практического опыта*, частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности*, частью завещанного нам социалистами первой половины того десятилетия».

«Этот опыт, — прибавляет он, — лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий».

И выразилось вносимое им «новое», поскольку оно выразилось уже в последних номерах «Земли и Воли» и в «Черном Переделе», вовсе не в логических, теоретических формулировках, а как раз в том, что было там нелогично: в ослаблении отрицательного взгляда на политику, а порою даже в прямо положительном отношении к ней и в указаниях на недооценку роли городских рабочих в русском революционном движении.

Отчетливее всего новый взгляд на рабочих сказался в статье Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», помещенной в 3-м и 4-м номерах «Земли и Воли». Последняя часть ее, только по внешности, заглавием да несколькими обычными народническими фразами связанная с первой, посвящена исключительно вопросу о рабочих и городской революции. Она замечательна во многих отношениях.

«Волнение фабричного населения, постоянно усиливающееся и составляющее теперь злобу дня, — говорит автор, — заставляет нас раньше, чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой (революционной) организации».

Это ценное, фактически правильное признание пропитано историческим материализмом. Не затрагивая основ старого мировоззрения, Плеханов считает «совершенно ошибочным» тот взгляд, по которому городским рабочим всегда отводилось второстепенное место в революционных построениях. Он думает, что обязанностью социалистов было «принять участие в жизни городской рабочей массы, в ее борьбе,

обобщать решения и направить ее частные проявления в одно общее русло».

«Кроме того, и это всего важнее, — пишет он, — надо было относиться к городским рабочим, *как к целому*, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влиять на всю их массу».

И далее еще и еще раз: «Нужна именно *масса* городских рабочих, нужно революционизирование *всей* массы и организация, влияющая на *всю* массу».

Нельзя пройти молчанием также превосходных и до сего дня весьма ценных тактических мыслей автора о пропаганде, агитации и организации. Через два — два с половиной десятилетия они могли бы служить компасом для товарищей, бродивших в потемках среди тех же вопросов, если бы эти товарищи удосужились с ними ознакомиться.

Плеханов, работавший в городе, отмечает революционное значение *рабочей массы, как целого,* в противовес прежнему взгляду на *эту* массу, в лучшем случае, как на резервуар, из которого можно было черпать отдельные пригодные для дела единицы.

Политика и рабочие: эти-то два пункта, выдвинутые практикой, главным образом, и помогли заполнить «ту пропасть, которая отделяла «*русский социализм*» бакунинского или лавровского оттенков от *научного социализма* Западной Европы и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка».

Ошибаются те из современников, которые сложный вопрос о развитии у нас революционных идей надеются решить простою ссылкой на логику: логическим выводом отсюда (из посылки: «освобождение народа должно быть делом самого народа») было — заменить понятие «народ» понятием «пролетариат». Пусть так! Но разве не одинаково, если еще не более логично, было заменить названное понятие — понятием «крестьянство», особливо в союзе с интеллигенцией или с «обществом», или, наконец, понятием «пролетариат и крестьянство»?

В том-то и дело, что с формально-логической точки зрения никак не мог быть разрешен стоявший перед революционерами-восьмидесятниками вопрос. Одной большой посылки для того было мало. Ключ к его решению давала только вторая посылка, которая должна была указать, *где* тот активный, способный к развитию, к творчеству народ, которому суждено историей освободить нашу родину.

Только *диалектическое* изучение конкретной русской действительности помогло Плеханову и его друзьям отыскать эту посылку. *И в этом их огромная историческая заслуга.* Но это было совсем не просто.

* * *

Не мало ошибочных заявлений сделано было также некоторыми критиками по поводу известного наброска программы группы «Освобождение Труда» 1884 года — этого первого в России проекта программы марксистов, а именно, — будто бы члены этой группы лишь с большим трудом освободились от народнических предрассудков и вот почему.

1) Программа заявляет, что группа «Освобождение Труда» признает необходимость террористической борьбы с абсолютистским (царским) правительством, 2) требует государственной помощи... производительным ассоциациям (производственным товариществам) 3) участию «социалистической интеллигенции» в революционном движении придается чрезмерное значение и 4) аграрная часть программы является чисто крестьянской программой, при чем не идет дальше требования земельной реформы.

Рассмотрим внимательнее эти пункты, начав с террора. Выше мы видели, что, по уверению некоторых лиц, отрицание террористической борьбы будто бы «логически вело чернопередельцев к марксизму». В то же время они доказывают, что, даже став марксистами, бывшие «чернопередельцы» не могли сразу освободиться от народнических предрассудков, так как признавали «необходимость террора». На самом же деле увлечение террором было предрассудком, который был свойственен не чернопередельцам, а *народовольцам*, поскольку последние представляли собою отрицание народничества. И в соответствии с увлечением террористической борьбой преувеличивалось также значение интеллигенции.

Чернопередельцы соглашались на уступку народовольцам — и то лишь в качестве приемов самообороны — допускать террористические акты или «дезорганизации правительства», по терминологии прежних землевольцев, с тою, однако, оговоркой, что они не должны отнимать главных сил и что не следует им придавать решающего значения. Эту же уступку народовольчески настроенному большинству тогдашних социалистов делали и члены группы «Освобождение Труда», не видевшие в терроре *принципиального* вопроса, а считавшие его лишь приемом борьбы, смотря по обстоятельствам, — полезным или вредным. Об этом Плеханов неоднократно заявлял, продолжая придерживаться того же взгляда в 1905 году (и позже), — к большому неудовольствию некоторых ретивых «ортодоксов» марксизма.

А раз это так, раз вопрос о терроре не был для них принципиальным, между тем как он представлял огромную важность в глазах преобладавшего большинства революционной интеллигенции, то естественно, что именно здесь и могли делать уступки последней наши социал-демократы, *не изменяя себе.*

Об'яснение, данное Плехановым будто бы лишь впоследствии, вполне разумно и совершенно достаточно, чтобы понять образ действий группы «Освобождение Труда»: он постоянно указывал на положение, в котором находилась эта группа. Задача ее заключалась вовсе не в том, чтобы изолироваться, а в том, чтобы привлечь на свою сторону людей, составлявших ту среду, в которой ее основателям приходилось жить и действовать и к которой непосредственно они вынуждены были обращаться. Это была эмигрантская революционная среда, социалистическая интеллигенция. Поэтому необходимо было говорить о роли и задачах этой интеллигенции с точки зрения новых взглядов. Это был *практический* подход к вопросу, стоявшему перед членами «социалистической партии». Заметим, между прочим, что слово «партия» употреблялось тогда в чрезвычайно широком смысле: в этот термин включались социалисты, или, как тогда они себя называли, «радикалы» всех толков, фракций, за исключением ткачевцев, — за их якобинство.

Ни о каком «чрезмерном значении», будто бы придававшемся интеллигенции нашими родоначальниками, не может быть и речи. Их упрекали как раз в обратном, а именно в том, что они совершенно умаляли роль личности или интеллигентных личностей, что они будто бы «отказывались от наследства» и пр.

Эти упреки были неосновательны, но поводом к ним послужило то, что в своих первых произведениях Плеханов действительно неоднократно предупреждал революционеров от того, чтобы они не придавали преувеличенного значения интеллигенции. Он отказывался также верить в своеобразную теорию, по которой задача известного *класса* может быть разрешена, «в большей или меньшей степени», кружком лиц, вооруженных динамитом и другими взрывчатыми веществами.

Неосновательны были вышеприведенные упреки еще потому, что автор «Социализма и политической борьбы» и «Наших разногласий» указывал на необходимое условие, при котором роль интеллигенции только и могла быть почетна и плодотворна. Таким условием был бы, по убеждению его и его товарищей, переход этой интеллигенции на точку зрения рабочего класса.

Что все это было вполне правильно, подтверждается десятками мест, можно сказать, каждым словом названных первых произведений группы «Освобождение Труда». И, разумеется, вполне последовательно было со стороны ее членов не преувеличивать значения интеллигенции, когда им удавалось обращаться к рабочим.

Нужно ли напоминать о знаменитом письме Плеханова к петербургским рабочим («Современные задачи русских рабочих»), чтобы обнаружить неправильность утверждений некоторых критиков? Поучительны также рассуждения П. Б. Аксельрода в «Об'явлении об издании рабочей библиотеки» (в 1884 году) о роли и значении народившейся уже к тому времени *рабочей интеллигенции.*

Не более правильны, чем вышеприведенные, рассуждения популяризаторов также и об аграрной части программы группы «Освобождение Труда»: нам даже кажется, что свои замечания на этот счет они делают как раз «под влиянием народнических предрассудков», которых им не удалось изжить до сих пор.

В самом деле, программа, о которой здесь идет речь, начинается следующим пунктом:

1. «Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся *всех* средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации *всех* функций социально-экономической жизни»; «всех» — значит и земли.

Достаточно сравнить это положение с требованием, выраженным Плехановым еще в статье второго номера «Черного Передела»: «рабочий, бери фабрику, крестьянин, — землю», — требованием, с которым впоследствии столь часто приходилось бороться самому же Плеханову в полемике с анархистами и синдикалистами, чтобы понять всю глубину прогресса, совершенного лицами, создавшими затем группу «Освобождение Труда».

Радикальное требование в аграрной области было, таким образом, включено в формулировку программы-максимум, а в ближайшую, так сказать, малую программу нужно было поместить требование земельной реформы. Непонятно поэтому, из чего некоторые лица заключили, будто группа «Освобождение Труда» не шла дальше этой реформы.

Об'ясняется это недоразумение, вероятно, тем, что они слыхали, будто аграрная программа группы «Освобождение Труда» была формулирована неопределенно, и это их смутило. Однако следует иметь в виду, что «неопределенность» программы заключается только в ее краткости, а также в отсутствии разработки по пунктам, но вовсе не в неправильной постановке вопроса.

Свой отрицательный взгляд на общину, как на основу русского социализма, Плеханов обстоятельно изложил в «Наших разногласиях»; выдвигать же без всякой практической необходимости пункты разногласий, которые не могли иметь основного значения, само собой разумеется, было нецелесообразно. По крайней мере, так думали авторы программы. Они поэтому сосредоточили все силы на главном пункте или главных, неразрывно переплетенных между собой, пунктах, о которых поговорим ниже, пока же заметим, что, даже с самой ортодоксальной точки зрения, никакой *ереси* в аграрной части разбираемой программы не было. С каких это пор воздержаться от высказывания своих взглядов во всех подробностях значит быть зараженным взглядами противоположными? Такое умозаключение совершенно ошибочно.

Остается еще сохранившийся в программе 1888 года пункт о государственной помощи производительным ассоциациям. В воззрениях группы «Освобождение Труда» он занимал настолько незаметное место, что для об'яснения его наличности за глаза достаточно плехановской ссылки на желание уступать народовольцам до крайних пределов.

Но странно, что критики программы группы «Освобождение Труда» обходят молчанием пункт о непосредственном народном законодательстве, который, как известно, сыграл такую огромную роль во время Великой французской революции. Вспомним борьбу жирондистов с монтаньярами по поводу обращения к народу для решения участи короля и знаменитые речи Робеспьера и Барера. Взгляд на этот вопрос, в смысле приближения к идее монтаньяров, действительно изменился у первых русских социал-демократов в 90-х годах, как признал Плеханов, под влиянием известной работы Каутского. «Но и это была частность, которую легко было исправить».

Таким образом, совсем не верно представление, будто бы только к периоду от 1888 до 1891 г., т. е. ко времени издания четырех сборников «Социал-Демократ», группа «Освобождение Труда» «окончательно отпадает от прежнего народничества и получает полное марксистское самоопределение».

Не с большей основательностью некоторые критики пытались доказать, будто выработанная членами группы «Освобождение Труда» совместно с Лениным и Мартовым программа обнаруживает недостаточное «марксистское самоопределение» как ее авторов, так и принявших ее членов II с'езда РСДРП. Если верить этим критикам, то окажется, что не только наши первые марксисты, члены группы «Освобождение Труда» и их приверженцы, но и деятели конца 90-х годов и начала настоящего столетия были не достаточно тверды и выдержаны насчет научного социализма, а вот они, эти критики, являются истинными, вполне последовательными марксистами. Конечно, это одно лишь самомнение с их стороны.

Плеханов много раз подчеркивал, что споры, которые пришлось вести ему и его единомышленникам с народниками и «суб'ективистами» в 90-х годах, были в своей сущности лишь повторением того спора, который они вели в «нелегальной» литературе с Тихомировым *в первой половине* 80-х годов. «*Позиции бойцов остались те же*, только арена сделалась шире». Плеханов делал отсюда вывод, что «*нелегальная* мысль давно опередила у нас легальную».

Какой был главный пункт расхождения группы «Освобождение Труда» с народовольцами? Конечно, вопрос о связи социализма с политикой. Основываясь на учении Маркса, усвоив положение, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», Плеханов и его друзья признавали неизбежность и для русских революционеров принять этот взгляд как основу своей практической деятельности. За необходимость руководствоваться им также и в России говорили возникшие у нас социально-политические условия, в том числе происходившее среди рабочих движение преимущественно на экономической почве. Что касается народовольцев, то ведь и они еще раньше тоже пришли к признанию необходимости политической борьбы с самодержавным строем, но они исходили при этом только из тех условий, в которых совершалась борьба революционеров с царизмом, и, признавая политику, они в сущности растеряли по дороге свой социализм.

Суб'ективно эти революционеры чувствовали себя социалистами. У них была потребность оправдать политику, шедшую вразрез со старыми народническими взглядами с точки зрения социально-политической, найти об'ективный критерий своей деятельности, т.-е. меру ее оценки, лежащую вне самой этой деятельности. Они нашли ее в утверждении, что для них ближайшая русская революция должна была явиться не только политическим переворотом, но вместе с тем и социалистическим переустройством России. Этим они обосновали свое стремление к захвату власти, к замене царского правительства — социально-революционным. По убеждению членов группы «Освобождение Труда», такие взгляды противоречили тогдашнему состоянию страны, а потому стремление осуществить их они считали нецелесообразным, опасным для интересов трудящихся масс вообще и пролетариата в особенности. Поэтому Плеханов и посвятил целую книгу «Наши разногласия» для опровержения доводов тогдашнего лидера народовольцев Л. Тихомирова в защиту «захвата власти», изложенных в статье его «Чего нам ждать от революции?». Но уже в конце своей первой брошюры — «Социализм и политическая борьба», являвшейся как бы программой группы «Освобождение Труда», Плеханов писал:

«Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества, — *значит отдалять наступление и того и другого*».

И через 34 года, в послесловии к этой же брошюре, Г. В. повторил почти те же слова:

«Если бы мне предложили указать главную мысль этой брошюры, я сказал бы, что в ней я рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса, как своего рода нить Ариадны, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Л. Тихомиров и другие «теоретики» «Народной Воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота».

Это была другая сторона того же вопроса о социализме и политике: она была особенно важна в спорах между двумя фракциями социализма 80-х годов, ибо имела непосредственное практическое значение.

Подготовка оппозиционной рабочей партии *или* организация будущего правительства; преимущественная деятельность в среде передовых рабочих для вовлечения в движение все более и более широких слоев их *или* комплот, заговор, предполагающий воздействие на более влиятельные круги «общества» и армии; *организация рабочего класса* для защиты от вырождения и борьбы за социализм *или захват власти* кучкой интеллигентов, ближайшие цели, приемы, методы, действия, «точка приложения сил», — все было различно у марксистов и у народовольцев.

Надо было делать либо одно, либо другое. Ни теоретически, ни тем более практически способы действий этих двух направлений не были совместимы. Вот где был корень всех разногласий, а уж никак не в той «вражде к политике», которая, по мнению некоторых авторов, будто вызвала бурю против первой плехановской брошюры. Вражда к политике! Это — у народовольцев, которым — по признанию Плеханова — «принадлежит честь сообщения нового размаха нашему движению», открытие «новой эпохи в развитии нашей революционной партии — эпохи сознательной политической борьбы с правительством»!

В 80-х годах народовольческое течение безусловно господствовало в революционной среде: после цареубийства, после распадения «Черного Передела», перехода к народовольцам таких видных его представителей, как Я. С. Стефанович и А. П. Буланов, уже никто из народников не решался отвергать политику.

* *
*

Подведем итоги.

Члены группы «Освобождение Труда» готовы были допускать, в зависимости от обстоятельств, террористическую борьбу против абсолютного правительства, что, как известно, признавали тогда и основатели научного социализма, но Плеханов и его товарищи, как сказано было в их программе, решительно расходились с представителями «Народной Воли» по вопросам о захвате власти кучкой революционеров и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса. В этих вопросах члены названной группы не уступали ни пяди.

Вполне справедливо указание одного из популяризаторов, П. Орловского, на то, что «без научной и пропагандистской работы группы «Освобождение Труда» нельзя и представить себе развития в России социал-демократии».

Герой, критически мыслящая личность, интеллигенция в качестве верховного критерия исторических судеб нации, это—типичнейшие образчики суб'ективного метода в социологии, которым, вслед за немцами, братьями Бауэрами и другими, у нас щеголяли Ткачев, Тихомиров, Михайловский.

Признавая заслугу группы «Освобождение Труда» в том, что она стала на точку зрения пролетариата, «связала социализм с политической борьбой рабочего класса», некоторые, тем не менее, отказываются от тех положений, в которых выразилась эта связь. Они выкидывают за борт и тщательно скрывают то содержание, которое вкладывали марксисты-восьмидесятники и их единомышленники следующих десятилетий в понятие политики рабочего класса и которое выразилось в вышеотмеченных спорных пунктах. На самом деле здесь была не одна, а ряд точек, определявших целое направление.

Дело вовсе не в том, *какою* именно суб'ективной утопией подменить об'ективное экономическое и социальное развитие, а в том, чтобы вовсе избавиться от каких бы то ни было утопий.

* *
*

Молодым деятелям современного движения полезно и нужно хорошо знать подлинные взгляды своих предшественников, членов группы «Освобождение Труда». Это избавит их от многих сомнений и шатаний. Здесь они найдут раньше всего марксистский *метод*, помогающий разобраться в окружающей их массе явлений, дающий критерий для оценки истинной сущности событий. Кроме того, они научатся правильному *применению* этого метода на примере нескольких весьма важных теоретических и практических положений, сохранивших всю свою современность. А это облегчит им знание того, что́ и как нужно говорить и делать и чего ни делать, ни говорить ни в коем случае не следует.

Для ознакомления с действительными взглядами наших первых марксистов имеется теперь полная возможность, потому что, кроме многих брошюр, сборников, хрестоматий и пр., в большом числе экземпляров выходят томы полного собрания сочинений главного теоретика группы «Освобождение Труда» — Г. В. Плеханова.

И. АЛЕКСАНДРОВ.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ УЧИТЕЛЕЙ ПЛЕХАНОВА.

На Волковом кладбище, представляющем, как известно, памятник нашей передовой литературы, начиная с Радищева и Белинского и кончая Плехановым, находится также могила его учителя — Н. Ф. Бунакова. Но немногие современники знают что-нибудь о нем, а тем более о его значении в жизни Г. В. Сообщим поэтому, что нам об этом известно.

* * *

Николай Федорович Бунаков был не только выдающимся педагогом, но и одним из гуманнейших и благороднейших русских деятелей, человеком глубоко честным как в личной, так и в общественной жизни; ему к тому же довелось быть учителем Плеханова и в некоторых отношениях оказать на него в его ранние ученические годы большое влияние.

Известно, что осенью 1866 года десятилетним мальчиком Жорж Плеханов, прекрасно подготовленный матерью, был принят во 2-й класс воронежской военной гимназии. Вопреки отзывам мало осведомленных лиц, военные гимназии в некоторых городах стояли тогда выше гражданских. Военным министром был известный Дм. А. Милютин, брат воспетого Некрасовым «кузнеца-гражданина» Н. А. Милютина. Он уничтожил телесные наказания в своем ведомстве и преобразовал кадетские корпуса в военные гимназии; поэтому Плеханов и мог быть первый год приходящим учеником. Ведомство военно-учебных заведений, возглавляемое Н. В. Исаковым, по отзывам историков и современников, в ту пору с гораздо большим правом могло именоваться просветительным, нежели находившееся в руках обскуранта графа Д. Толстого министерство народного просвещения.

В военных гимназиях веял либеральный дух «эпохи великих реформ». Здесь преподавательский персонал был значительно более высокого уровня; здесь находили место люди, более или менее свободолюбивые и независимые, не поладившие с официальным ведомством просвещения.

Одним из таких учителей был Н. Ф. Бунаков, вынужденный «покинуть» вологодскую гимназию. С 1867 года ему были поручены три младших класса воронежской военной гимназии, которые и были им доведены до конца курса. Гимназия стала налаживаться на новый лад. Вот как характеризует этот лад сам Н. Ф.:

«Хорошо и весело было работать в военной гимназии, в кругу молодых симпатичных товарищей, не чувствуя в исполнении своего дела ни малейшего гнета начальства, оставаясь самостоятельным в выполнении данной программы» [1]).

Также хорошо и весело чувствовали себя и ученики.

«У меня был выдающийся преподаватель русского языка, — вспоминал сорок лет спустя Плеханов. — Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто».

Любовь к словесности действительно всегда была присуща Плеханову. До последних дней своих он помнил и повторял завет: «паче всего чти родную литературу».

Но, разумеется, влияние столь замечательного педагога, каким был Бунаков, не могло ограничиться одною, так сказать, формальной стороною дела.

Н. Ф. Бунаков не был революционным деятелем, но всегда сочувствовал революционным стремлениям. Он преклонялся перед декабристами; в горячих, восторженных выражениях высказывался он о революционерах своего времени, называя их «самыми способными, самыми честными и энергичными людьми, которые при других условиях были бы гордостью и славой своего отечества», а при режиме «злой беспощадной мести, дикого произвола, отвратительного варварства» —

---

[1]) Записки Н. Ф. Бунакова «Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной». 1837 — 1905, СПБ 1909. Стр. 86.

«удалялись в ссылку, в Сибирь, на каторгу и гибли для своих семей, для отечества, для человечества».

Больше всего Н. Ф. восставал против всяких сделок с совестью, негодовал на отступничество от идеалов и сам до смерти оставался верен своим убеждениям.

Основным свойством Н. Ф. было служение делу, а не лицам. Этим делом было развитие народа, поднятие культурного уровня, просвещение его, а фактически, прежде всего, обучение его грамоте.

Во всей своей деятельности, еще с молодых лет, Бунаков противопоставлял интересы народа интересам всяческого рода начальства, до царя включительно. Конечно, он не мог открыто заявлять об этом в классе, но все же с достаточной ясностью обнаруживал свои стремления и симпатии. В то же время он на свой счет (раздобыв деньги в долг) открыл первую в Воронеже свободную элементарную школу. При этом он мечтал и постоянно говорил о необходимости создавать школы в деревнях (одну такую школу — и, надо прибавить, образцовую — ему и удалось основать много позднее).

Ученики не могли не знать о том, что популярный среди них русский преподаватель считался политически неблагонадежным. Это не только заставляло их задумываться над некоторыми вопросами общественного характера, но и создавало известное настроение, которое прорывалось иногда довольно явственно по тому или другому поводу. Напомним известный эпизод из школьной жизни Г. В.

«Я был тогда в последнем классе военной гимназии, — сообщал он в заметке о Некрасове. — Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое ученье. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!». Эти слова глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу»...»

Желание послужить народу охватывало юношу не только при чтении стихов. Недаром вскоре по окончании гимназии

Плеханов сумел встать на защиту крестьянских интересов, в случае с отдачей в аренду имения [1]), или подчеркивал, будучи в юнкерском училище, что присяга царю совсем не то же самое, что присяга народу, — здесь сказывались взгляды, на выработку которых, несомненно, влиял учитель русского языка и словесности.

Некрасов потому и нравился современной ему молодежи, что своими стихотворениями будил и выражал ее прогрессивные стремления. В служении народу он видел главную задачу гражданина. Поэтому народ был главным героем главных его произведений. Так писал Плеханов.

Но именно поэтому любил Некрасова Бунаков. Именно поэтому, желая развить в учениках гражданские чувства, он и в классе и при публичных выступлениях (на актах и пр.) особенно охотно читал стихи Некрасова, да еще Майкова. А читал он, по общему отзыву, превосходно. Таким образом, он действовал в одном направлении не только на мысль, но и на чувство.

Преданность народу, однако, не мешала Н. Ф. относиться к нему критически, понимать всю глубину его невежества, забитости и дикости. И нельзя не обратить внимания, что об этих же свойствах народа упомянул Плеханов в своем первом крупном выступлении — на Казанской площади. Это критическое отношение к основам «народного духа» и помогло впоследствии Плеханову легче других избавиться от гипноза народничества.

* *
*

Программа занятий, которую ставил Бунаков, была не только образовательной, но также и воспитательной. Он стремился развить в ученике критическое отношение к изучаемым явлениям как в литературе, так и в жизни и выработать у юношей уменье самостоятельно мыслить. Что касается предмета своего преподавания, то Н. Ф. принял за правило *никогда не рассматривать литературных произведений иначе, как в связи с жизнью общества*.

---

[1]) Об этом факте, который покойной сестрой Г. В., Варварой Валентиновной, подвергался сомнению, нам также приходилось не раз слышать от Плеханова, задолго до его смерти. Правда, в то время ему было не 14 лет, как сообщила недавно одна газета, а лет 16—17.

Это был взгляд, заимствованный им от Белинского и Тэна, от Чернышевского и Добролюбова. Но это был тот самый взгляд, из которого позднее в своих эстетических изысканиях исходил и Плеханов. Известно, что Г. В. охотно рекомендовал интересовавшимся этим предметом начинающим товарищам лекции об искусстве Тэна. Известен также его глубокий интерес к диссертации Чернышевского — «Эстетическое отношение искусства к действительности». Но эта же работа незадолго до воронежской полосы была предметом изучения Бунакова и, по собственному признанию последнего, много дум зародила она в его голове. Эти думы он, как истинный просветитель, по обыкновению, стремился передать своим слушателям и ученикам.

Говорим — не только ученикам, но и слушателям, потому что в тот период Н. Ф. Бунаковым было прочитано несколько публичных докладов и лекций. В частности, это были лекции: «Об эмансипации женщин» [1]), «О практическом значении поэзии и о поэме Никитина «Кулак», «Руссо, Песталоцци и Фребель». «Современный взгляд на искусство» (по Тэну), «Чему научает нас наше прошедшее?» (по поводу книги Щапова: «О социально-педагогических условиях развития русского народа») [2]).

Ученики, особенно пансионеры, разумеется, знали об этих чтениях, изредка происходивших и в самом здании военной гимназии, и посещали, по крайней мере, некоторые из них.

Бунаков преклонялся перед Белинским, Чернышевским и особенно перед Добролюбовым. Смерть последнего он считал одним из самых печальных происшествий в своей жизни. Но в одном пункте он примыкает особенно близко именно к Белинскому: он также всегда стремился мыслить конкретно и старался передать эту же манеру своим ученикам. Эта особенность делала его мышление в высокой степени историческим. Приведем один характерный пример, в котором как раз ярко отразились воззрения передовых людей различных эпох.

---

[1]) «Так как время было достаточно либеральное (1866 г.), — вспоминал потом Н. Ф., — то я имел возможность внести в мое чтение даже сон Веры Павловны из романа «Что делать?».

[2]) Щапову же была позже посвящена первая социал-демократическая статья Плеханова.

Поясняя в 5—6 классах военной гимназии свой взгляд на литературу, как отражение жизни, Н. Ф. останавливался на разборе известных, вызвавших полемику произведений Пушкина: «Поэт», «Чернь», «Поэту» [1]).

Для того, чтобы понять эти стихотворения, необходимо знать историческую обстановку, среди которой они создавались. Останавливаясь в своем преподавании на этой обстановке, Бунаков указывал, что Пушкин по рождению и воспитанию принадлежал к светскому обществу, а как поэт оставался независимым от него и, действительно, «к ногам его кумиров не клонил своей он гордой головы». Это раздвоение поэта, им самим сознаваемое, и сказалось в названных выше стихотворениях. Подчиняться вкусам светской «черни», гоняться за ее восторгами для Пушкина было невыносимо. Писать же для народа, в широком смысле слова, он не имел возможности — при полной разрозненности образованного общества с народной массой и при полном невежестве последней. Поэту приходилось разорвать связь с современным обществом и работать для будущих поколений, подчиняясь только законам искусства и «влечениям свободного ума», пробуждая в людях стремление к самоусовершенствованию [2]).

«Очевидно, — заканчивает Н. Ф., — в связи с исторической обстановкой указанные стихотворения представляются совсем в ином свете, и Пушкин является в них передовым человеком своего времени, а отнюдь не педантом-художником, презирающим требования жизни и отрицающим всякую связь между жизнью и поэзией».

Как это похоже на то, что писал Плеханов в статье, посвященной Белинскому!

* *
*

Н. Ф. Бунаков далеко не являлся поклонником теории искусства для искусства: нельзя забывать, что он был горячим последователем русских просветителей-утилитари-

---

[1]) См. его статью «О чтении образцов словесности в общеобразов. курсе», помещенную в «Педагогическом сборнике» за 1872 г., III.

[2]) В других случаях Бунаков указывал, что деятели освободительной эпохи, искренно готовые жертвовать личными интересами во имя общенародного блага, воспитались на поэзии Пушкина.

стов. Он всегда резко порицал «чистых» лириков и декадентов. И все же он сумел понять, применительно к Пушкину, что «в известные исторические эпохи нежелание метать бисер перед холодной и неразвитой толпой необходимо должно приводить умных и талантливых людей к теории искусства для искусства».

Последняя фраза взята нами не у Бунакова, а у Плеханова. Но она является буквальным повторением того, что не раз говорил на уроках и о чем писал Бунаков. Только он один из всех писавших до Плеханова сумел разобраться в этом сложном вопросе, послужившем камнем преткновения не только для Писарева, но и для самого Белинского. Этому помогла конкретность его мышления.

Бунаков понимал и учил, что значение и смысл того или другого литературного явления определяются историческими и общественными условиями. Плеханов вполне усвоил этот взгляд учителя и в одной из ранних своих литературных статей повторил его рассуждения на характерном примере, с которым познакомился в школе.

Правда, он не ограничился простым повторением, но развил, дополнил и обобщил этот взгляд: он ввел в круг литературной критики вопрос о том, чем же определяются те общественные отношения, которые, вызывая известное состояние умов и нравов в данную эпоху, влияют на то или иное литературное произведение. Он искал социального эквивалента для каждого такого произведения. Правильно примененный метод диалектического материализма помогал ему находить такой эквивалент в отдельных случаях. С помощью этого метода он не только дал ряд исключительно глубоких и тонких оценок, но и построил научно-эстетическую теорию. Но нет никакого сомнения, что первые шаги его на этом пути были сделаны еще в ранней юности, под прямым влиянием и руководством Н. Ф. Бунакова.

Необходимо признать, что последний принадлежал к тем немногим преподавателям, которые замечают индивидуальные склонности и способности своих учеников. Он отличал и хвалил школьные сочинения Плеханова и, наверно, не удивился его блестящим успехам на литературном поприще.

Бунаков не только развивал юношей в определенном направлении, не только стремился поднять их самостоятельность и самодеятельность, но и приучал их мыслить последовательно. И тот, кто, подобно Плеханову, хорошо усваивал его уроки, был избавлен от многих ошибок. Конечно, тут большую роль должна была играть та общность в типе восприятия, которая роднила учителя с учеником и делала последнего особенно восприимчивым к тому, что говорил первый. Замечательно, что много лет спустя, после того как Плеханов расстался с учителем, он дал целый ряд литературных и общественных характеристик, даже в частностях совпадавших с оценками Бунакова, высказанными последним совершенно независимо, в другое время и в другом месте. Таковы характеристики не только Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, но и Михайловского, Скабичевского, Волынского, Каткова, Достоевского и русских декадентов конца XIX столетия.

Конечно, Бунаков не мог влить в своих учеников талант и прочие качества, которые получаются только от природы. Но он умел вести работу таким образом, что природные способности юношей могли беспрепятственно развиваться; приступая к какого-либо рода деятельности, по окончании гимназии, им не приходилось прежде всего забывать все, чему их учили (вспомним Писарева). Это было для них огромным преимуществом в смысле экономии сил, не говоря о другом.

Итак, Бунаков дал Г. В. определенные положительные знания в области языка и словесности, а главное, помог овладеть тем научным методом при разборе явлений литературы и жизни, который был им позже так блестяще и последовательно развит. Кроме того, Бунаков привил ему любовь к передовой литературе и общественности, возбудил известные симпатии и антипатии, а также помог осознать мысль о служении народу.

Добавим в заключение несколько штрихов из позднейшей деятельности Н. Ф. Бунакова.

Устроив народную школу и театр в селе Потине Воронежской губ., он сыграл большую роль в культурном развитии деревни. В дальнейшем наиболее прогрессивные земства не раз приглашали его для руководства губернскими

учительскими с'ездами, и он стал «учителем учителей». Эти с'езды были истинными праздниками для прогрессивных учителей. Трудно передать, какое глубоко бодрящее впечатление производили полные убеждения и энтузиазма речи Бунакова!

В 1902 г. Н. Ф. был избран в воронежский уездный комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности и произнес там большую речь, которая затем была напечатана и разошлась по всей России.

В этой речи, может быть, впервые у нас Бунаков открыто заговорил о «коренном изменении всего строя государственной и народной жизни».

При этом он решительно и бесповоротно выставил ряд политических положений радикально-демократического характера — требовал полного и окончательного раскрепощения крестьян и наделения их землей. Это была революционная речь, выражавшая общие интересы третьего сословия.

За эту речь старый и больной Бунаков поплатился свободой, а в связи с этим и жизнью.

Умирая, он поставил, но не решил вопроса о силах, могущих сломить старый режим. Он говорил в упомянутой речи, что «против рожна не попрешь».

Поглощенный деревней, Н. Ф. не видел нового рабочего движения, которому суждено было сдвинуть Россию с мертвой точки.

А в это время вопрос, мучивший его, да и всех лучших русских людей, начиная от Белинского, если не от Радищева, был уже давно решен его великим учеником.

Е. ИГНАТОВА.

МОСКОВСКИЕ НАРОДНИКИ КОНЦА 70-х ГОДОВ.

Мы — я и две мои кузины, Лидия и Мария Васильевны Игнатовы, — приехав во второй половине 70-х гг. в Москву, поселились в Козицком переулке, вблизи Тверской улицы. Все мы лишь незадолго перед тем вырвались из провинциального захолустья, из уездного города Белева, и зажили «самостоятельно». Идеи «освобождения народа» только что начали тогда озарять наши 20-летние головы. Революционные мысли заброшены были в них нашими братьями: младший, Илья, в эту пору находился в административной ссылке в Вятке, а старший, Василий, работал в подпольи в Петербурге.

Хотелось и нам работать, было сильное желание исполнять ответственные поручения, но знакомых в Москве у нас не было, а братья были далеко, сами же мы еще не оформили своих идеалов и стремлений; ясной линии поведения перед нами не было. Но вскоре наступил день, коренным образом изменивший наши до тех пор дремавшие стремления, превратив потенциальную нашу волю в действенную.

От брата Василия, тогда землевольца, а впоследствии члена группы «Освобождение Труда», получилось из Петербурга письмо, в котором он, описав возмутительную расправу казаков со студентами, поручал нам распространить его среди московских студентов.

Как нам было исполнить это поручение, когда ни единого знакомого студента у нас не было? Но так наивны были наши взгляды, приемы, понятия, столь мало были нам известны «людская злоба и порок», что после короткого совещания мы довольно просто разрешили этот, сперва показавшийся очень трудным, вопрос.

Под нашей квартирой жили студенты, которых мы часто встречали на лестнице.

«Надо итти к студентам», — решили мы единогласно. Миссия эта была возложена сестрами на меня.

Студенты оказались столь же юными и наивными, какими и мы были в ту пору: они выразили мне горячую благодарность за переданное им содержание письма брата. Жестокая расправа полиции с петербургскими товарищами их также глубоко возмутила, и они решили немедленно на это откликнуться самым энергичным образом.

Мысль о том, что незнакомая девица могла к ним явиться с провокационными намерениями, очевидно ни на минуту не приходила им в голову: они тут же решили на следующий день созвать в университете сходку, чтобы выразить сочувствие петербуржцам и вынести резкий протест против действий полиции. Но состоявшаяся затем в университете большая сходка имела обычный конец: все участники ее были арестованы и отведены в Бутырки, откуда большинство их через 2—3 дня было выпущено без последствий.

С описанного моего посещения соседей-студентов завязалась моя и сестер дружба с ними. Всего в нижней квартире помещалось человек пять студентов, которых связывало между собой воронежское «землячество», потому что все они окончили гимназию в этом городе. Студенты были добрыми, отзывчивыми юношами, но наиболее других обращал на себя внимание Юлий Бунин: небольшого роста, круглый, лет 18—19, с густым басом, вовсе не соответствовавшим всей его незначительной фигуре, он являлся живым, умным и начитанным юношей.

Сын мелкого помещика Елецкого уезда, он так же окончил воронежскую гимназию [1]). Среди членов этой компании, которая слыла под кличкой «воронежцев», Ю. Бунин отличался наибольшей деловитостью, энергией и преданностью трудящимся массам. Во всякое общественное предприятие он вкладывал всю свою душу, проявлял находчивость, инициативу, предприимчивость; при этом был чрезвычайно искренен, добр, отзывчив. Своим веселым и открытым нравом он сразу привлекал каждого на свою сторону. К этому же кружку примыкали сестры Перелешины, дочери генерала, также уроженки Воронежской губ.

[1]) Между прочим, известный беллетрист и поэт Ив. Бунин является его братом. *Ред.*

Таким образом через Бунина и его товарищей мы трое приобщились к новому миру, о котором до знакомства с ними только слышали издалека.

Затем мы тоже погрузились в жизнь и деятельность, свойственные передовому студенчеству того времени, — участвовали в разных сходках, собраниях, вели разговоры и споры, выражали сочувствие или возмущение, производили сборы пожертвований и сами отдавали, что могли, устраивали приют для нелегальных, заботились об арестованных и высылаемых, хранили и распространяли нелегальную литературу и т. д. Работ и забот у всех нас троих было вдосталь, и мы, конечно, ею не только не тяготились, но, наоборот, она доставляла нам большое наслаждение.

* * *

Из заметных членов московского чернопередельческого кружка, кроме Бунина, необходимо остановиться еще на Елизавете Петровне Дурново.

Происходя из высшего, аристократического общества, «Лиличка», как мы ее называли, беззаветно отдалась с присущим ей пылом и экспансивностью делу вызова революции среди крестьян. Сперва она склонялась к террористической деятельности. Помню ее рассказ о том, как она на раутах у генерал-губернатора, куда ее возили великосветские родители, мечтала о том, чтобы всадить кинжал в бок гостеприимного хозяина. Но, вступив в наш кружок, она отказалась от террора и вместе с остальными занялась перечисленной мною выше деятельностью, в которую вносила чрезвычайную экспансивность и экзальтированность: ей все мерещилось скорое наступление общего взрыва. Так, помню, однажды ночью она, прибежав к нам, с радостью закричала: «Слышите набат? Не призыв ли это к восстанию? Не начинается ли революция?».

Не помню, что в действительности означали раздававшиеся мерные звуки колоколов, но, конечно, не призывы к восстанию.

Всем увлекавшаяся, всех идеализировавшая, проявлявшая безграничную готовность к самопожертвованию, «Лиличка» была общей любимицей. Особенное расположение она проявила к «Юристу» [1]) вскоре же после знакомства с ним. Когда его арестовали, она решила устроить его побег и после перевода его в Петербург уехала туда. Там ее арестовали, но вследствие хлопот важных родственников она вскоре была выпущена на поруки. Во избежание вторичного ареста товарищи, из них в особенности член нашего кружка студент Технического училища Яков Ефрон, стали убеждать Елизавету Петровну уехать на время за границу. Там она вышла замуж за Ефрона и всецело ушла в семейную жизнь.

С юностью Елизаветы Петровны связан эпизод, имевший очень тягостные последствия. В период ее увлечения народничеством она была чрезвычайно близка с некоей девицей А. С. Резчиковой: всюду, куда являлась Лиличка, она приводила с собою эту бойкую, разбитную свою подругу. Благодаря популярности Елизаветы Петровны в Москве, Резчикова приобрела обширный круг знакомых, среди которых пользовалась безграничным доверием. Все оппозиционные слои Москвы, начиная с мирных либералов и кончая крайними народовольцами, а затем социал-демократами, социалистами-революционерами и анархистами, посещали «салон» вышедшей замуж за почтенного земца Серебрякова А. С. Резчиковой. Только в конце первого десятилетия настоящего столетия бывший начальник московской охранки Меньщиков сообщил, что эта «почтенная дама» в течение тридцати с чем-то лет состояла тайным агентом. Легко представить себе, сколько лиц погубила она за этот долгий период.

Елизавета Петровна после смерти своего мужа, происшедшей, кажется, в конце 90-х гг. или в начале настоящего столетия, вновь вернулась к общественной деятельности, примкнув к максималистам, в чем, быть может, посодействовала — закадычный друг ее — Серебрякова (урожденная Резчикова), которая через увлекавшуюся, доверчивую Лиличку могла многое узнавать. Весной 1906 года Елизавета Петровна была арестована в связи с каким-то делом максималистов, и вновь ее выручили важные родственники. Она вторично эмигрировала за границу, где и окончила самоубийством.

[1]) Это был революционный псевдоним известного члена «Земли и Воли», а затем «Черного Передела», Юрия Преображенского. *Ред.*

Печально сложилась жизнь этой богато одаренной, искренно преданной интересам трудящихся масс женщины.

* * *

Возвратимся к бунинскому или «воронежскому» кружку. К нему одно время примыкал очень популярный среди московской революционной молодежи врач Сергей Васильевич Мартынов.

Он был на несколько лет старше каждого из нас, так как уже успел окончить медицинский факультет, к тому же был образованнее и опытнее остальных. Вообще Мартынов являлся крупным, выдающимся человеком не только среди нас, юношей и молодых девиц, но и среди более солидной, серьезной компании. Он был нашим общим любимцем. При большом уме, развитии, разносторонности интересов, он отличался веселым характером. Так, иногда после горячих споров о преимуществе занятия террором перед деятельностью в народе он усаживал нас в кружок, тушил огни и начинал рассказывать нам страшные фантастические сказки.

Мартынов обладал даром об'единять вокруг себя молодежь. Но недолго вращался он среди чернопередельцев: вскоре Мартынов вступил в партию «Народная Воля», где играл видную роль. Женился он на одной из упомянутых сестер Перелешиных, на Софье Александровне, вместе с которой был в 1881 году сослан административно в Сибирь.

Сообщая о выдающихся представителях передовой молодежи Москвы конца 70-х и начала 80-х гг. прошлого столетия, нельзя обойти молчанием Петра Петровича Викторова: он не примыкал ни к одному из известных мне кружков описываемого периода повидимому, занимая независимое положение, но имя его было чрезвычайно популярно.

Студент-медик П. П. Викторов обладал большим красноречием и обширными знаниями. Его блестящие, зажигательные речи на сходках вызывали общий восторг. Из памяти моей еще не изгладилось глубокое впечатление, произведенное на всех его прекрасной приветственной речью,

произнесенной им в университете во время приезда в Москву И. С. Тургенева. Еще больший фурор произвела его знаменитая речь во время диспута по поводу защиты диссертации по политической экономии Иванюкова: известно, что в своих опровержениях этого ученого П. П. защищал революционный способ действий и в подтверждение правильности своих слов приводил обширные выдержки из произведений Маркса и Энгельса. Это была первая открытая проповедь в московской университетской аудитории революционного марксизма. П. П. Викторов поплатился за это увольнением и административной высылкой.

* *
*

Перебирая в памяти теперь, по прошествии почти полувека, полузабытые страницы своей жизни и критически взвешивая революционную деятельность кружков и лиц, с которыми мы находились в непосредственной связи или о которых нам приходилось много слышать, я должна признать, что хотя работа москвичей не отличалась яркостью и блеском, все же она не прошла совершенно бесследно, и в великое дело освобождения трудящихся масс от тяготевшего над ними деспотизма московская революционная молодежь 70-х и 80-х гг. тоже внесла свою небольшую лепту. Нельзя отрицать, что этой молодежью также руководило искреннее стремление работать на благо обездоленных масс, что для последних она была готова на самые большие жертвы. По ее убеждению, для блага трудящегося народа необходимо было произвести коренное преобразование нашей страны. Но наряду с этими положительными сторонами, которые, повторяю, были присущи тогдашней передовой молодежи, московские «радикалы», как тогда называли революционеров, по общему признанию не отличались большой активностью и инициативностью. Этими отрицательными чертами следует об'яснить малую производительность москвичей, то, что они в течение почти всего десятилетия не совершили ни одного сколько-нибудь крупного, выдающегося акта революционного характера. Так как к тому же летом 1878 года полиция подстроила известное избиение охотнорядцами студентов во время провоза через Москву отправленных в административную ссылку из Киева нескольких десятков тамошних

студентов, то на долгий период относительно «белокаменной» установился взгляд, как о центре реакции и черносотенства [1]).

Только чернопередельцы стали проявлять к нам внимание. Из них особенно плодотворно поработал здесь Юрий Преображенский (он же «Юрист»), прочно поселившийся осенью 1879 года в Москве, где и остался вплоть до ареста. Отличаясь выдающейся энергией, инициативностью и трудоспособностью, «Юрист» внес большое оживление и бодрость в нашу мало активную, непредприимчивую среду. Благодаря его настойчивости и организаторским способностям быстро возникло несколько кружков в Петровско-Разумовской Академии, в университете и в Техническом училище. Усиленнее прежнего начали мы вести пропаганду и агитацию среди учащейся молодежи и в обществе, а некоторые из нас стали также заниматься и с рабочими.

Осенью же указанного года появился у нас также «Евгений», т.-е. Л. Г. Дейч. Со свойственной ему активностью он тотчас же принялся за агитацию. На второй день его приезда в занимаемой мною и кузинами квартире, состоявшей из двух меблированных от хозяев комнат, главным образом Буниным было созвано собрание из его товарищей и наиболее выдающихся тогда местных работников, среди которых, как я уже сказала, одно из первых мест занимал д-р Мартынов.

---

[1]) К этому верному сообщению прибавлю следующее. Многие революционеры полагали, что население Москвы насквозь проникнуто квасным патриотизмом, что оно безгранично предано царю и все свои упования возлагает на него, на бога и на Иверскую икону. Из этого мрака, некоторые думали, Москва не выберется в течение многих-многих десятилетий. Столь нелестная репутация не лишена была основания, что отчасти отражалось на отношении революционеров других городов к московским деятелям: хотя Москва лежит на пути с юга в столицу, куда постоянно отправлялись многие лица, но редко кто в нее заглядывал. Только с возникновением «Черного Передела» и «Народной Воли» стали заезжать в Москву некоторые члены этих организаций. Но известно, что приехавшие из Петербурга осенью 1879 года террористы, во главе с А. Михайловым и Софьей Перовской, чтобы из приобретенного ими домика вблизи железной дороги вести подкоп под полотно жел. дороги и таким образом взорвать царский поезд, никого из местных радикалов не привлекали к этому предприятию, да и сами нигде не показывались, за исключением Александра Михайлова, который кое-где бывал, но среди революционной молодежи он также тогда не вращался. *Л. Д.*

Л. Г. сообщил нам о состоявшихся незадолго пред тем с'ездах в Липецке, Воронеже и Петербурге, где обсуждались возникшие разногласия, как известно, повлекшие за собою распадение общества «Земля и Воля». Дейч изложил перед этим собранием взгляды народовольцев и чернопередельцев, указал на опасность увлечения террором и призывал нас действовать в деревнях согласно народнической программе.

Отчасти ввиду бо̀льшего внимания, которое, как я уже сказала, чернопередельцы обратили на Москву, но также и вследствие общего духа и настроения нашей московской передовой молодежи, преобладающая часть ее в то время и в ближайшие годы тяготела к «Черному Переделу». Нельзя отрицать, что москвичи вообще оказали как моральную, так и материальную поддержку этой организации [1]).

* * *

После 1 марта 1881 года начались аресты и высылки. Поредевший вследствие этого кружок наш лишился коекого из своих членов. Также и по другим причинам, — кто в роли врача (Гончаров, Грушке), кто учителя, — некоторые раз'ехались по России. Мало удовлетворявшая нас деятельность в Москве начала заменяться новой: для сближения с народом мы устремились на легальные пути. Для меня также в 1882 г. кончилась жизнь в Москве: я избрала поприще учительницы в глухом углу Орловской губ. С тех пор я этой деревушки не покидаю вплоть до настоящего времени.

Два поколения прошли через мои руки. Вместе с крестьянами, моими бывшими учениками, мы пережили реакционное царствование Александра III, бурный 1905 год и роковые последствия поджогов помещичьих усадеб в 1906 году. Вместе встретили мы новую революционную зарю 1917 года.

Хотелось бы написать о многочисленных и очень дорогих мне учениках, из которых кое-кто работает теперь на ответственных постах, заменив старых, утомившихся в боях работников, но об этом, если силы позволят, быть может, расскажу в другой раз.

[1]) Из помещенных в № 1 Сборника «Группа Освобождение Труда» воспоминаний Гецова видно, что после провала в Петербурге чернопередельческой типографии среди москвичей возникла мысль основать новую в Минске, что, как известно, вскоре и было осуществлено. *Л. Д.*

О. Е. СЛОБОДСКОЙ.

МОИ ОТНОШЕНИЯ К ГРУППЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Осип Ефимович Слободской был одним из первых молодых студентов, которые вскоре после возникновения группы «Освобождение Труда» осенью 1883 года примкнули к нам. Своим теплым отношением к поставленным нами задачам и готовностью оказать нам всякое содействие он приобрел наши симпатии. Его отзывчивость была особенно ценна в ту пору, когда, как я уже сообщил в статье «Первые шаги группы «Освобождение Труда», к нам многие отнеслись крайне недружелюбно.

В наступившие после моего ареста наиболее тяжелые для членов нашей группы годы Осип Ефимович, или «Дрезденский юноша», как мы его прозвали, переселился из Саксонии в Женеву, где принял особенно деятельное участие в наших предприятиях. Помню, что Вера Ивановна в своих письмах ко мне в тюрьмы и на Кару с большими похвалами отзывалась об этом юном приверженце, без помощи которого, по ее словам, им едва ли возможно было бы просуществовать. Уже по одному этому следует отвести место в наших Сборниках наброску этого первого нашего приверженца. К сожалению, т. Слободской слишком лаконично сообщает о тогдашних событиях, в особенности о последовавших после моего ареста, происшедшего, как известно, весной 1884 года. Между тем, из всех оставшихся теперь в живых приверженцев группы «Освобождение Труда» т. Слободской в тот период стоял наиболее близко к ее членам. Как, однако, ни краток этот набросок, он все же интересен, как свидетельство несомненно об'ективного современника.

Между прочим, из сделанного О. Е. Слободским мимоходом сообщения явствует, что еще зимой 1883—1884 гг. он пытался вызвать среди передовой молодежи Харькова, Одессы, Киева и Кременчуга сочувствие к стремлениям нашей группы, но потерпел поражение. Отрицательное отношение к нашим задачам указанной молодежи крупных к тому же университетских городов может отчасти служить иллюстрацией правдивости «историка» Махновца и очарован-

ного им его поклонника, ученого специалиста по архивным документам Н. Сергиевского, утверждающих, будто в ту пору во всех больших городах юга и запада России совершенно независимо от группы «Освобождение Труда» возникли марксистские группы.

Л. Д.

Я родился в богатой еврейской купеческой семье в июне 1861 года в Елисаветграде, где учился в реальном училище, но окончил таковое в Харькове и там же примкнул к кружку народников.

Вследствие введенных в 80-х гг. ограничений для евреев при поступлении их в специальные высшие учебные заведения я отправился в Германию и поступил в Аахенский Политехникум. Там я сразу заинтересовался рабочим движением на Западе и социалистической литературой, а на каникулы 1882 года я отправился в Париж, где познакомился с русскими эмигрантами: Глушковым, Павловским (который тогда еще не был ренегатом), а главное с П. Л. Лавровым. Старик меня очень обласкал и разрешил пользоваться его большой библиотекой. Под его руководством я получил возможность ознакомиться со всей русской революционной литературой. Через него же я познакомился и с приехавшим на время из Женевы Л. Г. Дейчем, и это знакомство было решающим моментом в моей жизни.

Аахен, как католический центр с относительно слабым рабочим движением, меня не удовлетворял, поэтому осенью 1882 года я перевелся в Дрезден. Там я все свое свободное от занятий в Политехникуме время посвящал чтению «Капитала» Маркса, «Положения рабочего класса в Англии», «Анти-дюринга» Энгельса и др. Знакомился с рабочими и их вожаками, Бебелем, Фольмаром, посещал собрания, ферейны и пр., в то же время я находился в переписке с Дейчем, а на рождественские каникулы 1883 года поехал в Женеву, где ближе сошелся с ним и с его друзьями — Плехановым, Засулич и при проезде через Цюрих также и с Аксельродом.

То был период упадка «Народной Воли», хотя, как известно, Тихомиров в союзе с Лавровым еще стремился оживить умиравшую партию путем издания за границей журнала «Вестник Народной Воли». Плеханов, Аксельрод и Засулич, как известно, отказались участвовать в этом журнале и вместе с Л. Г. Дейчем и В. Н. Игнатовым образовали первую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». Будучи близко знакомы с рабочим движением как России, так и Запада, с марксистской литературой и зная о ходе промышленного развития своей страны, перечисленные выше старшие товарищи подвергали беспощадной критике народовольческие и народнические взгляды, которых тогда придерживались бывшие у нас в России и среди эмигрантов революционеры. Со стороны маленькой группы в том окружении, в котором она находилась, это было очень смелым начинанием. В качестве иллюстрации отношения эмиграции к этим пионерам и к их стремлению обосновать программу революционной деятельности в России на марксизме приведу следующий случай.

На русской вечеринке в Женеве Георгий Валентинович представил меня старому эмигранту-бакунисту, известному Н. И. Жуковскому, сказав: «Вот юноша, который зачитывается «Капиталом» Маркса». Тогда почтенный Жуковский воскликнул: «Охота вам читать этот кирпич: в России он спокойно может красоваться нераскрытым на полке».

Продолжая свое образование в Дрездене, я не переставал оказывать группе «Освобождение Труда» некоторую денежную помощь из средств, получаемых мною от родителей на существование. Эти средства шли на предпринятое группой издание «Библиотеки Современного Социализма».

Перед моей поездкой на каникулы весной 1884 года я предполагал получить от Л. Г. Дейча разные поручения. Для переговоров об этом мы письменно условились свидеться с ним в Дрездене, куда он намерен был приехать, но ради экономии он решил по пути повезти с собою из Швейцарии в Германию транспорт первых изданий группы. Это было очень рискованным предприятием, которое, как известно, окончилось арестом Л. Г. во Фрейбурге, выдачей его России и долгим его пребыванием на каторге и в Сибири.

Тщетно ждал я его в течение продолжительного времени, пока, наконец, получил от Аксельрода телеграмму, извещавшую, что «брат заболел, уехал в Россию». Это было чрезвычайно тяжелым ударом для юного кружка, так как в лице Л. Г. он лишился одного из наиболее деятельных своих членов.

По приезде в Россию я, кроме Елисаветграда, побывал в Харькове, Одессе, Киеве и Кременчуге и всюду старался пропагандировать идеи марксизма, знакомить молодежь с нашей программой, но везде встречал решительный отпор, так как, повторяю, наши революционеры придерживались тогда народнических или народовольческих взглядов и враждебно относились к немецким социал-демократам. Они утверждали, что пролетариата и капитализма у нас не только нет, но и не будет, так как, благодаря общине, Россия минует капиталистическую стадию и прямо попадет в социалистический рай.

Но привезенные мною наши издания все же читались некоторыми; однако в материальной поддержке группе, их издававшей, отказывали. Несмотря на повсеместное отрицательное отношение к стремлениям нашей группы и на крайне скудные ее средства, она не теряла веры в успех предпринятого ею дела. Печатавшиеся при чрезвычайно тяжелых условиях издания «Библиотеки Современного Социализма» с огромным трудом проникали в Россию, но там они первое время читались главным образом лишь враждебно относившейся к ним учащейся молодежью. С рабочими в России связей у нас почти совсем не было, но, повторяю, мы все же не унывали, будучи убеждены, что, в конце концов, будет на нашей улице праздник.

* * *

Возбудив против себя вследствие общения с дрезденскими социал-демократами подозрение немецкой полиции, — напомню, что это было во время господства в Германии исключительного закона против социал-демократии, — я был затем арестован в Дрездене за участие в предвыборной агитации. При освобождении прокурор угрожал мне выдачей России [1]). Установленная за мною непрерывная слежка заставила меня зимою 1885 года перебраться в Женеву. Тогда я еще более тесно примкнул к группе «Освобождение Труда», так как в течение довольно продолжительного времени прожил вместе с Георгием Валентиновичем и Верой Ивановной.

[1]) Впоследствии при аресте меня в России выяснилось, что немцы перепутали мою фамилию, назвав меня Слободинским, почему при возвращении в Россию я не был арестован.

Я помогал им работой в типографии, где тогда набирались произведения Плеханова, Аксельрода, а также «Нищета философии» Маркса в переводе Веры Ивановны. На издание этих произведений я по возможности доставал средства, что в отчетах обозначалось «от Малорусского Типа», под которым я фигурировал [1]).

Само собою разумеется, что постоянное общение с Георгием Валентиновичем и Верой Ивановной, беседы с ними и чтение под их руководством все более укрепляли меня в марксистских взглядах, и я тогда окончательно решил посвятить себя революционной деятельности на пользу рабочего класса.

Как и всех других, меня Георгий Валентинович поражал своими колоссальными знаниями не только в области социально-экономических наук и рабочего движения, но и естественных наук, что он в особенности проявлял во время наших частых загородных прогулок, где его интересовал каждый камешек и цветок, и он всему мог давать исчерпывающие об'яснения.

Материальная нужда членов нашей группы была ужасная: мне, понятно, пришлось всем делиться с другими, но этих средств было, конечно, далеко не достаточно. Припоминаю, как прислуга Плехановых, няня двух их девочек, по имени Филомен, пришедши однажды, с отчаянием в голосе сообщила, что лавочник больше не дает в долг.

Вследствие плохого питания я заболел воспалением кишек, что приковало меня к постели. Товарищи решили перевезти меня в Кларан, где я поселился с Верой Ивановной, усердно за мной ухаживавшей, несмотря на то, что в это время она сама была больна. С необыкновенной, лишь ей свойственной, нежностью заботилась она обо мне, готовила пищу и пр.

Болел также и Г. В. Невзирая на это, мы продолжали по мере возможности издавать книжки, употребляя для этого последние гроши, вследствие чего типография (вернее, наборная) продолжала работать. Наборщиком был Рольник

[1]) Между прочим, недавно тов. Л. Г. Дейч сообщил мне, что в его переписке из Сибири и тюрем с членами группы я фигурировал под псевдонимом «Дрезденский юноша»; так, действительно, называли меня близкие товарищи.

(Левков), а заведующим — сперва Гринфест, который впоследствии, насколько помнится, от русской партии отошел: он поселился в Цюрихе и сделался компаньоном в кефирном заведении Аксельрода.

В то время уже были напечатаны, кроме «Коммунистического манифеста», «Социализм и политическая борьба» Плеханова, «Развитие научного социализма» Энгельса и «Наши разногласия» Плеханова. Когда Гринфест отошел, я стал заведывать типографией и был корректором.

Как я уже сообщил, связь с Россией была слабая, но припоминаю приезд из Питера студента Зыкова со специальной миссией познакомиться с нами. Мы долго и много с ним беседовали и, казалось, нашли в нем приверженца, но затем он уехал, и больше мы о нем ничего не слыхали.

Оправившись от болезни, я поехал в Цюрих, куда мною был вызван один мой родственник, чтобы сообща с ним решить, как мне быть, — продолжать ли учение в Цюрихе или переехать в Вену, где вместе с тем я предварительно должен был полечиться.

В Цюрихе я ближе сошелся с Павлом Борисовичем Аксельродом, познакомился там с Бернштейном, редактировавшим тогда «Социал-Демократ» (центральный орган германской социал-демократии), Мотеллером, а также со швейцарскими социал-демократами, Грейлихом, уже тогда стариком, стоявшим во главе местной рабочей партии, и др.

По окончании Политехникума в Вене в 1886 году я с'ездил в Швейцарию, чтобы попрощаться с друзьями, и затем уехал в Россию.

В переплетах, в большинстве технических и т. п. безобидных учебников, я велел переплетчику заделать наши издания (может быть, больше, чем по сто экземпляров каждого) и большой скоростью отправил эти книги транспортом через Одессу. Таможняя цензура не догадалась, что́ заделано в переплетах, и я получил сполна все мои книги вместе с нелегальщиной, которую затем, конечно, распространил.

К произведениям Плеханова в конце 80-х гг. относились уже иначе: они вызывали горячие споры, — все о тех же «проклятых» тогда вопросах, пойдет ли дальнейшее развитие России своим собственным, «самобытным» путем или ей не миновать участи западно-европейских стран. Марксистское миросозерцание стало уже находить на-ряду с противниками и некоторых адептов.

Поступив в Лебедине (Харьковской губ.) химиком на сахарный завод, я исподволь распространил среди рабочих несколько брошюр. В особенности им, помню, понравились, как очень доступные, «Наемный труд и капитал» Маркса в переводе Л. Дейча, брошюры Дикштейна «Кто чем живет» и Аксельрода. «Коммунистический манифест» я раз'яснял небольшим кружкам рабочих (помнится, человек 7—8). Но недолго смог я оставаться в Лебедине: на основании закона о праве жительства евреев в деревнях меня преследовала полиция, и я вскоре должен был покинуть завод.

Мои сношения с заграничными друзьями продолжались, и все время я по возможности поддерживал их денежными средствами, но, повторяю, это была незначительная помощь. Затем я решил, порвав с родными, всецело посвятить себя партийной работе. Желая в интересах дела уйти не с пустыми руками от своих богатых родителей, я надумал устроить фиктивный брак, чтобы получить от них солидный куш. В. И. Засулич прислала мне подходящий для этого «предмет», хорошую ее знакомую, студентку Левинсон, дочь тоже состоятельных родителей. Она приехала из Швейцарии в Елисаветград для знакомства со мной, и мы решили повенчаться с согласия родителей, чтобы таким образом получить средства для деятельности группы «Освобождение Труда». Но мои родители почуяли что-то недоброе и не дали своего согласия. Левинсон уехала, а я стал строить новые планы. К несчастью, при вторичной поездке через границу Левинсон провалилась, при обыске у нее нашли мое письмо, хотя и с неразборчивой подписью, но, не устояв при допросах, она назвала меня, почему и я был арестован в конце 1888 года.

Просидев в предварительном заключении больше года, я был приговорен к двум годам заключения, которые отбыл в Крестах (в Питере). Затем меня прикрепили к Елисаветграду, где я был отдан под надзор полиции, продолжавшийся много лет.

Семейные условия, связанные с массой неприятностей и раздоров с родными, создали мне очень тяжелое мораль-

ное и материальное положение, что лишало меня возможности всецело отдаться партийной работе; я принужден был ограничиваться сборами средств и другой помощью появившимся тогда нелегальным социал-демократическим организациям. Только в 1901 году, после смерти родителей, я вместе с женой смог поехать за границу, чтобы вновь свидеться со старыми друзьями и возобновить прежние с ними сношения.

Мы отправились в Мюнхен, где, как известно, тогда издавались «Искра» и «Заря». Там мы встретились с Плехановым, Засулич, незадолго пред тем бежавшим из Сибири Л. Дейчем, Аксельродом, а также впервые я увидел там Ленина, Надежду Константиновну, Мартова и др. молодых русских марксистов. Девятилетнее пребывание в Елисаветграде оторвало меня от непосредственной партийной работы; поэтому в Мюнхене я несколько ближе ознакомился с тем, во что выросло движение, которое 12—15 лет перед тем вызывало чуть не гомерический хохот среди женевских эмигрантов.

Само собою разумеется, что, как и в юношеские годы, я пошел навстречу товарищам своими денежными средствами и перевел на издание «Искры» довольно значительную сумму. С тех пор моя связь со старыми друзьями возобновилась. К сожалению, условия русской жизни не дали мне возможности сохранить переписку с друзьями, как я не сохранил также писем Лаврова и Дейча за предшествовавшие годы.

После знаменитого второго с'езда нашей партии, на котором произошел раскол, я вновь отправился в Швейцарию, где присоединился к меньшевикам и по их предложению вел переговоры с Плехановым, который тогда еще не решил, кооптировать ли меньшевиков, и оставался единственным редактором «Искры». Помню, он сказал мне однажды, что думает бросить журнальную работу и целиком приняться за большой труд, над которым он, кажется, уже тогда работал.

Как известно, на этом с'езде Л. Г. Дейч по поручению своих друзей об'явил о формальном прекращении существования группы «Освобождение Труда». На этом закончу и свой краткий набросок о моем к ней отношении.

Л. ДЕЙЧ.

ИЗ КАРИЙСКИХ ТЕТРАДЕЙ [1]).

VI. В ГОСТЯХ У В. Н. ИГНАТОВА.

В двадцатых числах декабря 1881 г. к нам в Женеву приехала Евдокия Николаевна Игнатова, с которой я уже раньше был знаком. Перед от'ездом из Москвы она свиделась с жившим там в то время Я. В. Стефановичем: узнав, что она собирается на Ривьеру к лечившемуся там брату Василию Николаевичу, друг мой, Я. В., уговорил ее завернуть в Женеву, чтобы лично передать мне очень важные конспиративные документы, на что она и согласилась. Некоторые из этих бумаг касались и Василия Николаевича, поэтому я письменно передал ему вкратце общее их содержание и предложил ему для большего удобства наших с ним переговоров ответить мне телеграммой, согласен ли он на мой к нему приезд вместе с его сестрой. По получении от него на следующий день утвердительного ответа мы с нею немедленно выехали.

* * *

Для удобства переговоров о деле, по которому я приехал, Василий Николаевич ежедневно по утрам приходил ко мне в пансион, в котором я поселился. Прочитывая вместе привезенные Евдокией Николаевной письма Стефановича и разные документы, мы затем обсуждали предложения, с которыми мой друг обратился к нам. Главным из них являлась — агитация среди сектантов, затеянная тогда Стефановичем сообща с народовольцами.

Убийство террористами Александра II вызвало среди некоторых из наиболее развитых и восприимчивых сектантов

[1]) См. Сборники, №№ 2, 3, 4.

стремление сблизиться с революционерами. Если не ошибаюсь, через интеллигента Трегубова, имевшего некоторые связи как среди первых, так и вторых, Стефанович завел знакомство с сектантами, от которых узнал о появившемся среди их единоверцев интересе или расположении к террористам. После нескольких бесед с ними Стефанович увидел, что революционная агитация между сектантами может иметь успех в том случае, когда она будет вестись путем печатных листков, набранных славянским шрифтом.

Намереваясь заняться такой агитацией, Стефанович надумал устроить специальную для этого типографию, выписав указанный шрифт из-за границы. За помощью для осуществления этого намерения он и обратился ко мне и Игнатову: последнего он просил достать необходимые для этого средства, а мне поручил склонить его к этому плану и затем взять на себя практическое его осуществление, т.-е. заказать в какой-нибудь заграничной словолитне нужное количество славянского шрифта, а также станок и остальные типографские принадлежности и затем постараться все это контрабандным способом доставить в Россию.

Как всегда при наших обращениях к В. Н. Игнатову, он и в данном случае сразу отнесся вполне сочувственно к указанному предложению Стефановича. В плане заняться революционной агитацией среди сектантов он видел как бы возвращение народовольцев к народнической деятельности, к которой он не переставал питать симпатии, несмотря на то, что тогда он уже сильно склонялся к марксизму. К тому же, хотя он обыкновенно мало высказывал вслух свои мнения о близких и товарищах и вообще не был особенно разговорчив, тем не менее, все же из отрывочных его замечаний видно было, что он верит в целесообразность и успешность этого предприятия, раз за него взялся Стефанович, так как он высоко ценил практичность моего друга и его уменье действовать в среде народа.

Но, обращаясь к Игнатову с этим предложением, на осуществление которого требовалось несколько тысяч рублей, мы со Стефановичем совершенно не знали финансового его положения: нам было известно о сделанных им раньше довольно значительных выдачах организациям, в число членов которых он входил, и мы предполагали, что у него еще

имеется достаточно средств. Но из откровенного его мне рассказа о положении его личных дел я убедился, что в этом отношении оно довольно плачевно: оказалось, что из полученного после смерти отца наследства в размере нескольких десятков тысяч рублей преобладающая часть была им своевременно передана в кассы общества «Земли и Воли», а затем «Черного Передела»; оставшаяся же у него незначительная часть ушла на стоившее довольно больших средств лечение в различных дорогих курортах; поэтому в описываемое мною время ему уже пришлось пользоваться средствами сестер и брата. Тем не менее он обещал достать нужную для осуществления плана Стефановича сумму к определенному сроку.

Эти наши регулярно происходившие совещания дали мне возможность ближе узнать Игнатова. Встречаясь года два с чем-то до того в Петербурге, при обилии у каждого из нас конспиративных комиссий и всякого рода забот и хлопот, мы, за редкими исключениями, лишь обменивались наскоро немногими словами, — условия подпольной деятельности, как известно, были неблагоприятны для близкого узнавания в особенности замкнутых в себе товарищей, к числу которых, как я уже упомянул, принадлежал Игнатов.

Совсем иными были условия нашей жизни в Ментоне: у нас не могло быть никаких опасений относительно лишения нас свободы, арестов и мы не были обременены спешными делами и заботами, наоборот, мы пользовались полным досугом, жили в прелестной местности, наслаждаясь чудным климатом, — все это вполне благоприятствовало нашему с Игнатовым сближению.

Кроме дела о сооружении славянской типографии, Стефанович надумал также создать специальную кассу для оказывания помощи семьям арестованных и вообще почему-либо лишившихся заработков распропагандированных рабочих. Для получения средств на это предприятие он советовал мне обратиться к сестре Василия Николаевича, Евдокии Николаевне, которая также получила довольно значительное наследство, но из бесед с нею в Женеве и по пути в Ментону я заключил, что целесообразнее также и об этом плане потолковать с Игнатовым.

Василий Николаевич вполне одобрил и это предложение, обещав лично переговорить с сестрой, при чем выразил уверенность, что она согласится снабдить Стефановича указанной им суммой. Зная о дружеских его отношениях с сестрами, которые относились к нему с большим благоговением, я не сомневался, что и эти деньги будут своевременно получены. Таким образом, мою поездку к Игнатову можно было считать вполне успешной.

Мы много толковали с ним вообще о революционном положении, а также о других предприятиях, в которые в своих письмах Стефанович нас посвящал и отчасти втягивал. Кроме уже затеянного им, сообща с Ю. Богдановичем, «Заграничного Отдела Красного Креста Народной Воли», организацию которого они, как известно, поручили В. И. Засулич и П. Л. Лаврову, Стефанович в то время настойчиво стремился создать также за границей большой периодический журнал, сверх того там же издавать большое количество популярных брошюр-биографий выдающихся деятелей, назидательных исторических очерков и т. д. Для этого необходимо было устроить значительных размеров типографию, чем в описываемое время я и был занят в Женеве.

Ко всем этим предприятиям Василий Николаевич относился хотя и сочувственно, но с примесью довольно большого скептицизма: он не верил в искреннюю готовность народовольцев действительно сойтись с нами на вполне равных, товарищеских основаниях, — ему все казалось, что в качестве якобинцев-нечаевцев они, в конце концов, нас обойдут, проведут, т.-е., воспользовавшись от нас, чем будет возможно, они покажут нам свои когти. Увлеченный тогда стремлением к об'единению с народовольцами, я, конечно, старался разбить его опасения. Веря в мою и Стефановича практичность, Игнатов, в конце концов, стал допускать, что, быть может, его мрачные предсказания — результат его мнительности — не основательны. Увы, года полтора спустя получив от нас устроенную типографию, почти вполне налаженный журнал, несколько нами изданных биографий (Желябова, Перовской, Кибальчича, Гриневицкого, Ал. Михайлова), три номера «На родине» и т. д., — Тихомиров, Ошанина и др. народовольцы вдруг отказались напечатать заявление о нашей готовности присоединиться к народовольцам, вследствие чего, как известно, мы и были вынуждены выступить в качестве самостоятельной группы. Тогда-то мы вспомнили о пессимистическом пророчестве Игнатова...

Скромный, застенчивый, к тому же удрученный тяжким недугом, Василий Николаевич должен был испытывать особенно сильную тоску, живя в курорте среди разношерстной, к тому же фешенебельной публики, с которой у него не было решительно ничего общего. Поэтому наш с Евдокией Николаевной приезд был ему, конечно, чрезвычайно приятен.

Сестра привезла ему много сообщений о родных, близких и общих знакомых, что его интересовало, я же со своими поручениями от Стефановича устанавливал связь его с происходившим на далекой его родине революционным движением; между тем до нашего с нею приезда он чувствовал себя совсем отрезанным от всего, заброшенным, хотя и в чудесное в климатическом отношении местечко, но, в сущности, служившее только преддверием кладбища.

Он нисколько не обманывался насчет своего физического состояния, но ни малейшим образом не проявлял угнетенного настроения, раздражения, а тем более озлобления, как это часто бывает у неизлечимо больных. Наоборот, Игнатов относился философски к своему положению. Все же ему было очень приятно, что, будучи даже в таком безнадежном состоянии, он тем не менее может хоть чем-нибудь быть полезным революционному движению. Кроме того, его очень радовало малейшее проявление внимания к нему со стороны старых сочленов по «Земле и Воле» и «Черному Переделу», так как товарищеские чувства были в нем чрезвычайно сильно развиты.

* * *

По окончании обсуждений с Василием Николаевичем деловых вопросов, мы с ним отправлялись в его пансион за Евдокией Николаевной и затем втроем шли на пляж, где гуляла курортная публика. Погода все время стояла ясная, весенняя, по солнечной стороне невозможно было гулять без зонтика, публика носила летнее платье.

Прогулки мы предпринимали небольшие, ввиду частых отдышек у Василия Николаевича. Но в общем он чувствовал себя недурно, и по внешнему виду нельзя было заметить,

что он — тяжко больной. В противоположность туберкулезным, он не любил говорить о своем здоровье, о температуре.

Прошедши медленно небольшую часть набережной, мы возвращались к завтракам в наши пансионы. В сумерках, а также по вечерам после ужинов мы вновь сходились вместе у Игнатовых, где за чаем проводили по нескольку часов. Часто со мною приходил живший в том же, где я, пансионе польский социалист Казимир Длусский, являвшийся остроумным, интересным собеседником [1]).

В расстоянии всего часа езды по железной дороге от Ментоны находится известное княжество Монако со знаменитым Монте-Карло, в котором помещается прославленное казино, где ведутся азартные игры — в карты и в рулетку.

Мы с Игнатовыми и Длусским также с'ездили в Монте-Карло, при чем с твердым намерением не играть, но все же соблазнились и тоже поставили минимальную ставку — каждый по 5 франков — и, конечно, проиграли их, после чего благоразумно остановились.

Чрезвычайно интересно было наблюдать за физиономиями игроков обоего пола, плотной массой окружавших рулетку. Для их изображения требуется кисть художника, и я не буду пытаться сделать это. Скажу только, что вынесенное нами после часового пребывания в игорных залах впечатление было самое неприятное, — тоскливо-гнетущее с примесью досады и злости на общие социальные условия цивилизованных стран, породивших эту богатую, праздную толпу жуиров. Помню, что я возвращался вместе с другими в Ментону в очень скверном настроении. Да не только Монте-Карло, — вся Ривьера, несмотря на ее красоту и чудный климат, произвела на меня крайне удручающее впечатление: все казалось чуждым, несправедливым, возмутительным. Перед глазами пронеслись картины жизни миллионов и миллионов несчастных тружеников, не имеющих возможности, несмотря на неимоверные усилия, удовлетворить самые ограниченные свои потребности и умирающие массами от нужды, всевозможных лишений и голода. И в это-то время с'езжавшаяся на Ривьеру со всех концов земного шара, в сущности, кучка

[1]) Подробно о нем я сообщил в статье «Пионеры польского социал. движ.», в «Вест. Евр.», 1917 г., а также в брош. «Наша политическая эмиграция и т. д.». Ленгиз. 1920 г.

праздных тунеядцев в течение часов, а то и минут расшвыривала такие суммы, которые могли бы осчастливить миллионы людей, лишенных самых минимальных удобств жизни.

Когда я поделился с Игнатовым этими впечатлениями о Ривьере, он, вполне согласившись со мною, заметил, что раз мне, приехавшему туда всего на несколько дней, так неприятно, то как же тяжело должно быть ему, обреченному проводить в этих местах с «изысканной» публикой целые годы. Он охотно уехал бы оттуда в какую-нибудь простую, бедную деревню, но очень любившие его сестры настаивали, чтобы он жил в прославленных своими целебными свойствами курортах. Не желая их огорчать и лишать надежды на его излечение, он принужден был переезжать из одного неприятного ему фешенебельного курорта в другой. Напомню здесь, что этот невыносимо тяжелый для него образ жизни, быть может, только на 3—4 года продлил его век: заболев в 1880 году, он умер летом 1885 года.

VII. У ХОТИНСКИХ.

Прошло полгода. Много крупных, а в особенности мелких событий произошло за этот короткий промежуток времени. По обстоятельствам, о которых я сообщил в одном из предшествовавших очерков, я вместе с Розалией Марковной Плехановой летом 1882 г. отправился в Берн, где я получил приглашение от своего приятеля Александра Хотинского приехать погостить к нему в Интерлакен. Из Берна мне нужно было поехать в Цюрих на свидание со «Страсбургским юношей», т.-е. с А. Тилло; оставалось еще несколько дней до наступления условленного нами с ним для этого срока, и я решил использовать их, чтобы навестить бедного Хотинского.

Ему предстояла видная ученая карьера; однако, будучи уже на одном из последних курсов, он, — подобно многим тогда, — бросив Медицинскую академию, отправился «в народ».

Весной 1878 г., когда Хотинский, давно уже состоявший членом общества «Земля и Воля», приехал в Петербург, он узнал там, что арестовали одного из немногих тогда

дельных и развитых рабочих — Преснякова. Хотинский решил увезти Преснякова.

Разработав сообща с А. Квятковским план освобождения, о чем был уведомлен Пресняков, Хотинский в соответствовавшее время уселся в кабриолет в качестве «барина» и направился к зданию жандармского управления. Возвращавшийся с допроса Пресняков бросился по направлению к стоявшему у под'езда экипажу, но едва он успел вскочить на его подножку, как один из настигавших его жандармов уцепился за него, стараясь его сдернуть. Тогда Хотинский, отличавшийся довольно большой физической силой, в свою очередь обхватил Преснякова, а Квятковский погнал рысака, — жандарму пришлось отпустить схваченную жертву. Пресняков был спасен.

Судьба берегла Хотинского: несмотря на участие в столь отважном предприятии, как только что описанное, а также и во многих других, менее рискованных, он ни разу не был арестован.

* * *

Впервые я с ним встретился в то же лето 1878 г. Товарищи землевольцы расхваливали его, как хорошего «народника»; мне же самому, ввиду его замкнутости, не удалось тогда сколько-нибудь его узнать. К тому же он вскоре после нашего знакомства отправился на Волгу в одно из поселений землевольцев, а я уехал за границу. В качестве студента-медика последнего курса он занял должность фельдшера в какой-то деревне Саратовской губернии, где пробыл два с чем-то года.

Один только Хотинский оставался неизменно на своем посту. Наконец, пребывание в «поселениях» стало совершенно невозможным, — решительно все его товарищи покинули деревню: *Хотинский остался там единственным*, он явился *последним народником*, которого к тому же другие побудили оставить поселение и отправиться за границу, где и мы тогда находились.

Это было незадолго до убийства царя. В Швейцарии мы довольно близко сошлись с Хотинским.

Вскоре по приезде за границу он решил поступить в бернский университет, чтобы получить докторский диплом, ко-

торый, полагал он, мог ему впоследствии пригодиться. Ему для этого нужно было посещать университет, кажется, всего в течение двух семестров. Мы, его товарищи, вполне одобрили это его намерение.

Спустя год наступили окончательные экзамены, которые он блестяще сдал.

Вскоре после этого мы свиделись, и он сообщил мне, что во время последнего экзамена он почувствовал сильное недомогание. Профессор, к которому он обратился, выслушав его, констатировал легочный процесс и посоветовал отправиться в горы.

— Видите, дело скверное, — закончил Хотинский с чрезвычайной грустью, рассказав мне о диагнозе профессора.

Я стал его утешать, доказывая, что при благоприятных условиях с этой болезнью многие долго живут; при этом я высказал уверенность, что полюбившая его студентка наверно постарается создать для него наилучшую обстановку.

Судьба сыграла с ним очень злую шутку. Сближение с Верой Григорьевной Личкус являлось чуть ли не первым его «романом», между тем ему уже было тридцать лет и красотой он совсем не отличался. И вот, когда мелькнул луч счастья для этого одинокого человека, вместе с ним явилась и зловещая угроза. Было отчего впасть в уныние, в печаль.

Вместе с молодой женой он поселился в чудной местности вблизи известного в Швейцарии Интерлакена.

Мы чрезвычайно жалели его, как человека и как ценного работника, на которого, ввиду его умственных и душевных свойств, возлагали надежды, что, по окончании медицины, он примкнет к нашему небольшому тесному кружку и заодно с нами будет работать на избранном всеми нами, членами будущей группы «Освобождение Труда», поприще. Как раз в описываемое мною здесь лето (1882 г.) у нас шли с остатками партии «Народная Воля» переговоры о соединении, и мы многое уже сделали для этого. В эту совместную с народовольцами работу мы намеревались привлечь также и Хотинского, когда он окончит университет.

Несмотря на непродолжительный период своего пребывания за границей, к тому же при перегруженности занятиями по изучению медицины и по подготовке к экзаменам, Хотинский, тем не менее, под влиянием западно-европей-

ских условий, с одной стороны, и тесных сношений с нами — с другой, все же сделал большой шаг вперед в отношении отказа от народничества и, наоборот, приближения к научному социализму. Как и многие из наиболее развитых русских социалистов, он еще до поездки за границу уже основательно проштудировал «Капитал» Маркса; поэтому, ввиду бывших у него больших способностей, мы, как и он сам, не сомневались, что по окончании изучения медицины он быстро ознакомится с марксистской литературой и станет очень ценным нашим единомышленником. Мы рассчитывали, что, таким образом, наша небольшая группа вскоре увеличится еще одним, притом очень даровитым членом. И вот эти надежды вдруг разбивались! Кроме Игнатова, тяжкий недуг выбивал из нашего строя еще другого крупного чернопередельца, кандидата в первую марксистскую группу. Но, не видя Хотинского с весны в течение двух — трех месяцев и узнавая из лаконических его сообщений в открытках, что ему лучше, я начал питать надежду, что легочный процесс у него замедлился, — он поправится и со временем сможет принимать активное участие в наших предприятиях и планах.

* * *

В одной из деревушек, расположенных в окрестностях Интерлакена, в скромной квартирке из двух комнат, снимаемых от хозяев-крестьян, я нашел Александра с Верой Григорьевной.

Встретили они меня очень радушно, и я провел у них довольно приятно несколько дней. Еще по пути меня интересовало, какою я найду Веру Григорьевну в качестве супруги, так как до этого я никогда не видел их вместе. Она показалась мне такой же, какой была раньше, — серьезной, спокойной, сосредоточенной в себе. Свои отношения с Александром она старалась маскировать дружбой и была с ним на «вы».

Александр выглядел значительно лучше, чем когда я его видел весной. Он был весел, разговорчив, высказывал предположение, что легочный процесс может затянуться, почему рассчитывал прожить еще несколько лет. Вера Григорьевна проявляла к нему большое внимание и заботливость, оберегала его от простуды и всякого утомления, ежедневно осведомлялась о его температуре и состоянии здоровья. Мы втроем предпринимали небольшие прогулки, и только раз я с ней одной отправился довольно далеко к чудному водопаду Лаутербрюнену, но и тогда она мало говорила.

* * *

Я уехал от них ободренный, полный надежд на его выздоровление. Осенью, с наступлением дождей, он намеревался поехать в Италию, а весной вновь вернуться в Швейцарию:

— Так и будем мы с Верой, подобно знатным иностранцам, смотря по времени года, переезжать из одного земного рая в другой, — сострил он, прощаясь со мною на пристани, куда они пришли, чтобы проводить меня.

Средства у него и у нее были крайне ограниченные, — они могли жить только «по-студенчески».

Я был уверен, что в следующую нашу встречу, после их возвращения из Италии, найду Александра во всяком случае не в худшем состоянии. Но в конце зимы того же года я вдруг получил от Веры Григорьевны из Кларана телеграмму: «Приезжайте немедленно, Александр при смерти, желает проститься».

Вследствие скудных средств, имевшихся у Хотинских, а также холодной зимы, бывшей тогда в Италии, у него развилась скоротечная чахотка. Поняв это, как врач, Хотинский настоял, чтобы Вера Григорьевна немедленно перевезла его обратно в Швейцарию, так как он во что бы то ни стало хотел умереть вблизи товарищей. Так, даже накануне смерти, у Хотинского не ослабели товарищеские чувства: из-за желания проститься с нами он несомненно ускорил момент наступления роковой развязки.

Когда я приехал, он был уже в агонии и в следующую ночь скончался.

На живописно расположенном над Женевским озером Кларанском кладбище так же забыта могила Хотинского, как и память о нем.

«ДРАГОМАНЬЯДА».

Письма В. Засулич, Драгоманова и П. Б. Аксельрода.

Среди бумаг в архиве Г. В. Плеханова находился конверт, на котором крупными буквами рукой Веры Ивановны написано: *Драгоманьяда*. В конверте оказались письма к ней проф. М. Драгоманова и черновики ее ответов ему, а также два письма по этому же делу П. Б. Аксельрода ко мне, затем копия ее письма, напечатанного в выходившей в те времена (т.-е. в начале 80-х гг.) в Женеве русской газете «Общее Дело» и копия же «Открытого письма к г-ну М. Драгоманову», также опубликованного в 1882 г.

Перепечатываемые здесь все эти документы касаются довольно нашумевшего тогда инцидента по поводу нашего столкновения с Драгомановым из-за сделанного В. Черкезовым в известном его памфлете против Драгоманова сообщения с моих слов о том, что Драгоманов, печатно обвинявший тогда русских революционеров во всевозможных преступлениях, в том числе и в «истреблении чужих публикаций», сам снял копию с присланной на его имя П. Б. Аксельродом из России для нас, «хлопцев» (т.-е. для Стефановича, Плеханова, Засулич и меня), одной программы, чего, по нашему мнению, он не имел права сделать.

В помещенной в «Вольном Слове» статье, озаглавленной «Обаятельность энергии», Драгоманов возвел на русских революционеров куда более тяжкие обвинения и оставил без ответа наше «Открытое письмо», в котором мы предлагали ему подкрепить свои голословные утверждения. Несмотря на это, он пришел в неимоверное негодование, в особенности против меня, за одно лишь сделанное мною В. Черкезову сообщение, — словно я (а отчасти также Г. В. Плеханов) совершил самое тяжкое преступление. Он не принял несколько раз сделанного нами ему предложения — предоставить третейскому суду разбор этого инцидента, повторяя всюду, что ему мною нанесено неизгладимое оскорбление.

С тех пор прошло более сорока лет. Некоторые, — в том числе покойные Б. Кистяковский и, кажется, галичанин Павлик, — отчасти касались уже в печати этого эпизода в жизни нашей политической эмиграции начала 80-х гг.

Пришлось и мне упомянуть об этом инциденте [1]), но теперь, ввиду минувшего в прошлом году тридцатилетия со времени смерти М. Драгоманова и связанного с этой годовщиной опубликования разных материалов, касающихся этого крупного украинского ученого и политического деятеля, полагаю, не излишне целиком опубликовать все оказавшиеся в архиве Веры Ивановны документы.

В упомянутом конверте сохранились копии повидимому всех писем Засулич к Драгоманову, но к оставлению копий она в других случаях не прибегала; однако, судя по оказавшимся там же письмам Драгоманова, посвященным «Драгоманьяде», можно предположить, что на последние его письма В. И. не сочла нужным отвечать, он же между тем продолжал посылать ей одно письмо за другим, пока она не уведомила его, что будет их возвращать, не читая.

Нужно ли мне доказывать, что в публиковании этой «драгоманьяды» мною ни в малейшей степени не руководят какие-либо личные мотивы и соображения? За давностью лет я совершенно спокойно и об'ективно отношусь к указанному инциденту, и он представляется мне столь мелким и ничтожным, что теперь кажется даже странным, как могли мы по его поводу ссориться, рвать и метать.

Л. Д.

ПЕРЕПИСКА В. ЗАСУЛИЧ С М. ДРАГОМАНОВЫМ.

I.

2 октября 1882.

Вера Ивановна!

Вчера я получил вашу приписку к письму Дейча в такое время, что не мог ответить вам благовременно: было воскресенье, и вы должны бы были, не получив моего ответа, напрасно ждать меня у Аккерманов [2]). Вот почему, ради вас, я должен был видеться с Дейчем и, не желая отвлекаться от дела, разговаривать с ним. Между тем последнее противно моим принципам и привычкам.

Дейч принял самое сильное участие в распространении и поддержании на меня заведомой лжи и клеветы. Лично я настолько не придаю этим вещам значения, что, имея

---

[1]) См. мою статью «У начала легенды», «Сов. М.», 1912 г.

[2]) Известный ресторан в Женеве, куда я и В. И. письменно пригласили Драгоманова притти для об'яснения по одному делу. *Л. Д.*

в своих руках письма Аксельрода, которые не только опровергают упомянутые выдумки, но и представляют поведение всех их виновников и заговорщиков, от Дейча до Аксельрода, в самом невыгодном свете, не обнародовал их, несмотря на всяческие вызовы, в один из которых втянуты были, как я думаю, по недоразумению и вы. Но вообще я считаю такие вещи, как роль Дейча в этом деле, настолько непростительными, что считаю непозволительным для всякого уважающего себя человека всякие знаки снисхождения к лицам, себе такие вещи позволившим. А потому я принужден просить вас: если на будущее время вы пожелаете меня видеть, то не приглашайте меня в общество Дейча.

Готовый служить вам

М. Драгоманов.

II.

Господин Драгоманов!

Я получила ваше письмо, посланное 2 октября, только сегодня, потому что № моего дома был выставлен вами неверно.

Считаю своим долгом тотчас же ответить вам, чтобы вывести вас из недоразумений на свой счет. Хотя меня не было в Женеве в то время, когда вы сняли копию с рукописи, присланной на ваше имя для передачи «хлопцам», но я слышала от своих друзей — Дейча, Стефановича и Плеханова, - что вы сами в то время заявляли об этом факте, и верю им безусловно. Я вполне солидарна с ролью Дейча в этом деле. Я без всяких недоразумений участвовала в составлении коллективного письма к вам и, если не отвечала, когда вы упоминали об этом письме во время нашего разговора, то лишь потому, что считала всякие споры между нами об этом предмете бесполезными.

Вы, конечно, и сами видите, что теперь никакие беседы между нами ни при Дейче, ни без него не возможны.

В. Засулич.

III.

Вера Ивановна!

Последнее письмо ваше убедило и меня, что нам с вами «беседовать невозможно». Из него я узнал, 1) что вы сочли для себя позволительным поверить клевете на основании *только* слухов от ее же изобретателей, — которые затем сами ссылались на вас же как на свидетельницу и даже очевидицу! 2) что вы, даже узнав от меня, что у меня есть *документы*, скидывающие клевету на головы ее изобретателей, все-таки, не пожелав даже проверить их, об'являете себя вполне солидарною с клеветниками.

Письмо мое между прочим давало вам ниточку для выхода из болота, куда завели вас добрые люди. Вы пренебрегли этой ниточкой. Это ваше теперь дело! Как мне это ни жалко за вас, — но, конечно, я более не обеспокою вас разговорами ни об этом, ни о других делах, более интересных для вас, чем для меня.

М. Драгоманов.

IV.

Выражения вашего первого письма, г. Драгоманов, обращенные *ко мне*, были уже крайне неуместными и оскорбительными для меня, как близкого друга тех людей, о которых вы утверждаете в нем, что они распространяли о вас «заведомую ложь и клевету». В своем ответе вам я старалась быть беспристрастной и допустила на минуту, что вы будто бы не знаете о нашей дружбе, что ваше оскорбление неумышленно, и сделала все, чтобы вывести вас из этого недоразумения. Ваше второе письмо есть уже умышленное оскорбление меня, нарушающее все правила не только приличия, но и порядочности в отношениях к людям. «Уважающий себя человек», преисполненный такого негодования, какое выражаете вы в своих письмах, не стал бы писать мне целой массы ругательств на моих друзей, так как *для меня* их утверждение не может быть «только слухом», а составляет несомненное доказательство, и согласился бы предоставить это дело разбору беспристрастных лиц, из-

бранных обеими сторонами, что было вам уже предложено. Суду же могли бы вы представить и свои «документы», содержание которых мне хорошо известно из писем и со слов их автора, Аксельрода. Я снова предлагаю вам положить конец этой истории подобным разбирательством. Только третейский суд может беспристрастно решить это дело и дать вам право так или иначе поступить с частными письмами Аксельрода.

Если же вы откажетесь от предлагаемого нами суда, мне останется утверждать, что своими ругательствами вы заведомо лжете и клевещете на нас и свои «документы» бережете, чтобы опубликовать их со своими комментариями в такое время, когда здесь уже не будет никого, кто мог бы восстановить это дело в истинном его свете.

V.

Вера Ивановна!

Вы очень ошибаетесь, если думаете, что *я* отказался от третейского разбирательства с Аксельродом по делу о пущенной на меня разными лицами клевете, которое А—д мог бы вполне раз'яснить. Вы бы не сделали этой ошибки, если бы вам известна была из *подлинников* переписка моя с А—дом по этому делу.

Если *вы* теперь желаете третейского разбирательства со мною, то я принимаю ваше предложение и надеюсь, что после *близкого* ознакомления с делом вы возьмете назад многие выражения и утверждения ваших писем, в том числе и ваших замечаний о том, как я «поступаю с частными письмами А—да».

Потрудитесь сообщить ваши условия для предлагаемого разбирательства.

М. Драгоманов.

VI.

Вера Ивановна!

Всякое дело, для того, чтоб было ведено с надеждою на успешный конец, должно вестись в известных границах, присущих его реальным условиям.

Дело о третейском суде между вами и мною возникло при следующих условиях:

Вследствие известного вам обстоятельства вы написали мне письмо, в котором приписали мне снятие копии с присланной на мое имя рукописи для передачи «хлопцам», т.-е. повторили от себя клевету, пущенную уже давно на меня разными лицами. Я ответил вам, что вы повторяете эту клевету без всякого солидного основания. Вы сочли мое письмо для себя оскорбительным и, приписав мне — столь же неосновательно — новые подлости (в том числе одну даже в будущем), пожелали со мною третейского разбирательства.

По всему этому третейское разбирательство между нами может быть только, *во-первых:* между нами *двумя; во-вторых:* только по вопросам о приписываемых вами мне в письмах ваших подлостях (иначе, об оскорблении меня вами), а также о предполагаемом вами оскорблении вас мною. Само собою разумеется, что вы имеете право вызвать к суду для дачи показаний против меня по этим вопросам кого вам угодно, — каковое право, конечно, имею с своей стороны и я для своего оправдания и вашего обвинения.

На этих условиях я принимаю предлагаемое вами разбирательство, и если их принимаете вы, тогда нам останется условиться о подробностях осуществления этого разбирательства.

Вводить же в это дело какую-то коллективность, которую вы означаете в последнем письме словом *мы*, а равно примешивать к этому делу мои статьи в «В[ольном] Слове» и «Открытое письмо к г. М. Др — ву», — значит, по моему мнению, начинать совсем новое дело, к данному делу никакого существенного отношения не имеющее, и потому только запутывать данное дело и оттягивать его разрешение.

После всего сказанного, я полагаю, нет надобности отвечать на предлагаемые вами вопросы, исключая одного, ответ на который вы и сами, впрочем, могли предугадать.

Я об'являю всякие рассказы о том, будто я снял копию с назначенного для «хлопцев» и не принадлежащего мне документа, ложью; распространение этого рассказа со стороны тех, кто имеет возможность убедиться в его ложности, об'являю сознательной ложью и клеветою; потворство этому

распространению со стороны всякого, кто по знанию ли дела, или по возможности узнать его обстоятельно, мог бы остановить это распространение, — сознательным потворством лжи и клевете.

М. Драгоманов.

VII.

Вера Ивановна!

Было бы очень длинно разбирать подробно ваше последнее письмо, исполненное соображений произвольных и не идущих к делу, возникшему между нами. Я скажу только следующее:

Вся наша переписка с вами возникла из-за того, что вы поставили меня в необходимость иметь дело с г. Дейчем. Не желая повторения подобных случаев, я должен был заявить вам об этом и, чтобы не показаться капризным, должен был высказать к тому и резон. Вы сочли это высказывание оскорбительным для вас, а потому я теперь не могу вовсе говорить с вами о том, почему я не желаю иметь ровно никакого дела ни с г. Дейчем, ни с г. Плехановым, которого вы называете в вашем последнем письме наравне с г. Дейчем.

Затем — как я уже отчасти имел случай заявить вам — привлечение к делу об известной вам клевете на меня «Открытого письма», которому вы почему-то даете значение чего-то, представляющего «рос. соц. революционную партию», — совершенно странно: «Открытое письмо» — литературное произведение разных лиц, разных личных достоинств и отношений, — в деле о поддержанной вами клевете также не при чем, как рос. соц. рев. партия не при чем в деле этого письма.

Ваше последнее письмо я принял за окончание дела о вызове вами меня на третейский суд, так как вы произвольно обставили ваш вызов не идущими к делу и невозможными условиями. А теперь я сам вызываю вас, Веру Ивановну Засулич, на третейский суд, перед которым я намерен поставить вопросы:

1) О совершенно мною незаслуженном оскорблении вами, В. И. З—ч, меня двумя письмами, в которых вы, без всякого серьезного основания, приписываете мне разные подлые поступки, начиная от снятия копии с непринадлежащих мне документов.

2) О распространении вами, В. И. З—ч, обо мне лжи.

Я предлагаю вам суд на следующих условиях:

1) Каждая сторона пригласит двух судей, которые вместе изберут пятого — председателя.

2) Суд будет гласный, и протокол его, а также документы, которые будут на нем представлены, будут напечатаны.

Само собою разумеется, что вы можете вызвать к суду, для дачи в вашу пользу показаний, — кого вам будет угодно.

М. Драгоманов.

На небольшом клочке бумаги рукой Веры Ивановны набросаны следующие строчки, явившиеся, очевидно, последним ее ответом Драгоманову.

Л. Д.

«Так как вы категорически отказываетесь принять вызов на суд, посланный вам через меня Дейчем и Плехановым за несправедливое обвинение их вами во лжи и клевете, то и я не желаю иметь с вами ровно никакого дела и на дальнейшие письма отвечать не бу[ду, а ваши буду] возвращать нераскрытыми».

[Подписи нет. *Л. Д.*]

ПИСЬМА П. Б. АКСЕЛЬРОДА К Л. ДЕЙЧУ.

(В Женеву.)

I.

Цюрих 1882 г. 22/V.

Отвечаю тебе, Женька, через Кларан ввиду сбережения времени и себя от двойного самораздражения, так как нужно же и Вере по этому поводу написать. Во-первых, я телеграммы твоей *не получил*, что очень странно. Драгоманову хотя и писал, но, во-первых, не для печати, а, во-вторых, в виде моего предположения, относительно верности которого я и обратился за справками «к своим». Теперь я, конечно, ему сообщил почти буквально все твои сообщения об обстоятельствах снятия копии и т. д., заявив ему,

что если он чувствует себя вполне чистым в этом деле, то пусть обратится к третейскому суду (Сергея [Кравчинского-Степняка] и т. п.). Таким образом я переступил твое категорическое вето относительно писания Др[агоманову] не больше, как: «я не давал вам права» и т. д. Само собою разумеется, что я такого права не давал, но мог лично просить его о пересмотре и т. д. и косвенно... Но, впрочем, что и говорить, Др[агома́нов] — враг, — а стало быть, никаких сомнений и расследований о виновности быть не должно. Так вот видишь ли: если бы ты на основании сообщенных тобою подробностей доказал бы мне всю неосновательность заявления, то мне, конечно, пришлось бы согласиться с тобою — и только, хотя оценка самого поступка Др[агоманова] для *меня лично* зависела бы от еще более основательных расследований. Но ты, зная или видя из моего заявления мое неведение многих подробностей, с одной стороны, а с другой — мою уверенность, что в той или иной форме я своими письмами как бы дал Др[агоманову] повод считать себя в праве — хотя бы на минуту — снять копию с документа, нашел, однако, нужным возмутиться моим поступком, не отдав себе отчета, что с моей точки зрения (она могла быть ошибочной) я был обязан это сделать, чтобы в своих собственных глазах не быть *подлецом*. И все дело ты (или вы все, разумеется) свел к оказанию услуги «приятелю». Вот это-то абсолютное непонимание или неверие в иного рода мотив, кроме приятельства, и есть самое возмутительное в твоем письме, не говоря уже о том, что оно *абсолютно* ложное. Мое приятельство с Др[агомановым] так велико, что уже прошлым летом я уклонился от его литературного посредничества для меня в журналах (вероятно, «В. Евр.»). заявив, что Лавров уже все устроил. Не только для себя, но и для других (по просьбе Добров[ольского] и т. д.) я отказывался обращаться к нему. Ну, а с тех пор наше приятельство свелось уже просто к официальной переписке. Не думай, пожалуйста, что мне стыдно было бы приятельства с ним, если бы таковое было; но его нет — по причинам полупринципиального, полуличного характера. Но не в этом дело. Для меня характерно и поучительно, что ты не можешь об'яснить моего намерения иначе как приятельством, правдивостью, чувством нравственной ответственности — это-

го ты никак не хочешь переварить [фраза не кончена. *Ред.*]. Впрочем, не к чему распространяться. Что касается до «революц[ионного] суда» и других серьезных последствий, то, клянусь тебе, я никоим образом не отступился бы перед этим, если бы *фактически* я был прав, т.-е. если бы я был уверен, что вы перепутали ход этого дела. Раз навсегда знайте: со мною всегда будут случаться «несуразности», когда я буду чувствовать или сознавать себя виновником или нравственно ответственным за обвинение, возведенное на какого-нибудь честного человека, хотя бы только по недоразумению или пристрастию моими самыми близкими друзьями-приятелями или товарищами. Таков я есмь и иным в этом отношении быть не желаю. Твое предложение приехать в Кларан — «для об'яснений» — я бы охотно принял, если бы не жалел денег. Если же ты или вы все находите это нужным, то я готов половину издержек взять на себя, так как «об'яснения» были бы очень нелишни вообще по разным пунктам. Вообще мы перестаем понимать друг друга — плод ли это недоразумений или более коренных причин — во всяком случае это очень печально. Пока же выходит, что то я вам, то вы мне отравляете жизнь. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы удалось так или иначе положить этим ненормальностям конец. Заметь, я с своей стороны отнесся с полным вниманием к *фактической* стороне твоего письма. Но этот тон, эта неспособность войти в чисто неличные, обязательно-человеческие мотивы моего отношения к Черкезовскому сообщению — гораздо возмутительнее моего заявления, что мои товарищи по незнанию моего письма [1]) к Др[агоманову] — имели перед собой голый факт в его непривлекательной форме, тем более некрасивый, что Др[агоманов] так строг к другим. Кстати, фразу, цитируемую тобою из моего письма, я относил именно к Др[агоманову] и даже, сообразив ее двусмысленность, написал Вере об изменении ее.

Но довольно об этом. Ко мне пристают евреи с вопросом: что же с брошюркой Лаврова? Когда она появится? Ведь вы же тогда серьезно отнеслись к этому делу? Так напишите же ему. Расходы на печатание и перевозку можно

[1]) А если бы таковое было, то все-таки дело выходит далеко не по-вашему.

будет взять в крайнем случае на счет еврейской кассы. Лавров, очевидно, не понял меня — а ты, каким-то образом забыв о характере проектировавшейся брошюрки, пишешь мне, что согласен с ним. Припомни, что мы тогда говорили, и предложи же ему привести это в исполнение от вашего имени. А то мне просто совестно перед евреями: они непременно думают, что это нарочно обещали сделать, для виду только.

Павел.

P. S. Что касается до моей подписи под письмом к Др[агоманову], то она ничего общего с моим нежеланием иметь на своей душе грех лжесвидетельства не имеет. Вопросы, предлагаемые Др[агоманову] в письме — основательны, так что и в моей статье (она, впрочем, так и лежит необработ.) для С[оциал]-Д[емократа] они фигурировали в форме цитат и полемики; но для немцев это, конечно, было бы неинтересно и скучно, между тем как в форме сжатого письма — на русском языке — они хороши. Но моя солидарность с вами в этих вопросах, обращ[енных] к Др[агоманову] — ничуть не обязывает меня к безусловному даканию — даже в том случае, если бы я — основательно или нет — увидел, что вы путаете факт, раз'яснение которого зависит от меня, и что мое молчание является своего рода сознательной клеветой. Слабость, легкомыслие я мог бы себе простить, но сознательной подлости — никогда. Запомни это хорошо, потому что от этого правила я не отступлю даже под опасением вечных упреков не только в бестактности, но даже в измене. Все это я говорю, чтобы как-нибудь выяснить тебе, что с моей точки зрения я не мог не выступить с известным заявлением, которое, если бы оно было основано вполне на фактах и появилось в печати, скорее свидетельствовало бы в пользу *нашего* полного беспристрастия и приверженности к правде, чем, наоборот, накладывало бы пятнышко на «имена» и т. д. Все, брат, зависит от вкуса — один полагает, что если он по ошибке ударил кого, то и должен дать вторичную оплеуху — для подтверждения своей правоты, другой предпочитает извиниться, если ему доказали, что он ошибся. Конечно, вы, повидимому, в данном случае правы или по крайней мере уверены в этом. Но вы бы должны были

понять, что и я был прав с своим предложением — раз мне казалось, что вы бессознательно делали несправедливость, а я косвенно был этому причиной.

II.

Цюрих 1882 г., 14/XI.

Дорогой Евгений!

Прилагаю письмо к тебе из Италии и перехожу прямо опять к проклятой Драгомановщине. Признаюсь, жалею, что Лопатин не взял у Драгоманова мою переписку для Веры. Положительно недоумеваю, что там особенного в этих письмах. Что в них могут быть такие надписи, как: «Только вам» и т. д. — весьма вероятно, принимая во внимание мои хорошие к нему отношения года 2—1½ тому назад и, относительно говоря, до еще недавнего времени. Но какое это имеет отношение к вашему обвинению его в снятии копии? Мои письма, допустим, могут служить в глазах судей смягчающим его вину обстоятельством в том смысле, что он мог как бы взять себе право снять копию. Но ведь ваше суждение о его поступке основано на об'ективном факте, а не на моих хороших когда-то отношениях к Др[агоманову]. Вообще, будь этакие угрозы моими письмами со стороны мелкого дурака, а не Драгоманова, я бы, право, начал подозревать какой-нибудь подвох, вроде подделки. Теперь же мне кажется, что если в них, кроме обмена мыслей приятельским тоном, содержатся какие-нибудь указания или намеки на его право считать себя по отношению к рукописям из России равноправным с вами, то ответственность за ваше обвинение падет опять-таки целиком на меня, который не раз'яснил вам, в чем дело. А как тебе известно, я весной вообразил даже, что я письменно категорически предлагал ему переделать или участвовать в переделке записки и т. д. Словом, я окажусь не помнящим, что творил и т. п. Но вывода из писем относительно вашей злоумышленности решительно немыслимо [сделать]. Вероятнее всего, что это из южан кто-нибудь обращался к Др[агоманову] с вопросом о печатании записки. Вероятнее всего, что «только вам» и пр. относились к сообщениям о слабости федерализма в России и т. д. Других «только вам» едва ли могло быть даже

вскоре после приезда в Румынию, когда я на вас злился до чертиков.

Жаль, что не тебе и Жоржу, а Вере придется судиться с ним. Знает ли она хоть так все тонкости дела, как вы? Ведь вот я по сю пору вполне в толк не возьму, о какой рукописи и т. д. дело идет? Потому мне и пришлось замолчать окончательно с риском оказаться действительно ответственным в этой истории, если она сколько-нибудь перепутана. Письмо это не мешает тебе переслать и Вере, так как ленюсь ей особо писать, а во-вторых, не знаю, доходят ли до нее мои письма, так как на два не получил от нее ответа даже через тебя. За весть о Дмитре большое тебе спасибо, перешли ему от меня самый искренний братский привет. Как его здоровье и вообще настроение? Сообщи, если он пишет об этом.

Из дома пишут и Августина и Соня [1]), что к новому году непременно будут деньги, так как, во-первых, из Чернигова выдали родителям свидетельство на право заложить имение, и киевский банк обещал скоро прислать оценщика. Ну, затем банк должен предварительно спросить в питерском банке, но это только несколько затянет дело; во-вторых, имеется купец, желающий купить на несколько тысяч рублей лесу для железной дороги. Словом, отец, Соня и Августина настолько уверены в том, что деньги будут, что предлагают мне занять тут деньги до нового года и специально заняться университетскими предметами. Разумеется, мы этого не сделаем, во-первых, потому, что негде, а во-вторых, что мы должны здесь в Цюрихе (лавочке и т. д.) до 400 фр., да революц[ионной] кассе 150 рублей, почти 200 фр., да еще Машеньки деньги [2]) 100 или 200 фр. Присоедини долг Грессихе, и получится долгу больше 900 фр. и 150 рублей (кроме работы, которую я в долгу революции).

---

[1]) Августина и Софья Каминер — сестры жены П. Б., Надежды Исааковны, жили в то время в России. Отец их был довольно известный в Киеве врач. *Л. Д.*

[2]) П. Б. имеет здесь в виду оставленные ему в наследство деньги умершей за границей, личной его приятельницы, Марии Клавдиевны Решко, члена «Черн. Перед.», но П. Б. не считал себя вправе принять эти деньги, а предполагал внести их в общую кассу. *Л. Д.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Затем, полагаю, не излишне привести упоминающиеся в переписке «Открытое письмо г-ну Драгоманову» и в заключение — письмо Веры Ивановны, напечатанное в газете «Общее Дело».

Л. Д.

Приложение 1-е.

«Открытое письмо г-ну Драгоманову».

Милостивый Государь!

В своей статье «Обаятельность энергии», — напечатанной в № 34 «Вольного Слова», — вы говорите, между прочим, следующее: «Как последствие такой легкости отношения к принципам, видим, между прочим, потерю ясности положительного политического сознания в самих революционных кругах, — а затем неизбежное понижение требований от личности революционных деятелей, чем об'ясняется существование на-ряду с лицами высокой энергии, — преимущественно, впрочем, практической, — такого сравнительно большого процента предателей во всех русских политических процессах последнего времени. А разве не поучительно, что тот же самый Гольденберг, который по принципу убил харьковского губернатора, по принципу же в качестве «социалиста-народника» убивал и политиков-террористов откровениями перед Лорис-Меликовым? А сколько можно процитировать примеров нетерпимости, мелочной грызни между революционными кружками, интриг, взаимного обмана, клевет, истребления и умышленного запрятывания публикаций, изданных не нашими, и т. д. Что же увидели бы мы, если бы хотя какая-нибудь из теперешних русских революционных фракций действительно приблизилась к власти? «Исполнительный Комитет» представил собою только отдаленное подобие власти, а уже и теперь в известных кругах мы видим признаки своего рода придворных нравов, например: боязнь противоречить ему в чем-либо, даже указать ему для его же пользы явные его ошибки, безмолвное поддакивание его централи-

стической государственности со стороны вчерашних федералистов и анархистов, стремление помазаться его славою и т. п., и т. п.».

Вы согласитесь, конечно, М. Г., что сказанное вами о русских революционных кружках изображает их в очень непривлекательном свете... Причисляя себя к русской социально-революционной партии и зная отчасти взаимные отношения русских революционных кружков за последние годы, мы считаем себя обязанными способствовать восстановлению репутации этой партии в тех случаях, когда делаемые ей упреки кажутся нам незаслуженными. Мы позволяем себе поэтому предложить вам несколько способствующих раз'яснению дела вопросов. Мы уверены:

1) что, указывая на «сравнительно большой процент предателей во всех русских политических процессах последнего времени», вы, единственно по недостатку места, не об'яснили, с какой именно эпохой и каким именно движением сравниваете вы современное русское движение;

2) что вы не откажетесь назвать те действующие в России революционные кружки, которые сделались известны вам «мелочной грызней, интригами, взаимными обманами и клеветой»;

3) что вы укажете на известные вам случаи «истребления и умышленного запрятывания публикаций, изданных не нашими»;

4) что для большей «поучительности» вы не откажете об'яснить, на чем основываете вы свою уверенность в том, что «Гольденберг» по принципу, в качестве «социалиста-народника», убивал «политиков-террористов откровениями перед Лорис-Меликовым»;

5) что вы не оставите своих читателей в неизвестности относительно того, в каких именно кругах видите вы «признаки своего рода придворных нравов» и каким образом узнали вы о существовании этих нравов;

6) что вы потрудитесь назвать тех из «вчерашних федералистов и анархистов», которые обратили на себя ваше внимание своим «безмолвием и поддакиванием централистической государственности Исполнительного Комитета», «стремлением помазаться его славою» и т. п. ...

Вам известно, Милостивый Государь, при каких условиях живут и действуют социалисты-революционеры в нашем отечестве... Вы знаете, что нападки и обвинения сыплются на наших товарищей со всех сторон, и не пожелаете присоединиться к хору тех, которые посылают нам упреки, не заботясь об их основательности.

Мы уверены поэтому, что вы удостоите нас ответом на поставленные нами вопросы...

С своей стороны мы употребим все усилия для выяснения истинного значения приводимых вами примеров.

Аксельрод, П., Бохановский, Ив., Дейч, Л.,
Засулич, В., Плеханов, Г.

20 мая 1882 года.

Приложение 2-е.

Письмо в редакцию «Общего Дела».

(№ 54, июль 1883 г., стр. 13—14.)

Год тому назад мы — Аксельрод, Бохановский, Дейч, Плеханов и я — обратились к г-ну Драгоманову с «Открытым письмом», в котором предложили ему ряд вопросов по поводу огульных и бездоказательных обвинений, возводимых им в 34 № «Вольн. Сл.» на русских социалистов-революционеров. Долго наше письмо оставалось без ответа; «Вольн. Сл.» продолжало время от времени возводить на революционеров новые, более тяжкие и попрежнему бездоказательные обвинения, о предложенных же вопросах ни разу не упомянуло.

Наконец, в 61—62 № «В. С.», в статье по поводу Календаря Нар. Воли, перепечатавшего наше «Открытое письмо», появилась следующая тирада: «Издатели Календаря... перепечатали в Календаре Н. В. заклинательный канон блаженных чернопередельцев и чудотворцев чигиринских (и П. Аксельрода, Л. Дейча, Г. Плеханова), которые не пожалели для своих личных целей поставить и В. И. Засулич в печальное и невыгодное для «партии, которую она представляет», положение — заслуженного имени, которым прикрываются весьма неблаговидные проделки. Мы говорим о перепечатке в Календаре Н. В. прошлогоднего «Открытого письма

к господину Драгоманову», подписанного названными сейчас господами и оставленного адресатом без ответа как потому, что претензии этого письма вообще не литературного характера, так и *для собственной выгоды лиц, его подписавших*, — кроме одного, выше не названного, ни к каким личным мотивам, замешанным в этом деле, не причастного. Давая обстоятельный ответ на это письмо (авторов которого следует в данном случае строго отделять от русских социалистов-революционеров вообще и даже не называть, как это очень неосторожно делает редакция Календаря Н. В., «представителями нашей эмиграции»), нам пришлось бы опубликовать некоторые *письма* к нам, которые бы об'яснили историю одной программы, но мы предпочитаем предоставить это дело редакции «Женевско-Русской Старины» через 30 лет...».

Оставим в стороне первую часть этой тирады. Мы обеспокоили г-на Драгоманова нашей просьбой привести те данные, на которые опираются его обвинения, он отвечает нам целым спектром личных оскорблений и заподазриванием чистоты мотивов, нами руководивших. О такой попытке запутать совершенно ясное, ничего личного не имеющее в себе дело предоставляем судить нравственному чувству читателя.

Обратимся ко второй части тирады — к причинам, помешавшим г-ну Драгоманову ответить на наше письмо. Их приводится две и обе до-нельзя странные. «Претензии нашего письма не литературного характера». Да почему же? Литератор, печатно заявляющий, что «может процитировать» много примеров таких-то и таких-то неблаговидных действий, при чем район, в котором совершаются все эти неблаговидные действия, обозначается таким широким термином, как «революционные круги», — такой литератор должен, мне кажется, рассчитывать, что среди многочисленных лиц, затронутых его обвинением, найдутся такие, которые пожелают, чтобы было выяснено, сколько же примеров он может процитировать: 1, 2 или 1.000? Носят ли эти примеры характер единичных, случайных фактов, зависящих от индивидуальных качеств отдельных личностей, или они типичны для революционных кругов и характеризуют их революционную деятельность? Почерпнуты ли данные, на которых литератор строит свои обвинения, из материала, степень достоверности которого доступна общей оценке, или — из слухов и частных разговоров, не могущих быть проверенными? Если вопросы, имеющие целью выяснить все это, «не литературного характера», значит, не были литературного характера и сами вызвавшие их обвинения.

Вторая причина, мешающая г-ну Драгоманову отвечать на наши вопросы, еще любопытнее. Чтобы отвечать, ему, видите ли, пришлось бы рассказать историю одной программы и одной клеветы, а этого он не хочет сделать потому, что это было бы невыгодно для четырех лиц из пяти, подписавших письмо. Но как же это? Ведь говорилось о революционных кругах, о сравнительно большом проценте предателей, о грызне, интригах, взаимных обманах, клевете, истреблениях чужих публикаций, трусости, стремлении помазаться чужой славой, к этому прибавлялось еще: «и т. д., и т. п., и т. п.», — и вдруг все это каким-то непонятным образом сводится к истории *одной* программы и *одной* клеветы. и к *четырем* лицам, к тому же властью г-на Драгоманова в данном случае исключенным как из числа русских соц.-революционеров, так и из эмиграции.

Очень странно, но и очень утешительно!

Когда мы писали свое «Открытое письмо», мы, конечно, знали, что при ближайшем рассмотрении обширные, не имеющие ни границ, ни пределов обвинения г-на Драгоманова сведутся к самым незначительным размерам: нескольким случайным и единичным фактам. Но уж никак не могли мы предполагать, что, еще не приступая к ответам, г-н Драгоманов косвенно сознается, что ему нечего сказать, если оставить в стороне *одну* программу, *одну* клевету и *четырех* лиц.

Радуясь такому исходу дела, мы не можем не посоветовать г-ну Драгоманову не забывать своих собственных выгод из-за чрезмерных забот о наших. Достойно ли Люцифера, «непрестанно приглашающего людей самостоятельно вкушать от древа познания добра и зла», по целым годам предлагать своим читателям на-слово верить ему, что революционные круги действительно виновны в возводимых на них обвинениях? Выгодно ли ему, по профессии, «дерзко освещающему закоулки всяких Олимпов», на целые «тридцать лет» оставить читающую публику во тьме насчет данных, на которых строятся его обвинения?

При такой неожиданной и странной молчаливости в головах его читателей может явиться дерзкое сомнение относительно исполнения Люцифером возложенной им на себя обязанности, и «диавол» представится самой заурядной «духовной особой», сплетающей разные небылицы на иноверцев.

Вера Засулич.

Л. ДЕЙЧ.

ПИСЬМА К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

(Из тюрем, Сибири, каторги) [1]).

I.

СПБ. Д. П. З. 28/V 1884 г.

Милая, дорогая моя Саша! [2])

Только на-днях получил позволение ответить тебе (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «законной» женой — чего не бывает?). Я представляю себе, до чего поразило и огорчило тебя все происшедшее со мною. В этом немало я сам виноват и вполне чувствую свою вину. Но дай расскажу тебе, как все произошло. После твоего от'езда, который, помнишь, был за три дня до решения суда, я жил уже мыслью о скором возвращении к тебе, строил всякие планы и пр. В день суда,

---

[1]) В предисловии к таким же письмам, помещенным в № 2 «Сборника», я сообщил, что многих из них не оказалось в архиве Г. В. Плеханова. Теперь, благодаря стараниям возвратившейся за границу Розалии Марковны, мне недавно были присланы еще некоторые письма из этой серии, сохранившиеся, как оказывается, в архиве П. Б. Аксельрода, но раньше мне не возвращенные.

[2]) Так как жена Булыгина, с паспортом которого я был арестован во Фрейбурге, приезжала ко мне туда на свидание в качестве «моей жены», о чем я подробно сообщил в книге «16 лет в Сибири», и от ее же имени, но по содержанию принадлежавшее Вере Засулич, мне передали письмо, адресованное во фрейбургскую тюрьму, когда я уже сидел в Петропавловской крепости, то, получив дозволение ответить моей будто бы «невесте», я обращался как бы к ней, Булыгиной (в действительности являвшейся небезызвестной Фелицией Шефтель), будучи уверен, что мои друзья поймут эту мою конспирацию, как оно и оказалось потом.

утром, меня зовут к прокурору, думаю: «это он хочет, раньше, чем я получу формальное уведомление о моем освобождении, устно сообщить мне об этом», — такую любезность предположил с его стороны. Но, увы! Он медленно прочитывал мне одну за другой несколько бумаг, в которых говорилось, что нет никакого Булыгина, что я — Дейч и т. д. (Между прочим, требуя моей выдачи, русское правительство рекомендует принять меры против возможности побега с моей стороны.) Ты представляешь себе, как это известие подействовало на меня! Думаю, совершенно неожиданный приговор к смертной казни не мог бы более поразить меня. Я тогда понял, что можно поседеть в несколько часов. Я старался, однако, не выдавать себя выражением лица, голосом. Каких это мне стоило усилий! Воображаю, как я тогда выглядел. Моим доказательствам неосновательности требования выдачи прокурор, видимо, не верил, хотя и делал вид, что я могу еще доказать, ч[то] я — не Дейч. Он до того испугался сообщенных сведений, что не решался оставаться со мной наедине без привратника, словно, если я — wichtiger Nihilist» [1]), то непременно должен его с'есть или взорвать бомбой. Ах, до чего он трусливый [2]) и противный старикашка. К дверям моей камеры приставили человека, о чем я не должен был подозревать; но я тотчас же почувствовал это и ловил то глаз его, то ухо в щелке. Почему-то особенно боялись они за печку, которая, заметь, отделялась густой решеткой. Но до чего они меня смешили потом по дороге этими опасениями и предосторожностями (впрочем, были очень вежливы и предупредительны). На следующий день приехал во Фрейбург киевский товарищ прокурора узнавать меня. Он утверждал, что видел меня в Киеве, я отрицал, — я, действ[ительно], не помню его. Не было уже сомнения, ч[то] меня выдадут, но я не признавался до русской границы, где меня встретили жандармы с веселыми, ликующими лицами и восклицаниями: «А вот вы, г. Дейч! Наконец-то! А похудели!». Там, на границе я более не стал отпираться. Возвращаюсь к Фрейбургу.

---

[1]) «Важный нигилист». *Ред.*

[2]) Думаю, что они со следователем хитрили, уверяя, ч[то] освободят: тогда, вероятно, уже велись переговоры о выдаче меня.

Оправившись от первого впечатления, я стал приучать себя к мысли о разлуке с тобою, друзьями, о разбитых планах, надеждах и начал готовиться к от'езду. Тяжело б[ыло] как, отчасти, и теперь еще — представлять себе суд. Неприятное ощущение фигурировать по *этому* делу. Но просыпаюсь однажды с мыслью: «А не лучше ли, чем все предстоящее мне переживать, чем медленно, со всякими муками умирать, разом покончить?». Я спокойно начал разбирать все pro и contra. Ты, конечно, занимала важнейшую роль в этих взвешиваниях. Я не мог остановиться пока ни на каком решении. Это б[ыло] в воскресенье. «Ну, да сегодня, думаю, все равно не придет еще ответ из Карлсруэ, — успею еще подумать». Вдруг зовут к прокурору, который прочитывает решение баденского правительства выдать меня, как уголовного преступника, и об'являет, что сегодня повезут меня. Укладываю свои вещи и вместе продолжаю решать прерванную мысль. «Откладывать, — думаю, — нечего, лучше это сделать здесь». Тут у меня б[ыла] целая масса соображений и, право, даже умные, практичные — как это ни странно!.. Лишь только спустил ноги, я тотчас же потерял сознание, — очень искусно устроил это... Проснулся как от продолжительного тяжелого сна, но первые несколько минут не мог говорить, двигать никаким членом; около меня суетятся, я тотчас же все припомнил. Мне жалко б[ыло], ч[то] не удалось и вместе как бы доволен б[ыл], — здесь, впрочем, примешивалось и суеверие некоторое. Ты просишь не повторять этого. Даю тебе обещание, как бы мне впредь ни б[ыло] тяжело. Я, впрочем, не могу ручаться, что всегда буду при полном здравом уме, — ты ведь знаешь, я склонен к умственному расстройству; но, надеюсь, и последнее не случится, особенно если пойду на Кару, куда должны меня, как уголовного, послать. Ты уже знаешь, ч[то] меня выдали на том условии, ч[то] будут судить с присяжными. И действительно, следствие производится обыкновенным порядком, и содержусь я не в крепости, как это б[ыло] в первые 2 недели, а в ДПЗ, где ты сидела в 76—77 гг. Вообще, пока со мною обходятся хорошо. Наказание за покушение на Гориновича по закону предстоит мне сравнительно небольшое, но я не знаю, надеяться ли свидеться и быть еще с тобою? У меня, признаться, нет надежды, но чем

чорт не шутит! Во всяком случае, надо приучать себя к мысли о долгой разлуке. Умоляю тебя, береги себя, старайся развлекаться, замени меня в издательской деятельности. Надеюсь, дела вошли уже в колею, и издания у вас продолжаются? Противное меня очень бы огорчило. Напиши мне, что у вас делается? Как ты и Вера устроились? Что она поделывает? Воображаю, как огорчены и расстроены вы обе! Это мне больнее всего. Утешить мне вас невозможно, хотя, об'ективно говоря, мы не вправе сетовать: ведь хуже поплатились товарищи и на много лет раньше попались, — я все же пожил, хоть мне и теперь всего 28 лет. Но знаю, что эти утешения не в утешение. Суд будет, вероятно, скоро, так как следствие уже почти закончено. Не думаю, чтобы он вышел сколько-ниб[удь] интересным: я отношусь к нему с неприязнью, если можно так выразиться, не хочется мне думать о нем — тяжело.

Воображаю, как галдели иностранные газеты о моей выдаче. Напиши, что в них писалось. После суда вышлю некоторые вещи (часы, кольцо), ты раздашь их на память и оставшиеся там, кроме книг, из них вышли мне: Фихте, Канта, Шопенгауера, Gesch. der Philosophie Schwegler'a и Ueberweg'a (она у Павла; также не даст ли он своей истории Греции Курциуса), Gesch. des Judenthum, социологию Спенсера, и пусть Вера и Жорж выберут побольше книжек изданий по 25 с., также франц.-русс. и нем.-русс. словари. Все это вышли по следующему адресу: *г-ну прокурору судебной палаты* (для такого-то) в СПБ. и только. Пиши по этому же адресу; также вышли мне рублей 75 рус[скими] деньгами. Надеюсь еще тебе писать. А пока обнимаю и много целую, тоже Веру, Аню, Павла, Жоржа, Розу, Надю, Лизу и всех, всех друзей и приятелей, — я с большой нежностью вспоминаю их всех. Отвечай поскорее.

Твой *Л. Дейч.*

Посланные на память книги не получены. Пусть Вера припишет в твоем письме. Прошу тебя, Вера, напиши хоть несколько слов о себе.

II [1]).

Томск 1885 г., 8 июня.

Вот уже почти неделя, как мы здесь. Весь путь проехали довольно благополучно: нигде не было никаких задержек, почти никаких неприятностей и недоразумений с начальствующими лицами. Я говорю «почти», так как в Тюмени пришлось иметь небольшое столкновение с властями по поводу способа отправки лиц, назначенных в Западную Сибирь. Вследствие нового распоряжения Глав. Тюр. Упр., мы все должны итти вместе с уголовными, т. е. непривилегированные — пешком, привилегированные — тут же рядом ехать на повозках с багажом. В отношении ходьбы это, конечно, никогда не применяется, так как нельзя ведь заставить человека ходить, раз бы он не захотел, и всегда все без различия едут. Но неудобства этого способа отправки все же велики: едут шагом и делают в день по одной станции, а через два дня в 3-й делают дневку; таким образом, пространство в каких-нибудь 300 верст плетутся несколько недель, вдыхая дорожную пыль, ночуя в вонючих, полных паразитами этапах. А между тем нет ничего легче, как сократить это излишне продолжительное пребывание в пути, раз бы ехали по 2—3 станции в день и без дневок; это излишнее стеснение не только не вызывается какой бы то ни было необходимостью, но, наоборот, такая медленная отправка обходится гораздо дороже, чем ускоренная. Вот почему, когда в Тюмени захотели отправить наших товарищей-западников таким медленным способом, — все выразили свое нежелание подчиниться такому распоряжению, приведши вышеуказанные мотивы. Дали знать тобольскому губернатору, который кстати через два дня был в Тюмени и официально, в присутствии нескольких лиц из администрации, заявил, что хотя существует инструкция, по которой должны отправляться медленным способом, но он, как губернатор, находит возможным отступить от нее, так как ускоренная отправка в экономическом отношении даже

[1]) Это письмо «цензором» было смазано полутора-хлористым железом, но, конечно, ничего, написанного химическими чернилами, в нем не оказалось.

выгоднее для правительства. Только после этого заявления мы — восточники — решились отправиться своим путем (на барже от Тюмени до Томска), надеясь, что оставшихся западников отправят в определенный для этапа день обещанным ускоренным способом. Пока мы восточн[ики] не имеем еще сведений, действительно ли власти сдержали свое обещание, если же нет, то в Тюмени могла разыграться неприятная история, так как оставшиеся там обещали добровольно не итти в медленный путь. Но будем надеяться, что все сошло там благополучно. Нас — восточников — отправляется отсюда далее всего 14 человек. Но и это малое количество, вследствие столь же странной инструкции из Питера, хотели еще разделить на 2 группы, при чем одна шла бы за другой спустя неделю по тому же пути. Такое деление для нас невыгодно как в материальном отношении, так ввиду общности у нас багажа, денег и пр.; к тому же мы привыкли друг к другу, и всегда удобнее быть в большом количестве. Так как местный губернатор лично не решался уважить нашу просьбу не делить нас, то мы обращались телеграммой в Главн. Тюр. Упр., откуда пришло согласие на нашу просьбу. Вот почти все сколько-нибудь крупные препирательства с властями. Но сколько еще предстоит аналогичных, а б[ыть] м[ожет], и более крупных в дальнейшем пути! Не говоря уже о том, что нам придется быть в пути еще 4—5 месяцев и сталкиваться с целой массой всякого рода начальства, мы уже и теперь замечаем, что чем дальше на восток, тем чаще поводы к недоразумениям, тем менее интеллигентны и понятливы заведующие. Ну, да увидим. Здесь провели мы неделю, выходим 10-го и будем в Красноярске в конце июня. Обстановка здесь, сравнительно, очень хорошая как в физическом, так и духовном отношении. Удалось повидаться здесь со многими местными, среди которых есть старые знакомые. Сведения о Каре довольно утешительные: говорят, что введены некоторые облегчения, и вообще улучшилось положение там находящихся. Надеялся здесь получить от тебя письмо, но, к крайнему моему огорчению, его не оказалось. Пиши хоть в Красноярск, а через месяц — 1½ — в Иркутск. Ну, всего тебе хорошего. Кланяйся всем друзьям и знакомым. Целую тебя и сестру крепко, крепко. Пиши же. Твой брат *Лев.*

С Кары, как я уже сообщал в кн. «16 л. в Сибири», нам дозволялось в открытках, от имени коменданта, уведомлять родственников о здоровьи и о получении писем или чего-нибудь другого, а также просить о присылке тех или других вещей. Из архива П. Б. Аксельрода мне, кроме печатаемых здесь закрытых писем, присланы еще следующие четыре открытки. *Л. Д.*

III.

Брат ваш получил ваше письмо, в котором сообщаете, что собираетесь выслать ему: Гегеля и Лор[енца] Штейна. Если еще не выслали, то он просит вместо них прислать ему Lippert'a «Kulturgesch. d. Mensch. in ihr. organ. Aufbau». Эта книга его очень интересует; о ней он читал очень лестные отзывы. Его смущает только то, что она дорого стоит, но, вероятно, не дороже 2 выше названн. книг. Он, кажется, уже писал, что его особенно интересуют первобытные учреждения, в связи со всеми близкими к этому областями. Поэтому он настоятельно просит выслать ему книги преимущественно по этим областям. Его отчасти радует, отчасти — нет, что вы видимо втянулись в изучение философии, но, кажется, вы только интересуетесь Гегелем, о новейшей вы вовсе не упоминаете. Он здоров. Кланяется всем. От Мани и Ани [1]) писем нет.

Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник *Масюков.*

13 мая 1888 г.

IV.

Брат ваш получил две франц. книги Бентама и две немецкие — Лотца. Сборник [2]) ему не совсем понравился, благодаря полемике, статья — о рабоч. движ. в 60-х годах и т. д. — недурна, но бедна фактическим материалом; больше всего понравилась ему История Интер[национала]. Он просит прислать: 1) «Чего хотят геноссы [т.-е. социал-

[1]) Маня — сестра моя, Аня — Анна Кулешова-Турати. *Л. Д.*

[2]) Т.-е. «Социал-Демократ», полученный конспиративным способом, а именно — заделанным в переплет упомянутых в тексте книг. *Л. Д.*

демократы]?», 2) Введение в Гегел[евскую] филос[офию] права, 3) брошюру о деле Германа [Лопатина], 4) Манифест [коммун. партии], а также хоть отрывки наиболее интересные о бывшем 14 июня торжестве [т.-е. об Интер. Конгрессе в Париже]. При отправке необходимо высылать на адрес: Восточная Сибирь, Забайкальская Область, *Карийск*, такому-то. Из обещанных вами ему книг [Липперта и т. п.] он пока ни одной не получил и предполагает, что вы отправили их в одной посылке с другими, которые были задержаны в таможне, поэтому он просит впредь сомнительные в ценз[ур-ном] отношении книги посылать отдельно и вообще аккуратнее заделывать брошюры, чем это было в последний раз, выставляя имя отправителя.

Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник *Масюков*.

2 сентября 1889 г.

V.

Брат ваш беспокоится, не получая долго писем. В последнем письме вы сообщали о поездке ваших родственников, с тех пор он не получал ни писем, ни книг. Ввиду измененного в России почтового тарифа, он просит вас, а также брата Павла, высылая книги, справляться на почте, не придется ли здесь, на месте, доплачивать за присланные книги, так как недавно пришлось здесь за такую посылку из-за границы (от Киперта) доплатить 9 руб., что крайне неприятно, тем более, что самые книги адресату не вручены, а деньги все же пришлось уплатить. Он просит вас, если можете, узнать от Павла, почему пришлось здесь заплатить за посылку такую большую сумму, и впредь стараться так присылать, чтоб не нужно было платить. Он здоров. Кланяется всем близким и просит писать почаще.

Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник *Масюков*.

15 октября 1889 г. Карийск.

VI.

[На адрес П. Аксельрода: H-rn Paul, Zürich.]

Брат ваш получил ваше письмо, в котором вы сообщаете о вашей жизни и поездке к родственникам Геноссам.

Он жалеет, что занятия помешали вам изложить подробнее о вашем кефирном заведении, а также о том, что вам пришлось видеть и слышать в эту поездку [1]). Он просит вас еще раз подробнее сообщить об этом. Липперта «Kulturgesch.» он уже прочитал, и она ему понравилась. Поэтому можете не присылать этой книги, а храните ее у себя. Другие сочинения этого автора его очень интересуют, но он просит вас не тратиться на их приобретение, если у вас нет лишних денег. Он уже писал вам, что сюда пришли, но не выданы книги, присланные на адрес губернатора от Киперта, и за них пришлось заплатить девять руб. Не вы ли их выслали и что это за посылка? Не забудьте об этом сообщить и почему пришлось здесь за них так много заплатить? «Сев. Вест.» он не читает, — не дозволен. Он просит заботиться о сестре. После выезда ее из Швейцарии, он не получал еще сведений о ней и не знает, как она устроилась. Он здоров, кланяется вам, Наде и другим близким.

Отдельного Корпуса Жандармов
Подполковник *Масюков*.

1889 г., 11 ноября.

Следующие два письма были мною отправлены из Карийской тюрьмы конспиративным путем, через мою сестру Марью Григорьевну Афанасьеву, жившую в Уфе, для дальнейшей ею пересылки их за границу: они также сохранились в архиве Аксельрода и только недавно были мне пересланы вместе с остальными, здесь печатающимися. *Л. Д.*

VII.

[Карийск, в конце 1889 г.]

Дорогая моя сестра [2]). На-днях я получил твое августовское письмо (с 25 руб.) и очень ему обрадовался: не говоря уже о том, что из него я узнал о твоем житье-бытье, я убедился, что пока меня еще не все забыли. До этого письма, около полугода, я ни от кого решительно не получал никаких известий. Тревоги мои по поводу здоровья и жизни

[1]) Я имел здесь в виду пребывание Павла Борис. вместе с Георг. Валент. в Париже на международном конгрессе, а затем в Лондоне у Энгельса. *Л. Д.*

[2]) Действительная сестра, Мария Афанасьева, бывш. Фесенко.

близких сменялись все это время предположениями, что чем дальше, тем, естественно, все реже будут вспоминать и писать мне. Правда, с трудом допускаю такую мысль относительно Марфуши [1]), заграничной сестры: она все эти годы так аккуратно мне писала, что я уже привык к ее письмам, как к чему-то необходимому, без чего чувствую себя не по себе. Но вот с июня все нет и нет от нее известий. Ломаю все голову, чем бы это об'яснить, и одна тревожная мысль сменяется другой: не заболела ли она, жива ли? Но, в таком случае, другие близкие должны бы написать об этом. Просто теряюсь в догадках. Уж я посылал несколько заказных писем, и все безуспешно. Если ты имеешь какие-нибудь от нее известия, то прошу тебя немедленно мне сообщить их или, еще лучше, переслать ее письмо. Пошли ей также это письмо. Ты жалуешься, дорогая, на массу занятий, мешающих тебе остаться свободной хоть на несколько часов. Я очень сочувствую тебе и думаю, что не красна твоя жизнь, хотя все же в ней, вероятно, есть приятные минуты, когда остаешься хоть ненадолго в своей семье. Ты, очевидно, уже прочно устроилась в Уфе, чему я очень рад. А то, судя по первым, неотрадным твоим письмам оттуда, я думал, что ты снова скоро снимешься с места. Лучше всего, если укрепишься на одном месте, тогда и ты и муж твой упрочите свое положение. Думаю, что с проведением железн. дороги ваше захолустье тоже несколько оживилось, явились новые лица, предприятия, интересы. Ты, конечно, слыхала, что поговаривают и о проведении жел. дор. у нас. Хотя относительно меня она очень мало касается, но я ей, как и Томскому университету, чрезвычайно рад. Все же и наши полуварварские места примут человеческий облик. Ты не пишешь, дорогая, много ли у тебя знакомых, приятелей, и, вообще, о внутреннем мире уфимской жизни. Теперь, с приездом свекрови, у тебя чаще будет свободный час, и я надеюсь, что впредь не будешь так скупа на письма. О своей жизни мне, право, и сказать почти нечего. Я уже писал тебе, что начальник у нас новый, добродушный, бесхарактерный старичок, решительно не задающийся целью сколько-нибудь стеснять нас; наоборот,

[1]) Т.-е. Веры Ивановны Засулич.

сам по себе, готов делать нам всякие послабления, конечно, не выходя из законных рамок. Я и брат просим Павла, Аню, Марфушу и Сергея высылать вообще книги, а в частности следующие: по истории (новейшей) Швейцарии и других отдельных европейских стран, по рабочему вопросу и беллетристике для компиляций и переводов на русский язык. Выслать лучше на имя Дмитра, пока он еще здесь. Через год он уедет, почему и хочет заблаговременно запастись подходящими переводами и компиляциями, которые он мог бы потом где-нибудь поместить. Книги, газеты и журналы («День», выходящий 5 раз в месяц), «Вестн. Финансов», «Всемирн. Иллюстр.», «Вестн. Евр.», «Юрид. Вест.», «Русс. Богат.», «Истор. Вест.» и «Русс. Вест.» получаем. Как видишь из приведенного списка, нам не позволяют лишь получать журналы и газеты радикального направления. Но мы и этим очень рады и ждем каждую почту (раз в неделю) с крайним нетерпением. Занятия, как я уже неоднократно тебе писал, идут здесь при совместной жизни очень туго, — трудно сосредоточиться, углубиться. Но все же некоторым удается серьезно заниматься; многие здесь изучили по два, по три языка и редкий — один. Общего, совместного обмена мыслями нет; но всякое малейшее новое известие моментально облетает, и по поводу его ведутся оживленные беседы между отдельными группами, кучками. Так, на-днях прочитали мы в «Русс. Вест.» о метаморфозе, совершившейся с Тихом[ировым], вызвавшей в нас недоумение, изумление и пр. Многие интересуются у нас внешней политикой, так наз. дипломатией. Запоминают малейшие подробности, имеющие какое-либо отношение к политике. Я же более интересуюсь внутренним бытом как нашего отечества, так и других стран, или, как здесь выражаются, «движением торговли и промышленности». К сожалению, источник, нами получаемый («Финансовый Вестник»), в этом отношении крайне недостаточен. Но все же и из него очевидно, как быстро развивается наше отчество, чему я очень рад, так как от всей души желаю ему всякого преуспеяния. Материальные наши условия в последнее время не блестящи, но все же жить можно, и в физическом отношении никто особенно не страдает. Есть один — два чахоточных, несколько — с катаррами желудка, геморроями, но в общем все почти здоровы, так как, относительно,

гигиенические условия сносны. Гулять можем, сколько хотим; но так как надоело шляться по однообразным местам, то большею частью сидим дома, вернее, лежим с книгами в руках. Вот тебе и подробное описание нашей жизни; думаю, ничего нового ты из него не узнала. Одно повторю, хотя тоска подчас и сильно разбирает, но жить все же можно пока. Пиши же и ты подробнее о себе и знай, что от получения твоих писем и от других близких зависит многое в моем душевном состоянии; кроме того, и ответы мои могут быть тем полнее, чем чаще я буду получать. От Сони я уже более года не имею известия. Не знаю, получила ли ты «карточки брата» и виды, а также «Юрид. Вест.»? Если да, то устрой, как я тебе уже писал, т.-е. пошли по одной карточке Марфуше (а также «Юрид. Вест.»). Когда ты получишь это письмо, то верно наступит уже Новый Год. А поэтому заранее шлю тебе, мужу и всем близким наилучшие пожелания. С приближением каждого Нового Года, в особенности в нашем положении, ждешь чего-то лучшего, хорошего и каждый раз разочаровываешься; это же, конечно, будет и в наступающем году. Тем не менее, нет-нет и мелькнет надежда — авось что-нибудь отрадное принесет Новый Год. Сколько таких разочарований, сколько Новых Годов придется еще пережить, пока свижусь с кем-нибудь из вас, близких! И свижусь ли когда? Мало, очень мало надежды. Но дай-то бог, чтоб это случилось, и не тогда уже, когда одной ногой будем стоять в гробу. Пиши же, дорогая, о себе, об окружающих, а главное, пересылай письма Марфуши, если она тебе пишет. В письмах ко мне она прежде всего жаловалась, что ты ей не отвечаешь, и она не уверена, доходят ли до тебя ее письма. Прошу тебя, старайся, поскольку можешь, скорее отвечать ей, а также и мне. Сердечный привет твоему мужу, расцелуй твою дочку. Пиши же, пиши.

VIII.

Около года, дорогие, как я не писал вам обстоятельно, ограничиваясь лишь открытыми письмами. На этот раз, как и всегда, произошло это не по моей вине, а, главным образом, по вашей: я не имел вашего адреса, так как Маня мне

не писала более года, почему я и не знал, куда писать. В этом отношении ты, Маня, очевидно, неисправима. Я думал, что тебя уже нет в живых, — ничем иным нельзя было мне об'яснить твоего упорного молчания, несмотря на несколько открытых моих писем тебе. Но вдруг на-днях получаю от тебя письмо с 30 руб. Я подозреваю, что у тебя обидное для меня предположение, будто мне интересно только получать от тебя денежные письма, а раз тебе нечего послать мне, то и не считаешь нужным ничего писать о себе. Если и в будущем это мое подозрение будешь поддерживать, то, право, рассержусь и буду отсылать тебе деньги обратно. Пойми ты, что мне приятнее знать, что ты жива и где ты находишься, чем получать после продолжительных тревог деньги. Но довольно об этом. Я надеюсь, что впредь ты хоть открытыми письмами будешь уведомлять о себе несколько раз в год. Неужели это так трудно? Я уже писал тебе в откр. письме, что мне не скоро быть в команде, что штат их ограничен 15 человеками, а всегда имеется вдвое большее число кандидатов. — На-днях был у нас из Петербурга ревизор (генерал [1]), которому мы заявляли о необходимости расширить штат. Он обещал похлопотать об этом. Но навряд ли что выйдет из этого. В общем он остался нами доволен, но нашел, что материальное наше положение хуже, чем в других местах, даже, напр., хуже, чем в Шлиссельбурге, где, по его словам, очень сносно. Результатов особенных мы не ждем от этой ревизии, но кое-какие облегчения, вероятно, будут. Впечатление генерал своей простотой, прямотой и правдивостью произвел на нас очень благоприятное. О моем житье-бытье рассказывать собственно нечего. Нового почти ничего с прошлого года. Вот разве, что начальник новый (подполковник [2]) значительно лучше своего предшественника; очень он добрый, мягкий человек, всячески готовый улучшать наше положение, не стеснять нас. Он позволил Дмитру развести небольшой огородик, цветник,

---

[1]) То был присланный из Деп. Пол. Русинов; подробно о нем см. в «16 лет в Сибири». *Л. Д.*

[2]) Это — Масюков, при котором, как известно, произошли ужасные трагедии на Каре из-за увоза Е. Н. Ковальской. Подробности — в «16 лет в Сибири». *Л. Д.*

где мы в свободное время гуляем, лежим с книгами, что в нашем положении является большим удовольствием, почему и лето незаметно уходит. Да и вообще летом лучше,— время быстрее идет. Жаль очень, что оно у нас непродолжительное, а зима — суровая, холодная, так долго-долго тянется!.. Зато усерднее читается, сидя за большим столом с лампой и попивая чай. Летом больше пробавляешься журналами и газетой («День»). С большим интересом следим мы за европейской внешней политикой, за всякими военными приготовлениями и сборами, и теперь, со вступлением на германский престол молодого Вильгельма, думаем, возможны в Европе серьезные события. Как видите, дорогие, мы все же не так отрезаны от мира, как это, вероятно, вам представляется, хотя нас и отделяет от вас огромное пространство. Многое, конечно, остается от нас скрытым, многое доходит значительно позже, но все же наиболее крупное рано или поздно узнаем. Книги также получаем, и, как я уже писал, брат получил, наконец, французские романы и Родбертуса, которые где-то завалялись. Я им очень обрадовался, хотя далеко не все мне было в них легко и понятно: не совсем правильный и ясный язык у автора [1]). Теперь мы можем получать иностранные журналы, которые, надеюсь, вы постараетесь нам прислать. Я уже писал много раз, что получил еще в прошлом году «Neue Zeit» за 1885, 1886 и 3 №№ за 1887 гг. и что прошу тебя, Павел, высылать дальнейшие №№, а также другие издания Дица (из Штуттгарта). Мне, признаться, несколько неловко, что я постоянно все свои письма наполняю просьбами о высылке тех или других книг; но, думаю, вы понимаете мое положение и не ставите мне этого в упрек. Кроме «Neue Zeit», мне хотелось бы получить английский журнал «To Day» или другой какой в этом же роде. (Присылать можно на адрес нашего началь[ника].) А также «Jahrbücher für Soc. etc.» (Рихтера), в которых, Павел, была когда-то твоя статья. До нас дошел слух, будто с Тигричем [Тихомиров] произошла метаморфоза, будто он открещивается от своих прежних убеждений.

[1]) Тут намек на не вполне разобранные письма химией в этих полученных книгах.

Правда ли это? В чем, собственно, он сознает теперь, что ошибался? Известие это очень взбудоражило и огорчило его поклонников, которых у него было много. Брат ждет от тебя, Марфуша, новых романов. Спасибо тебе большое, что ты единственный человек, не забывающий меня и аккуратно пишущий. Письма твои, хотя и краткие, доставляют мне большое наслаждение. Я уже писал тебе, как обрадовало меня известие, что у тебя есть литературная работа. Думаю, что твой очерк 60-х годов [1]) должен выйти хорошо; я бы многое дал, чтоб прочитать его. Тему, которую, по твоим последним письмам, выбрал Жорж — о Глебе Успенском, мне чрезвычайно нравится. Но, припоминая, что, бывало, вы, Жорж, говорили о ней, думаю, что мы с вами не согласились бы во взгляде на Гл. Успен., если он у вас остался тем же, каким был при мне: по-вашему, неполнота, нецельность его типов обусловливается тем, что он их берет в отживающей среде, а по-моему — потому, что сам он Kleinbürger. Впрочем, об этом долго и много пришлось бы расписывать, захоти я изложить свой взгляд. Во всяком случае, я уверен, что эта работа ваша будет очень интересна и поучительна, как, впрочем, все, что вам случалось писать. Ужасно жаль, горько, досадно, что к вам привязалась болезнь, мешающая вам целиком отдаться научным занятиям. Не буду расписывать, как огорчило меня известие о вашей болезни: я и до сих пор не могу примириться с этой мыслью. Только что узнал, что старик «Freund Peter» [2]) скончался. Не ожидал я, что так скоро. Что он поделывал в последнее время? Как жил, с кем был близок? Он, должно быть, так и не успел окончить своего большого сочинения? А кому предоставил он свою библиотеку? Жаль его, — все же был хороший старик. А жив ли еще Фридрих Карлович? Находитесь ли вы с ним в переписке? Когда он собирается издать III том и полное собр. соч. своего друга? Обо всем этом и т. п. напиши, Марфа. Ты уже получила о «Кус[тарной] Пром.», собр. статей из «Русс. М[ысли]», а также получишь «Юрид. Вест.».

[1]) Т.-е. Первого Интернационала.

[2]) Я имел в виду П. Л. Лаврова, слух о смерти которого, очевидно, преждевременно дошел до нас.

По-моему, в нем хотя и редко, но попадаются дельные статьи и заметки; я слежу за ним аккуратно. Собиралось нас несколько человек выписать «Вестн. Финан., Пром. и Торг.», — это, кажется, единственный орган, из которого можно знакомиться с нашим экономич. бытом. Очень бы хотелось получать что-нибудь подобное же на иностранном яз., напр., издание Hasse und Heidmann'а, Стюарта, да знаю, что вам трудно доставать такие вещи. Ну, не взыщите, дорогие, что пишу бессодержательно, — какова жизнь, таковы и письма. Постарайся, Мар[фа], чрез Сашеньку приобрести постоянный адрес. Кланяйся ей от меня и благодари за присланное белье. Что-то ты, Павел, совсем замолк? Или писал, да не дошли письма? Надеюсь, что скоро установится более аккуратная переписка с вами, и когда от всех вас буду получать письма, то и у самого больше материала найдется для ответов. Всего, всего вам всем хорошего. Прошу тебя, Маня, стать, наконец, аккуратной в переписке, не то, право, рассержусь. Я рад, что родился у тебя сынок, но напрасно ты дала ему такое имя: оно не нравится мне. Ты вот снимись с детьми и пришли мне карточку. Письмо это пошли младшей сестре. Кланяюсь всем близким и родным. Всего, всего вам всем хорошего. Целую вас крепко, крепко.

IX.

Карийск, 22 ноября (4 декабря 1890 г.).

Дорогой мой брат Павел! Из моих писем к сестре Марфуше ты уже, конечно, знаешь, что меня почти неожиданно выпустили в вольную команду. Я описывал уже свою жизнь на воле, и мне не хочется здесь снова повторяться. Скажу только, что пока очень много времени уходит на всякого рода хозяйственные работы и заботы, о которых вам, живущим в культурной стране, трудно составить себе ясное представление. Впрочем, ты поймешь их, если вспомнишь начало 70-х годов и хождения «в народ». Аналогичного с последним много в настоящей жизни, с тою лишь разницей, что тогда мы были молоды, смотрели иначе на крестьянский труд, были одушевлены «идеями», теперь же исполняем всякого рода хозяйственные работы по нужде, по необходимости. Работы эти не особенно трудны, а некоторые из нас находят в них даже своего рода поэзию; но меня они подчас угнетают тем, что из-за них не только нельзя заниматься чем-нибудь серьезным, но даже просто следить за журналами и газетами. Я также писал уже Марфуше, что стараюсь найти себе частный заработок, отчасти затем, чтобы так. обр. освободиться от хозяйственных забот, но, к сожалению, до сих пор ничего не приискал и в будущем не предвидится. Сидя в тюрьме, я мечтал, что, очутившись на воле, смогу надумать и создать для себя какое-нибудь практическое, финансовое предприятие. Я воображал, как ты, вероятно, помнишь, что во мне таятся еще неуспевшие найти себе применения практические способности. Но или я глубоко заблуждался относительно этих своих способностей, или местные и мои условия неблагоприятны, и я решительно не знаю, на чем остановиться, что придумать для себя. Жить изо дня в день почти на всем готовом, исполняя только физическую работу, которую, при ничтожных расходах, можно нанять за бесценок, мне кажется довольно тоскливо, особенно, когда вспомнишь, что мне уже 35 лет. Не знаю, дорогой брат, поймешь ли ты мое состояние. Я не привык жаловаться, да, собственно говоря, мне и не на что, но все же скажу, подчас бывает очень грустно, именно из-за отсутствия практического дела, из-за сознания, что «годы уходят, все лучшие годы». Но довольно о себе. Авось, со временем что-нибудь и надумаю, прищу себе сколько-нибудь производительное занятие. От тебя я давным-давно не имел письма. Последнее твое письмо было с деньгами для Якова в прошлом году. Не думаю, чтобы пропадали твои письма, скорее всего ты сам виноват. Теперь, когда с выходом в вольную команду, я могу переписываться такими, как это, закрытыми письмами, надеюсь, что начнешь аккуратнее и чаще, чем прежде, писать мне [1]). Обо мне и говорить нечего, что я буду, насколько это возможно при наших условиях, отвечать тебе. Ты знаешь, что меня очень интересует все, касающееся тебя, твоей семьи, близких, геноссов [немец. соц.-демокр.], все, что происходит на белом свете выдающегося,

[1]) Это ожидание совсем не оправдалось. П. Б. и В. И. все реже и реже стали писать. *Л. Д.*

о чем наши журналы и газеты сообщают очень кратко, а то и вовсе умалчивают. Я не знаю, каковы твои материальные условия, в каком состоянии твое кефирное предприятие, расплатился ли ты уже с долгами и пр.? Марфуша обо всем этом давно уже ничего мне не сообщает. Мне также хочется знать, как идут твои занятия (литературные), что читаешь и пишешь, какие статьи поместил ты в вышедших номерах сборника «Соц.-Демокр.»? Ты писал мне, что головные боли не позволяют тебе сколько-нибудь долго заниматься и что тебе необходимо лечиться. Я не знаю, в каком состоянии теперь твое здоровье. Вообще, мне хотелось бы, чтобы ты написал большое и обстоятельное письмо о себе и семье, чтобы я имел ясное представление о вашей жизни и о препровождении времени. В противоположность вам, живущим среди разнообразных впечатлениями условий, почему с годами, естественно, ослабевает интерес к находящимся в другой части света близким, — у нас, наоборот, с годами все более усиливается и укрепляется интерес к родным и старым знакомым, начинаешь чувствовать к ним все бо́льшую привязанность, так как сознаешь, что снова не сможешь уже приобрести себе друзей. Ты поймешь, поэтому, что мои просьбы, как можно подробнее сообщать о себе и близких, не пустые слова, а искреннее желание знать все, касающееся их. Сообщи, что поделывают Булыгины и другие знакомые. Кланяйся всем им и передай им от меня всякого рода пожелания. О геноссах я знаю, сравнительно, очень мало. В газетах упоминалось, что у них должен был произойти Parteitag [партийный с'езд] в Галле, но что̀ там решили, — не знаю. Отчасти также из газет, отчасти из писем Марфуши знаю о происходивших среди них раздорах из-за празднования 1-го Мая, отношения к реформам Вильгельма II и пр., при чем старики — Бебель, Либкнехт и др., повидимому, чересчур уже тянули в сторону «умеренности и аккуратности». Но ясного представления обо всем этом у меня, конечно, нет. Ты бы превосходно сделал, если бы высылал какой-нибудь еженедельный или ежемесячный немецкий журнал, из которого я мог бы почерпать сведения о ходе дел у геноссов. Высланные тобою в прошлом году №№ «Neue Zeit» и, кажется, Jahrbüch. für Soc[ial] Wis[senschaft] до сих

пор еще лежат в Областном Правлении в Чите, так как туда были адресованы, но я еще надеюсь их получить. Сочинение Липперта о религиях я получил. Ты сообщай всегда предварительно или одновременно, что̀ именно высылаешь мне. Тотчас, по получении этого письма, вышли, для пробы, 2—3 №№ за настоящий год «Neue Zeit» по следующему адресу: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы в Карийск, Забайкальской области, Вост. Сибирь, для такого-то. Ужасно буду рад, если смогу следить за каким-нибудь немецким журналом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие доставило мне и другим товарищам получение мною №№ «N. Z.» за 1885, 1886, 1887 гг. Многие статьи из них были нами переведены и читались и переписывались с удовольствием. Особенно нравились статьи Каутского. Они, действительно, довольно талантливы. Статьи эти вызывали у нас продолжительные дебаты и толки и явились целым событием. Теперь, с прекращением действия исключительных законов против геноссов, думаю, у них будет издаваться масса интересных журналов, книг, брошюр. Прошу тебя, высылай, насколько возможно часто, все, могущее меня интересовать.

...Был у меня перерыв, почему не мог окончить письма: я с товарищем ездил вчера за сеном для наших коней, которых у нас 4. Эта поездка — своего рода продолжительное путешествие, нелишенное приятных и вместе тревожных ощущений. Покос наш, который мы же сами и косим, расположен в расстоянии 15—18 верст от нашего местожительства. Поэтому, чтобы поспеть обернуться туда и обратно с сеном, нужно выехать задолго до рассвета. Вставши в 4 часа ночи, мы в 5½ уже запрягли коней и в трескучий сибирский мороз (35° R), при лунном свете, поехали. Бо́льшая часть пути лежит по тайге (лесу, расположенному по холмистой местности), по которой тянется узкая лесная дорожка. Немало для любителя во всей этой обстановке поэзии и, хотя я не особенный ценитель ее, все же временами не мог удержаться, чтоб не поделиться с товарищем приятными ощущениями. Лишь только солнце взошло, мы уже доехали до наших скирдов, развели тотчас костер и стали накладывать на возы сено. У нас, как мало опытных в этом деле, работа двигалась медленно; наложивши два

воза, уселись возле костра завтракать захваченной с собой бараниной, пропустивши предварительно немного живительной влаги из бутылки. Часам к 2 пополуд., наложивши и увязавши все 4 воза, двинулись домой. Обратный путь довольно неприятен, тяжел: лошади еле двигаются, на частых под'емах то и дело останавливаются, приходится постоянно их понукать и постегивать. А там, смотришь, то тот, то другой воз свернулся на бок, приходится его поднимать, каждую минуту боишься, как бы чего не случилось, не свалился бы воз в яму, не рассыпалось бы сено. Ко всему этому присоединяется усталость от ходьбы по глубокому снегу в тяжелой напяленной на себя обуви, чтобы не прозябнуть утром, когда туда едешь. Домой мы вернулись без всяких приключений часов в 6 вечера, отчаянно уставшими. Ну, вот я описал тебе одну из наших работ. Можешь по ней отчасти составить себе представление о нашем образе жизни. Теперь я дней на 10 свободен от всяких работ и могу читать. Ну, будь здоров. Кланяюсь и целую Надю, твою Верочку и всех близких. Смотри же, брат, пиши теперь чаще.

Твой *Лев Дейч.*

Сегодня только, 24 ноября, Дмитро, наконец, собрался и ушел на поселение. Почти 8 месяцев он, по собственному желанию, прожил здесь сверх срока. В пути он будет очень долго, если пойдет до Якутки. Он просил меня кланяться тебе и др., что я и делаю. Если он будет тебе писать, то, конечно, ты будешь с ним в переписке.

X.

Карийск, 10/22 февраля 1891 г.

Дорогой мой брат! Вот уж несколько недель, как получил твое обстоятельное письмо о геноссах и лишь сегодня собрался тебе ответить. Причиной тому не лень, забывчивость или небрежность, а многие независящие обстоятельства; главным же образом то, что незадолго до получения твоего письма я послал тебе довольно большое письмо, и мне не хотелось повторяться. Письмо твое доставило мне невыразимое наслаждение, и я узнал из него много нового

о немцах, об их распре, о Галльском конгрессе и пр. Нечего и говорить, как бы я хотел, чтобы ты и впредь делился со мною сведениями о западно-европейском рабочем движении. Но ты, к сожалению, очень скуп на письма, хотя и правда, что ты пишешь мне «редко, да метко». Все же лучше было бы, если бы ты писал почаще. Много раз уже я повторял тебе и Марфуше эту просьбу, «но только все не в прок». Письма ваши для меня — одна из важнейших моих потребностей, и если я долго их не получаю, то чувствую себя очень скверно. Ты знаешь, как я к вам привязан: годы разлуки не только не ослабили моей привязанности, но, наоборот, усилили ее. Мне хотелось бы знать всякие подробности о вашей жизни, а вы в большинстве писем только вскользь о ней упоминаете. Вот и в последнем письме ты ни словом не заикаешься о своих материальных условиях, о своей семье, о своих работах. Обо всем этом и многом другом я подробно расспрашивал тебя в предыдущем письме. О своей жизни мне нечего рассказывать: в предыдущих письмах к вам я подробно описывал ее, а нового ничего в ней за это время не произошло. Впрочем, теперь, с приближением весны, т.-е. собственно с ослаблением жестоких морозов, значительно легче исполнять всякие хозяйственные работы: возить дрова, пилить и колоть их, топить печку, приносить воду и пр. Как я уже много раз сообщал вам, эти заботы отнимают значительную часть времени и внимания. С нетерпением поэтому жду наступления весны, которая, к сожалению, начинается здесь очень поздно — в апреле, а то и в мае. Зато как хорошо чувствуешь себя с наступлением тепла! Особенно после того, как 6 слишком лет встречал весну в тюрьме. О систематических занятиях я, кажись, также писал тебе, что здесь и думать нечего. Еле-еле прочитываешь от почты до почты получаемые журналы и газеты. Вот уже две недели, как получились №№ «Frankf. Zeit.»,—вероятно, ты их прислал?—но я до сих пор не все еще просмотрел. Присылай их и впредь, но не такими кучами сразу, а дней за 7. В них все же больше интересного, чем даже в «Русс. Вед.»—лучшей нашей газете. Жаль очень, что нельзя получать «Berl[iner] Volkszeit[ung]», — там, должно быть, много интересного. Постарайся достать и присылай хоть какой-нибудь из демократических научно-филос[офских]

журналов. О своих занятиях и литературных ваших предприятиях ни ты, ни Марфа ничего не пишете мне. Я не знаю, имеют ли они успех; приобретаете ли вы сторонников? Я также не знаю, как обставлено это дело с материальной стороны, — обеспечено ли оно регулярными доходами, или держится оно случайными, неопределенными средствами? Много писали наши газеты о всяких строгостях, начавшихся в Швейцарии по отношению к русским. Не знаю, как эти меры отразились на вашем положении. С уничтожением в Германии закона против геноссов, они все, вероятно, покинули Швейцарию, и в ней, должно быть, настала еще бо́льшая тишина и скука, особенно в твоем Цюрихе. Ты, правда, повторяешь слова Ул[ьриха фон-] Гутена, что теперь «весело жить на свете». Но это наврядли относится к Швейцарии. Твоего взгляда на недалекое будущее, что лет через 5 «наступят роды», — геноссы станут руководить внутренней, а следовательно, и внешней политикой, — я не разделяю, находя его несколько оптимистичным [1]). Хотя отсюда и трудно составить себе верное представление об истинном положении дел, но все же думаю, что я ближе к истине, предполагая, что пройдет еще несколько 5-летий, пока они станут руководящей силой. Я вовсе не отрицаю их огромного значения уже и теперь в стране, их несомненно колоссального успеха и пр. Но именно ввиду указанных тобою же причин (сельского населения, слабого развития ремесленных союзов и пр.), думаю, потребуется еще немало времени для завоевания первенствующего положения. Во всяком случае, ты, конечно, прав, говоря, что они ближе теперь к цели, чем геноссы других стран, и время действительно интересное. Сообщай же, брат, и впредь сведения об общем ходе и положении дел геноссов.

Вот какая у меня к тебе просьба: одному из моих товарищей — резчику по дереву по профессии — нужны рисунки, образчики резчичьей работы. Поэтому прошу тебя постараться прислать сборник рисунков всяких мелких вещиц, как-то рамок, постаментов для часов, спичечниц,

---

[1]) Под «родами» я имел в виду полную победу социал-демократов в Германии, о чем, очевидно, мне писал П. Б. Аксельрод, повидимому, чересчур преувеличивший успехи немецких социалистов.

альбомных крышек, табакерок и для письменных принадлежностей; словом, производящихся в Швейцарии деревянных резчичьих украшений. Этого товарища ты должен помнить по Одессе — его зовут Моисеем Поповым (рыжий). Он просит передать тебе самый «задушевный поклон». — Ну, всего, всего тебе хорошего, дорогой брат. Нижайший мой привет всем близким и друзьям. Смотри же, пиши теперь почаще, тогда и я буду иметь более верное представление о твоей жизни и жизни товарищей. Будьте же здоровы и насколько возможно счастливы. Крепко тебя и других обнимаю.

Твой *Лев Дейч.*

P. S. Не приводи в своих письмах цитат на немецком или каком другом иностранном яз., так как лицо, просматривающее нашу корреспонденцию, не знает их.

P. P. S. Уже когда совсем окончил это письмо, я получил от Марфы сравнительно довольно большое письмо (в 2 листа), от 2 января, в котором она об'ясняет, почему мало пишет, — причиной ее болезнь. Тем же она об'ясняет и то, что ты мало и редко пишешь. Мне теперь досадно и жалко, зачем я приставал к тебе и к ней с требованиями часто писать, — я не знал, что причина у вас очень уважительная. Ну, простите.

Примечание. Не знаю, дошло ли данное письмо по назначению, в чем увериться, ввиду разделявшего меня обширного расстояния, можно было лишь спустя несколько месяцев, я нередко повторял об одном и том же в следующих письмах. Это случилось и с настоящим, но так как в нем имеется и кое-что новое, то привожу его.

XI.

Карийск, 17 (29) марта 1891 г.

Дорогой мой брат! С предпоследней почтой получил от тебя 15 руб. и открытое письмо. Напрасно ты выслал эти деньги: я в них теперь вовсе не нуждаюсь, а тебе, при твоей огромной семье, они наверно нужны. Ты упоминаешь о присылке мне двух писем в последние месяцы. Я же получил только одно, правда, огромных размеров, в котором ты сообщал о Галльском конгрессе и вообще о геноссах.

Значит, другое пропало где-нибудь. Книг и, в частности, номеров N[eue] Z[eit], о которых ты упоминаешь, также не получал пока. «Frankf. Zeit.» пока получил только три раза, ты же сообщаешь, что высылал 4 раза. Газета эта мне нравится: в ней относительно попадается довольно сведений об интересующих вопросах из германской жизни. Но, конечно, несравненно лучше было бы, если бы можно было получать «V[olks] Z[eitung]» или что-нибудь в этом роде. Из нами получаемых русских газет («Русс. В.», «Нов. Вр.», «Заря») только первая дает иногда кое-какие сведения о европейских вопросах. Между прочим, в одном из последних ее №№ в корреспонденции из Германии сообщается о каком-то письме Маркса, помещенном в «N. Z.» и относящемся к средине 70-х годов, в каковом письме, будто, Маркс разносит программу геноссов. По словам корреспондента, письмо это возбудило в Германии раздоры и разногласия в среде геноссов, из которых одни негодуют, зачем Маркс был так несправедлив к этой партии; другие, наоборот, согласны с его критикой; буржуазные же газеты, будто бы, ликуют и печатают статьи под громкими заглавиями: «Соц.-дем[ократы], разбиваемые их пророком — Марксом!». Сообщи, брат, подробнее, в чем дело. Трудно понять, не зная всех обстоятельств, зачем Энгельс и Элеонора Маркс-Эвел[инг], являющиеся душеприказчиками Маркса, дали напечатать такое письмо, которое могло внести раздоры и споры? С другой стороны, зачем редакция «N[eue] Z[eit]», конечно, солидарная с программой геноссов, напечат[ала] такое письмо? Словом, здесь что-то упущено, неверно сообщено корреспондентом. Лучше всего было бы, если бы ты привел в переводе это письмо. «Русс. Вед.» очень добросовестная и чистоплотная газета, и ее корреспондент из Германии [1]), очевидно, человек сведущий, но и ему, повидимому, свойственно ошибаться. Я с удовольствием прочитал сравнительно довольно подробный отчет о конгрессе во Франкфурте социал-политиков, — какие среди них разногласия, как окончательно дискредитируются они, до чего нагло-откровенны речи представителей буржуазии! Меня интересует все, касающееся германской народной и общественной жизни. Но, к сожалению, при наших условиях трудно почерпать обстоятельные об этом сведения. В этом отношении могли бы отчасти пополнять наши источники твои и Марфушины письма. Но ты пишешь крайне редко, хотя и обстоятельно; она, наоборот, хотя, сравнительно, часто, но необстоятельно. Я знаю, что вам и трудно иначе писать, все же это очень грустно: боюсь, что могу отстать от века, от заграничных интересов. Здешние условия крайне располагают к грубо-материальной жизни, к прозе. В этом отношении даже тюрьма более благоприятна: в ней, как давно известно, человек сохраняется, она располагает к идеализму, теоретизированиям, поддерживает философское отношение и интерес к обще-мировым вопросам. Материальные же интересы крайне мало занимают. Здесь, наоборот, человек невольно, глядя на окружающую его среду, втягивается постепенно в заботы о заработке, о более или менее удобной обстановке, и, смотришь, вскоре, кроме будничных вопросов, его мало что интересует. Положим, я отчасти застрахован от этого индиферентизма, как вследствие своего характера и прошлого, так и благодаря вам; все же, чем чорт не шутит?! Ты, конечно, не подумай, что я уже чувствую отсталость, одичание, — нисколечко. Наоборот, как я уже сказал, я живо интересуюсь всем, происходящим в среде геноссов, на белом свете и вообще западно-европейской жизнью. Но от обще-теоретических занятий поневоле приходится здесь отказаться. В тюрьме я довольно сильно интересовался так наз. этнографией, первобытными учреждениями, культурой и т. п., сравнительно, довольно много прочитал из относящегося к этим областям. А вот с тех пор, как вышел в команду, не прочитал ни одной книги из этой категории и, вообще, кроме журналов и газет, почти ничего не успеваю прочитать. Это — в первое полугодие по выходе в команду. Что же в таком случае будет дальше?! — Но боюсь надоесть тебе беседой о себе. Что же ты теперь поделываешь? Статью для № 4 «Сборн.» ты, вероятно, давно уже окончил, а так как, по словам Марфы, дальнейшего выпуска книжек не предвидится, то имеешь, вероятно, много времени, чтобы самому заниматься, следить за европейской жизнью и пр. Досадно крайне будет, если

[1]) Этим корреспондентом, как известно, был Иоллос, впоследствии убитый черносотенцами.

вы не сможете продолжать издания. Неужели вышедшие №№ и возбужденный ими у читателей интерес, о чем упоминает Марфуша, не способствуют отысканию средств для продолжения издания? Чрезвычайно интересно было бы познакомиться с вышедшими №№. — Ты спрашиваешь, получил ли я что от Ани? Решительно ничего, несмотря на то, что по[сле] выхода в команду я ей написал. Кстати, спроси ее, получила ли она мое письмо, и сообщи мне. Сообщи также, где и что поделывают Соня, Августина и Титыч [1]). Я потерял их с тех пор, как они вернулись домой. Непременно подробно изложи, в каком положении твое кефирное предприятие, а также, как поживает Надя, Верочка и кто еще из твоих родных живет с вами? — Ну, вот опять пришла почта, а ни «Frank. Zeit.», ни обещанных тобою книг нет. Уж не знаю, кто или что тому причиной. — Из старых твоих знакомых здесь со мною кажется только Яни [2]), с которым мы сравнительно хороши. Он вполне разделяет наши воззрения относительно геноссов и всего другого, но у него имеются все же и «мухи», как здесь выражаются, т.-е. своего рода заблуждения, пристрастия. Между прочим, мы иногда спорим с ним насчет Михайловского, которому, по-моему, он приписывает лучшие воззрения, чем каковые тот имеет. Передай Марфе, что ее письмо, в котором она отвечает насчет моих воззрений о «нравственности» крестьянской молодежи, я получил, но, признаться, не совсем понял. Ей я отвечу в следующий раз. Ну, будь здоров, дорогой мой брат. Крепко целую тебя и всех близких. Пиши, насколько можно часто. Любящий тебя

Л. Дейч.

XII.

Карийск, 31 марта 1892 г.

Милая, хорошая сестра моя! С одной из предыдущих почт получил от тебя письмо — ответ на мое — по поводу

[1]) Соня и Августина Каминеры — сестры Надежды Исааковны, жены Пав. Бор.; Титыч — известный бывш. землеволец Тищенко; все трое, по возвращении легально из-за границы в Россию, были арестованы вследствие оговора Г. Гольденберга и высланы в Зап. Сибирь.

[2]) «Яни» — псевдоним Самуила Мейера, осужденного одесск. воен.-окр. судом к бессрочн. каторге весной 1883 г.; насколько знаю, живет ныне в Одессе.

нравственности деревенской молодежи. Я много раз перечитывал его, но, признаться, не вполне понял, что ты собственно хочешь сказать. Но об этом я пока не буду распространяться. Прошлая почта принесла мне целое богатство: Павел прислал 4 т.т. «Carey» и письмо. Большое ему спасибо за то и другое. Пока не собрался еще ему ответить, так как писал ему с одной из прошлых почт. Передай ему, пусть и впредь присылает подобные же произведения [1]). Буду ждать с нетерпением продолжения. Я, конечно, не успел еще прочитать всего, но многое, наиболее интересное, уже просмотрел и составил себе понятие о характере этого издания. Не скажу, чтобы оно было восторженное, как я ожидал, судя по твоим сообщениям о «шумных дебатах». Даже статья о «Tschernischew.» [Чернышевском] [2]) не привела меня в восторг: я нахожу в ней много повторений, расплывчатости и излишнего нагромождения побочного материала. Местами даже слаба: очевидно, автор не сумел справиться со столь богатой темой [3]). По замыслу и чувству, которое руководило автором, хороша статья о «Молод. из бурж. среды» [4]), но слог тяжелый, немецкий, чему я очень удивляюсь, так как этот автор всегда писал легко. Но это — одно из лучших произведений: много в нем верных мыслей, не говоря уже о чувствах автора, очень симпатичных. Я уверен, что оно многих заставит подумать и задуматься. Зато произведение Tamar'ы [5]) очень слабо и скорее годится на страницы какого-ниб. «Petit Journal» [6]). Я даже удивляюсь, зачем оно помещено, разве для наполнения пустых страниц: ни художественности, ни верности исторической. Читая эти главы, не верится, что это о знакомой среде; это скорее похоже на страничку из истории

[1]) В переплетах этих книг были заделаны сборники «Соц.-Дем.».

[2]) Ради конспирации я написал это латинскими буквами.

[3]) Нечего, полагаю, говорить, что я вынес тогда самое неверное представление об этих замечательных статьях Г. В., что могу теперь об'яснить окружавшей меня сплошь народовольческой средой, разносившей Плеханова вдрызг, что отчасти передалось и мне.

[4]) Понятно, что я имел в виду ее статью «Революционеры из буржуазной среды».

[5]) Tamar'ы, т.-е. С. Кравчинского-Степняка, отрывок из «Андрея Кожухова».

[6]) Парижская бульварная газета.

карбонариев. Не подумай, дорогая, что я в «разносительном», придирчивом настроении. Но, право же, произведение это очень слабо, слабее, чем я ожидал, и я не удивляюсь, почему английские издатели не соглашались, как ты сообщала, напечатать его. Слабы также статьи Marx-Aveling и Engels'а; произведение последнего о дипломатии к тому же не верно с фактической стороны; он подчас на свой манер подтасовывает исторические события. Кстати о нем. В «Русс. Вед.» напечатано, что в «N[eue] Z[eit]» он поместил резкий отзыв Marx'а о Лассале, частью писанный 15 л. наз., и что это письмо вызвало целый переполох как среди рабочих, так и в буржуазной прессе, что Либкнехт разнес за этот «нелойяльный» поступок Энгельса. Решительно не могу понять, зачем ему понадобилось поднимать старые дрязги? Сообщи, что ты знаешь об этой истории? — Только теперь узнал о тяжелой болезни Дрезденского юноши [1]). Я ничего из твоих писем не знал о нем и думал, что вы его совсем потеряли из виду. Сообщи, если знаешь, его адрес. — Хотя я много читал в рус[ских] и польских газ[етах] и жур[налах] о парижском рабочем конгрессе, но статья нового левого гегелиан[ца] очень мне понравилась, кое-что в ней мне было неизвестно, напр., речи 2-х «интеллигентных» представителей, и вообще она написана хорошо. Это, пожалуй, одна из лучших статей. Здесь произвело некоторое впечатление сообщение из газет о статье Тихомирова, напечатанной в № 1 «Русс. Обоз.», — «Нужна ли нам фабрика?», где он доказывает преимущества крупного производства, которое он считает не только желательным, но и необходимым. Товарищи шутят уже, говоря, что и он превратился в левого гегелианца, хотя, конечно, понимают, какая разница между его желанием и — первых. Но довольно все о литературе. Перейдем к более прозаичным вещам. — Ты обещаешь выслать мне часы, чему я очень рад. Но имей в виду, что 1) я хочу получить очень хорошие, верно идущие и, во-вторых, не хочу, чтобы ты на них издерживала свои заработанные деньги. Если не имеешь возможности достать специально для этого от кого-нибудь из приятелей или доброжелателей, то напиши, сколько рублей нужно, и я по-

1) Т.-е. О. Е. Слободского.

стараюсь выслать отсюда, хотя это и очень неудобно и хлопотливо. Я, кажется, писал тебе, что, с выходом в команду, получил от Сашеньки [1]) несколько писем (денежных) и посылку. Но вот теперь нам опять запрещено переписываться с не-родственниками, а так как мне трудно доказать родство с нею, то приходится прервать с нею переписку, что меня очень огорчает: письма ее бывали довольно интересны, хотя исключительно личного характера — о ее жизни, заработках, о Вите и т. п. К тому же она единственное лицо в России, с которым я переписывался: сестра Маня года $1\frac{1}{2}$ уже как не пишет мне. От Дмитра я также давным-давно не получал письма и даже не знаю, где он и что с ним. Если получишь какое от него известие, сообщи мне подробно, указав, откуда оно и от какого времени. Павлу передай, что «Frankf. Zeit[ung]» я только три раза получил, а также 15 руб. от него же. Получил ли Мойша [2]) присланные ему его родственниками книги, наверно не знаю, но, кажется, нет [3]). Ну, пора кончать письмо. Надеюсь, что теперь у вас уже прошли те страшные холода, о которых ты писала в предыдущем письме; сегодня 31 марта (12 апр. по вашему), твоя годовщина [4]), если не забыла. Не знаю, как ее отпраздновать, вероятно, куплю водки и выпью за твое здоровье чарку-другую. У нас пока еще холодно, хотя снег почти и оттаял. Всегда скверно чувствую себя ранней весной, то же начал было уже чувствовать на прошлой неделе, когда присланные немецкие книги развлекли меня. Ну, будь же здорова, милая, дорогая моя. Крепко, крепко обнимаю тебя. Пусть Жорж не сердится за резкий и, вероятно, несправедливый отзыв о его детище: мож[ет] быть, вчитавшись серьезнее, я признаю, что ошибся в своем заключении. Павлу напишу особо с одной из следующих почт. Пока

1) Алек. Иван. Успенская, сестра Веры Ивановны Засулич. Витя — ее сын, тогда студент, впоследствии — врач.

2) Революционный псевдоним Аарона Исаак. Зунделевича.

3) Затем следуют десять строк, тщательно зачеркнутых, очевидно, тюремным чиновником. О чем я в них сообщал, мне, конечно, невозможно восстановить, но вероятно о чем-нибудь, относившемся к условиям нашей жизни, порядкам и т. п.

4) Годовщина оправдания ее судом присяжных по делу о ее покушении на ген. Трепова.

целую и благодарю его очень. Мой сердечный привет и наилучшие пожелания всем вам, мои дорогие. Сообщи, какова дальнейшая судьба вашего предприятия. Есть ли надежда на его продолжение. Ну, еще целую всех вас.

Любящий тебя безгранично брат твой

Лев.

XIII.

Карийск. 15 (29) [апр.] 1892 г.

Дорогой мой брат! Недели две назад получил твое письмо, начатое еще в конце прошлого года и оконченное в этом году, повидимому, в Морнэ. Не могу, брат, не выразить своего неудовольствия, что ты так медлишь с ответами и вообще редко пишешь: ты ведь знаешь, какое удовольствие, — нет, больше того, — какую для меня потребность составляют твои и сестрины письма. Она, правда, пишет чаще, но, как знаешь, крайне лаконична и скупа на сообщения могущих меня интересовать известий, слухов и пр. От Дм[итра] я также не получаю писем, но — не вследствие его лени или забывчивости. Так. обр., как видишь, я остаюсь почти совершенно вне связи и общения с близкими, а это для меня большое лишение. Знаю, конечно, все, что «ты можешь сказать в свое оправдание», и, принимая это во внимание, могу быть об'ективным, беспрйстрастным. Но временами, признаюсь, сержусь и отпускаю мысленно неодобрительные эпитеты на ваш счет. Но, бог с вами. Последнее твое письмо, хотя и касается почти исключительно прозаического дела — кефирного твоего предприятия, — тем не менее показалось мне очень интересным, благодаря его обстоятельности, за каковую я приношу тебе даже благодарность: ты ведь знаешь, что я мню себя скрытым, «потенциальным финансистом», которому лишь обстоятельства помешали применить на деле свои «способности», а то и «таланты». Меня интересует техника и организация всякого сколько-нибудь крупного промышленного предприятия, даже когда оно не имеет никакого отношения ко мне или к кому из близких мне, а просто по об'ективному интересу. Тем сильнее этот интерес, когда данное предприятие — дело близких мне людей. Фактическими данными ты уяснил мне общее положение твоего заведения, его размеры и отчасти — организацию. (Признаюсь, я с удовольствием читал о некоторых приемах, указывающих на то, что у вас есть стремление поставить дело широко и пользоваться некоторыми улучшениями и усовершенствованиями, напоминающими крупное предприятие: телефон, газовое освещение, об'явления, филиальн. отд.). Но я все же не могу понять, почему это предприятие, в конце концов, дает ничтожные, а то иногда и никаких доходов и даже — убыток? Я не могу понять, в чем причина этого положения? Если на кефир есть у населения спрос, то оно должно в среднем оплачивать его так, чтобы покрывались все издержки с известной чистой выручкой; а если его нет, — тогда, за 7—8 лет твоих усилий, ты должен был убедиться, что вызвать необходимого спроса ты не можешь, не в силах, а следов., при малейшей возможности нужно развязаться с этим предприятием и не тянуть канители, как ты мне описываешь ее. Ты скажешь, конечно: «тебе легко, будучи вдали, сплеча, так скоро решать—взял, мол, да бросил, раз убедился, что невыгодно; а будь ты здесь, сам бы увидел, что тут перепутана целая масса причин и условий, мешающих так легко развязаться». Я даже отчасти и догадываюсь об этих причинах, но все же думаю, что или само это предприятие не может быть прибыльно, или в ваших приемах, средствах и условиях есть недохватки. В первом случае, как я уже сказал, остается только бросить, не льстить себя надеждой, не тянуть времени, а во втором — надо сделать все от вас зависящее, что, я уверен, вы давным-давно и сделали. Но довольно пока о кефире (ты, однако, время от времени, делись со мною сведениями о ходе этого предприятия). Поговорим о другом, о заведении Рольника. Ты меня обрадовал сообщением, что оно пережило кризис, и что есть надежда на улучшение дел фирмы [1]). Я теперь не имею никакого представления о положении дел этой фирмы, — ты и сестра крайне лаконичны и даже — пифичны: какие-то у вас намеки, упоминания, высказывания надежд, а «зачем и про что», как говорит один мой знакомый, «не-

---

[1]) «Заведение Рольника» — женевская типография группы «Освоб. Труда». Слово «фирма» тоже употреблено из конспиративных соображений, для отвода глаз.

известно». Сестра, напр., упоминает о поездке Жоржа в Париж на свидание с кем-то из родственников. Но какое это может иметь отношение к заведению Рольника, на что она намекает, мне, непосвященному, конечно, ни в жизнь не сообразить. Нет, брат, скверно, будучи отделенным от близких тысячами верст, сохранять живой, сильный интерес ко всему, что их касается! Тогда еще интенсивнее чувствуешь неприглядность своего положения, невозможность быть спокойным, «уравновешенным». Мне хотелось бы знать обо всем, вас занимающем, а тут — в месяц «по столовой ложке» — получаешь пифические и лаконичные намеки на ваши условия, интересы. Руки опускаются, не хочется браться за перо, чтобы писать вам, зная, что все мои просьбы, старания вызвать у вас охоту писать подробнее и чаще пропадают даром. Да и о чем могу я писать, не получая от вас импульса?! Условия моей жизни я давно и много раз описывал. О моих занятиях много не распишешься: почитываю книжки, да что толку в этом? Кстати, теперь читаю Брайса—Американ. конст., обстоятельное и интересное с фактической стороны сочинение, но личные взгляды автора, его восторг перед тамошними порядками у меня, наоборот, почему-то возбуждают антипатию к этой стране. По этому поводу у меня здесь происходят часто споры с одним товарищем, большим поклонником С.-А. Соед. Штатов [1]). Но у нас сравнительно ограниченные сведения и источники. Не можешь ли у геноссов узнать и достать сочинения по этой части? Читал ли ты книжку Либкнехта о его путешеств. в Америку и как думаешь, можно ли мне рассчитывать на ее получение? Присланное тобою давно сочин. Сарториуса фон-Вальтерсгаузена об америк. рабоч. союз. мне в общем понравилось. Можешь, если есть, прислать и др. в этом роде. Посланные давно родственниками Мойше немец. книги (статист. Шв[ейцарии] и др.) он получил, и мы прочитали их с большим интересом [2]). Можешь, и даже прошу, прислать другие сочинения в том же роде. — Ты упоминаешь о письме ко мне

[1]) То был небезызвестный Фаддей Рехневский, осужденный в Варшаве на каторгу по делу «Пролетариата» в 1887 г. См. о нем в кн. «16 л. в Сибири».

[2]) В переплетах этих книг также был заделан «Сборник Социал-демократа».

твоего шурина (как его фамилия?), написанном в июне, но я такового не получал [1]). Ну довольно. Посылаю наилучшие пожелания всем, всем близким. Целую тебя и других много и крепко.

Твой брат *Лев.*

Сестре скажи, что я ей недавно писал и на прошлой неделе получил от нее письмо. Жду от нее извещения о результатах поездки Жоржа и вообще о делах заведения Рольника.

XIV.

Карийск, 19 сентября [1 окт.] 1892 г.

Дорогой мой брат Павел! Последнее твое письмо, так же, как и предыдущее, почти целиком посвященное твоему кефирному предприятию, я довольно давно получил, но до сих пор все никак не мог собраться, чтобы тебе ответить. Отчасти тому причиной всякие житейские мелочи, отчасти — настроения и лень. На этот раз не буду касаться твоего заведения, так как последним письмом ты выяснил кое-что, оста[ва]вшееся мне непонятным. Скажу только, что вполне понимаю и искренно сочувствую твоему нравственному состоянию, обусловливающемуся, как ты пишешь, «ложным и двусмысленным положением», каковое ты занимаешь вследствие «несоответствия между кажущимся внешним видом и действительностью» [2]).

[1]) После этого десять строк тщательно зачеркнуты. Просматривавший тогда нашу переписку тюремный служащий, некий Похоруков, о котором я сообщаю в кн. «16 лет в Сибири», пропускал очень опасные, с точки зрения правительства, места и зачеркивал неимевшие никакого политического значения сообщения о мелочах, — просто по невежеству.

[2]) Как я уже когда-то сообщал, П. Б., вместе с женой и свояченицей, не покладая рук, работали в устроенном ими кефирном заведении с раннего утра до позднего вечера, тем не менее они перебивались с хлеба на квас, еле будучи в состоянии сводить концы. Несмотря на это, «добрые люди», даже знавшие обо всем этом, находили возможным распускать слухи, будто Аксельрод превратился в «буржуя», изменил своим взглядам и т. п. Все это его, понятно, крайне огорчало.

Мне приятно, что ты считаешь меня способным «поставить с самого начала это предприятие так, чтоб оно давало на жизнь не одному только твоему семейству (с компаньоном)[1], а при невозможности этого, зажать другим рты и тебя нравственно успокоить». Не берусь решить, насколько верны эти твои лестные обо мне представления, но одно могу сказать, что оставайся я с вами, то, конечно, употребил бы все мои способности на поддержание как твоего материального, так и морального состояний. Думаю, однако, что твое представление несколько преувеличено. Говорю это не из понятной скромности. Ну, да это не важно. — Жаль, что ты так лаконично сообщаешь о результатах поездки Жоржа в Париж, о примирительных переговорах с тетушкой Сарой; жаль, что раз начатые по вашей инициативе переговоры ничем существенным не окончились[2]). Грустно также, что вот уже 10-й год, как существует фирма Рольника и К°, а, как ты пишешь, до сих пор это предприятие «далеко от процветания, что в значительной мере зависит от отсутствия деловитого директора». Вообще, я должен тебе сказать, что о ходе дел этой фирмы я имею, быть может, еще менее ясное представление, чем о твоем кефир[ном] заведении, так как Марфа еще значительно лаконичнее сообщает о нем, чем ты о своем. Мне представляется крайне мизерным производство этого заведения. Я даже не знаю, увеличилось ли и насколько его производство? Продолжается ли старое производство или взялись за новые образцы? Увеличилось ли число потребителей и участников и насколько? Помогают ли вам родственники с родины и пр.[3]). Ты в последнем письме говоришь только о «моральном завоевании». Но ведь без «материального» приобретения одно моральное далеко не достаточно. Отсутствие «деловитого директора» также ведь

[1]) «Компаньоном» стал Саул Гринфест, о котором сообщено в № 1 нашего Сборника.

[2]) Как теперь известно из разных печатающихся материалов, целью поездки Георг. Валент. в Париж были переговоры о сближении с тамошними народовольцами, — главным образом с Лавровым и с Мар. Ник. Ошаниной, которую ради конспирации мы и называли тетушкой Сарой (из ром. Шпильгагена «Один в поле не воин»). Переговоры эти ни к чему не привели.

[3]) После приведенных мною в предыдущих письмах об'яснений, надеюсь, понятен смысл всех перечисленных здесь вопросов.

может быть об'яснено «непроцветанием», недостаточной привлекательностью этого предприятия, т.-е. если бы дела шли хорошо, то не было бы недостатка в деловитых людях. Словом, это какой-то заколдованный круг, и, во всяком случае, получается далеко не отрадная картина, когда вспомнишь, что почти десять лет прошло с момента основания этого заведения. Я надеюсь, что раз ты решишься посвятить меня в подробности этого предприятия, то я больше узнаю и скорее пойму причины его непроцветания, чем из писем сестры. — Очень обрадовало меня твое сообщение о питерских увриерах, которые 3 мая (нов. ст.) хорошо выдержали экзамен по предметам геноссовщины[1]). Об этом отрадном факте, как и вообще о родственниках, живущих на родине, я давным-давно решительно ничего не слыхал, и чувствую себя как бы совсем оторванным от родины. Сестра Маня пишет мне раз в год-два, да и то всегда наполняет письма одними лишь самооправданиями и об'яснениями своего продолжительного молчания. Я бы очень хотел, хотя изредка, получать от тебя обстоятельные письма общего характера, как, помнишь, бывало раньше, когда я сидел в тюрьме. — Ну, как твое здоровье, как идут твои занятия? Все ли продолжаются головные боли и мешают ли тебе бессонницы работать? Ты в последних письмах ничего мне не пишешь лично о себе. Что ты читаешь, что нового в литературе? Как бы я хотел хотя знать по слуху, если не лично прочитывать, что [именно] сколько-нибудь выдающегося появляется! Нет, вы с Марфушей ужасно скупые личности: не хотите со мною делиться даже такими сведениями! Отчасти поэтому и у меня пропадает охота своевременно отвечать на ваши письма. Ты должен, ведь, помнить, что я был аккуратен в переписке, а теперь она, ввиду моего положения, приобрела еще большее для меня значение. Но возвращусь к литературе. Мне попадались благоприятные отзывы и интересные выдержки из «Zentralbl. für Socialpol.». Знакомо ли оно тебе? Думаю, ввиду наших условий, что оттуда я мог бы почерпать интересующие меня факты.

[1]) Кажется, ясно, что я имел здесь в виду первое празднование петербургскими рабочими первого мая. «Геноссовщина» — товарищество, международная солидарность.

Сообщи, не получает ли его кто из твоих геноссов, и можешь ли мне его по прочтении пересылать. Недавно попалось мне сообщение, что Бебель пишет большую книгу об истории их увриеров. Правда ли это? Думаю, что у него выйдет это очень интересно, и мне страсть как хотелось бы прочитать ее. Но что в том толку?! — О себе скажу немногое. Живу по-прежнему, ни в чем, кроме интересных книг, особенно не нуждаюсь, понемногу занимаюсь, читаю. За отсутствием более свежих материалов, невольно принялся за Истор. Госуд. Росс.—Соловьева. Это—29 т.т., и даже сидя в тюрьме, при всей монотонности тамошней жизни, я не решался приниматься за это сочинение, так как были более интересные, а тут, как видишь, приходится чуть ли не за библию браться, так мало (или почти никаких для меня) более животрепещущих сочинений. — Я, помнишь, писал тебе (и сестре), что был план нас переселить в другое место; теперь это намерение оставили, и мы по-прежнему будем жить здесь, чему я (и др.) очень рад, так как вовсе неприятно менять насиженное место, имеющее много хороших сторон, на неизвестное новое. Пора кончать. Пиши же, по возможности, обстоятельно как о близких, так о геноссах, литературе и т. д. Всего вам всем наилучшего. Семье твоей и всем, помнящим меня, мои особые поклоны и пожелания. Целую тебя. Твой брат *Лев.*

XV.

Благовещенск, 11 (23) февраля 1900 г.

Дорогой брат! Я очень обрадовался твоему письму, хотя в первую минуту, признаюсь, испугался: увидев, что почерк не сестры, подумал, что с ней что-нибудь нехорошее стряслось. О ее здоровье дошли до меня еще летом печальные слухи (через сестру нашей общей знакомой — зубного врача Цецилии Самойловны). — Ты ошибаешься: я не приписываю твоего молчания изменившемуся с твоей стороны ко мне отношению, — я об'яснял это приблизительно так, как ты сам сообщаешь. Я же не писал, потому что был уверен, что сестра делится сведениями с тобою, а жизнь моя все время до того однообразна, что не дает материала, чтобы не повторяться, для разных тем, особенно, когда почему-нибудь прерывается переписка, — что, впрочем, почти никогда не случалось по моей вине. Я рад твоему намерению впредь вновь не прерывать со мною переписки. Надолго ли только у тебя его хватит. Впрочем, м[ожет] б[ыть], теперь ты действительно будешь аккуратнее, так как обстоятельства несколько изменились в более благоприятную для переписки сторону. Ты и сестра, повидимому, придали чересчур большое значение маленькому огорчению, вышедшему из-за переписки общего друга о его мечтаниях [1]). Сестра, очевидно, его не поняла и, конечно, не хотела его огорчить, но случай исчерпан. Ты же чрезмерно расписываешь будто бы присущие другу необыкновенные качества, каковых он положительно не имеет, хотя, говорят, он вовсе не отличается скромностью и самоуничижением. Своим эзоповским языком он хотел только сообщить сестре, что хорошо было бы ему на старости очутиться среди близких, при условии, конечно, быть в состоянии зарабатывать каким-нибудь способом на пропитание, к чему он пока еще чувствует себя способным как в физическом, так и в других отношениях. Вообще он вполне бодр и здоров. Намерения у него, как видишь, очень скромные, но осуществятся ли они и когда — большой вопрос: может быть, года через два, а может, и еще того позже. Обстоятельства заставляют его откладывать план осуществления свидания с родителями, пока он не накопит нужной для поездки суммы (руб. 1.000), что, собственно, было бы для него вовсе нетрудно, если бы он умел скредничать, экономить, и если бы на каждом шагу не попадались ему нуждающиеся. Состоит он теперь фактическим редактором вновь основанной здесь газеты [экземпляры] которой я на-днях получил обратно из Цюриха и вновь тебе их переслал (на адрес: Mühlegasse, 33.). Там много его статей и заметок по разным вопросам и отделам. Труд этот должен оплачиваться 200 р. в месяц, но так как издатель — чело-

[1]) Под этим я имел в виду сборы бежать, о чем и сообщил Вере Ив-не; она сперва, не поняв цели моего намерения бежать только за границу, предположила, что я собираюсь ехать на нелегальную работу в Россию в качестве «литератора-полемиста», стала отклонять меня от этого намерения и сделала это в несколько раздражительном тоне, что меня очень огорчило. Подробно весь этот инцидент изложен в письмах ее и П. Б. Аксельрода, помещенных в № 4 наших Сборников.

век прекрасный — сам перебивается с хлеба на квас, то и друг наш не получает условленной суммы, надеясь — впрочем, без особенных шансов, — что, если дела у издателя вдруг изменятся к лучшему, он сразу сделается обладателем желанной тысячи (теперь за тем уже целых 400 руб.!). Но все, конечно, «мечты, мечты». Так-то обстоит дело, по поводу которого в переписке с сестрой вышло упомянутое разногласие или взаимное непонимание. Ты, в сущности, тоже, повидимому, не вполне понял его, приписав ему «организаторские способности» и заявив, что «он один мог бы нам теперь еще оказать» услугу. Поверь, брат, что, если бы друг наш хоть приблизительно смотрел так на себя, — он давно уже оправдал бы ваше мнение, не остановился бы перед ограниченностью своих средств (да и их скорее собрал бы). Потому-то его и разбирает раздумье, — стоит ли покидать насиженное место, где он легко находит, сравнительно, большой заработок, чтобы вновь очутиться в стране, где будет совсем неприспособленным к трудовой жизни. Не думай, что на него время нагнало апатию, равнодушие или упадок сил: он только стал, если можно так выразиться, осторожнее, рассудительнее и представляет себе неизвестные еще условия приблизительно такими, какими они были при нем. — Теперь, надеюсь, ты его понял, а затем будем, вероятно, еще возвращаться к этой теме. — Дмитро недавно должен был послать деньги для сестры на адрес: Mühlegasse, 33. Herrn Paul; на всякий случай, справься об этом на почте и сообщи, что это — для тебя. Мы с ним очень беспокоимся относительно ее материального положения: от нее, конечно, ничего толком не узнаешь. Поэтому прошу тебя сообщить прямо, без утайки, нужно ли ей посылать деньги? Как она живет, как ее здоровье, как проводит время и пр.? За это я и Дм[итро] скажем тебе большое спасибо. — От тебя Дм[итро], кажется, не получал писем, так как он сообщил бы мне. Теперь перешлю ему твое ко мне, — он будет рад; я пересылаю ему и сестрины. Он очень далеко от меня, в Якут. обл. на уроке и копит деньги для возвращения на родину, а также для поездки на воды — у него разные болезни — мигрени, геморрой. Думает и ко мне заехать (это тысячи 3—4 вер.!), но собирается он уже 4—5 лет, а все не может выбраться: мы с ним не виделись

уже более 10 л., но, конечно, все время поддерживаем деятельную переписку. — Здесь из старых — Синегуб, недурной человек с многочисл[енным] семейством; он, как и все, нашего российского, эклектического направления. Единомышленников у меня — никого, но я уже привык к этому, хотя временами и тяжело бывает от такого одиночества. Как же ты поживаешь? Как твое здоровье, как чувствуешь себя? Каковы твои материальные дела? Сколько у тебя детей и где они обретаются, где учатся? Как поживает Надя? Что поделывает? Поди, вы все уже старики? Да и я уже начал седеть. Кто и как живет из наших общих знакомых? Ведь сестра редко о ком упоминает. Буду рад, если ответишь подробно, а также если соберешься что написать для газеты в виде письма о тамошней жизни вообще. Посылать ли тебе нашу местную газету, или для вас это неинтересно? Ну, крепко целую вас всех, в том числе Жоржа с семьей.

Адресуй так: сюда, зубному врачу Пелагее Давидовне Сироте — и только.

XVI.

Благовещенск, 18 (31) мая 1900 г.

Дорогой мой брат Павел! Получил твое письмо и сейчас же отвечаю. Признаюсь, содержание его меня несколько разочаровало. Дело в том, что за несколько дней до этого я окончательно расстался с редакцией газеты. Процесс этого расставания начался давно, — чуть не с первых дней возникновения газеты и моего в ней участия. Причина — наши разногласия с большинством редакции, каковое большинство — народники, поклонники Михайловского и К⁰. Редактирование в течение $1/2$ года газеты, однако, принесло мне и пользу: оно обогатило меня опытом. Если бы ты знал, сколько препятствий, даже помех и трудностей мне приходилось преодолевать и выносить, состоя в этом деле! — Ты, однако, все же не можешь, вероятно, понять, почему меня разочаровало содержание твоего письма? Очень просто: при том положении и настроении, в которых я теперь обретаюсь, я мысленно, как это бывает в таких случаях, хватался за надежду, что вот получу от тебя письмо, в котором найду что-нибудь для себя утешительное, приятное. Зная заранее,

что это—фантазия, тем не менее я почувствовал еще бóльшую грусть, когда узнал из твоего письма, что и у вас там какие-то недоразумения, нелады, из-за каковых ты должен был ездить к Ж[оржу] и очень расстроился. Почти одновременно я получил письмо от Дмитра, которое касается вашего положения.

Оно настолько, по-моему, интересно, что я приведу это место целиком.

«Мечтания Павла пустить в ход твои практические таланты для оживления их захиревшей группы с его точки зрения вполне понятны. Но это дело, по-моему, безнадежное. Странные люди! Исповедуют по существу эволюционную теорию и в то же время как бы желают возвести ее в неизменяемый догмат. Это «eine alte Geschichte [старая история], в силу которой люди, сжившиеся с известными идеями, туго воспринимают новшества. Они сделали свое большое дело: втолкнули движение в новое, большое русло, — в этом и заключалась их миссия. А чтобы заставить реку течь без зигзагов, это мудрено. Живая натура прямолинейности не выносит... Состарились они видно. Кто взывает к невозвратному прошлому, вместо того чтобы, поняв новое, приобщиться к нему, тому пора приняться за писание воспоминаний. Если по-ихнему все ударились в ересь, чего же они ее не обличают? С таким испытанным литературным оружием, как у них, нет надобности ни в каких группах. Небось, лет 6 назад они и без нее нашумели на всю Россию. А почему? Потому, что попали в тон «естественного хода истории». Меня, напр., нисколько не соблазняет неблагодарная теперь роль восстановления «старой группы». Одно это ловление человечков и человечиц, вечное ломание головы, где бы достать франки... ой, как скучно! Интереснее уж вести газету где-нибудь в Азии, чем такая деятельность в Европе...»

Конечно, в приведенных рассуждениях Дм[итра] много неверного, априорного, выведенного отчасти из слухов, журнальных статей и ложно понятых сообщений сестры и из твоего предыдущего письма ко мне. Ты ведь не предлагал мне явиться восстановителем «старой группы»; точно так же неверно, будто вы желаете возвести свои воззрения в «неизменный догмат», будто «взываете к невозвратному прошлому» и будто в новом направлении видите «ересь». Неверно также его предположение, что вообще при таком орудии, как литература, вам не нужна группа. Несмотря однако на все эти ошибочные соображения, его взгляды интересны, как признак недоумения, почему вы, так сказать, очутились за бортом? В самом деле, я также не могу себе этого об'яснить. Хотя я и не берусь утверждать, что это произошло по вашей вине, потому что вы «не поняли нового направления», но и мне кажется чрезвычайно странным, непонятным получившийся результат, — факт вашей изолированности. Из писем сестры я этого никак не мог уловить, — об'ясни, насколько можешь. Далее, я вполне согласен с Дм[итром], что заниматься теперь в Европе изловлением отдельных лиц и доставанием франков очень скучно, и, повидимому, судя по твоим и сестры письмам, мне, напр., лично ничем другим не оставалось бы там заниматься. Ты, впрочем, в последнем письме совершенно обходишь молчанием этот вопрос, и я не знаю, как ты на него смотришь. Ты сообщаешь, что тебя расстроила поездка к Ж[оржу] и те переговоры, которые пришлось вести, — может быть, в этом причина твоего молчания насчет вопроса о свидании с Женькой, о чем я подробно распространялся в предыдущий раз [1]). Твоя благодарность мне за «христианское отношение» к твоей неаккуратности в переписке меня удивляет: я понимаю, что не пишешь подолгу потому, что нет живого интереса писать при тех условиях, в которых нам с тобою приходилось жить многие годы. Этим я, конечно, не хочу сказать, что так оно и должно быть, что я точно так же поступал бы, но мое христианское отношение здесь не при чем. Конечно, ваши письма доставляли бы мне большое наслаждение, облегчение и пр., но раз не пишется, что же мне делать, сердиться-то не за что, а менять отношение к близким — и подавно. Но все же, повторяю, будет лучше для меня (а может, и для вас, — кто знает?), если впредь наша переписка не будет так неаккуратна, как это было в прошлом. Для этого поставь себе за правило — непременно отвечать вскоре по получении моего письма и в ответах следить за содержанием моего, прибавив о всем том из ваших условий, что может быть мне полезно и интересно знать. — Жизнь здесь очень дорога; заработок найти сколько-нибудь подходящий и чистоплотный довольно трудно. Здесь со мною мой мальчик — Яша (4-й год ему). На несколько месяцев хватит моих сбережений, чтобы прожить скромно, но вопрос о будущем меня беспокоит, —

[1]) Собираясь бежать из Сибири, я написал об этом П—лу Б—чу в том, мол, смысле, что «брат Женька» желает свидеться с родственниками.

никогда еще в прошлом я не был в подобном затруднительном положении. Не подумай, брат, что я уже прихожу в отчаяние, — я лишь делюсь с тобою, как с близким, сведениями о своих затруднениях, и в этом, напр., отношении переписка с тобою является большим для меня облегчением: здесь ведь нет у меня ни одного сколько-ниб[удь] близкого человека. — В последнем письме Дм[итро], меж[ду] проч[им], сообщает, что летом, в июле, он намерен поехать на родину, чтобы повидаться с родными, рассчитывая, что ему разрешат это. По всей вероятности, действительно разрешат, — тогда я буду чувствовать себя здесь, в Сибири, еще более оторванным от близких. — Но довольно о себе. — Почему ты ничего не пишешь о своих близких, о своем положении, о занятии, заработке, о Жорже, Розе и др.? Сестра ведь всегда была очень скупа на этот счет. Почему она мне не пишет, чем это об'яснить? Перешли ей для прочтения письмо. Ну, всего хорошего всем вам; крепко целую Надю, твою Верочку и др. твоих. Не забывайте меня, пишите.

Ваш брат *Лев.*

Меня сильно беспокоит, почему от сестры ничего не получаю, — уж не случилось ли чего с нею, и ты скрываешь от меня [1]). Умоляю тебя, сообщи ей, что я прошу ее написать мне хоть несколько строк.

XVII.

Благовещенск, 15 (28) июня 1900 г.

Дорогая сестра! Ужасно обрадовался твоему письму. Приятно было мне узнать, что, повидимому, Марфа побывала дома [2]) у родных и очевидно осталась довольна поездкой. К сожалению, ты не сообщаешь, как долго длилась эта поездка, чем она была вызвана, что собственно она там видела, как жилось ей там и пр. Все это меня очень интересует. Женьку [3]) обрадовало твое заявление, что и он был бы по-

[1]) Не писала «сестра», т.-е. В. И. Засулич, потому, что в это время ездила нелегально в Россию, а оттуда в Стокгольм. *Л. Д.*

[2]) Т.-е. Вера Ивановна же в Петербурге.

[3]) Меня же. *Л. Д.*

лезен у родных в имении. Но он сильно сомневается в правильности такого о нем мнения. Дело в том, что он считает себя мало подготовленным к ведению сельского хозяйства, а учиться этому искусству считает уже поздним для себя занятием. Поэтому он и не представляет себе, что́ бы он стал там делать? Впрочем, может быть, пожив предварительно некоторое время среди своих родных, он вновь почувствовал бы в себе прилив бодрости, энергии. Но в настоящее время он таковых качеств в себе не замечает [1]). Вообще, он далеко не в отменном настроении. Ближайшей причиной этого то, что планы, мечты его не только не приближаются к осуществлению, но, наоборот, отодвигаются в неопределенное будущее. План его скопить средства на путешествие если не окончательно разрушился, то отодвигается на довольно продолжительное и неопределенное время, что его чрезвычайно огорчает и угнетает. Вся суть — из-за презренного металла, но препятствие это, хотя и важно, не непреодолимое. Пока же он не только не копит, но, наоборот, проедает те сбережения, которые у него имелись, и они быстро приходят к концу. Что же касается Дм[итра], то я уже писал, что он пока собирается к себе на родину, чтобы повидаться с сестрами, а куда он затем устремится, полагаю, и сам еще хорошенько не знает. К плану Ж[еньки] он относится отрицательно, находя, что «заниматься изловлением юнцов и юниц, при вечной заботе о том, где бы достать франк на пропитание, еще скучнее, чем здесь прозябать». Я не вполне с ним согласен: здесь чувствуешь себя совершенно оторванным от всего живого, приходится вращаться в совершенно чуждой среде, не видая, за крайне редкими исключениями, сколько-нибудь подходящих, близких по воззрениям людей. Жизнь при таких условиях на очень продолжительное время может хоть кого угодно засосать, превратить в индиферентиста, думающего лишь о своем благополучии, словом, в «мирного обывателя» или инвалида. Надеюсь, ты поймешь настроение Ж[еньки]. Очень вероятно, что, очутившись среди близких, он также почувствовал бы себя

[1]) Само собою разумеется, здесь речь шла о моем побеге из Сибири прямо в Россию на нелегальную работу, на что я тогда считал себя непригодным на первых порах, пока не осмотрюсь.

вскоре нехорошо, так как вопрос о материальных условиях жизни там чрезвычайно сложен и важен: жить литературным трудом он рассчитывать не может, п[отому] ч[то] мало к этому подготовлен, а технических знаний у него никаких. Поэтому он и напирает так на скопление суммы, достаточной, чтобы просуществовать хоть полгода там, кроме проезда. Но довольно об этом. — Статью о Писареве пока еще не собрался прочесть; я очень рад, что Н. Карел[ин] [1]) пристроился в этом журнале. — Отложил письмо и прочел эту статью. Она мне понравилась. Странно, почему в майской книжке нет окончания и вообще майская — тощая. — Однако пора кончать. Дальше пишу Павлу, ты тоже прочти его. Прошу тебя ответить подробно на поставленные выше вопросы. Береги свое здоровье, — тогда, вероятно, еще свидимся, может быть, не так уж долго придется теперь ждать этого, как кажется Ж[еньке]. Целую крепко. Пиши.

Дорогой брат! Почти одновременно с письмом сестры, где была записка и от тебя, получил большое письмо от тебя (на 2 поч. лис.), наполовину писанное карандашом, а также книгу «Критику пол. эк.». Других книг пока не получал. Из вышеизложенного к сестре ты уже, конечно, заключил, что твой «идеал» для Ж[еньки] и Дм[итра], чтобы они добились отпуска для лечения на воды, вполне маниловский, как ты и сам подозреваешь. Если на этом строить план свидания с ними, то можно с уверенностью сказать, что «идеал» осуществится, когда не будет уже почти никого в живых. Столь же химерична мечта, что, полечившись, они могли бы пристроиться к официальной прессе «и в других общественных учреждениях». Нет, брат, чтобы осуществился план [пока одного] Ж[еньки], нужно раздобыть ему средства, а не полагаться на благоусмотрение начальства, когда оно заблагорассудит его отпустить. Он вполне соглашается с тобою, что только «наговорившись, поживши и ознакомившись с тем, что есть», он мог бы, смотря по обстоятельствам и своему настроению, решить или там остаться, или вернуться назад. Такой и его взгляд. Вопрос весь, как видишь из вышеизложенного к сестре, в презренном металле, т. к. ничто

[1]) Этим псевдонимом В. Засулич подписывала свои статьи в легальных журналах.

другое теперь его не задерживает, и, будь у него нужные средства теперь, он скоро мог бы осуществить свое намерение. Просит он тебя серьезно обдумать и взвесить вопрос о материальных средствах, — как ты находишь, может ли он рассчитывать на приискание себе там источника для существования, раз ему пришлось бы надолго остаться там? Вопрос этот его очень смущает, — не хочется ему оказаться обузой даже близким людям, а уверенности, что он сам способен там найти заработок, нет у него. Но довольно об этом. Не забудь также просьбы об адресе [1]) от геноссэв в С[ан]-Фр[анциско]. — Пока получил только предисловие Жоржа к «Wadem[ecum]». Не зная всех ваших обстоятельств, я не могу понять, зачем нужна такая полемика в тесной и узкой среде. Это на непосвященных производит тяжелое впечатление; да и мало интересно, что какой-то «Г., один *из нынешних столпов*» (не знаю, почему подчеркнутые мною слова повторяются десятки раз, — в чем здесь острота?), какой-то NN. и MM. и другие такие же знаменитости неверно судят о таких-то вопросах? Не могу себе представить, чтобы такая полемика и в таком тоне, как она ведется у Ж[оржа], могла интересовать сколько-нибудь значительный круг лиц, а тем более, чтобы она была полезна? Я, конечно, не знаю всех обстоятельств, но насколько позволяет мне судить о них воображение, решительно не могу представить себе, чтобы *таким путем* можно было достигнуть уничтожения «хаоса», на существование которого ты и Жорж жалуетесь. Мне кажется, что такими «документами» можно только возбудить друг в друге ненависть, вызвать самые дурные чувства, при наличности которых немыслимы никакие выяснения. Но довольно: может быть, я глубоко ошибаюсь, не зная всего, может быть. — Недавно один мой товарищ вернулся из Владивостока, где он встретился с этнографической экспедицией и свиделся с твоим сыном, которого очень расхваливает, как симпатичного и дельного парня. Ужасно жаль, что не мне пришлось быть на месте этого товарища. — В настоящее время здесь идут усиленные приготовления к войне с Китаем. Все в большой

[1]) Думая о побеге, я останавливался на пути через Сев.-Америк. Соед. Штаты.

тревоге, возможны очень серьезные последствия от этой войны не только для Китая, но и для европ[ейских] стран. От нас ведь [до] Китая рукой подать, — через реку Амур. Здесь идет уже мобилизация войск, а часть их уже выступила. Ну, да поживем, увидим. — Снова перечитал твое письмо. Ты с отвращением говоришь в нем «об идейном хаосе и тесно с ним связанном хаосе личных дрязг и всевозможных пакостей»; ты говоришь, что от этого «жить становится тошно и работать донельзя трудно», особенно «людям инвалидам», к каким себя почему-то причисляешь. Все это место производит крайне тяжелое, удручающее впечатление, и невольно рождается вопрос, — неужели нельзя было избегнуть дрязг и пакостей? Неужели люди так уж скверны и глупы, что не могут не отравлять друг другу жизни? А если действительно, как ты выражаешься, они не вышли еще из «средневекового периода, со свойственными ему варварскими стремлениями», то приходится брать действительность такою, какова она, и стараться по мере сил вносить в нее постепенно порядок, свет. Конечно, я не знаю конкретных условий, но только вижу, что и у вас «худо есть», как говорят здесь. По [одному] этому мне не представляется заманчивой ваша жизнь, а мое положение там, при этих условиях, кажется, было бы сугубо неприятным. Одно остается — удовольствие от совместной жизни, — это единственная и главная цель плана. Но я снова возвращаюсь к уже исчерпанной теме. — Слыхал, что твоя Вера на медицин. курсах. Будьте все здоровы. Всего вам всем наилучшего. Буду надеяться, что время совместной вашей жизни с любящим вас Ж[енькой] уже не очень далеко, хотя теперь оно и отдалилось, как выше изложено. Авось, обстоятельства изменятся к лучшему для вас и для него. Не надо терять бодрости. Мне все же кажется, что более тяжелые моменты в вашей жизни уже пережиты, позади, а должны же когда-нибудь наступить и счастливые если не часы, то хоть минуты. Будьте же здоровы и бодры все. Крепко целую всех вас. Не откладывай ответа в долгий ящик.

XVIII.

26 декабря 1900 г. (8 янв. 1901 г.)

Дорогая сестра! Ровно месяц тому назад я начал писать брату Павлу прилагаемое письмо и все колебался, отправлять ли его, когда в начале настоящего месяца получил снова от него и от тебя письма, и я вновь начал думать и раздумывать насчет затронутой вами темы. Ты говоришь, что, будь Ж[енька] один, без мальчика, то, не колеблясь, написала бы ему: «приезжай». Это довольно ясный и определенный ответ, что побуждает и меня изложить определенно свой взгляд на этот вопрос. Конечно, для Жени не столь просто решить его, имея мальчика. Но не в нем вся суть: он лично, не колеблясь, решил бы осуществить план, не опасаясь за судьбу мальчика, так как последний в хороших руках, и он всегда мог бы быть за него спокоен. Но уже имеются другие причины, заставляющие его колебаться принять окончательное решение, это — неуверенность в себе, сомнение, будет ли он уместен, в состоянии ли он будет найти себе *всецело* поглощающее [его] дело, придется ли он, так сказать, ко двору, сойдется ли с вами со всеми и проч. в этом роде, а между тем все другие пути будут для него уже навсегда отрезаны. Ведь 15—16 лет много значат в жизни человека, и Ж[енька] несомненно изменился, — к лучшему или к худшему — не ему, конечно, решать. Он лично склонен думать, что — к худшему, да оно вполне естественно, так как он приближается уже к старости, следов[ательно], нет в нем той горячности, уверенности, настойчивости, а вместо этих качеств явились колебания, сомнения и рядом терпимость ко многому, всепрощение. Вот эти-то колебания заставляют его опасаться принять окончательное решение. Он вспоминает, что при подобных же колебаниях принятые в прошлом решения *всегда* оканчивались для него печально, и такие воспоминания еще более усиливают его колебания. Он и теперь больше полагается на безошибочность своего решения, принятого им вдруг, сразу, по интуиции, а не после продолжительного предварительного обсуждения. Между тем, в этом вопросе пока у него еще не явилось внутреннего бессознательного

толчка к бесповоротному решению. Не знаю, ясно ли я изложил происходящий уже процесс, но думаю, что ты меня поймешь. Повторяю только, что мальчик его здесь не при чем: будь он или не будь, — все одно, вероятно, процесс колебания происходил бы уже, а раз таковой имеется налицо, Ж. сугубо стал бы колебаться, размышляя приблизительно так: «а, ты колеблешься, значит, ты опасаешься, значит, ты не должен принимать окончательного решения, а должен предоставить его времени». Особенно в последний год — полтора [1]) почему-то сильно заговорили в нем неуверенность и сомнения относительно себя, своих способностей, пригодности к интересному делу и даже сомнения в возможности сильно, *целиком* чем-либо заинтересоваться. Он все чаще и чаще останавливается мысленно на вопросе, что так ничтожны его усилия и, следов., результаты их и, наоборот, так бесконечно велики и время и окружающие нас социальные условия. Но он вполне допускает, что, быть может, для него все эти вопросы окрашиваются в такой скептический, пессимистический цвет только потому, что почти 15 лет он живет в столь чуждых его основным воззрениям условиях, он должен работать совсем для других, мелких, ничтожных целей и должен всегда прятать свои мысли, редко показывая наружу даже ничтожный край их. Очень может быть, что в других условиях он вновь воспрянул бы. «Ну, а если нет?» — спрашивает он себя, и ты не можешь, думаю, отрицать законности и естественности этого вопроса. Однако довольно. — Ты пишешь, что если бы он не брезговал никакой работой, «хотя бы она была самая невидная», то такой нашлось бы для него «вволю». Конечно, он не гонится за «видной», но для него важно *собственное* сознание, что эта работа *нужна*, полезна, что это — не переливание из пустого в порожнее, не вздутая, выдуманная и не Сизифова. Реально, конкретно он не может решительно представить для себя *никакой* ни видной, ни невидной работы, очутись он среди родных, кроме чтения и знакомства с совершившимся. Фантазии, воображения

[1]) Быть может, отчасти *в связи* со знаменитым твоим письмом, — подчеркиваю «в связи», чтобы ты не подумала, что *вследствие* твоего письма.

у него, кажется, от природы нет, он слишком реалист и всегда заглядывает и в даль и в глубь. Вот и теперь он сознает, что та «невидная», ничтожная работа, которой он увлекался в 1883 г., когда он хлопотал и возился с барышнями, собирая гроши, была нужна, полезна, и он нисколько не жалеет о том времени и о тех условиях. Но то было тогда *нужно*. «Ну, а теперь, что будешь делать?» Отсюда ведь нельзя этого решить, да и другие *за тебя* не решат, — нужно *самому* узнать, ориентироваться, *уловить*, *что́* именно нужно и по силам ему. «А сможешь ли?» Найдется ли у него для этого достаточно и подготовки, и практической способности? — Только потому Ж. и писал об устройстве, о материальных условиях, что считает нужным некоторое время жить вне дел, вне возни. А ты так обстоятельно останавливаешься на вопросе об обстановке, о пище и обуви, — словно для него это вопросы первостатейной важности. Нет, дорогая, в этом отношении он едва ли от тебя чем отличается: ему также приходилось жить впроголодь и ходить в продранных сапогах, он также нисколько никогда не печется о своем здоровье и ни чуточки не огорчается ничем этим, житейским. Что говорить о сих пустяках? Он, повторяю, не хотел бы — да и не мог бы — быть в *тягость*, лишней *обузой* для близких, а это неизбежно произошло бы, не *найди* он себе занятия, не имей он средств для жизни и не *сойдись* он с вами. Я второй раз повторяю последнее предположение, и это не зря, — ведь такое предположение естественно, зная, что все люди переменчивы. Вы все уже спелись, вероятно, и вот чужая птица будет только портить ваш концерт. Но ты вероятно скажешь: «напрасно Ж[енька] заранее думает, что он не придется ко двору». На это скажу заодно с ним — немыслима после стольких лет разлуки полная гармония. Припомни разногласия, предшествовавшие от'езду Ж[еньки]. Ну, да пора кончать. — На-днях получил от одной знакомой из Москвы сообщение, что она виделась с Сашенькой и Витей. Пишет, что они недавно виделись с тобой. Я очень обрадовался этому известию. Мне они давно уже почему-то не пишут, и я не знаю их адреса. Сообщи, какое они произвели на тебя впечатление после стольких лет разлуки? Судя по словам моей знакомой, Саш[енька] вынесла хорошее впечатление от свидания с тобою. — Мое

письмо о воен[ных] соб[ытиях] знакомая, повидимому, еще вам не переслала [1]). Когда получишь, сообщи. — Из Питера сообщают, что молодежь «с энтузиазмом отнеслась к юбилею Н. К. Мих[айловского]», что будто доказывает, что идеи Карла Фридриховича потерпели уже фиаско, так как, мол, случись юбилей Н. К. несколько лет назад, он далеко не имел бы такого успеха. Что теперь, мол, молодежь убедилась, что «процесс» идет вовсе не так, как предсказывал Карл Фридр., а за ним Бельтов и др., а именно так, как Н. К.». Боже, как все это скучно!.. Десятки лет толочься на одном месте и повторять такие глупые фразы! Но рядом с этим видишь сотни и тысячи «интеллигентов», которые не имеют даже понятия о самом имени Карла Фридр., которые не знают даже, какие-такие существуют «вопросы», — и вот живи среди таких условий! Какая тоска! Однако я ударился в минорный тон. — Будь здорова и жди, авось уже немного осталось до личного свидания.

Твой брат.

XIX.

Благовещенск, декабрь 1900 г.

Дорогой брат! Твое обстоятельное изложение материальных ваших условий подтвердило мои личные предположения об этом. Затем ты пишешь, что для Евг[ения] могло бы представиться нечто лучшее «изловления юнцов», но, не желая впадать в «маниловщину», удерживаешься от сообщения возможной для Евг. перспективы. Жаль все же, что ты не поделился, так как я лично не могу решительно представить себе, в чем могла бы состоять эта «маниловщина»? Как бы там ни было, вопрос о свидании с Евг. может окончательно решиться только весной. Дело в том, что он, — не помню, писал ли я тебе, — снова примкнул к газете «Амур. Кр.». Он работает много, так как число участников (сотрудников) вследствие от'ездов все уменьшается, и газета буквально вся почти на нем лежит. Брось он ее, она несомненно погибнет, а ему отчасти жаль своего детища, к тому же один хороший его товарищ [1]) вложил в это дело около 13 тыс. руб., и раз Евг[ений] уйдет, то тот много потеряет.

К весне или лету — июню, июлю — Евг. надеется, что так или иначе определится для него это обстоятельство. Но, кроме того, его удерживают от окончательного решения всякого рода сомнения насчет себя, насчет возможности вполне сговориться и т. д. С другой же стороны, его разбирает уже и нетерпение и желание поскорее свидеться с родными, и если ничего особенно неожиданного не произойдет, то в следующем году, т.-е. в новом столетии, старые друзья и родственники вновь сойдутся вместе.

26-го декаб. — Получил одновременно твое и сестры письмо. Ей напишу отдельно, — можешь прочитать. Ты заявляешь, что опасаешься насчет здоровья Ж[еньки]. Ну, в этом отношении я за него совершенно спокоен; раз он поедет на воды [2]), то наверно поправится, и они ему покажутся очень легкими, так что ты не тревожься. Правда, года через 3—4 он мог бы поехать при более благоприятных условиях. Но он не знает, стоит ли ждать и откладывать в столь долгий ящик поправление своего здоровья, тем более, что и тогда могут вновь возникнуть разные неожиданные препятствия. В том-то и состоит причина его стремления поехать на воды, что он не уверен твердо, лучше ли будет для здоровья, да и для семейных дел, если он еще подождет года три. Будь у него уверенность, знай он, что лучше, — он, не колеблясь, принял бы окончательно то или другое решение. Ты в одном из своих писем расфантазировался насчет возможности для Евг. и Дм[итра] со временем, пристроившись к какому-либо ученому, географич. и т. п.

---

[1]) Здесь я имел в виду мое описание жестоких расправ с китайцами и манчжурами, — массовые потопления, расстрелы, поджоги их жилищ, совершенные русскими в Благовещенске и в его окрестностях, что мною затем было опубликовано за границей, а в 1905 г. — в России под заглавием «Кровавые дни». *Л. Д.*

[1]) То был осужденный в 60-х годах по делу Писарева П. Д. Баллод, о котором сообщил в своих воспоминаниях В. Короленко, как о выдающемся и очень оригинальном деятеле.

[2]) Кстати, ты так и не устроил ничего насчет адреса знакомого, о котором он столько раз писал и просил тебя. Ты, правда, писал, что ему его пришлют, но он до сих пор ничего не получил. [Здесь я имел в виду рекомендательное письмо к какому-нибудь социал-демократу в С.-Франциско.]

обществен[ному] учреждению и пр., поселиться в столице, с'ездить за границу, вернуться и т. д. Но я уже писал тебе, что для них это — «маниловщина». Они не Иохельсон и Клеменц, и раз они повидаются с родными, а тем более станут путаться в разбирательствах их семейных дел, — что, конечно, неизбежно, — то вероятнее всего, поехав даже с дозволения своих опекунов [1]) на свидание, их по возвращении уже не похвалят за повиновение и смирение, а предложат им или заняться в четырех стенах математикой, или изучать быт инородцев. Но лично Евг. решительно ничего не имеет и против одной из сих перспектив. Словом, летом, maximum осенью следующего года Евг. окончательно решит, поедет ли он на воды или нет.

О Дм[итре] я кажется уже писал тебе, что он откладывает свой от'езд еще на 2—3 г. и думает, что ему удастся повидаться с родными, не вызвав неудовольствия со стороны опекунов. А Евг. даже и не желает сообразоваться с отношением опекунов к его действиям и поведению. Повторяю, если его удерживает *что*, так это незнание, неуверенность, что *выгоднее, полезнее* для дела семьи. Вопрос о мальчике им также вполне улажен: он останется в той семье, где теперь живет, впредь до того времени, когда он больше не будет нуждаться в попечении женщины, могущей заменить ему мать (теперешняя вполне заменяет ему мать, — любит и балует его ужасно), и когда Евг. сможет взять его для помещения в заграничн. учебн. заведении — Евг[ению] хочется в швейцарской школе. Таким образом, как видишь, этот вопрос улажен. Надеюсь, что к весне, не то к лету также выяснятся и другие пункты, удерживавшие Евг. от окончательного и бесповоротного решения. А пока что, крепко целую тебя, Надю, Верочку и всех, кто помнит меня и желает получить мой привет.

XX.

31 января (12 февр.) 1901 г.

С Новым Годом и столетием, дорогие! Что-то оно даст человечеству?! — Прилагаемые два письма написаны мною давно, но Евг. все уговаривал меня не торопиться с их

[1]) Само собою разумеется, что под «опекунами» я имел в виду администрацию, полицию.

посылкой, так как все надеялся, что вот-вот окончательно решит поставленный вопрос в положительном или отрицательном смысле. За это время для решения в первом смысле явилось то благоприятное обстоятельство, что ему дают нужную (даже несколько бóльшую — в 1½ раза) сумму, если он поедет на воды, но в отрицательном смысле также явилось одно важное обстоятельство: вследствие его службы по постройке Заб. жел. дор. ему сокращается на 2 года срок обязательного пребывания, почему он года через 3—4 может поехать лечиться при более благоприятных условиях. Поэтому колебания его, как видите, не прекращаются и будут, вероятно, долго еще длиться, разве какое-нибудь неожиданное обстоятельство не заставит его принять внезапное решение. — Во всяком случае, повторяю, раньше лета не состоится его решение. — Получил от Дм[итра] письмо. — Я также думаю, что вы пересаливаете в приемах полемики с молодыми. — Ну, да об этом может быть потолкуем подробнее скоро и выслушаем «altera pars». Эх, кабы поскорее...

Отвечай немедленно на это письмо, не то оно меня здесь не застанет — собираюсь во Владивосток.

Целую крепко.

Насколько могу припомнить, это было моим последним письмом, отправленным мною заграничным друзьям из Сибири: следующие я послал уже после побега, из Нагасаки, затем из Гонолулу (Сандвичевы о-ва) и т. д. Но этих, как и всех дальнейших моих писем, охранители архива П. Б. Аксельрода мне не возвращают. *Л. Д.*

ШМУЙЛОВ-КЛАССЕН.

ПИСЬМО К В. И. ЗАСУЛИЧ.

Об авторе настоящего письма, которое находилось среди бумаг Веры Ивановны, хранившихся в архиве Георгия Валентиновича, мне ничего не приходилось слышать ни от нее, ни от других товарищей. Не знаю, не тот ли это «Классон», о котором столь много сообщено в № 3 Сборника, или это другое лицо, имевшее двойную фамилию [1])? Как бы то ни было, содержание этого письма обнаруживает довольно близкую связь его автора с членами группы «Освобождение Труда». К тому же оно представляет большой интерес, в особенности сообщением о положении, создавшемся в Германии вскоре после отмены действовавшего там в течение 12 лет исключительного закона против социал-демократов. *Л. Д.*

Дорогая, добрая Вера Ивановна!

Я перед вами очень и очень виноват, но еще больше — перед самим собою. Я был так глубоко тронут вашим прочувствованным, товарищеским письмом, меня так тянуло сейчас же написать, хотелось так много, много сказать вам — и что же? Прошли месяцы, а я и до сих пор не писал, и, несмотря на то, что этому мешали обстоятельства, находившиеся вне моей власти, мне все же от этого не легче. Не хотелось писать вам «впопыхах», а «хорошенько», как вы выражаетесь, — некогда было. Павел Борисович посылал вам мои летучие листки к нему, следовательно, вы знаете уже, что то был я болен, то болезнь сменилась кипучей, лихорадочной работой, а тут настали выборы, — и я совсем, признаться, перестал существовать для всего остального мира:

[1]) В недавно опубликованной Р. М. Плехановой «Переписке Георгия Валентиновича с П. Б. Аксельродом» имеются в одном примечании некоторые сведения о Шмуйлове-Классене (см. «Переписка», т. I, стр. 245). *Л. Д.*

и вся жизнь, и мысли, и даже сны — все вертелось вокруг да около выборной агитации, борьбы с консерваторами, антисемитами и другим неизбежным здесь злом. Никогда в жизни я не переживал такого времени, такого внутреннего состояния. Я был свидетелем выборной агитации и в 90-м году, — но только свидетелем, хотя и горячо сочувствовавшим, — на сей же раз мне выпало счастье и активно участвовать в ней по мере моих сил и, если можно так выразиться, в пределах «конспиративной» возможности, — и никогда еще пульс мой так усиленно не бился, никогда еще внутренний Drang к живой, осмысленной, революционной деятельности, результаты которой — тут же налицо, не был у меня так глубоко удовлетворен, как теперь.

Прошли выборы, — и все мы, как бы после долгого оживленного сновидения, в котором сами принимали живейшее участие, болея, страдая, радуясь душою, проснулись, протирая глаза, озираясь по сторонам, что делается вокруг, все ли на своем месте. — Результатами сначала были не совсем довольны, ибо, что бы Vorwärts официально ни толковал, ожидали несколько больше, хотя, конечно, не столько, сколько ожидали от нас за границей (главным образом, под влиянием пророчеств нашего милого патриарха и величайшего оптимиста — Ф. Энгельса); но теперь, озирая поле битвы, куда были мы затиснуты борьбой, видя возвращающиеся вражеские полчища, забывшие в борьбе с нами все свои домашние распри и сплотившиеся тесной стеной, вспоминая их страшное оружие — грубое насилие, достигающее во время выборов кульминационного пункта, а также их «geistige Waffen», т.-е. прекрасный аппарат давления на рабочие массы и пропаганды путем всяческой лжи и клеветы, перетасовок и замалчивания — безустанно, в продолжение долгих десятилетий, а в особенности, перед выборами, — словом, теперь, когда карты открыты, так даже диву даешься, как счастливо выпала борьба, как непоколебимо твердо идет движение вперед крупными шагами. Удержать за собою те 700 тысяч с лишним наших прозелитов, которые вступили до 90-го года в наши ряды, — было делом огромной важности, и если нам удалось при всех страшных препятствиях, лежащих перед нами на пути, не только, так сказать, прикрепостить тех, но еще 3½ сотен тысяч новых рекрутов

приобрести, — нельзя не назвать этот результат знаменательным.

Но еще более многовещательна общая картина, раскрывшаяся перед нами, — те огромные будущие результаты, которые находятся еще в потенции, но которые поражают как своею *очевидностью*, так и *важностью* и скоро, скоро выступят наружу. Для всех теперь ясно стало, что военный проект, как таковой, меньше всего занимал умы и чувства народной массы, что общий *социальный* вопрос, а *не* грядущие *политические* события концентрируют на себе все внимание ее, что на нем-то сосредоточены все взоры заинтересованных масс. И разрушаются все старые крепости врагов, так долго служившие им, разлагаются все реакционные партии. Отсюда вся пестрота и раздробленность общей картины, где только одна социал. партия *органически* растет и крепнет под сплоченными ударами врагов и кровавым призраком носится перед глазами буржуазии и тяжелым кошмаром преследует ее. И никогда еще реакц[ионные] партии не чувствовали так ее *силу*, как именно теперь; они еще более ужасаются, видя, куда неизменно показывает флюгер, видя вырисовывающиеся огненными буквами грозные слова «mene, tekel»... Да, отрицательные результаты, смело говорю, еще разительнее положительных.

Но эта по всем видимостям прекрасная медаль имеет и свою оборотную, теневую сторону. Движение идет огромными шагами, партия приобретает громадные размеры, и руководительство ею усложняется, между тем как всюду и везде чувствуется огромный недостаток в солидных интеллигентных силах, способных вести и руководить движением. Другими словами, не только полководцы и генералы, но даже и простые офицеры нашей армии растут в несравненно меньшей пропорции, чем простые солдаты. Опытные, испытанные, блестящие руководители из знаменитой плеяды марксовских орлов все более стареют (конечно, и к счастью, только *физически*) и приближаются к концу своей славной деятельности, между тем как на смену им еще не видно достойных преемников, способных стоять на высоте своей задачи. А эта задача все более и более растет и усложняется, приближаются грозные моменты, надвигаются verhängnissvolle Zeiten [многозначительные времена], где нужны особенно испытанные борцы и высоко талантливые дипломаты. Но, конечно, и из этого затруднения нет другого выхода, как тот, что силам, находящимся в наличности, приходится усугублять свое напряжение, «работать руками, работать умом, работать без устали ночью и днем»... и думать, и верить, что великое здоровое социальное движение должно будет с такою же Naturnothwendigkeit [естественной необходимостью] выделить из себя силы, способные руководить этим движением, с какою Naturnothwendigkeit было вызвано и само движение экономическою, социальною жизнью. Будем же верить и надеяться!..

Однако тема о выборах опять меня увлекла, бог знает, в какие дебри. Извините, коль надоел.

Существенно отвечать на ваше письмо сейчас не буду, так как несравненно удобнее сделать это при личном свидании, которое, — надеюсь и радуюсь этому, — скоро, скоро состоится, но несколькими штрихами мне все же хочется коснуться его. Меня *тронуло* то чувство, которое побудило вас изложить голую, неподдельную, хоть и горькую правду насчет положения нашего дела на родине. Скажу правду, я не привык в нашей револ[юционной] среде (при таких обстоятельствах, соображениях и поводах, при каких вы писали мне) слышать такие слова. В таких обстоятельствах, в особенности за границею, рассуждают так: пусть предприятие осуждено со дня рождения на тяжелую смерть, т.-е. на большой политич[еский] процесс, — мы и ему будем очень рады: он произведет фурор и «*поднимет нас*» в глазах наших западно-европейских собратьев. По-моему, это нехорошо: это значит сыпать песок в глаза им, т.-е. западным товарищам, и строить им замки на песце же, что, конечно, ни к чему не ведет.

Да и нам не нужны такие борцы, перед которыми надо было бы замалчивать факты, хотя и очень печальные. Кто искренно хочет и чувствует себя в силах всем существом своим служить делу социализма в России, тот прежде всего должен знать самую неподкрашенную действительность, какова она есть и в какой ему придется работать. Это, конечно, азбучные истины, но я невольно упомянул о них, так как немало встречал совсем иное. Что же касается самих фактов, сообщаемых вами, то и я слышал немало

печального и горького. Но и все они — эти факты — в совокупности, вероятно, *не* могут испугать меня и намерений моих изменить *не* в состоянии, ибо эти намерения — результат не временного наплыва хороших чувств, а плоды долгого и серьезного размышления, полного самосознания и упорной работы над самим собой. Отлично знаю, что горькая чаша яда не минет и меня, но... не сидеть же, сложа руки, и ожидать у моря погоды. Обстоятельнее — при личном свидании. Как я рад, что увижу вас, дорогая. Приезжайте же к «братцу» как можно скорее. Я буду у него уже 18-го числа. У меня еще масса работы (литературной), которую я должен возможно скорее кончить, а потому и в Швейцарии придется и днем, и ночью работать, а потому и видеться придется урывками, а потому прекрасно было бы, если бы вы и дорогой Георг. Валент. уже в ближайшем будущем приехали, чтобы таких «урывок» побольше было.

Передайте мой глубокий товарищеский привет Г. В. и его семье. От Павла Борисов. сию минуту получил весточку, хоть и деловую. Никаких издержек по исполнению поручения [1]), бога ради, не присылайте: это пустяки, и я сам заплачу. Посылаю при этой оказии и несколько копеек, т.-е. 5 марок. Я как-то писал, что одна личность будет ежемесячно вносить 3 м., но она вскоре уехала, а потому и не присылал. — Итак, до личного свидания, дорогая, милая Вера Ивановна, жму вам крепко, крепко руки. Ваш *К.*

---

[1]) Здесь несомненно имеется в виду пересылка в Россию в переплетах книг, вышедших в Швейцарии произведений группы «Освобождение Труда». *Л. Д.*

ПУТМАН.

ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» [1]).

Дорогие друзья! Мне давно уже хотелось поговорить с вами о том разброде мнений среди русских с[оциал]-д[емократов], который за последнее время все усиливается и грозит весьма неприятными последствиями. Скажу прежде всего несколько слов о направлении «Р[абочей] М[ысли]». Я считаю это направление в высшей степени вредным, — с ним нужно бороться немилосердно и бороться открыто (coram publice). Шила в мешке все равно не утаишь, и ради каких бы то ни было тактических соображений нечего бояться самой резкой Auseinandersetzung [вывода]. Надо вам заметить, что задатки такого направления существовали в Пет[ербур]ге уже несколько лет тому назад. Тогда старые силы не давали им хода. Теперь наблюдается следующее: страшное кровопускание, лишившее с[оциал]-д[емократ]ию значительной части ее прежних сознательных членов, *совпало* с колоссальным распространением «марксизма» в широких общественных слоях, новобранцы быстро притекают в ряды с[оциал]-д[емократической] армии, являя собой весьма пеструю, по большей части совершенно зеленую и крайне невежественную толпу. Вчерашний юнец, не слыхавший о Марксе, сегодня, прочитав 1½ книжки, полагает уже возможным иметь «выработанную» точку зрения на все вопросы теории и тактики. На почве этого невежества, являющегося неизбежным спутником стремительного распространения идей в интеллигентной среде, — вполне законное желание не быть утопистом, сознание необходимости брать за отправную точку деятельности повседневные нужды рабочего класса, желание быть понятным

---

[1]) 1898 год.

массе, — привело, в действительности, к нелепейшей из утопий, — к конструированию своего рода русского трэд-юнионизма, т.-е. трэд-юнионизма при абсолютистском режиме... Итак, на мой взгляд бороться необходимо, но, об'являя самую беспощадную войну подобного рода направлениям, не следует преувеличивать опасность. Что мы видим на страницах той же самой «Р[абочей] М[ысли]»? Статьи и корреспонденции, написанные рабочими, на каждом шагу дают разительнейшее dementi [опровержение] интеллигентским статьям руководителей. Ясно, что уже в настоящее время «ученики» переросли во многом, особенно же в знании жизни и нужд рабочего человека, своих непризнанных «учителей». Вот почему «Р[абочая] М[ысль]» произвела на меня бодрящее впечатление, при всем, скажу прямо, — омерзительном лицемерии пресловутой заметки об «интеллигенции», при всей детской беспомощности ее передовиц и заведомой лживости некоторых ее заграничных корреспонденций. Статьи самих рабочих являются лучшим доказательством того, что политические требования уже существуют в рабочей массе, а потому говорить, как иные говорят, «пусть рабочая литература занимается исключительно экономической организацией», значит делать величайшую тактическую ошибку, значит не только не культивировать существующие ростки политического сознания, а, наоборот, делать все зависящее от «руководителей» для того, чтобы «рабочее движение» все дальше и дальше расходилось с так называемым «соц[иал]-д[емократиче]ским». К счастью, этот своеобразный «реализм» есть сам не что иное, как утопия. Рабочее движение, конечно, примет надлежащую политическую окраску. Гораздо хуже обстоит дело с движением в «интеллигентных» слоях, и на это я обращаю ваше особенное внимание. Так называемый «марксизм», будучи оторван от матери-земли, его питающей, т.-е. от рабочей массы, может принять весьма своеобразные формы в своем дальнейшем развитии. Нам говорят: с[оциал]-д[емократическое] движение есть общественное движение, опирающееся на рабочие классы и его историческую миссию. В данный исторический момент основной задачей этого движения является борьба за политическую «свободу». Совершенно верно. Каким же, однако, образом «рабочий класс» станет выполнять свою «историческую миссию», когда рабочей литературе рекомендовано заниматься исключительно «экономической организацией»? Мне думается, что всегда, а тем более в данный исторический момент, необходимо делать все возможное, чтобы уменьшать пропасть между вышеназванными двумя движениями. Это на мой взгляд можно и должно делать в «марксистской» литературе всех родов и видов. Что я согласен с теми программными положениями, которые были мне присланы одновременно с вашим письмом, что я подписываюсь под манифестом Р[осс.] С[оц.]-Д[ем.] П[арт.], разумеется само собою. Зная меня, вы знаете, конечно, какое огромное значение я всегда придавал деятельности членов старой Группы «Освобожд. Труда». Про себя скажу: я лично бесконечно обязан многим всем вам. Поэтому мне не для чего было бы, пожалуй, прибавлять, что я с нетерпением жду, когда вы подымете, наконец, свой веский голос и приметесь за очистку авгиевых конюшен русс. соц.-демократии. Крепко жму ваши руки. Когда-то опять увижу вас?

Путман [Потресов].

В. ЗАСУЛИЧ.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

(Продолжение) [1]).

27.

Лондон, 1895 г.

Милый Жорж! Я все сижу у Фаннички, и это письмо пишу (не получивши еще вашего «субботнего»), главным образом, по ее делу. Главное, что ее поддерживало все это время в живых, это — ненависть к «фонду», отравлявшему все существование Сергея, — к Волховскому в особенности, и желание не дать им воспользоваться его рукописями, его популярностью и проч., что без нее было бы невозможно. Они теперь хотели издавать роман Серг[ея], о котором я писала летом (по-русски). Нам пришло в голову, что она может *издать его сама*, что собрать при таком условии можно даже больше. Печатать она хочет у нас, как думал и Сергей, только не имел денег. Вы все, конечно, согласитесь, как и тогда были согласны. Но дело в том, что надо помочь и в сборах. Рефераты о Сергее вы верно уже прочли, а если еще нет, то можно сбор с реферата назначить на издание его романа. Можно, конечно, и без рефератов устроить сбор среди студентов. Это издание единственное спасение для Фанни, и роман милый и вообще нужно это сделать. Начать надо бы как можно скорей. Часть денег, франков 600, будет верных, помимо всяких сборов со студенчества. Ответ[ить] надо как можно скорее: сколько будет стоить лист, сколько листов в месяц можно выпускать нашим обыкновенным шрифтом (10-й номер, кажется) в формате «Подпольной России» на русском языке? Для успокоения Фанни, для выражения нашего сочувствия,

[1]) См. Сборник № 4.

даже цена должна быть как можно дешевле. Бумага и печатание — величины неподвижные, дешевизна зависит от Блюменфельда, поэтому я прилагаю записку и к нему, — у меня здесь на этой квартире нет его адреса, так что вы перешлите по городской почте, а уехать нельзя и на несколько часов. У меня тоже нет адреса Раковского, а хотелось бы попросить его устроить подписку и среди Болгар. Напишите Раковскому сами или пришлите мне его адрес. Сейчас ничего больше не пишется, — это у нас сегодня созрела эта спасительная идея. Я написала для «Нейе Цейт» о Сергее. Мне кажется, хорошо написала, и Бернштейн расхвалил, пишет, читал с удовольствием, но сомневается, будет ли напечатано, так как вы уже написали. Дней через 5—6 я, должно быть, освобожусь: Фанни переедет к Наде [?]. Ответьте, Жоржик, так, чтобы я могла показать письмо Фанни. Вера.

28.

(Лондон, нач. 1896 г.)

Милый Жорж, во-первых, как ваше здоровье? Оно меня очень тревожит, а вы теперь молчите. *Хоть бы карты* посылали!

А, во-вторых, я взываю к вашему великодушию по отношению к Сергею [1]). Сотни бездарнейших статей были уже о нем написаны, неделю целую ежедневно вся английская пресса была ими переполнена. Затем «Листок»! И ни одного не было сказано живого, его рисующего, слова о нем! А ничто на свете так не отталкивало его, как бездарность. Не присоединяйте нашего Сборника к этому морю бездарности, изливаемому на него. Сделайте вот что: к простому извещению о его смерти с прибавлением, что мы о нем еще расскажем — пожалуй, с 1—2 словами Бернса — «друг всех угнетенных», что ли — перепечатайте в Сборнике его посмертную статейку о биографии Дрожжина. Всего 4 стр[анички] и, право, хорошие вдумчивые странички. Он их приготовил к будущему № «Листка» [2]), который мечтал уже издавать

[1]) С. М. Кравчинский (Степняк) незадолго пред тем был раздавлен поездом.

[2]) Редактированный Степняком «Листок Вольн. Русс. Прессы».

не с Волховским, а вместе с нами, — мы имеем полное право их перепечатать.

Моя статья почти совсем готова, — кончить ее вчера мне помешала Фанничка [1]), которая ко мне пришла. Она подняла открытую войну с «Фондом»: послала заявление, что они налгали в «Листке» о Сергее ([он] не говорил: «выступать и выступать!»). После свидания с ней мне особенно больно присоединяться к хору бездарностей (и статья моя бездарна и при этих условиях не может быть иной) о Сергее. Ее терзает это общее фразерство, хотя и хвалебное, о нем, и я вижу, что ее надежды сосредоточиваются на нашей группе, на мне особенно, и Сергей, мол, говорил, что у меня есть талант, и я давно его знала, и были мы с ним друзья и проч. Мечтает, что мы когда-то напишем что-то такое, что будет не фразами, а живым изображением его личности. Это, может, напрасные мечты, но мне все же кажется злым делом сразу убить их бездарной статьей. А «Фонд» как обрадуется! Фанничка, некоторым образом, заставила меня сказать Волховскому, что статьи «Листка» бездарны, пахнут рекламой (на первой странице), сослалась на меня.

У меня-то, дорогой Жорж, уж, конечно, нет ни малейшей склонности злиться за несогласие с моим убеждением. Мне показалось по вашему последнему письму, что вы в бешенстве за мое отстаивание своего убеждения. Очень это мне было больно, но чувствовала себя обязанной стоять на своем потому именно, что это «дело огромной важности». Я очень обрадовалась, что вы не сердитесь, что разногласия не влияют на ваше личное отношение ко мне, на мое-то уж, конечно, они повлиять не могут. Я приняла ваше последнее письмо, действительно, за запрещение как приезжать, так и писать. Сейчас посылаю вам это более деловое письмо, а как только поуспокоюсь (меня даже и хорошее деловое письмо очень волнует), напишу, воображая вас таким, как[им] вы были в Италии, личное, хоть фактически, пожалуй, и не о чем, я только и думала все это время что о делах. Прилагаю записку Павла (который невзначай зашел ко мне) с подстрочным переводом.

[1]) Фанни Марковна — вдова Кравчинского.

Насчет здоровья — сердцебиения бывают самые несносные, а кроме этого, ничего, здорова.

Напишите сейчас же, меня мучает и ваше здоровье и страх, что статья будет напечатана.

На случай, если потеряли «Листок», прилагаю статью о Дрожжине.

29.

Лондон [1896 г.]

Дорогой Жорж! Сейчас получила письмо и хлорал. Поблагодарите за меня, пожалуйста, Розалию Марковну. Хватит мне больше чем на 20 дней, — я два дня под ряд принимать не стану. Я послала вам вчера (или третьего дня) статью Элеоноры в самый момент получения и не читавши даже, вы, вероятно, на чем свет стоит, ругаете, что не перевела ее. И, об'ективно говоря, это, конечно, свинство. А суб'ективно я побоялась, что затяну и перевод, и статью, и все на свете. Дело в том, что мне очень нездоровится, — кашель сильнейший, постоянная лихорадка, но статья возбуждает (и мучит) меня, и я продолжаю с нею возиться. А вот вынуждена я б[ыла] дня три тому назад пойти к Фанничке, так там без кнута (статьи) такая слабость напала, что я все время пролежала, едва отвечала на вопросы. Никто уж даже не говорил: «ах, как поправилась», а говорил: «ах, какие у вас большие глаза!». Я и побоялась, что если возьмусь за перевод, который тоже не может возбуждать, то тоже нападет неодолимое оцепенение. Но вам-то от моих рассуждений не легче и, вероятно, своих бед довольно. Так что признаю себя виновной. Какая мне мука с началом статьи! Раз 5 переделываю и все гадость! Это не значит, что у меня только и есть что 5 гадких начал. Почти все есть, — это я переписывать свои клочья в целое начала и сегодня весь день протерзалась с началом. Боюсь, что вам статья не понравится, хоть она и очень злая, но на свой манер. Мне и самой нравятся только некоторые местечки, но архитектура цельности в ней как-то не выходит. Можно без архитектуры, а ля Михайлов[ский]. Я уж не буду стремиться к совершенству. Сделаю, что выйдет, и отошлю на ваше усмотрение с правом выбросить.

Ваша Вера.

30.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж! Я не ответила на ваше письмо, потому что под кнутом требований прислать статейку я принялась энергично. Кончу скоро, но я еще совсем больна и от работы, хотя она и идет, физически очень мучаюсь. Но теперь мне надо у вас спросить: мне поручают «на основании» каких-то «присланных мне писем» получить и прислать деньги для стачечников. А я никаких таких писем не получила. Спрашивают тоже, получила ли я книги Исаева и Гурвича? Я те тоже не получила. Не знаете ли вы чего-нибудь об этом? Не зашли ли как-нибудь эти вещи к вам? Странная у меня теперь голова, — кружится беспрестанно, а два раза за эти дни был форменный обморок, но все-таки, когда ее подстегнули, думает, не останавливаясь; спать я совсем перестала, и кажется, на мой вкус, даже не дурно, а кружится. Дня через три наверно кончу, — уж начерно кончила, а это немного всего.

31.

(Лондон, 1896 г.)

William'ов, Thomson'ов и Thompson'ов целые стада, но как нарочно все они физики, теологи и проч. Не убеждена, тó ли я вам представлю сочинение, о котором врет Черкезов (ни самомалейшего отношения ни к чему из того, что открыл Маркс, оно не имеет), я его бросала, опять брала, но более подходящего нет.

О стоимости, ренте и проч. (ни о чем из того, что вы спрашиваете) в нем нет речи. Понять его начало, не прочтя сперва конца, невозможно (совсем-то понять и совсем невозможно!). Поэтому выписки я начну вам делать не с начала, а из конца, а потом перейду к началу. Ни о чем, кроме утопических «Естественных» денег, в нем, несмотря на пышное заглавие, нет речи. Тон зазнавшегося самоучки. Простите, что замедлила. Я, было, взбунтовалась. Вот, мол, еще возиться для опровержения такой кошки (когда имеет же Жорж львов и тигров для упражнений), как Черкезов. Потом раскаялась, вообразив вас. Вот уж втянулся человек в битву с кошкой, хочется кончить.

А это буржуазнейшая из негодных утопий.

Либкнехт вам кланяется. Ганелин [1]) прислал мне 50 долл. и пишет, что хочет вам побольше прислать в июле, если сам к тому времени не приедет. Тогда у него будет 1.800 долл. Но, говорит он, «кредит у меня огромный, напишите, если Георг. Вал. раньше надо, я и раньше могу прислать». Написать, что надо — или нет? Восхищается Бельтовым.

32.

Лондон [1896 г.]

Дорогой Жорж! Что же это с вами опять? Если это чисто физическое недомогание, так зачем же вы с Ривьеры уехали? Там бы вы лучше поправились. Неужели из-за денег? Я, впрочем, совсем беспредметной тоски себе представить не могу. Хотя бы она имела чисто физические причины, она себе в сознании какой-нибудь идейный костюм приискивает. Но мы с вами так давно не говорили, что я не имею ни самомалейшего понятия о вашем душевном состоянии. Не имею малейшего представления, чего, кроме здоровья, вам нехватает? Нет в голове ни одной захватывающей темы? Так наверно не нынче-завтра попадется. Вы ведь совсем настоящий писатель. Не то, что я. Очень бы рада я была чем-нибудь заинтересовать вас, но к несчастью я сама все это время переживаю такой внутренний кризис, который отнимает у меня живой интерес от всех вопросов, кроме одного: как мне с собой распорядиться? Впрочем, русской литературы я и не видала. Пут[ман] [2]) никаких книг мне не присылал. Я на него не в претензии. Постоянное

---

[1]) Русский эмигрант, соц.-демократ; окончив один из германских политехникумов, проявил огромные дарования в качестве химика. Какое-то его значительное открытие в этой области сулило ему колоссальное состояние, бóльшую часть которого он заранее определил русск. соц.-демокр. движению, главным образом через В. И. Засулич и Г. В. Плеханова, с которыми был очень дружен. Дело с его изобретением по каким-то причинам все не удавалось; все же время от времени он в счет него получал от каких-то компаний порядочные суммы, часть которых, действительно, вносил нам. Так, в период пребывания «Искры» сперва в Мюнхене, затем в Лондоне в 1901—1903 г.г. я, в качестве заведывавшего финансами, неоднократно получал от Ганелина из Нью-Йорка по нескольку сот долларов. *Л. Д.*

[2]) А. Н. Потресов.

явление нельзя об'яснять переменными причинами. Причина неприсылания, очевидно, во мне, а не в нем. Интересуюсь я, правда, Питером, но с от'ездом Сим. [1]) и о нем больше не слышу. До некоторой степени интересует меня фабианство (ему предался Бернш[тейн] и немножко пленился Сим.) (как политическая теория). Но пока я с ним знакома слишком вкратце и ненавижу его более или менее голословно. Почитаю о нем, как только буду иметь на то право. Теперь не имею ни на что права, так как до сих пор не написала хвоста к Руссо. Сам он [слово не разобрано], но народники на его могиле так-таки и не высечены, и буду я сидеть и грызть перо, пока, наконец, не окажется, что эту проклятую книгу уж выбросили или напечатали без хвоста. Текст я переделывала, но одними руками без участия головы, и, вероятно, только обесцветила. Почему мне понадобилось вдруг с собой распорядиться? Да вот, с одной стороны, неудача с этой книгой, с которой я столько возилась (вам-то одному я бы не поверила: мне всегда казалось, что вы слишком строги к моей литературе, но единогласие с вами двух других умных людей меня убедило), доказало мне мою непригодность, по крайней мере, к таким работам (длинным и не о ближайших злобах дня). С другой, явившееся ощущение, что я «одичала», что полное отсутствие человеческого общества плохо отозвалось на моем психическом состоянии, все это говорит, что мне здесь нечего делать, не имеет смысла тут оставаться. Значит, в Цюрих. А что ждет меня в Швейцарии, это я уже знаю по чуть не ежедневным письмам, которые перед болезнью получала от Павла, Гинзб[урга], Блюм[енфельда]. Бесконечные распри и дрязги были всегда и по моему невоинственному, не пристрастному («предательскому») характеру мне мучительны, но прежде я хоть большое значение придавала здешней издательской деятельности. Теперешней не придаю никакого. Для Питера она не имеет интереса, и Вильно [2]) меня не интересует. И Павел тяготится своей деятельностью, но для него это лишь неприятная служба, с которой он возвращается к приятной личной жизни, а мне некуда возвращаться. Словом, выбор между двумя беспросветными перспективами так тяжел, безнадежен, что я сильно обрадовалась болезни. Отличалась она от обыкновенных форменными обмороками (раз на почте сделался). Затем доктор сказал, что это катарр легких, тянущийся несколько лет, и что при неосторожности может он принять опасное течение. Все перспективы потеряли для меня свой безнадежный характер: «ну, не долго». Но теперь слабость прошла, и опять я не верю своему другу-катарру. Уж давно, видно, тянется, а осторожна я никогда не была. Опять пойдет черепашьим шагом. Я-то придумала себе хороший выход, но он не от меня зависит, еще не знаю, можно ли надеяться. Эвелинги, это—одно из моих маленьких мучений. Представьте себе, что он еще в августе получил мои 3 фунта из «Д[айли] Х[рон.]», а в октябре имел нахальство у меня спрашивать заплатила ли мне редакция. Мендельс[он], во время болезни, убедил меня, что здесь в редакции ждут счета от писателя и тогда только платят. Я сдуру послала и получила в ответ копию с факсимилэ даже расписки Эвелинга, получившего за статью В. З. три фунта три шиллинга. Я этого никому не говорю, и денег мне ничуть не жалко, я бы ему еще 6 фун. подарила, лишь бы этого не было. Но они тут сборы затеяли в пользу русских заключенных под моим именем, некоторым образом (деньги, мол, они будут получать). Если уж они при своем-то богатстве, при моей сравнительной-то бедности, при необходимости мне время от времени в глаза смотреть стащили у меня три фун., у заключенных-то еще легче таскать. Имею ли я право прикрывать своим именем это воровство? А уличать, — какая мука! Я на одно надеюсь, что им никто ничего не даст. Об'явили они сбор еще до моей болезни, а пока ничего не слышно. И вы, конечно, никому не рассказывайте. Я вам пишу в предупреждение каких-нибудь недоразумений с этими сборами и попросить совета. И что это с ними такое? Мания, что ли? Ведь несколько тысяч фун. у них в банке лежат? Ну, вот огромное, но вовсе не занимательное письмо. Что мне делать? Ничего хорошего нет у меня.

Ваша Вера.

[1]) Симон, псевдоним Струве.

[2]) Этим словом В. И., кажется, обозначала движение среди евреев.

Л. Д.

33.

Лондон, 1896 г.

Сейчас послала, милый Жорж, еще кусок проклятой статьи. Но не подумайте, бога ради, что это значит, что я мирюсь с ее печатанием. Я посылаю только из «непротивления злу насилием». А напечатать надо не ее, а о Дрожж[ине], с посланным мною вчера вступлением, которое написано очень хорошо. Ей-богу! Коли вы пробежали проклятую биографию, вы видите, что я не плутую, пишу старательно. При других обстоятельствах она была бы «ничего себе», а при тех, что у меня здесь сложились, вы меня напечатанием чисто зарежете. Ваша Вера.

Дорогой Павел! Жорж написал, что очень болен, и с тех пор я не имела от него ни слова. Не знаю даже, где он. Напишите пожалуйста сейчас же, что знаете о его здоровье. Ваша Вера. Очень я беспокоюсь.

34.

Лондон, 1896 г.
Пятница 20-го [апреля (?)].

Дорогой Жорж, вчера я чувствовала себя несчастнее мыши, когда ее ест кошка, и вдобавок к боли еще сознание, что за неделю я написала всего стран[иц] 5 и таким ужасным слогом, что волосы становились дыбом. Имела я глупость в таком состоянии вам отвечать, и оно отразилось на письме. Но сегодня, — не сглазить бы, — голова не болит и слабость меньше, кажется оттого, что я себе переменила лекарство: хинин вместо антипирина, к которому голова привыкла и перестала проходить, а желудок расстраивается от него. Как бы то ни было, но сегодня, вот уж часа 2, пишу приличным слогом и только неприятно вспоминать о вчерашнем письме. Спешу, поэтому, его похерить, отречься от его отчаянного тона. — Пишу сейчас о Гольбахе. Мне очень хочется совсем кончить до вашего приезда один отдел. Это те взгляды (или вернее те стороны взгляда) morales et politiques современников Руссо (Вольтер, физиократы, les Holbaétiens, Мабли, Морелли), «обаяние» которых («charmes», по его выражению) он поставил своей задачей разрушить.

Добровольно, не по болезни, я не теряла времени. Ничего не «забрасывала». Его я начитала и навыписывала для этого отдела — на огромную книгу хватило бы, и даже легче бы книгу написать, чем сжать это в главу, и чтобы вышло рельефно, как я стараюсь. Огромную роль тут играют «законы природы», и чуть не месяц рыться в музее и посвятить на исследование — откуда они взялись. Если кончу, то этот отдел я, кажется, осмелюсь вам прочесть.

Ваша В.

Первое письмо после марта я послала в прошлую пятницу, вчера второе.

35.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж!

Слушаюсь, наконец, и принимаюсь за статью «листа в 2». Ах, кабы вы знали только, как я ужасно работала все последнее время, как близок Руссо к концу (это ведь целая книга), и как я ужасно устала. То-есть это «устала» чувствую сквозь нервное напряжение, при котором пишется как будто даже лучше, чем когда не устала. Только уж нельзя остановиться, хоть часа на 3: раскиснешь и дальше не пойдет.

Я поклялась было не останавливаться больше, пока не кончу Руссо. Теперь значит: пока не кончу неначатой еще статьи «листа в 2» и Руссо.

«Русс. Бог.» у меня давно отняли, — я сделала маленькую выписку на всякий случай, но очень небрежно и мало. Кабы прислали.

А вы писали, что у вас есть весь Михайловский. Кабы вы прислали ту книжку, где о «Суб. лит.». Я не с ним думаю разговаривать, но все-таки необходимо прочесть.

Сборник присылайте. Спешить буду страшно, мне теперь суб'ективно нельзя не мешать. Коли остановлюсь, с места не сдвинусь, а вы будете мучить.

Каждый вечер, как прислушаешься, лихорадка и температура, а ничего путем не болит или болит во всех местах, на которые обратишь внимание. Не требуйте только от меня столько злости, сколько у вас. Ну где же я столько возьму? А если притворяться, выйдет совсем не «к часу», как го-

ворил бедняга Сергей. А насчет «лисы, также не читавшей Гегеля, как В. В.», вы плохо притворяетесь. Кабы я взялась, то гораздо бы лучше притворилась.

Ну, прощайте.

Ваша Вера.

К тому времени, когда я кончу «статью листа в 2», извольте прислать мне свою «Гельв., Гольбах и Маркс»: Бернштейн говорил мне, что она вышла. Элеонора статью обещала. А писала я вам, что ее из «Р. Б.» давно выгнали за незанимательность?

36.

(Лондон, апрель 1896 г.)

Кто «душка» и «милка», так это не Кривенко, а вы, Жоржик. Ну, а Павла — того и надувать не стоит: поверит и не обратит внимания! Но меня теперь страх берет: вдруг вы написали! Я вспомнила, что, хорошо надувши, вас еще надо два часа уверять, что враки. Лизе-то еще не велика беда, но Лаврову?! И ведь я подобрала все как можно понелепее, хотя, конечно, в духе действующих лиц. Я и сверху написала мелкими буквами «1 апр[еля]». Я рассчитывала, что к вам от Павла оно дойдет как раз к 1-му числу. Но он поспешил. А я настаивала так, чтобы послать письмо скоро, потому что думала — он-то поверит, а коли покажет письмо Кальм[ансону] с Надей, те, подумавши, сообразят, что это комедия. Мне уж потом и совестно стало, вот, мол, расфорсилась на старости лет! Оправдывала себя только тем, что мне ведь тут не с кем хоть так просто болтать, как с болгарами или Рябовой, со всеми надо быть в политике, ну и... Но теперь я не каюсь. Очевидно, вранье мое доставило вам удовольствие и даже прибавило сил после болезни. А Смит мне и на глаза не показывался. Встретила его раз в музее, а потом пропал, чем я впрочем нимало не огорчена. А с Руссо уже опоздала, как видите из вчерашнего письма. Не думайте, что мне это не стыдно, очень стыдно, да уж что пищать. Поздно! Но, благо сразбегу, я все-таки не стану останавливаться, буду так продолжать, будто к спеху. Совершенно это невероятная вещь, а между тем, сколько я ни читаю о Руссо отзывов, критик и проч., все нахожу, что вот за 100 лет горы о нем люди написали, и никто его не понимал. Меня вот, видите ли, дожидались.

Впрочем, реакционеры некоторые понимали: «Actes des Apôtres» Ривароля, что за прелесть! Это журнал дворян, врагов Национ[ального] Собр[ания] в первые годы революции. Как остроумно они насмехаются! А тогда, вероятно, демократы находили, что это «свинья в ермолке» и неостроумно. Последние адреса для писем: этот я наизусть помню, столько было возни: Ник. Александр. Дмитриев, Надеждинская, дом № 29, кв. 4.

Теперь для посылок: Université Impérial, M-r le professeur Serge d'Oldenbourg. Кабы вы были добры, вы бы еще до субботы написали. Во-первых, вы больны, во-вторых... опять-таки написали бы.

Ваша Вера.

37.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жоржик! Пишу вам в большом восторге, — сейчас вернувшись с митинга делегатов всех трэд-юнионов и социалис[тических] орган[изаций], где обсуждалось и решалось насчет петерб[ургской] стачки. Резолюция будет в газетах, но общий смысл: рабочие Англии должны поддерживать своим сочувствием и *деньгами* русских рабочих в их справедливых требованиях условий труда. Принята единогласно (в зале человек 200 было — все делегаты, за ними, следовательно, сотни тысяч), с энтузиазмом (с бесконечными аплодисментами). Митинг был собран не специально для стачки, а по поводу «Монстра», на котором вы будете говорить. Порешив с «Монстром» за ½ часа, остальное время занимались нами. Вотировать денег из касс трэд-юнионов они не имели права. Вотированы сборы во всех рабочих организациях. Это, собственно, превышение полномочий от вас, но откладывать нельзя было. Сегодняшний митинг был слишком хорошим случаем, чтобы позволительно было его пропустить. Переговоры ведь начаты были еще до вашего письма. Ни Бернштейн, ведший их, ни я на деньгах не настаивали, а на сочувствии. Резолюцию внес Купер [Cooper], делегат Trades Council, представитель всех лондонских трэд-юн[ионов]. Кассиры этого Trades Council будут кассирами и по этим нашим сборам (½ Элеонориной шляпы серебра сейчас же собрали). И это — зная, что формальная отчетность невозможна и что стачка, вероятно, кончится

раньше, чем сборы будут закончены! Нужда, мол, будет наверное большая, чем бы она ни кончилась. Я туда затесалась просто вызвать Элеонору Маркс-Эвелинг, спросить, чем кончилось. Но пришла слишком рано, меня Элеонора позвала в Бюро. Рекомендовала, встретили страшными аплодисментами и предложили сказать несколько слов. Я, не ломаясь, тотчас согласилась, говорила (по-французски) не слишком заикаясь, кажется, даже красноречиво. Элеонора переводила. Ну, не следует ли погладить меня за все это? И за огромную (повидимому) удачу? Ведь зла, ей-богу, от этого ни в каком смысле быть не может. На первом плане будет Trades Council — официальнейшее, некоторым образом, государственное учреждение богоспасаемой Англии. Вот разве что мое имя в газетах замешается и придаст этому чуточку революционный оттенок. Но ломаться мне было неприлично, испортила бы дело. Да все равно и без «речи» было известно, что я хлопочу. Ну, словом, погладьте.

После митинга со всякими главными делегатами ходили в кафэ, пили шампанское за здоровье петербургских стачечников. Меня спрашивали о заработной плате. Не очень я наврала, сказав, что в хлопчато-бумажной промышленности плата в среднем для мужчин рублей 12—15 в месяц, для женщин 7—10? Все говорят, что надо, чтобы русские рабочие были как можно лучше представлены на конгрессе. Мне приходит в голову, что, быть может, это сочувствие может принять постоянный характер и образоваться в нечто неизмеримо важнейшее буржуазного «Free Russia».

Бернштейн просил меня спросить вас, не можете ли вы написать брошюру о русских финансах, из которой видно было бы, что они завтра же обанкротятся? Его какой-то немец геноссе [товарищ] давно уже «бомбардирует» письмами на множестве страниц (коли согласитесь, он вам их пошлет) о необходимости такой брошюры. И к Бебелю он ходил, и тот ему сказал, что такая брошюра имела бы большой успех и за нее можно отлично заплатить... Сам-то Бернштейн думает, что Россия банкротиться не собирается, но находит, что, коли вы можете написать, т.-е. собираетесь, то отлично. Ответьте об этом.

В. З.

Марка пенсовая не по бедности, а по воскресенью и нет.

38.

Лондон, 1895 г.

Милый Жорж! Вы, конечно, уже получили мое письмо и поняли, что я молчала не по болезни и не по изумлению, а вследствие то пассивного сопротивления, то активной борьбы с подлым Томсоном? Тот ли? Я еще за это время для вас же сделала выписки из данной мне Элеонорой рукописи-переписки Маркса с Н. —оном. Я должна была возвратить ей тетрадь 3-го, когда к ней ездил Либкнехт; был ласковый такой, но говорить-то с ним много не пришлось.

Собрание имело не тот характер, как я думала. Они это Либкнехта англичанам показывали. Штук 50 человек за вечер перебывало, и бедный старик весь вечер стоял, выслушивал по паре слов от представляемых ему англичан и Вайтчепельских евреев. А сегодня в газетах говорят о «terrible rixe» в Петербурге 15—16 мая. Полиция была побеждена, казаки постасканы с лошадей и с ними поступили severely, и лишь выстрелы обратили толпу в бегство, убито 350 человек. Что это такое? Почему? Ничего не разберешь! Известие слишком кратко. Во всяком случае это уж не студенческие беспорядки, на которые и дворников было за глаза довольно. А в Москве произошел адский бессмысленный ужас. Это что-то небывалое в истории, чтобы в чистом поле передавить ногами без паники тысячи народа! В газетах— передавленных все прибавляется, теперь уж тысячи четыре.

39.

(Лондон, 1896 г.)

Бога ради *мгновенно* [пришлите], кроме «Суб['ективной] лит[ературы]», также ту книжку Михайловского, где он спорит со Слонимским: я там помню очень суб'ективную фразу, для доказательства, что разделение труда уменьшается. «Теперь всякий может как шить, так и чинить обувь, а прежде было запрещено». Мне ее ужасно нужно. Хорошо около нее придумано.

Ваша Вера.

Надо-то бы мне массу всякой всячины.
И Южакова с гадами опять бы нужно:
Скорей! Быстрей!

40.

Лондон, 1896 г.

Милый Жорж! Вы, очевидно, злы на меня, как 100 чертей, за неперевод, что совсем не писали на этой неделе. А мне от хлорала полегчало, и я [за]то так переработала статью, что уж опять ее люблю, и мне кажется, что и вам понравится (зла, как гиена, — мне даже кажется, что злее вас самих). Хотите, пришлю вам первую бо́льшую половину? Чтобы уж я ее не трогала. Это я сейчас перечла и осталась довольна. Но потом подумала: «вот разболится у тебя голова или усилится лихорадка и нападет на тебя справедливость!». Поэтому и принялась вам писать, чтобы отрезать себе отступление.

Не сердитесь, — чувствую свою провинность и прошу прощения. Но я, право, тогда была совсем больна, и теперь нездорова, но все же совсем иное дело. Я никого не вижу, ничего не слышу, дышу одной статьей, так что мне больше-то как об ней и писать не о чем.

Ваша Вера.

41.

Лондон, 1896 г.

...[Начала нет]... Несколько англичан, членов «Friends of Russian Freedom» (Общ-во Друзей Русской Свободы), ввиду того, что русские члены (Волховской, Гольденберг, Чайковский) «Friends of Russian Freedom», очевидно, не имеют никаких сношений с идущим теперь в России движением, предложили этому обществу просить меня, как имеющую сношения, вступить в него. На это одна английская кукла Волховского встала и заявила, что ей из верного источника известно, что я дурно говорила о «друзьях русской свободы» (ничего я никогда об англичанах-«друзьях» не говорила), а потому, очевидно, откажусь, — незачем мне и предлагать. Этим моя кандидатура была устранена. Ничего не вотировали относительно меня. Затем Чайковский долго говорил, что соц.-дем. бывают разные. Я и мои друзья нетерпимы, желают все себе приписывать; не признают террористов. Но есть хорошие соц.-дем., с которыми они в сношениях: те живут в Вене, но один есть и тут, Р—н, которого и Засулич хорошо знает. Его-то они и предлагают. Провотировали и решили пригласить.

Этот Р—н соц.-дем., но работает по литературной части у фондистов. Он справлялся, по моей просьбе, о 100 фунтах, но знаю я его совсем мало, впечатление от него неудовлетворительное, а главное, «чего враг желает, — наверное вредно». Мои сторонники-англичане желали бы продолжать кампанию. Для чего я заявлю, что дурно о «друзьях» не говорила (обвинения фондистов в клевете), а Р—н или отказывается, или будет заявлено, что через него сношения с русским движением установлены не будут. Я нахожу, что будет лучше, если последнее заявление сделаю не я, а заграничный «Союз», имеющий право (это вотировано на Лондонском с'езде) представлять русский союз. Пусть это будет в форме частного письма ко мне, хотя бы вас, Жорж, но чтобы вы говорили за Союз или секретаря Союза, на мой запрос — ответ мотивировать в таком роде, что т. Р—н, как вы слышали (будто даже не от меня), работает у фондистов; я вам писала, что предложили его «Друзьям» фондисты, а между тем с фондистами социал-демократы не имеют и не будут иметь ничего общего, поэтому т. Р—ну не следовало бы брать на себя представлять с[оциал]-дем[ократию]. Я постараюсь, чтобы Р—н сам отказался, и надеюсь, что он (если он честный человек) это сделает. Но на всякий случай мне надо иметь такое письмо. О заявлении Либк[нехта], что я представляю соц.-дем., я просила Бухг[ольца]. Ободрение студентов, как выдумал Бухг[ольц], конечно, глупости, но заявление Либк[нехта] или нашего Союза, что представляю с[оциал]-дем[ократию], а с Фондом они не имеют ничего общего, мне вначале было бы очень полезно. Ведь, начав сгоряча (по приказу из России через редакц. «Vorwärts'а») агитацию, я очутилась без самомалейшей бумажонки лицом к лицу с врагами. Цель моя теперь такая, чтобы «Общество Друзей» распалось (или из него вышли фондисты), а на его развалинах образовался [бы] постоянный комитет для сбора в пользу стачечников совершенно наш. Ведь стачки будут продолжаться и будут очень короткие, — всякий раз комитет устраивать невозможно, нужен постоянный. Все ваши швейцарские деньги Бухг[ольц] прислал мне для пересылки. Кабы дней на 5 раньше, так они уже в Питере были бы, а теперь полежат: 2 раза под ряд не могу посылать.

Я еще ни слова сама против фондистов не говорила. Все само делается. Я постараюсь, чтобы и впредь так было. Но на всякий случай мне нужно вооружение.

Правда ли, что Гранковский шпион, как говорят фондисты? Или только с ними поссорился? Постарайтесь прислать мне его произведения против них. Не бойтесь, слишком воинственна я не буду.

42.

(Лондон, 1896 г.)

[Хотя обращение к П. Б. Аксельроду, но письмо это предназначалось и Г. В. — *Л. Д.*]

Дорогой Павел, насколько могу припомнить, я отвечала на все в ваших письмах. 200 фр. получила и заранее (авансом) послала из них 7 фунт. (70 руб.) в Питер. Вы писали, что американских денег было 189 фр. Я послала из них 175 фр. да на пересылку (вместе с 1.000 руб. Томсона) пошло 5 фр., остается, следовательно, из них не отосланными 9 фр.

Оказывается, ни в Берлине, ни в Швейцарии нет адреса для отсылки денег. Прислали мне сюда $21^1/_2$ фунт стерл., но когда я уже отправ[ила] 1.070 рублей, а два раза под ряд я не могу послать, будут валяться здесь. Вот досада-то!

Комитету английских «Друзей Русской Свободы» несколько англичан предложили пригласить меня, т[ак] как, мол, русское движение слишком односторонне представлено в этом обществе. Перепуганные фондисты устами одной [своей сторонницы] или англичанина об'являют, что меня невозможно пригласить, так как я дурно говорила об английском комитете общества «Друз. Русс. Своб.». Изящно! И ложь вдобавок. Ничего я о нем не говорила.

Затем Чайковский сказал длинную речь о негодности (нетерпимости, злости, приписыванию современного движения деятельности соц.-дем[окр.] и проч.) таких соц.-дем., как я и моя компания, что есть и хорошие соц.-дем., с которыми можно иметь дело: один в Вене живет, другой — у них в Фонде работает, вот его и следует пригласить, он вдобавок и с Засулич близок «как рука с перчаткой» — английская пословица, — при чем надо заметить, что этого фондиста — соц.-демокр. Ротштейна — я только вчера в пер-

вый раз увидала, уже после заседания комитета. Вы видите из этой истории, что против нас вообще, и меня в частности — фондисты на все способны. Чтобы отпечатать прокламацию Тома Мэна особой деятельности им не надо было, а надо было только, чтобы Том Мэн думал, что они представляют движение, но против меня они очень деятельны. Пред Томсоном, приславшим мне 1.000 руб. и взявшим обратно внесенные прежде в «Общество Др. Русс. Св.» деньги на стачку, они стараются теперь меня оклеветать. Их много, а я абсолютно одна. Русских соц.-дем. здесь только Н. (Водéна считать нечего), он старается, но беспрерывно своим безвкусием, бестактностью ставит меня в неловкое положение. При моей нервности действовать при таких условиях для меня адская мука.

Перешлите мое письмо с этого места Жоржу и Союзу. Но, с другой стороны: если можно откуда-нибудь получать значительные деньги для стачек, то только из Англии (да разве из Амер[ики]), не от рабочих: трэд-юнионы, как таковые, будут вотировать помощь из своих касс (они ведь этого и летом не сделали) лишь тогда, когда стачечный комитет будет заседать открыто и его секретарь открыто переписываться с их секретарями и немедленно посылать расписки в получении каждого фунта, и в русских газетах будут ежедневно отчеты о ходе стачки. Словом, — после конституции. По подписным листам много не насбиралось. На этот раз среди социалистов и евреев сборы идут, говорят, хорошо, но вторично, если бы летом опять была стачка, тут уж ничего не возьмешь.

Но среди буржуазии есть элементы, способные увлекаться всякими чужими делами и давать деньги. Тех, чье увлечение направлено в сторону России, Сергей успел свести в «Общ. Друз. Русс. Своб.». Я думаю, что обязательно более или менее сделать, что возможно, чтобы дать этому обществу (ведь англичане не виноваты, что их надувают фондисты) возможность помогать русскому движению через нас. Если мы не захотим этого сделать, то должны бы посоветовать русской организации войти в прямые сношения с фондистами, но тем самым сделать их представителями нашего движения и пред заграницей и пред русским обществом в своих [отчетах (?)], которые тогда сделаются интересными.

Я решаюсь продолжать пытаться достигнуть первого. Комитету напишу заявление, что никогда и ничто дурного о нем не говорила. А наш швейцарский Союз прошу прислать мне протест против возможности для Ротштейна представлять соц[иал]-дем[ократическое] или русское движение, словом, что бы то ни было наше. Быть может, я таким образом все-таки попаду в комитет. Но тогда уезжать из Лондона уж и думать нечего. Или надо найти на мое место верного с[оц.]-д[емократа], говорящего хоть кое-как на англ[ийском] или хоть по-французски.

Обратите пожалуйста, Павел, внимание на мою следующую просьбу: напишите, правда ли, что Гранковский, столько лет бывший просто фондистом, стал шпионом, как печатают о нем фондисты? Других доказательств, кроме того, что он стал против них писать, они не приводят. Бога ради, пришлите мне (ведь они в Цюрихе выходят, — достать нетрудно) те №№, где он на них нападает, и какие-то брошюры. «Может быть и псевдоним», произведения которого они прежде печатали и страшно его доили. Никакого неосторожного употребления я из этого не сделаю, но знать мне надо про них как можно больше. Пожалуйста, исполните эту просьбу. Обязательная работа по 15 ч. в сутки над речами, статьями, письмами и, пока не слегла, беготней у меня скоро кончится, а я слишком и больна и возбуждена, чтобы приняться за литературн[ую] работу или ходить в музей. Поэтому знакомиться со всем, касающимся наших отношений и русского движения, — как раз мое теперь дело. Да оно мне и обязательно. Поэтому *низко кланяюсь и покорно прошу* вас прислать вашу переписку с Москвой. (Отчет о движении в Москве мне прислали, но никакого «извинительного письма».)

43.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогие Жорж и Блюменфельд [1]).

Coup d'état [государственный переворот], как вы называете, мне представляется целью довольно отдаленною.

[1]) Старый эмигрант, соц.-дем., один из наиболее близких лиц членам группы «Осв. Труда», в особенности — В. И.; живет в Ленинграде.

Внушила мне [ее] оппозиция, т.-е. собственно Адольф Смит. По его словам, фондистами многие недовольны в обществе Fr[iends] of Rus[sian] Fr[eedom] [1]), но, не зная других русских, все-таки судят с их слов. Будучи в обществе, при наивности Чайк[овского] и Гольденб[ерга] нетрудно, вероятно, б[ыло] бы уличать их время от времени во лжи, в извращениях и проч.

Газета «Free Russia» [«Свободная Россия»] непременно будет нести буржуазный вздор, даже после всяких coups d'état, если бы они и произошли. Глава общества — Спенс Ватсон, один из редакторов «Daily News» и любит писать статьи в «Fr. Russ.». Его с[оц.]-д[ем.] не сделаешь. Я была бы рада убедить себя, что не обязана вступать в это общество. Мне казалось, что обязана, если важно собирать здесь деньги на стачки. С трэд-юнионов до конституции ничего не возьмешь (ведь они и летом из касс ничего не дали). Теперь дают социалисты и евреи, но они бедны, — в другой раз к ним скоро мудрено обращаться, а летом, вероятно, будут опять большие стачки. Здесь имеются буржуа с фантазией помогать России (другие — армянам [в] кубе даже). Через фондистов они теперь делать этого не могут. Про эту стачку, которую большая пресса замолчала, фондисты говорили «Друзьям Р[усс.] С[воб.]», что стачка плохая, потому они о ней и не заботятся. Те и поверили, конечно. Мне казалось, что должно дать этим англичанам возможность помогать стачкам, а этого нельзя сделать без близкого соглашения между Петерб[ургским] «Союзом» и Фондом или без вступления путного соц.-дем. в английское «Общ. Друзей Русс. Своб.». В этом обществе англичане самых разнообразных взглядов: полтора соц.-дем. (не из теорет[иков], вдобавок), фабианцы, христиане, виги и тори. Общее у них — лишь «Дружба к русской свободе». Мне казалось не важно, что они врут в газете. Если бы я попала туда, как представительница определенного дела, определенных интересов, могла бы писать о своем деле в их газете за своей подписью. Если я не буду приставать к Смиту, — оппозиция расти не будет, а просто забудет об этом, а само «Общество» (без Сергея, которого все там любили) просто умрет со скуки.

[1]) «Друзей Русской Свободы».

Я и не буду трогать Смита. Лично мне очень тяжело было бы вступить туда (враждебная в большинстве атмосфера и моя робость даже и с невраждебными иностранцами), да и из Англии нельзя бы уехать. Но если, паче чаяния, и при моем бездействии, мне все-таки предложат вступить, надо будет принять (лучше после выйти,—болезнь не может помешать ответить на пригласительное письмо), а то поставишь в неловкое положение Смита с компанией.

Сразу ваши листки были бы лучше моих (формальнее, основательнее), но теперь уж заменять не стоит. Выйдет одна путаница.

Вчера послала вам, Блюменфельд, корресп[онденцию] из Одессы с частью материала. Сегодня—4-й № «Нар. Вол.» и тоже материал. Остальное пришлю на-днях. Когда получите что об этой стачке (прокл[амацию], корреспонд[енцию]), — пришлите мне, бога ради, хоть на 2 дня, чтобы успеть списать и потом отослать. Я ведь аккуратна на это. Мне все еще очень нездоровится.

Вера.

[P. S.]. Я уже писала вам, что ваши 200 руб. (т.-е. только 537 фр. 50 с.), пришедшие от Бухг[ольца], после отсылки 1.070 руб., лежат пока. Но я рассчитываю получить возможность опять послать, так что, если у вас нет возможности послать иначе остальные деньги, пришлите их через банк на адрес Мендельсона (4 Harcourt Building. Temple E. C. London).

У меня с получками часто выходит путаница и большая беготня, а я пока совсем не могу выходить.

Когда выйдет Руссо — «не ясно», в другом письме — «неизвестно». Болезнь Путмана [1]), произошедшая вначале лишь от злой случайности, осложнилась неудобным временем, и его состояние ухудшилось. Огромная это потеря во всех отношениях. Руссо-то — чорт с ним! Без Путмана легче наделать глупостей слишком быстро сменяющимися поколениями практиков. Его друг [Струве?] влияния на них иметь не будет, а он имел.

---

[1]) Т.-е. арест Потресова.

44.

(Лондон, 1896 г.)

Дорогой Жорж, не хочется мне беспокоить вас, т[ак] к[ак] вы больны, но все же должна я вас спросить, знаете ли вы что ниб[удь] о получении в Петерб[урге] собранных здесь денег? Там ведь опять стачка. 2 недели тому назад один господин явился ко мне с невинными письмами от «ушастого» [Струве] и его тетки и с словесным поручением от Союза, во что бы то ни стало, на основании каких-то (не полученных мною) писем, взять у английского комитета (который с начала ноября как не существует, а деньги переданы фондистам) лежащие у него 100 фунтов. Из этого я заключила, что деньги в Петерб. Союзе не получены, и, получив вчера известие о возобновлении стачки и приказ «собирать», я уже начала действовать в этом смысле, сказала 2 англичанам, что деньги не получены, этим устранились бы с посрамлением фондисты. Сегодня получаю от Бухгольца [1]) письмо, где говорится: «Прошу вас (т.-е. г. Бухг. просит) сообщить Соедин. Комитету, что 1.000 руб., посланные этим Комитетом, получены союзом».

Следовательно, я вчера очень неосторожна была. Но как мне быть, кому верить? Что это значит? Страшная мука эти сборы! Ничего я не поделаю, но буду повиноваться, бегать и писать письма с утра до ночи. Но нет здесь человека, с которым бы посоветоваться. Эвелинги — одна беда, а не помощь, беда, что известно, что я к ним близка.

Войти ли мне в сношения с фондистами? Если деньги дошли, то нет резона бороться против их сборов, и мне придется или очень мало делать, или с ними делать. Но ведь это была бы повинная теперь с ними входить в сношение. Что мне делать?

Пишите о вашем здоровье, бога ради.

45.

[Лондон, 1896 г.]

Дорогой Жорж, сейчас получила известие, что Путман арестован. Это просто ужас что такое.

---

[1]) Социал-демократ, полу-русский, полу-немец, примыкал к русскому движению, эмигрировал в Германию.

Хвост [1]) я почти докончила, в понедельник решила послать. Но ведь теперь все это пропало, не так ли? Напишите, бога ради, как что узнаете обо всем этом. Непременно напишите! Известие я не от его друга [Струве] получила, но тот во время письма, очевидно, был здоров.

46.

(Лондон, 1896 г.)

Милый Жоржик, отнеситесь ласково к этой бедной скотинке. Не поддавайтесь злобе, которую будут внушать вам запятые: Elle n'est pas si bête qu'elle en a l'air [2]). У нее есть кое-где мысли в морде.

Напишите поскорей о ее судьбе.

Цельной черновой у меня нету. Я бы не смогла переписывать, не переделывая, а переделывая, довела бы ее помаленьку до размера книги.

47.

Лондон, 1 сентября 1896 г.

Дорогая Розалия Марковна!

Будьте так добры, напишите, приехал ли Жорж?

Если вы приехали, Жорж, напишите, пожалуйста о вашем спутнике [3]). Здесь получены известия, из которых видно, что ему грозит полное разорение, предотвратить которое могла бы только остановка в том именно городе, от посещения которого мы его так сильно отговаривали. Там его ждали известия. Как ваше здоровье?

Ваша Вера.

48.

(Лондон, 1896 г.)

Милый Жорж, зачем бы я стала посылать только половину статьи, если она вся сегодня готова? Будет, я думаю, листа 2 с половиною. Я теперь только перечитаю ее в последний раз и завтра — послезавтра пошлю. Несколько дней затем буду ходить в гости. Я все и вся совершенно запустила. Никого не видала. Совершенно не знаю теперь, какова моя статья об'ективно, и буду дрожать в ожидании вашего мнения. Суб'ективно-то я ее люблю. Некоторые места особенно. Но судить можно, если кому-нибудь прочесть или хоть поговорить о предмете, а я никого не имею для этого.

Пожалуйста, чтобы расположить себя к моему детищу, начните читать с примечания к 8-й странице. Обратите, бога ради, внимание, на мою «биологию», не наврала ли я чего? В первый раз пришлось мне пожалеть об абсолютном незнании естественных наук.

Насчет злости, надеюсь, останетесь довольны. Уж на что злее! Хоть бы она и неуклюжая была, мне все же страстно хочется, чтобы она была напечатана. Очень рада, что вы вошли во вкус насчет Блюменфельда. Он в своем роде прелестное творенье. А насчет 1-й статьи 2-го отдела сборника вы совершенно правы. Сперва она бросилась мне в глаза лишь своей неимоверной болтливостью, и я, не дочитавши, решила, что она дурацкая. Но после вашего отзыва, прочтя, увидала, что человек действительно думал и во всех замечаниях по адресу Струве вполне прав. (Этого последнего я продолжаю не любить.) Все зло этой статьи лишь в болтливости. Не сконцентрирована. Славная вещица Потресова. Трепала в своей статье волей-неволей всего больше Михайловского, а все же изо всей их компании он милый. Ненавистная тварь Кудрин (в «Из Франции»). Вот фразерская скотина! А какая судьба постигла здешний «Сборник для рабочих»?

Ваша Вера.

Еще раз прошу прощения за неперевод. Действительная свинья!

49.

(Лондон, 1896 г.) понед. 18-го [?]

Очень меня огорчило ваше письмо, дорогой Жорж: что это опять за напасть такая с болезнью? Опять с грудью

[1]) Т.-е. заключение статьи.

[2]) «Она [статья] не так глупа, как выглядит».

[3]) Т.-е. Струве.

что-нибудь или ифлуэнца какая? Хвост [1]) я уже третьего дня послала. Я посылаю туда, что приходило не прямо, а передаточная инстанция сообщала мне, что нужно послать. Так как хвост у меня так и не вышел, а вышел колокольчик на шею, я было хотела послать вам на просмотр, но, узнавши, что вы больны, послала прямо с просьбой «ушастому» обладить как знает. Ведь он тоже прирожденный (настоящий) писатель и должен знать приличия литературы.

Клянусь на пере и чернильнице никогда больше не соваться в большие работы!

Нет ли каких оснований предполагать, что человек, которого Женька когда-то подарил Марии Ник. [2]) — здесь теперь в Лондоне? Очень мне это интересно. Я боюсь, что из-за моего неузнаванья у меня случилось с ним огорченье. Уж года 2 я не чувствовала себя вольным человеком из-за проклятого Руссо. А теперь с непривычки чувствую себя со вчерашнего дня «собакой, поднятой на воздух». Примусь за фабианцев. Ненавижу я их, не читавши, по чувствую, что вместе с Брентан'истами (это ведь очень сродни одно другому, хотя и независимы) прокрадутся в ближайшем будущем в марксизм. Бернштейн уж чуть жив в этом отношении.

Рассмотрели ли вы свою монтрейскую соседку? Чем она вам кажется? Интересная? Выздоравливайте, не хворайте. Есть ли у вас деньги? А как случилась эта беда с Путманом? Есть ли надежда, что кончится пустяками?

Ваша Вера.

50.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жорж, вы что-то молчите. Я в прошлом письме «пищала» не из потребности пожаловаться, — мне подумалось, что раз у вас у самого «писк» на душе, вы на минуту вообразите себя на моем месте и тогда почувствуете сравнительную прелесть всего, что есть у вас. Сознание и общее

---

[1]) Так, напоминаю, В. И. называла заключение всякой статьи. *Л. Д.*

[2]) По всей вероятности, Вера Ивановна имеет в виду А. Тилло, которому я дал летом 1882 г. рекомендацию к Ошаниной. *Л. Д.*

признание своей полезности, своего таланта и лучшая в мире (я думаю, всякий хороший семьянин это думает про свою) семья. Сегодня я, впрочем, взялась писать с намерением просто рассказать вам что-нибудь. Во время болезни была у меня Н. Я ее, конечно, встретила, как будто ничего не бывало, расцеловались и проч. Если бы вы видели только, какая она стала здоровая, бодрая, предприимчивая (предложила, напр., свое сотрудничество «Русск. Бог.» и получила согласие, — прежде она никогда бы на это не решилась). Кэни Гернт давно уж мне говорила (с обидой в голосе за S.), что Н. здоровее и бодрее, чем когда бы то ни было, и все пыталась об'яснить это себе какими-нибудь общими свойствами русской души. Вначале, мол, русские так бурно чувствуют и выражают свое горе, что потом в виде реакции здоровеют... Что-то в этом роде сочиняла. Мне кажется, что дело тут совсем не в «русской душе», а в том, что она прожила весь свой век без малейшей надобности о чем-нибудь думать и заботиться: все S. на себя брал. Прожила она в тени его, — везде они были не иначе как вместе, и везде и для всех он был интереснее ее. Она от этого не страдала, не соперничала с ним, но привыкла к ощущению, что она — дробь целого. Теперь она почувствовала самостоятельную силу, свои собственные способности. Стала целой единицей, и все это доставляет ей удовольствие, хотя наверное и теперь сквозь все это удовольствие с болью вспоминает S. И, думается мне, не на долго хватит этого удовольствия, — начнет грызть сознание одиночества. — У Серебрякова девочка умерла, с вашу Машеньку была величиной и такая же здоровая, добродушная, забавная была и любимица их обоих. Я его не видела с конгресса, но так как он здесь единственное существо, к которому у меня есть немножко нежности в душе, я ему передаю поклоны через знакомых, но он не отвечает. Вы знаете, вероятно, что Раковский с Рябовой здесь еще с месяц прожили...

Очень меня огорчало наблюдение над умом Ин—ва: ведь он прежде думал — мне так казалось, по крайней мере. Теперь совсем не думает, — ум его совершенно кристаллизировался. Не то, чтобы был занят, некогда было думать, — это бы не беда: мог бы опять начать потом думать. Нет, он все на свете знает твердо, безусловно, спорит само-

уверенно, он ведь почти ежедневно по газетной статье пишет. Это-то, я думаю, и загубило его мысль. Для таких статей ему нужна была маленькая, но всесторонняя машинка, на все дающая куценький ответ: он ее себе отличную выработал, и теперь ему уже не требуется никакой лишней мысли, они у него от головы отскакивают. Впрочем, мне вот, грешным делом, кажется, что мое первое впечатление от статьи Крепыша было верно. Я опять перечла, думая вдохновиться для хвоста. Он тоже не думает. Ей же богу, он твердо знает, как «марксист должен говорить». Все, что он «должен говорить», уж готово: Маркс сказал уже. Россию он просто подгоняет под слова Маркса, для этого она у него уже совсем капиталистическая, а народники, что бы они ни говорили, все это только потому, что в их головах отражаются интересы мелкого капиталиста. Он это не показывает, а просто твердит, но называет «вскрыванием». Он наверное прекрасный человек, вроде Дворника [Ал. Дм. Михайлов — народоволец. *Л. Д.*]. Да и Ин—ов прелестный человек остался, а все-таки, как-то жалко, что перестал думать. Но статья Крепыша, говорят, сделала большую пропаганду и Ин—вские делают. И дай им бог здоровья. А мне и таких не написать (не захочу), но и с мыслями не написать (не умею).

Получаете ли газету «Самарск. Вестн.»? Там все «фаршированные головы» заседают. Мне приходит: она газетка очень живая. Вышел по-русски 3-й т. «Капитала» Маркса.

В. В.

51.

7/XI 1896 г.

Дорогой Жорж, мушки мне не ставили: доктор говорит — болезнь старая, хроническая, теперь только обострилась, нужно не выходить пока из комнаты. Я и не выхожу. Лихорадка еще тянется, но убывает понемногу. Я вовсе не недоверчива, дорогой Жорж, раз я вижу с вашей стороны доброе отношение, я ему вполне верю, — ну, на какого бы дьявола стали бы вы притворяться? Чувствую противное, точно так же верю и ему. Мне кажется, дело в том, что вы на приятельские, дружеские отношения переносите представление о «родственных» отношениях. Родственник есть родственник, это решено раз навсегда. Приятельские же отношения существуют пока есть приязнь, — нет ее, и их нету. А что я обращала на присутствие или отсутствие приязни слишком много внимания, так это зависит просто от моего положения. Вы сыты на личные привязанности, — у вас есть семья, — у меня нет иных привязанностей, кроме этого несемейного сорта, а, к великому несчастью, потребность в привязанностях почти так же неистребима, должно быть, как и потребность в пище. Мне, должно быть, мало знать, что отсутствующая в настоящий момент приязнь только aufgehoben [отсрочена] и когда-нибудь, со временем, может и опять проявиться. Теперь явилась, а в Англии ее не было. Не было и в Швейцарии, до от'езда в Италию. Вы просто не замечаете ее отсутствия. Я и не думаю упрекать вас. В приязни, в дружбе (в противность семейным отношениям и товарищеским для определенного дела) — не может быть даже и тени обязательности. Если бы вы не возобновили переписку, я при следующей встрече, вероятно, не стала бы замечать, есть ли или нету у вас приязни ко мне. Знала бы, что нету. Теперь, может быть, опять буду. Это не недоверчивость — это просто привязанность. Я желала бы от нее отделаться.

Финансы у меня есть.

52.

Лондон, 1896 г.

Дорогой Жорж, «господин из столицы» [?] подробно и хорошо знает об моих отношениях с фондистами, — узнал об них в Берлине от «Кошени» [1]) и тем не менее вел с ними, тайно от меня, дружескую переписку! Подумайте только, какую же цену могут иметь в его глазах мои сообщения о фондистах? Меньше, чем ваши, Павловы, а ведь знаю я подробнее, чем вы, только про их отношения ко мне: 1) что они такое вообще, вы с Павлом, конечно, знаете столько же, сколько и я. Их отношение к соц.-дем. видно из их «Листка», вышедшего после Конгресса. (Он верно есть у Блюм[ен-

[1]) Кажется, кличка тов. Бухгольца. *Л. Д.*

фельда] и Гинзб[урга], а нет, — могу достать.) К нам это отношение отрицательное, а к российским россиянам пока никакого, — просто полагают, ч[то] стачки подготовлены всеми партиями. Но как только питерцы завяжут с ними тесные сношения (а это для фондист[ов] по 1.000 денежных причин очень важно), они не постоят за тем, чтобы и соц.-дем[ократами] себя заявить. И теперь в письмах к любителю рабочих брошюр [1]) они (отсюда вижу эти письма в кармане у «любителя») наверное изображают себя кроткими, обиженными и готовыми к услугам ангелами. Если питерцы т[ак] «беспартийны», что «Листок» о Конгрессе не мешает их сношениям с фондистами, — что же можно прибавить к этому? Плохо фондисты относятся лишь к партийным (не предоставляющим им никаких выгод) с[оц.]-д[емократам], а к беспартийным великолепно. Писать же об их отношении ко мне в данную минуту некрасиво, унизительно с моей стороны, — это значило бы ставить свои чувства выше денег для стачечников. Ведь — и это главное — я не могу собирать, во всяком случае не могу столько, сколько могут фондисты. На этот раз они не собирали и мне, насколько могли, мешали, но, если россияне войдут с ними в сношения, они будут собирать изо всех сил, — это для них самих, для их прокормления около англичан необходимо, а посылать деньги будут, — прокормление само собой улучшится. Они соберут неизмеримо больше меня, уже по той простой причине, что их много, и все они ничего не делают, все специалисты по всякого рода собираниям и обираниям, а у меня здесь нет ни одного помощника по сборам, кроме Селитренного. Вы скажете (как говорили осенью) — Элеонора. Она ничего не делала, кроме прочтения моей речи, и то по усиленным просьбам. Она об'яснила мне это тем, что на своей попытке (еще осенью) собирать для заключенных стачечников убедилась, что ее участие, как заведомой партийной социалистки, при беспартийности англичан, может быть только вредно при сборах. И она, конечно, права и не по одной этой причине, но и по этой тоже. А эта причина, после моей полемики с Волх[овским], относится и ко мне. Адольф Смит,

---

[1]) Вероятно, Лазарь Гольденберг, об'являвший себя соц.-дем. и входивший в группу Фонда. *Л. Д.*

не желающий мне ни малейшего зла, просил меня указать ему кого-ниб[удь], кому бы мы вполне доверяли, но кто в то же время не был бы известен своей партийностью, с таким кандидатом в комитет Fr[iends] of Rus[sian] Fr[eedom], вместо меня, ему легче было бы там действовать. Я не могла указать здесь никого, как видите, и в его глазах выгоды моей известности перевешиваются невыгодами партийности. И вообще все представление о том, что я гожусь для сборов, основано лишь на моей известности, а *здесь* она не может быть полезна, скорее наоборот. Вот вам об'ективное доказательство. — После смерти Сергея некоторые ультра-консерваторы упомянули в газетах о том, что он политич[еский] убийца. Его друзья подняли в прессе крик, что это клевета. Они отлично знали, что не клевета, но все же желали смыть с памяти Сергея это *пятно*. Затем, англичане консервативны, они давно привыкли считать фондист[ов], — Волховского, главным образом, — специалистами по русским делам. Благодаря его лекциям о «his life» [1]), — это известно в очень широких кругах: нужно бы годы самого упорного, безостановочного труда с моей стороны, чтобы добиться такого положения. У меня нехватит времени. Для меня эти сборы равносильны самоубийству самым мучительным в мире способом, посредством нравственных неприятностей, которые, благодаря моей страшной нервности, неправильному отправлению сердца (это и здешний мой доктор констатировал) и неполному порядку в легких, скорехонько переходит в формальную (с лихорадкой, обмороками и проч.) болезнь. Это — Воден [2]) и его барышня могут засвидетельствовать. И вы можете припомнить, что на мне тяжелые волнения и раньше в этом роде отзывались, но теперь только в 100 раз сильнее. Но, оставя это в стороне, я убеждена, что еще раньше окончания самоубийства питерцы вступят в сношения с фондистами, хотя бы на этот раз нам и удалось помешать им. Этого требуют экономические интересы обеих сторон, и для Англии

---

[1]) По приезде из Сибири в Англию, Волховский, раз'езжая по этой стране, читал платные лекции «О своей жизни».

[2]) Молодой тогда философ, которого Плеханов рекомендовал Энгельсу.

фондисты самые естественные сборщики. Не надо забывать, что годовой оборот не то что Питерской, а Виленской соц.-д[емокр.] (это Селитр[енный] констатировал, — он печатает их жаргонный орган) вдвое больше, чем годовой доход и расход здешней соц.-дем. Фондистам сношения с пит[ерцами] необходимы, — они всячески будут улещать и подкупать питерцев, и помешать их успеху могла бы лишь отчаянная партиозность Союза, вроде как была у Пут[мана]. Надо бы, чтобы они считали дарами Данайцев все выходящее от не соц.-дем. Этого нету, а поэтому сношения будут. Если теперь нам и удалось бы вбить в них суровую партиозность, то при беспрерывной смене поколений во главе Союза она исчезнет через несколько месяцев. Не выгоднее ли нам при таких условиях, чтобы неизбежные и с денежной стороны полезные сношения эти начались с нашего ведома и благословения, а не против нас? В первом случае, м[ожет] б[ыть], возможно бы уберечь россиян от литературной белиберды и путаницы, которую постараются внести фондисты, подобравшись к движению, а деньги на стачки пускай бы себе собирали. Я обо всем этом (даже считая питерцев партийными) давно уже писала Павлу [П. Б. Аксельроду]. Вам не писала, думая, ч[то] вы мало этими делами интересуетесь, а теперь излагаю ввиду ваших разговоров с делегатом. Завести сношения без моего ведома доказывало бы, что «времена, нами переживаемые, отличаются совершенно *бесполезной жестокостью*», так как ясно, что фондисты должны этими сношениями воспользоваться, чтобы устроить мне какую-нибудь пакость, а с ведома, ей богу, нам не следует мешать этому. Вы скажете, что все это противоречит моему письму о плане Смита насчет вытеснения из комитета «Fr. Russ.» фондистов? Да, виновата, Смит с Мендельсоном мечтали, а я поверила. Да оно, быть может, и можно, но для этого нужно долгое время (комитет «Fr. Russ.» собирается раз в месяц), и, вероятно, другой человек, а не я. И сам Смит с его планами — явление исключительное. Он лично зол на фондистов, очень дружен с Мендельсонами и вдобавок я 2 раза дала ему (а он корреспондент Таймса) известия, которые лишь позднее подтвердились в газетах. Пусть бы делегат с'ездил к фондистам, но только хорошо, кабы после моего от'езда отсюда.

А какая сказочная судьба органа «птицы Сирен» и протопопа Аввакума! Это прямо-таки носит характер сказочного, восточного эпоса, любящего яркие законченные противоположности [1]). Но... Б.-Бр. это погубит: он об этом написал Сел. с поручением... [Письмо не закончено. *Л. Д.*]

53.

(Лондон, 1896 г.)

Воскресенье вечером

Милый Жоржик, получила ваше письмо из «царства небесного на землю», в котором вы уже пребываете по предчувствию, что же, скажу от души: «дай бог всякому» (кроме Южакова, Кудрина, Волховского и Эвелинга), а вам тем пуще за старание и труды. Посылаю вам запрос, адресованный ко мне. Можно бы, конечно, и без вашего спросу ответить, что «M-r Plekhanoff himself will be so kind to speak a few words in French» [2]), но уж так и быть. Извольте же либо сами ответить и написать мне, что ответили, либо написать, чтобы я ответила. А на «монстре» [3])-то этом будет народа не меньше, как с ½ миллиона. В этом году не было митинга в воскресенье после 1 мая, с тем, чтобы перенести его на канун конгресса.

А что вы мне ни слова не заикнетесь о судьбе «скотинки»? [4]). Вы скажете: «вот носится со своей скотинкой, — как дурак с писаной торбой». Ах, господи! У иных родителей, если имеют дюжины 2 детей, так путают их между собой и даже имена их забывают. С моим дедушкой так было. Ну, а у кого детей самая малость, те интересуются их судьбой.

---

[1]) «Птицей Сирен» В. И. и Г. В. называли Кривенко (см. «Монист. взгляд», а «протопопом Аввакумом», кажется, — В. В. (В. Воронцова). В чем «сказочный, восточный эпос» — не знаю; также не понимаю дальнейшего. *Л. Д.*

[2]) «Г-н Плеханов будет любезен и произнесет несколько слов по-французски».

[3]) Грандиозный митинг в Гайд-Парке.

[4]) Так Вера Ивановна называла свою статью.

Проявился тут Алексей Михайлович[?] Я ему, конечно, была рада. Рассказал разные интересные вещи о прошлом лете, которое у вас было очень оживленное, оказывается. А письма Маркса и не подумаю посылать: приедете, прочтете. Не бог уж знает, как интересны, хотя все же.

Ваша Вера.

54.

(Лондон, 11/XI 1896 г.)

[Почт. штемпель откр.]

Дорогой Жорж, я сегодня послала вам в Женеву два письма; бога ради, поскорее получите их и поступите так, как я вас там умоляю.

Помогите мне, Павел! Не верьте себе, если вам показалось, что моя статья (начало, пришедшее, может быть, в Цюрих) *ничево*. У меня на это вкус тоньше. И притом вышло так, что нам теперь напечатать статью «ничего», а не превосходную, гораздо хуже, чем не печатать совсем ничего.

Напишите, как ваше здоровье? Предполагая, что вы в Цюрихе, я тем самым предполагаю, что вам очень плохо.

55.

(Лондон, 1897 г.)

Дорогой Жоржик!

Г — на Очень я видела во времена похорон Энгельса, — говорила с ним. Он помнит о письмах, выражал соболезнование, что их давно нету, просил меня не забыть сообщить ему свой адрес, если поеду в деревню, на случай прихода письма. А я, подумав, что для иностранца он очень хорош, аккуратен и может пригодиться, не сказала ему, что писем не будет, так что он ждет. Надо только будет к тому времени, когда может притти письмо, написать ему об этом. — С Руссо и теоретич. работой дело обстоит так, что если бы я и не была больна (в марте я писала в смысле об'ективной недоказанности болезни, а лично дело другое), то пока в музей ходить мне все-таки не было бы надобности, а очередь за писаньем, и я отлично знаю все, что надо писать, дело лишь в форме, как распределить, что после чего, но и на это у меня не хватит сил. Вот сегодня, встала в 9, а в 11 уж у меня (несмотря на то, что час тому назад пила кофей) явилось неодолимое желание хоть чуточку вытянуть спину на кровати, и вытянула и начала дремать; в час, наконец, опять встала, перечитала ваше письмо, сижу, отвечаю и уже чувствую невралгию. Я это так для разговору пишу об «эманципации», а ничуть бы не «изумилась», хотя и огорчилась, кабы вы и вовсе бросили мне писать. Убедитесь же вы со временем, что решительно никуда уже не гожусь, что «гусь свинье не товарищ», и бросите же тогда писать. Сами видите, может ли у меня быть охота упоминать вам в письмах «о Руссо и теорети-[ческой] работе», это дергать себя за больной зуб. Ненавижу я всей душой и самое себя и весь мир. И самое лучшее — махните вы на меня рукой — будто меня и нету. Моргана поищу.

Ваша Вера.

56.

(Лондон, 1897 г.)

Милый Жорж!

На коленях, сложивши лапки, умоляю вас послать (не верю, чтобы не могли), кому следует, список опечаток (это даже не опечатки, а небрежная корректура без сличения с подлинником и без смысла). Многие из этих опечаток лишают всякого смысла целые страницы, а не только фразы. Быть может еще возможно отпечатать их на отдельном листочке и вложить в остальные экземпляры. Ну, теленок, это он виноват. Небось своего не станет так редактировать.

Ради Маркса и Гегеля пошлите. Ведь в списке опечаток легально вышедшей книги нет ничего вредного.

Эти опечатки все мне удовольствие в конец отравили. Прямо хоть плачь, как говорил Тихомиров.

Крыстя [1]) не хочет брать с собой ни одной бумажки, а наизусть не запомнит, а у меня нет иных путей.

И «Знамя» ваше соединилось с «Раб. Мыслью». Ну и партия же!

---

[1]) Х. Г. Раковский был большим любимцем членов группы «Освобождение Труда».

В противоположность Павлу, мне печатные мои статьи всегда меньше нравятся, чем писанные. Руссо и окромя опечаток мне теперь не нравится, а уж как нравился, пока писала. Едва ли с него разбогатеешь!

57.

Лондон, 6/II 1897 г.

Дорогой Жорж, а ведь, по правде сказать, телеграмма Бух[гольца] была очень человеческий поступок и ободрила меня немножко в очень тяжелые дни. Я ему, право, благодарна. Вы невнимательно прочли мое письмо. Не деньги Волховский отказался только выдать (они не у него и были), а сказал при этом фразу, совершенно аналогичную фразе г-жи Лившиц о Розалии Марковне, и обещал (пригрозил, то-есть) повторять ее англичанам. И вот при такой оказии вообразите себя на минутку в громадном Лондоне абсолютно одиноким. Есть, конечно, люди, с которыми я могу советоваться, разговаривать, но всем *некогда* серьезно вникнуть в мое дело, положение (русских соц.-дем. тут нету, кроме Сел[итренного] да Вод[ена]). Воден, конечно, визжал... А вы мне даже и не ответили. Я — «изменница», но все же не так уж.

Насчет 100 фунтов я одержала наверняка блистательную победу. Теперь не по моей инициативе затеяна несколькими англичанами дальнейшая война с Волх[овским] и компанией. Нужно, конечно, им и мое участие, содействие. А мне нужно содействие товарищей. И вот, по болезни, быть может, у меня мелькает мысль, что товарищи поленятся оказать мне его. Клянусь, впрочем, не за свое оскорбление я считаю нужным продолжать войну. Я за это время убедилась, что фондисты злейшие, деятельные враги не мои только, а соц.-дем., которые не дружат с ними.

Больна я, чувствую, что очень, дышу страшно тяжело, кашляю беспрестанно. Но пока днем мне некогда чувствовать болезнь. Мучаюсь, да только по ночам.

Излагаю дело на отдельном листке, чтобы вы могли просто послать его Блюменфельду, если вам не до него.

58.

Лондон, 20/II 1897 г.

Дорогой Жорж, долго вы думали... Несколько «Друзей Свободы» заинтересовались на несколько дней проведением меня в «Общество». Если бы я продолжала подстрекать их, они еще с неделю посуетились бы и, может быть, что-нибудь и вышло бы (а, вероятно, все-таки ничего). Но я бросила это дело, и они уж забыли. Не вижу, что̀ бы я теперь могла и сделать для содействия приглашению ими в «Общество»? Но вы сильно ошибаетесь, думая, что одно мое вступление, если бы оно состоялось, что-нибудь значило само по себе. Чтобы что-нибудь вышло, надо вложить в это все силы, все помыслы, да и того может не хватить. Ведь я одна и я с совершенно неподходящим для борьбы характером и здоровьем, а врагов целая компания, которую кроме злости воодушевляет собственный *экономический* интерес. Из прилагаемого только что появившегося воззвания «Друзей Русской Свободы» вы видите один из способов стрижки англичан, не лучше и другие (например, мнимая отправка в Сибирь 1.000 экземпляров «Fr. Russ.»). Все это возбуждает у них совершенно справедливые опасения моего присутствия в «Обществе». Вступить и уехать в Швейцарию все равно, что вовсе не вступать. Я буду, по вашему предположению, писать «Обществу», а насчет ответов будут сопоставлять с фондистами, как единственным русским племенем «Общества». А они за ложью и клеветой никогда не постоят. И не одно ваше с Блюм. письмо и моя болезнь заставили меня перестать заботиться о вступлении в «Общество Друзей Русской Свободы», а также и сомнения насчет россиян. Ведь, если придавать главное значение самим деньгам, фондисты больше соберут, чем кто-нибудь из нас, а если питерцы войдут с ними в прямые сношения, то и посылать будут, вероятно, аккуратно. Они за это будут выставлять движение «делом всех партий», но из России это не должно казаться таким важным, а для сборов выгодно. Я просто ужасаюсь при мысли о сборах для новой стачки, если бы она была скоро. Ничего не поделаешь. О летней стачке, как о новинке, кричала вся пресса. Эта уже никому не интересна, кроме социал-демокр., сле-

дующая — тем более. На этот раз соц.-дем. помогали изо всех сил; поэтому и вышло кое-что. Но ведь они — бедные крысы; раньше года или двух с них опять немного возьмешь, при всем их добром желании. Я все-таки думаю уехать в Цюрих.

Последнее, что я знаю из Питера, это, что *все* мои рукописи «сгорели» во время бывшего у издателя пожара [1]). Теперь ли только это выяснилось или речь идет о новом «пожаре», не знаю. Но, что их нету, это — несомненно. Не судьба мне быть писателем! Кроме того, я получила краткие сведения лишь об рабочих и частных делах его и его тетушке, о болезни Пут[мана], которая все осложняется и идет хуже и хуже. Такое это горе! Я еще не поправилась, тянется лихорадка и слабость. Уж поэтому одному не гожусь я для сборов. Мне здоровья ни на волос не жалко, наоборот, как раз; но просто неловко вести переговоры с англичанами, задыхаясь от кашля и обрывающимся голосом.

Ваша Вера.

59.

Лондон, 10 марта 1897 г.

Дорогой Жорж!

Сейчас я получила ваше письмо. Да, вы правы, письмо Павла говорило о совсем ином «интересном», и то, что в действительности было, совсем неинтересно. Я не буду так спешить и проеду, вероятно, прямо в Цюрих. Не могли ли бы вы оказать мне одну услугу? Она может показаться вам неважной, но по обстоятельствам дела для меня она, право, важна. Дело вот в чем: на последнем собрании общества «Free Russia» Адольф Смит опять завел речь о приглашении меня в члены. Англичанин Перец (тот, что и в прошлый раз против меня ораторствовал) возразил, что уж лучше пригласить Плеханова: она (я), мол, слишком резка в полемике и нетерпима, Плеханов миролюбивый и дипломатичный. Затем русские фондисты заявили, что следует подождать с приглашением кого бы то ни было из нас,

[1]) Это означало, что были взяты полицией при обыске. *Л. Д.*

заграничных социал-демократов, так как к ним, фондистам, едет *делегат*, уполномоченный *петербургского рабочего «Союза»*. Адольф Смит, даже не спросив у меня, заранее подумал, что это или вранье или недоразумение, так как я бы знала об этом делегате, если бы он ехал. То же предположила и я. Но теперь, после вашего письма, я думаю, что, если человек допускает возможность обращаться к фондистам за брошюрами (что было бы просто позорно), тем более можно обращаться к ним с просьбой собирать на стачки, представлять Союз пред здешней буржуазией. Последнее сделало бы невыносимым лично для меня пребывание в Лондоне, но «мало бы что», а по существу ничего противоестественного это в себе не имело бы. Я допускаю мысль, что этот человек списывается теперь с фондистами. Но делать это без моего ведома, значит ставить меня без всякой надобности в самое дурацкое и оскорбительное положение (а через меня и тех немногих англичан, которые доверяли мне, не обращая внимания на Фонд), даже без возможности оправдываться перед знакомыми иначе, как обвиняя Союз, чего я не захочу делать. Моя просьба к вам заключается в том, чтобы вы узнали от этого человека, верно ли мое предположение о его сношениях с Фондом? Мне все-таки лучше самой же сообщить об этом своим знакомым (хотя бы тому же Смиту), чем дожидаться, чтобы фондисты уличили меня перед ними. Я боюсь просить об этом кого бы то ни было другого, кроме вас. Это надо сделать тактично. Повторяю, что об'ективно я ничего не имею против переговоров Союза с фондистами относительно сборов, но вести их без моего ведома, это — бесполезный для Союза подлый поступок со мною, а через меня и с несколькими англичанами, виноватыми лишь в том, что мне верили.

Я написала Элеоноре просьбу представить письменную характеристику фондистов, но сама я, хоть зарежьте, не в состоянии слова о них сказать, пока не выяснится вопрос о *делегате* от Союза.

А я из двух источников несомненно знаю, что Союз получил посланные мною 107 фунтов. Знаю, что получил также мои упорные просьбы прислать квитанцию (одну напечатанную на их машинке строчку: «получили из Лондона столько-то, через такую-то. Подпись: Союз такой-то»)

и не присылают ее, а ведь это и вовсе не труднее и не рискованнее каких-нибудь «материалов», и далеко не все равно — раньше или позже будет получена такая квитанция. После 107 еще 15 фунтов послано, но притом еще не знаю, получены ли.

Я решила все-таки (не дожидаясь приезда в Швейцарию) попробовать писать (по просьбе «ушастых»). Мне ужасно надо бы иметь для этого те книжки «Вестника Евр.», где статьи Владимира Соловьева о нравственности и роман Бобор[ыкина], в котором выводятся марксисты. Я знаю, что вам и некогда, и нездоровы, и что с этой просьбой лучше обратиться к Блюменфельду. Пишу ее вам на тот случай, что, быть может, у вас есть эти №№ или нетрудно достать, или вам попадется на глаза Блюменфельд.

И не думала я на вас сердиться. Если не пишу без ваших писем, так не потому, что считаюсь, а нет охоты писать. Скверное настроение мешает просто болтать, а пищать тоже нет охоты.

Ваша Вера.

60.

Лондон, 1897 г.

Дорогой Жорж, что я ни при каких условиях не могла бы командовать, да никогда и не командовала, это совершенно верно. Но при чем моя неспособность к команде в данном случае? Я не команду с себя складываю, а выхожу из повиновения, которое, впрочем, напустила на себя по недоразумению. Телеграмма в «Vorwärts» Бернштейну с сообщением о стачке кончалась фразой «передайте это Вере, — пусть действует или «собирается» что ли. Вероятно, «Коше[ня?]» эту фразу прибавила, и я приняла ее за петербургскую, как и все сообщение.

Насчет фондистов как там угодно, но что я не могу и не буду собирать, это несомненно, и это Союзу, мне кажется, знать надо.

Я вот так и дрожу, как бы меня не застала здесь новая стачка. Собирать-то я не стану, но письма о том, что я должна собирать, все же будут меня глубоко терзать.

Надо бы скорее ехать, а, с другой стороны, мне кажется, что надо прежде написать статью, и статья не пишется, и книг нет, и сердцебиение одолевает. — Вообще, хоть брось

человека — вроде «проклятущего» теленка Ивана Ермолаевича [1]). Ну, и пущай, но из писанья мне, чтобы я собирала, все же никаких денег и кроме простого и совершенно бесполезного живодерства не выйдет. Не думайте, милый Жорж, что это письмо выражает какую-нибудь, — не знаю за что, — злость на вас. Вы — как вы. Обыкновенный Жорж.

Но я в отчаянном настроении, и если не такое, то никакого бы письма не написала: подождала бы недельку, другую, пока вы бы меня как-нибудь за язык дернули.

Ваша Вера.

61.

Лондон, 27 марта 1897 г.
Четверг

Милый Жорж!

В субботу [29-го] я, наконец, окончательно еду в Цюрих. Сейчас только кончила статью. Пустая, но, по болезни, она меня все же доводила до бешенства и беспрерывного сердцебиения, так что от бешенства и никому на свете не отвечала, и всех перебесила против себя.

Хотелось бы прочесть статьи ваши, да боюсь опоздать, и уж мучат они меня, пока не уедете.

Итак, на той неделе я уже в Цюрихе буду.

Ваша Вера.

62.

Цюрих, 1897 г. (Конец марта или начало апреля.)

Милый Жорж, я, наконец, в Цюрихе. Вчера приехала в смутном еще состоянии. Вот бы хорошо кабы вы теперь приехали. Очень бы отлично. Павлы [2]) живут почти за городом, мне тоже нанимается комната в тех же местах. Приезжайте. В голове после окончания статьи пустошь, постепенно наполняемая сегодня с утра здешними (и прескверными) историями, так что и не знаю, радоваться ли, что вырвалась из Лондона. Пока все-таки рада, однако. Приезжайте.

Ваша Вера.

[1]) Из очерка Гл. И. Успенского «Крестьян. Труд».
[2]) Т.-е. Павел Борисович с семейством.

Так как неизвестно даже, как меня назовут, то пишите (а лучше не пишите, а приезжайте, или — то и другое) пока на адрес Павла для Веры И. на внутреннем конверте.

Погода яркая, лес близко.

Ваша Вера.

63.

Цюрих, апр. 1897 г.

Дорогой Жоржинька!

Павел посылает вам по телеграфу деньги на приезд сюда, где вы и напишете майский листок. Никакого редактирования от вас не требуется, а именно статья, из которой будет состоять весь — не №, а именно листок. Россияне именно такие майские листки и выпускали из одной статьи одного автора. Такой и теперь требуется. Напишете очень маленькую, так ее наберем крупным шрифтом, на интерл[иниях] и с огромными полями, вот она и будет большая. Следовательно, дело в шляпе?

Революция против Гинзбурга. Он, основываясь на § 9 устава, гласящего, что «все сношения членов Союза ведутся через секретариат, а секретарь представляет администрации Союза отчеты об общем ходе дела», требует, чтобы попрежнему вся переписка (с Берлином и Россией) направлялась к нему, а он излагает Павлу желания и требования корреспондентов таким образом (перевирая), что вызывает непрерывные недоразумения. Кроме того, страшно затрудняет редактирование, держа у себя по целым полугодиям присылаемые корреспонденции и проч. Я теперь, взявшись окончательно за редактирование, написала ему, что письма мы должны получать в оригинале или в точных копиях, а корреспонденции должны немедленно доставляться сюда. Вот выдержки из его ответа: «Посылая не доклады, а выдержки из писем, я делаю больше, чем обязан по уставу». «Вы забываете затем, что на основании переговоров, я состою в редакции» и далее излагает что, «как было до сих пор с редактированием, так и впредь будет». «Я не нахожу ни нужным, ни возможным отступать от приобретенных мною прав». С тех пор, как я здесь, он в редактировании совсем ничего не делает, а только мешает. А Павел показывает и доказывает, что прежде была та

разница, что мешал он гораздо больше, чем теперь. А между тем, всем он старается внушить (берлинцам он «сознавался»), что фактически единственный редактор он, что Павел только так — как старичок для почета существует. Вот против этого-то и революция. Пока в том, что совсем к нему ни с чем не обращаться. В этом-то вы и можете помочь. А затем с'езд и изменение устава. Своим юпитеровским тоном в письмах он всем давно опротивел. Вы мне на предыдущие письма не отвечали, а не я... Ничего я не строчу (кроме подравнения слога инородческих корреспонденций) и думаю—не буду больше и топорщиться... Finis со мною. Не охотно вам пишу именно потому, что в глубине души я в отчаянном настроении (а на вид суетлива), но надоело жаловаться, ведь так ласково никто меня не пожалеет, чтобы мне от этого легче стало.

64.

(Цюрих, 1897 г.)

Дорогой Жорж, сейчас получила ваше письмо, Павлу еще не отдала, — чорт его поймает. Пишу от самой себя. Ну, на какого дьявола вы пишете, чтобы Павел разделывал С[ергея] Н[иколаев.] [1]) в «предисловии»? Когда вы научитесь видеть людей, каковы они есть, а не каковы должны быть, но не есть? Ведь брошюра таким образом рискует выйти — дай бог — к осени. И все будут знать: он-то, мол, недели в 2 кончил, а над предисловием кряхтят месяцы!

Напрасно вы говорите, что я не оценила фразы о бумажном мяче [?]. Очень даже оценила и даже нахожу, что она *прелесть*, но если вы с Павлом будете копаться с изданием брошюры, то этой прелести налицо не окажется.

65.

Цюрих.

Дорогой Жорж, будьте добры и немедленно же напишите мне, что знаете о Зайчике [?]. Где этот зверек и что

[1]) Прокопович.

с ним? Получила я от нее вскоре после вашего от'езда одно письмо, потом другое и на оба не ответила, так как в них было приставание поскорее [по]слать статью, а она не была готова. Когда, наконец, кончила, то послала заказным, но, не обозначивши отправителя, просила известить о получении. Прошло две недели, нет извещения. Написала опять ту же просьбу, и вот 5 дней нет ответа. Принимая во внимание любезность и аккуратность этой особы, я очень волнуюсь этим. Верно ее уже не было в Вех. [?]. Напишите, пожалуйста, коли что знаете. А статья в своем роде мне нравилась в последнем виде. Строчки божьей собаке (которая, бог даст, будет еще много, много кусаться и лаять во славу божию), конечно, не понравились бы, но на то она собака «доминиканка». Поблагодарите за меня Сергея Николаевича за письмецо.

Крепко жму руку.

Ваша Вера.

66.

(Цюрих, 1897 г.)

Милый Жорж, мне очень хочется сделать вам всякое удоовольствие, но пока не удается. Павел обещал было найти Меринга, а на другой день прислал Соню сказать, что ему кажется, будто он эту книгу когда-то вам отослал. Раз он решил не искать, его уж не заставить найти. Зиммеля, которого я купила и деньги заплатила вперед, но из магазина на-грех принесли на его адрес, он мне таки и не отдал. Не ищет, да и все тут! Может, в самом деле она у вас в Женеве? А то я куплю, денег у меня не гораздо, но и стоит-то книжка, вероятно, пустяки. Насчет газет совсем не имею понятия, чтобы их можно было досылать. Журнала из читальни тоже нет возможности достать: они лежат месяц на столе, потом посылаются в Винтертур и пропадают. Но на стороне все же кое-что иногда можно достать. Напишите, какие вы не читали? Можно прислать вам (Надя теперь читает, но скоро кончит) янв., март и апр. за нынешний год «Русское Богатство», хотите?

Напишите же скорее насчет книг, хотите ли, чтобы Меринга купить и «Русское Богатство» прислать? А затем, каких еще журналов не читали? Будьте здоровы.

Ваша Вера.

От Зайчика [?] уж получила известие: все благополучно.

67.

Цюрих.

Дорогой Жорж, что-то вы молчите насчет того, купить ли Lessing's Legende и прислать ли три номера «Русск. Богат.»? Или за Рябову рассердились? Я ведь ее не трогаю, не хочу только с ней неискренно любезничать. У вас, вероятно, есть № сборника, который наконец «излазил». Прочла я в нем сегодня утром прилагаемую рецензию на «Борьбу» и пришла в величайшее огорчение, — пошла высказать его Павлу, ожидая, что он меня обругает, но оказалось, что он на эту рецензию (написанную Гинзбургом) не обратил внимания, а на-днях прочел «Борьбу» и хотя молчал, но чувствовал страшное раскаяние, так как она ничем такого отношения не заслужила. Он обрадовался моему протесту и предложил вырезать этот листок. Правда, придется с ней вместе вырезать и следующую хорошенькую рецензию (уж не вы ли ее написали? Не верится, чтобы Гинзбург!), но все же лучше, чем оставить эту пакость. Завтра мы это вырезанное предложим Гинзбургу, а Блюму написано, чтобы не распространял сборника. Можно ли, если они заупрямятся, сказать, что вы с нами согласны?

Не слышно ли чего о телячьем [1]) приезде? Ведь был же как-то слух, а теперь не слышно. Вы спрашиваете меня, познакомилась ли я с Верочкой [2])? Нет, не идет у нас с нею сближение. Она мне очень нравится: чувствуется, что есть у нее что-то (кроме ежедневных пустяков и медицины) в душе, но что именно, не разберешь. Слишком скромное и застенчивое она творенье. С ней познакомиться разве случай

---

[1]) **«Теленком» В. И. одно время величала П. Струве; следовательно, здесь она имеет в виду его приезд.**

[2]) Вера Павловна, дочь П. Б. Аксельрода. *Л. Д.*

какой поможет, а естественным путем это не сделается. Ее и Павел не знает. А ведь у них никаких строгостей и почтений не бывало. Как идут у вас разговоры с Сергеем Николаевичем? Сюда опять едут «тараканьи усы» [?].

Напишите, как ваша лихорадка, кашель. Зубы-то уж верно прошли, иначе вы бы их уже повыдергивали.

Ваша Вера.

(Прилагаемая вырезка.)

2. «Борьба», Листок свободной печати, № 1. Март 1896 г.

В первой книжке «Работника», указывая на неясность программы «Народного Права», мы сочли нужным указать русским рабочим на необходимость отнестись с известной осторожностью к такого рода программам. Нет ни одного революционера теперь, который стал бы отрицать значение рабочего класса в борьбе за политическую свободу. Поэтому-то самые разнородные общественные деятели охотно об'являют себя «социалистами». «Нынче мы все социалисты», — сказал несколько лет тому назад один английский министр. Но рабочим от этих социалистов ни тепло, ни холодно. Им приходится бороться и отстаивать шаг за шагом свои интересы, свою жизнь, свое человеческое достоинство. Вот почему всякому, являющемуся к рабочим с медоточивыми речами на устах, приходится ответить: «Если вы социалист и демократ, пожалуйте в наши ряды, боритесь с нами каждый день, каждый час. Нас незачем звать на борьбу, ибо вся наша жизнь проходит в ней, и мы ее не боимся. Если же ваши симпатии на стороне другого класса, то идите к ним, попробуйте убедить их так же постоять за свои права, как мы отстаиваем свои. Во всяком случае, будьте спокойны: политическую свободу мы завоюем даже и без вас (Ложь! *В. З.*), ибо она есть первое условие нашего окончательного освобождения». Вот почему и по отношению к партии «Народного права» мы сочли нужным указать и на возможность рабочим итти *рядом* с этой партией в борьбе за политическую свободу, но отнюдь *не сливаться* с нею, не забывать различия, существующего между рабочим движением и просто борьбой за конституцию. Такое наше заявление огорчило очень многих либеральных людей. Это, конечно, очень жаль. Будучи противниками всякой излишней жестокости, мы желали бы не огорчать никого. К сожалению, уж так наш мир устроен, что того и гляди, кого-нибудь да огорчишь! Не имея возможности угодить всем, мы решили не обращать внимания даже на очень либеральных людей и служить лишь интересам русского рабочего движения. Поэтому, не боясь огорчить более кого бы то ни было, мы советуем русским рабочим отнестись *с опаской* к «Листку русской свободной печати». Это не значит, что мы советуем рабочим не читать «Борьбы», как, кажется, хотели нас понять все те же либеральные господа. Нет, читай, да на ус мотай, но знай, что хотя «Борьба» *и заигрывает* с рабочими, но делает она это *потому* («не мотивированное чтение в сердцах». *В. З.*), что «рабочие в этот год оказались единственным классом населения, который отстаивал свои права, защищая себя от посягательств на эти права и на уделенный ему русской экономической жизнью минимум экономического благополучия» (см. ст. «Стачки рабочих в 1895 году»). В действительности же, «Борьба» ставит себе задачей «об'единение всех деятельных сил русской демократии для организации борьбы за политические права народа». Так вот мы думаем, что в этом *об'единении* рабочим нечего делать, так как *демократический костюм*, который одевают на себя теперь все враги царизма, не помешает многим из них превратиться (Натансон и все народовольцы по тюрьмам и ссылкам находятся, а от превращения не гарантирует и знание марксизма. В. З.) в самых ярых врагов народа, когда царизм падет. Только организация пролетариата в особую партию с определенной программой может охранить русских рабочих от тех разочарований и *тех измен*, какие выпали на долю их германских, австрийских и французских братьев. История революции 1848 года представляет много поучительных страниц в этом отношении (говорящих, что одни рабочие освободиться не могут. *В. З.*).

68.

Суббота ночью...

Дорогой Жорж, я вчера послала вам длинное письмо, а сегодня получила ваше. Сегодня же еще получила 2 ман-

дата из Петербурга и из Киева. Грейлих назначил мне на завтра свидание; что ему печатать относительно русской делегации? Я скажу, что пусть печатает: Гинзб. (Вильна), Павла (Киев) и вас (Петербург). Ну, вы не приедете, окажетесь больны, — что же за беда, что будет напечатано? Или лучше городов, откуда кто, пусть не печатает, а просто вас трех от России? Если не приедете, Павел Питер представит. Но, без вас, премерзкое будет представительство: Павел растерянный такой, Гинзбург, как и всегда, ходя спит. Сегодня приехала барышня (вероятно хороша, но, пока я в ней никакого — кроме деревянного — вкуса еще не разобрала); приняла я ее любезно и целый день провела с ней и с «тараканьими усами». «Усы» какие-то шелковые, расшелковые, всему, что ни скажу, с азартом поддакивает. Не знаю, обратили ли вы полное внимание на то, что России предстоит голод, не меньший 1891 года? Я стараюсь внушить, что с.-д. *не* должны в этом случае отделяться от тех, кто будет кормить, лечить и проч., а только усиленно все подчеркивать против правительства, что по отношению к голодающим стараются показывать, что мы, мол, слишком умны для сентиментальности (как народники), было бы, наоборот, доказательством глупости. Я действительно боюсь такого доказательства.

В «Н[ов.] С[лове]» есть статья (и прекрасная) о Белинском. Я получила июль «Н. С.» из Freiwald'a в Австрии. Адрес писан почерком Зайца. Напишите же, пожалуйста, что вы знаете о «теленке» и его хозяйке? За границей ли она тоже? Очень это мне любопытно.

Я в качестве редактора уже выше ушей завалена бездарнейшими рукописями.

69.

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж!

Тетушка [1]) писала мне, что будет здесь 21-го. Коли что придумали еще ей сказать, пишите скорее. А что горы? Ганел[ин] прислал мне на них 200 франков, потом и сам заезжал. Мне показалось из его слов, что он послал горы

[1]) Алек. Мих. Калмыкова.

денег и вам с детьми и Райч[ину] [1]). Но, может, я не поняла и по конфузливости в таких вопросах не решилась расспрашивать. А духота и вонь у меня последние дни отчаянные, и теперь во внутренней политике перемежка, спорить, значит, не будем, так что горы как будто улыбаются мне. А? Вы, впрочем, что-то ужасно молчите. Я в старину имела привычку сердиться не сразу, а на другой день, или через неделю, теперь у меня это прошло. Неужели у вас началось? Уехали вы как будто добрым, а теперь как-то подозрительно молчите. Надя совсем поправляется. Ну, и доктора!

Здесь Конева теперь за ней ухаживает. По-моему, она, Конева, стала совсем нелепая, а Павлу кажется, что умна, и хочет ее рекомендовать тетушке. Я молю бога, чтобы тетушка приехала после от'езда Коневой. Образчик: Конева: «А Струве, знаете ли, совсем дурак!». Я: «Вот удивительно: он в статьях так хорошо притворяется умным, что еще ни один читатель не догадался, что он — дурак». Конева: «Ну, это в статьях, а я его сама видела: сейчас видно, что дурак. А что он писал?...».

Строга она, вообще, ужасно: кроме нее во всем Питере умных-то людей не бывало. И все трусы. Особенно марксисты. Такой у нее азартный вид, что так и кажется, сейчас всем пощечин надает. При этом толстая, здоровенная такая стала.

А я в «Русской Мысли» читала рецензию на «Личность в истории», вторая статья, — по выпискам — агитационная такая. Хоть бы прислали-то!

К прежнему списку (Переп[иска] Белинского, 2 тома Писарева и все по истории литературы что имеете) прибавляю еще «Герой нашего времени» Лермонтова.

Ганелин мне предлагал проект послать вам телеграмму с этим списком.

Напишите же.

Ваша Вера.

---

[1]) Близкий товарищ; ездил нелегально в Россию, был арестован и выслан административно в Сибирь, откуда бежал вновь за границу.

ПЕРЕПИСКА КАРЛА КАУТСКОГО И Г. В. ПЛЕХАНОВА.

I.

Лондон, 198, Tufuel Parc Road N., 25/II 1889 [1]).

Уважаемый товарищ!

Я с радостью принимаю ваше предложение [2]). Хочу сделать только одно замечание: если русские товарищи, которые должны перевести на немецкий, недостаточно сильны в этом языке, то могут проскользнуть неточности. Так как вы французским владеете лучше, чем немецким, было бы, может быть, лучше, если бы вы позаботились о переводе на французский язык. Тогда, я уверен, — не случится никакой неточности.

А теперь о времени выпуска. Типография «Neue Zeit» [3]) очень мала, и книжное дело требует, чтобы каждый номер был приготовлен за две недели до номинального числа его выпуска. Февральский номер выйдет 15 января, и должен быть редакционно готов *до конца декабря*. Могу ли я получить рукопись до этого? Это было бы очень желательно. Разумеется, я приму статью, если она придет и позже. Я заранее очень радуюсь вашей работе.

Вашему новому Revue (обозрению) [1]) я и мои друзья — Энгельс, Бернштейн и др., желаем наибольшего успеха.

Приветствуем вас самым сердечным образом.

Преданный вам *К. Каутский.*

---

[1]) Хотя Г. В. был знаком с Каутским с начала 80-х годов, но едва ли переписывался с ним, во всяком случае в его архиве не оказалось более ранних писем.

[2]) Речь идет о помещении в «Neue Zeit» статей Плеханова.

[3]) После введения закона против социалистов, лишившего социал-демократическую партию права издавать в Германии свою литературу, Центр. Ком. (Vorstand) приступил к изданию своего центрального органа в Цюрихе, откуда он контрабандным способом доставлялся в Германию, где распространялся нелегально. Кроме того, в Штуттгарте (главном городе более либерального Вюртемберга) начал выходить ежемесячный научно-теоретический журнал «Neue Zeit». *Л. Д.*

II.

Вена, IV Hungelbrunngasse, 14—12/IV 1890.

Дорогой друг и товарищ!

Сообщаю вам, что я снова в Вене на несколько месяцев. Был бы очень рад получить возможно скорее статью о Чернышевском. По-русски, как я слышал, она уже вышла. Надеюсь, что ваш журнал хорошо подвигается вперед.

Не болезнь ли опять виною опоздания вашей статьи? Я был бы этим очень огорчен. Если вы не можете прислать мне ее по-немецки, то, может быть, — по-французски?

Сердечно приветствую вас и друзей.

Преданный вам *К. Каутский.*

III.

J. L. St. Gilgen bei Salzburg, 3/VII 1890.

Мой милый Плеханов!

«Neue Zeit» находится в благоприятном положении, имея возможность платить гонорары, и так как каждый сотрудник получает свой гонорар, то я не вижу, почему именно ваша статья, которая так ценна и стоила вам такого труда, не должна быть оплачена? Но, как сказано вы должны поделиться с Атлассом [2]), так как мы не можем платить за иностранные статьи (с переводом) больше, чем за немецкие.

---

[1]) Имелись в виду Сборники — «Социал-Демократ», к изданию которых Г. В. с товарищами приступил в 1889 г., но начали они выходить в следующем году. *Л. Д.*

[2]) Атласс — русский товарищ, студент, переведший статью Г. В. на немецкий язык. *Л. Д.*

Я просил Дица [1]) послать гонорар вам или Атлассу. Статья получится приблизительно страниц в 60, за страницу полагается 4 марки. Гонорар уплачивается после появления.

Так как Диц очень занят — у него два дела, одно в Штуттгарте, другое в Гамбурге, и он депутат рейхстага, — то он иногда забывает высылать гонорар. Если бы это случилось с вами, чего я не думаю, то прошу вас не стесняться и *напомнить* нам. Упущение произойдет только от забывчивости, а не от отсутствия денег.

Некий Кричевский из Цюриха прислал мне к столетнему юбилею Великой революции перевод одной вашей статьи. Я его принял. Надеюсь вы об этом знаете. Относительно гонорара я направил его, как и Атласса, к вам для раз'яснений. Я очень рад, что приобрел вас как сотрудника. С 1 октября «Neue Zeit» будет выходить значительно расширенной. Тем более нам надлежит, как органу интернационального марксизма, пользоваться сотрудничеством марксистов всех стран.

Очень бы хотел иметь отчет о революционном движении в России, вроде того, как делал в свое время Аксельрод в рихтеровском ежегоднике. Не могли ли бы вы написать для нас такой отчет, или, если у вас для этого нет времени или охоты, рекомендовать нам кого-нибудь, кто хотел бы и мог его написать? Вышеназванный Кричевский предложил мне такого рода отчет, но я не знаю этого человека и не знаю, можно ли на него положиться, поэтому я не принял его предложения. И от лавристов мне не особенно хотелось бы иметь такой отчет. Аксельрод однажды обещал мне отчет, но не прислал. Я буду очень рад получить таковой от вас или через вас.

Сердечный привет от меня и моей жены вам и вашим.

Ваш *К. Каутский.*

С августа [2]) я буду жить в Штуттгарте, и мой адрес — редакция «Neue Zeir» [следует адрес].

---

[1]) Диц — бывший наборщик, член герм. соц.-дем. партии, являлся издателем «N. Z.», а Каутский — редактором. *Л. Д.*

[2]) Пока действовал закон против социалистов, Каутский жил в Швейцарии, откуда редактировал «Neue Zeit», когда же в 1890 г. рейхстаг отменил этот закон, К. переселился в Штуттгарт, где печаталась «Neue Zeit». *Л. Д.*

IV.

Штуттгарт, 2/IX 1890.

Милый друг!

Прилагаемое письмо было прислано в редакцию «Neue Zeit». Я получил его с пачкой других писем и вскрыл, не посмотрев на адрес. Только когда я увидел, что письмо русское, я взглянул на адрес. Пожалуйста, извините, что письмо вскрыто. Я его не читал уже по той простой причине, что не знаю русского языка, и позаботился о том, чтобы никто другой его не прочел. Надеюсь, что в нем хорошие вести. Ваши друзья должны другой раз адресовать в *Штуттгарт*, а не в *Мюнхен.*

Вы, вероятно, получили деньги от Дица. Известите об этом, пожалуйста. Довольно и одной строчки.

Вы опять заняты, как пишет Атласс. Я точно также. Сейчас, как раз, занят переездом. Потому кончаю.

Сердечный привет. Ваш *К. Каутский.*

V.

[Сентябрь 1890 г.]

Дорогой Каутский!

Я должен был бы начать свое письмо с восклицания: mea culpa, mea maxima culpa [моя вина, моя большая вина]! Но если я был виноват, то клянусь вам еще раз, что имеются также смягчающие мою вину обстоятельства. Поэтому я надеюсь, что вы простите меня и по-дружески прочтете то, что я вам пишу теперь. Вы можете писать мне по адресу моей жены: 5, Rue des Allemands, Génève, Madame Bograde-Plekhanoff, docteur en médecine. По этому адресу вы можете посылать и деньги. Что касается гонорара за статью о Чернышевском, то я, конечно, получил его, но я не считал нужным извещать о получении, так как Атласс уведомил вас об этом. Впредь я буду лично писать вам об этом деле.

Я также получил любезно присланное вами письмо из Швеции. Очень вам за это благодарен.

Вы мне предложили писать статьи о русском революционном движении для «Neue Zeit». Но так как об этом движении

можно сказать очень мало, то я предпочел бы писать вам о социальном и политическом положении России вообще. По этому вопросу я мог бы дать вам целый ряд статей, которые, я надеюсь, будут с интересом читаться вашими подписчиками. Но, чтобы приступить к этим статьям, мне нужно порядочно времени. Только в ближайшем феврале я буду свободен, и тогда я был бы вам бесконечно обязан, если бы вы оказали мне гостеприимство на страницах вашего журнала.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Прошу передать привет г-же Каутской.

VI.

Штутгарт, 6/VII 1891 г.

Милый Плеханов!

Я с огорчением увидел, что вы находились в неприятном положении. Деньги, которые были вам высланы по телеграфу, вы вероятно получили. Я буду очень рад вскоре получить от Кричевского окончание серии ваших интересных статей.

Некий П. Стычинский в Шримме вблизи Позена спрашивал у меня ваш адрес, так как он хочет перевести одну вашу статью для «Neue Zeit» (об Успенском). Я его не знаю и не знаю, хотите ли вы, чтоб он узнал ваш адрес. Поэтому я ему его не дал и предоставляю вам решить, — хотите вы завязать с ним сношения или нет.

По слухам, России грозит голод. Это должно будет знаменовать также и финансовое банкротство царизма. К сожалению, на большее никак не смеют надеяться. С системами правления, кажется, обстоит так же, как с организмами: чем ниже они стоят, тем более они способны сопротивляться.

Надеюсь на добрые вскоре вести от вас лично и из России.

С сердечным приветом, преданный вам *К. Каутский.*

VII.

D. L. St. Gilgen bei Salzburg, 29/VII 1891 г.

Мой милый Плеханов!

Я на несколько дней сбежал в Альпы, извините этим запоздание моего ответа. Дицу я написал. Прилагаю его ответ. Он отрицательно относится к тому, чтобы взять на себя распространение русской литературы, и утвердительно по отношению к вашему Чернышевскому.

Относительно гонорара вы сойдетесь. Буду очень рад скоро увидеть работу опубликованной. Если я могу в этом быть вам чем-либо полезен, готов на это с удовольствием.

Каждая ваша работа, которая покажется вам подходящей и не займет слишком много места, может наперед рассчитывать на принятие ее в «Neue Zeit», последняя именно и должна быть органом интернационального марксизма.

Ваша работа о славянофилах и западниках, если она не слишком длинна — больше тридцати, максимально сорока печатных страниц я не мог бы для этого предоставить, — будет мне весьма желательной.

Особенно стоять за Стычинского — поляка, как вы верно предположили, у меня нет никаких оснований. Я совсем не знаю этого человека и его отношения к партии.

Через две недели я буду снова в Штуттгарте. Кончаю, так как только что получил спешную корректуру, которую я должен закончить в течение двух часов.

С сердечным приветом, преданный вам *К. Каутский.*

VIII.

Штутгарт, 12/IX 1891 г.

Милый друг!

Только что получил рукопись Стычинского, которая является *переделкою*, а не *переводом* вашей статьи об Успенском. Я ее возвращаю, с указанием, что хочу иметь точный перевод и что я его приму только, когда он будет вами авторизован. Надеюсь, что вы с этим согласитесь.

Мое последнее письмо, в котором я отвечаю относительно Чернышевского, вы, вероятно, получили.

Скоро ли мы можем ждать эту работу? И кем она будет переведена? Всецело одобряю Кричевского, как переводчика. Он хорошо пишет по-немецки и понимает чтó переводит.

Я говорил с Дицем относительно сбыта русских книг. Когда он отклонил это предложение, то причиною были его опасения, что он, принимая на себя этот сбыт, принужден будет нести известную ответственность. Если вы пошлете ему русские книги для продажи, он об'явит о них и будет отпускать по требованию. Большего он на себя, однако, не берет. Если вам этого достаточно, тогда, пожалуйста, снеситесь с ним еще раз.

Здесь находится некий Ткач, друг Цеткиной. Может быть, он мог бы поговорить с Дицем относительно распространения литературы, если вам приятнее об этом переговорить устно, чем письменно.

Вас и друзей — в частности Засулич — приветствует преданный вам *К. Каутский*.

IX

Штутгарт, 28/IX 1891 г.

Мой милый Плеханов!

Буду очень рад получить вашу статью о Гегеле. Только замечу, чтобы она могла выйти к 14 ноября, мне надо ее иметь уже переведенной в *конце октября*. Охотно помещу и статью об Успенском.

Сегодня вам отсылается остаток гонорара за ваши замечательные статьи о положении дел в России Диц будет высылать вам с 1 октября даровой экземпляр «Neue Zeit». Я послал вам по два экземпляра тех номеров, где ваша статья. Вы, надеюсь, их получили. Если же нет, пожалуйста, известите меня, чтобы я мог принять меры.

Экземпляр «Святого Семейства» Маркса, которым я пользовался, принадлежит Энгельсу: он дал его мне на несколько дней, когда я был в Лондоне. У меня же, к сожалению, нет этой чрезвычайно редкой книги.

Очень радуюсь вашей работе о Чернышевском. До сих пор нам изображали русские условия в таком идеологическом освещении, что ваши работы буквально открывают нам новый, доселе неведомый мир. Я очень многое почерпнул из каждой вашей статьи.

Что касается книги о Чернышевском, то было бы желательно, чтобы в ней была и биография Чернышевского, хотя бы и краткая. Если ваша работа не включает таковой, то хорошо было бы, если бы предпослали ее в виде введения. Она ведь не должна непременно содержать что-либо новое, но Диц хочет дать книге более широкое распространение, а широкая публика в Германии знает о Чернышевском весьма мало.

Но излишне об этом говорить, пока я не знаю вашей работы.

Сердечный привет вам и Засулич от преданного вам

К. Каутского.

X.

Штутгарт, 30/VI 1892 г.

Мой милый Плеханов!

Большое спасибо за пересылку документа. Книгу Вейзенгрюна высылаю одновременно бандеролью. Ваши статьи о Гольбахе и Гельвеции мне весьма желательны.

Знаете ли вы «Святое Семейство» Маркса и Энгельса? В этой книге есть очень существенная часть о французском материализме XVIII века. В свое время я перепечатал эту главу в «Neue Zeit» (1885 г.). Книги нет в продаже, я ее видел только у Энгельса.

Нам было бы очень приятно, если бы мы скоро получили введение к Чернышевскому, так как Диц хочет в ближайшее время начать набирать книгу.

На ваши приветы вам сердечно отвечают Цеткина, моя жена и, разумеется, я.

И мы тоже были бы чрезвычайно рады с вами встретиться. В следующем месяце я хочу поехать в Швейцарию навестить Бернштейна (который там проездом) и Аксельрода. Было бы чудесно, если бы мы по этому случаю могли увидеться. Этим было бы исполнено мое давнишнее желание. Итак, я кончаю свое письмо призывом: до свидания!

Сердечный привет вам, вашей жене (мне не знакомой) и Засулич от вашего *К. Каутского*.

XI.

Штутгарт, 25/V 1893 г.

Мой милый Пл.! Большое спасибо за статью. Она длинна, но замечательна [1]). Тесно ли связана предстоящая статья о Гельвеции с этой, или она может быть опубликована сама по себе?

Пишу вам второпях, — у меня много дела. Я только хочу обратить ваше внимание на недоразумение, которое, кажется, возникло по поводу биографий Сен-Симона и других. Не в 1—2, а в 10—20 страниц (печатных) длиною должна быть каждая и притом давать очерк учения данного лица. Сен-Симона можно расширить даже до 30 страниц.

Для Луи Блана, пожалуй, достаточно 10 страниц. Немного больше или меньше, конечно, не играет роли.

Сердечный привет вам, вашей жене и Вере.

Жму руку. Ваш *К. Каутский*.

XII.

Штутгарт, 19/VII 1893 г.

Мой милый Плеханов!

Сегодня я обнаружил, что еще не ответил на ваше последнее письмо. Мне казалось, что я это давно сделал. Простите за опоздание.

Ваша статья о Марксе будет очень полезна; она ведь входит в план вашей работы? Только не знаю, будет ли для нее место в «Neue Zeit»? Уже с Гельвецием затруднительно. Я посоветовал бы вам выпустить ее отдельной *книгой*, о чем я уже говорил с Дицем, но пока он не может и не хочет окончательно обязаться. Поэтому не знаю, могу ли советовать вам продолжать работу наудачу. Но я надеюсь, что, когда «Гольбах» появится в «Neue Zeit», это вызовет у него желание выпустить все в виде книги.

Что касается биографий, то я их вам выслать не могу, так как таковых не имею. Но ввиду того, что каждый автор подписывает свое имя, он и может, в предоставленных

---

[1]) Статья о Гольбахе. *Л. Д.*

ему пределах, развить всякую биографию сообразно со своей индивидуальностью. Центр тяжести, разумеется, должен лежать на *фактах*, а не на *критике*.

В недалеком будущем я надеюсь поговорить с вами об этом в Цюрихе.

Au revoir! С сердечным приветом

ваш *К. Каутский*.

XIII.

Штутгарт, 27/I 1894 г.

Мой милый Плеханов!

Друг Аксельрод сообщил мне, что вы озабочены судьбой вашего Гольбаха-Гельвеция-Маркса. Последнего я еще не читал, а сейчас же по получении передал и рекомендовал Дицу: ведь ваши работы не нуждаются в предварительной проверке, можно ли их опубликовать или нет.

Все в целом сейчас у переводчика. Я это прочту, когда буду проверять перевод. Эта работа, как и ваш Чернышевский, выйдет еще в настоящем году.

А теперь опять о нашей Истории Социализма. Эта история в наших руках непрерывно выявлялась. Первоначально она была задумана, как собрание биографий. Я хотел написать к этому короткое введение, но из этого вышла длинная историческая статья, и мы при этом пришли к заключению, что биографическая форма совершенно ошибочна. Я вам сообщил план целого, в той форме, как оно должно было быть по моему предложению. При этом я стремился как можно больше сохранить в биографической форме. Но Бернштейн меня убедил, что для (истории) утопистов биографическая форма неудачна. Кроме того, он предложил другое расположение материала. Теперь мы — Бернштейн и я — *окончательно* пришли к соглашению, и Диц дал нам на это свое благословение.

Таким образом, все произведение будет заключаться в 4 томах: 1. История социализма и рабочего движения до французской революции (включительно). 2. От революции до 1848 года и его последователей. 3. История германской социал-демократии. 4. История социализма и рабочего движения с основания Интернационала в разных странах, вне Германии.

Второй том, в свою очередь, распадается на 4 части: Социализм и рабочее движение:

1. Во Франции.
2. В Англии.
3. В Германии.
4. В других странах.

Мы вас просим взять на себя 1 часть второго тома. Вы ведь уже взяли на себя Сен-Симона, Фурье и Луи Блана. Теперь мы просим вас так расширить эту работу, чтобы получилась картина социалистического движения за все время от конца революции до государственного переворота. Для этого вам предоставляется 200 печатных страниц.

Бернштейн взял на себя редактирование второго тома, — в ближайшее время он сам вам напишет. Нет необходимости, чтобы работа была закончена раньше конца этого года.

Не получим ли мы вскоре еще что-нибудь для «Neue Zeit»?

Сердечный привет от моей жены и от меня вашей жене, Вере и вам.

Жму вашу руку.

Преданный вам *К. Каутский.*

XIV.

Штуттгарт, 10/III 1894 г.

Мой милый Плеханов!

Посылаю вам при сем стр. 126 с просьбою полностью ее закончить. Первоначальный текст показался мне недостаточно ясным для немецкой публики — он был недостаточно ясен мне самому. Насколько мне известно, (Чернышевский) перевел только первую книгу из произведения Милля, из других же дал лишь выдержки. Я также счел необходимым указать на французское издание (вышла ли его вторая часть? У меня есть только первая), так как читатель, не владеющий русским языком, будет рад узнать, что существует и французское издание.

Ваши корректуры пришли как раз во-время. Мы еще могли принять во внимание *все* поправки. К сожалению, не могу судить, хорошо ли передан в переводе оригинал, так как я не знаю последнего. Но уверяю вас, — перевод

вполне удобочитаем. Я еще много исправляю и в корректуре, поэтому стилистические шероховатости могут быть сглажены.

Меня очень радует, что вы взялись за брошюру об анархизме; первоначально Фишер писал мне, чтобы я ее составил — его побудила к этому моя критика «Социал-демократического Катехизиса», — но у меня не было времени, и я отклонил это, написав ему, чтобы он обратился к вам, что будет очень хорошо, если литература немецкой партии станет более интернациональной. Вижу, что он согласился на мое предложение.

К сожалению, вы ничего не пишете о новой статье для «Neue Zeit». Не можем ли мы надеяться получить что-нибудь от вас? Вы ведь хотели высечь Вейзенгрюна. Сделайте это, если не думаете, что этим окажете слишком много чести молодому человеку. Я читал несколько его статей в «Deutsche Worte» — они столь же плоски, сколько заносчивы.

Поскорее кончайте с дальнейшими корректурными листами, чтобы книга могла вскоре выйти. Вы, вероятно, многое измените в главе о меновой ценности. Я уже произвел многочисленные изменения на моем оттиске. Вместо слов «экономисты разгильдяи» я вставил «экономисты обычного шаблона». Но и это выражение мне не нравится, и я не знаю, соответствует ли оно вашим намерениям. Пожалуйста, обратите внимание на этот пункт.

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Преданный вам *К. Каутский.*

XV.

Штуттгарт, 30/III 1894 г.

Мой милый Плеханов!

Я распорядился еще раз послать вам 17-й лист (исправленным) после моего прочтения. Надеюсь, вы его получили, так же, как остаток корректурных оттисков. Пожалуйста, просмотрите это поскорее.

Не беспокойтесь о судьбе книги. Если она заинтересует других так, как меня, то ей обеспечен большой успех. Она не является книгой для масс, а на нашу интеллигенцию она подействует очень хорошо. Хотя я уже читал эту работу

в рукописи, но и чтение ее в корректуре доставило мне большое удовольствие. Я хотел бы, чтобы мне приходилось читать только такие произведения. Тогда редактирование было бы наслаждением.

Бернштейн написал вам (в Морнэ) относительно вашего участия в «Истории Социализма». Получили ли вы его письмо? Спишитесь с ним, пожалуйста; он редактирует второй том, в котором вы должны участвовать. [Следует адрес.]

Не могу судить, следует ли начинать полемику против Михайловского, так как незнаком с его произведениями. Но я думаю, что он слишком мало известен в Германии, чтобы критика его критики могла вызвать большой интерес у наших читателей. Обе же работы — о прибавочной стоимости и о философии истории сен-симонистов — нам весьма желательны.

Под конец еще одно замечание о языке вашего «Чернышевского». Перевод Кричевского ни в коем случае не безупречен. Я уже в рукописи многое поправил, да и в корректуре нашел, что поправить. Наиболее головоломными были цитаты из Чернышевского. В вашем изложении дело обстояло в большинстве случаев очень просто, — там я мог придерживаться марксистской терминологии. В цитатах же из Чернышевского я часто не знал, являются ли неточности, неправильные обороты и т. п. виною оригинала или переводчика. Я никак не мог подставить Чернышевскому марксистскую терминологию, а так как я не могу сличать с оригиналом, то часто бывал вынужден просто отгадывать. Поэтому мне очень приятно, что вы тоже прочли корректуру. Впрочем насколько бы ни был перевод хуже оригинала все же немецкое издание явится ценным вкладом в нашу литературу.

С сердечным приветом от нашего дома вашему.

Ваш *К. Каутский.*

XVI.

Штутгарт, 4/IV 1894 г.

Мой милый Пл.! На странице 341 вашей работы (глава о Мальтусе, III) встречается цитата из Чернышевского, в которой по Gasparin'у, Cours d'agriculture часто говорится о «Koppelwirtschaft» (выгонном хозяйстве). Во французском переводе Чернышевского, которым я пользуюсь, употребляется для выражения того же слова «culture à plusieurs assolements» (многопольное хозяйство). Выгонное же (двупольное?) хозяйство является довольно отсталой формой хозяйства, при которой на том же поле чередуются посев хлеба и оставление под пастище (под паром). Roscher называет его поэтому «Feldgrasswirtschaft» (полеводство). Я предполагаю, что здесь неверный перевод, и что Чернышевский имеет в виду не выгонное (двупольное) хозяйство, а «*многопольное*», — гораздо более высокую форму хозяйства, при которой на том же поле возделываются последовательно зерновые, стручковые, кормовые плоды, картофель и т. д. Выгонное (двупольное) хозяйство связано с пастьбою, а плодосменное (Fruchtwechselwirtschaft) (многопольное) — с кормлением скота в стойле. Об'ясните мне, пожалуйста, точно, имеет ли Чернышевский в виду выгонное (двупольное) хозяйство или многопольное?

Сердечно приветствует вас

ваш *К. К.*

XVII.

Штутгарт, 4/IV 1894 г.

Мой милый Плеханов!

Едва я написал свою открытку, как открыл еще один ляпсус в корректуре. На странице 354 написано 1.369 etc %. Сопоставляя со стр. 347, нахожу, что здесь, очевидно, должно быть 37%. Улучшения в сельском хозяйстве вырастают не на 1.369%, а от 1 до 1.369.

Известите меня, пожалуйста, срочно, подходит ли мое предположение, и действительно ли здесь ляпсус или непонимание с моей стороны.

И еще одно: на стр. 360 вы цитируете Чернышевского стр. 236, где сказано: наименьшая смертность среди новорожденных равняется 20% (а не 20 на тысячу, как было в корректуре). Также сказано во французском издании: среди новорожденных («parmi les nouveaux nés»), но подразумеваются все дети до 5 лет. Как выражается Чер[нышевский]? Я думаю, что можно, во избежание недоразумений, спокойно сказать: «Дети до 5 лет», как говорит и сам Ч[ернышевский] в другом месте.

Очень спешу. Сердечный привет.

Ваш *К. Каутский.*

XVIII.

Штуттгарт, 10/IV 1894 г.

Мой милый Плеханов, получил ваше письмо. В Западной Европе почта вообще так точна, что я только тогда посылаю заказным, когда содержание письма трудно восстановимо или когда адрес не вполне точен.

Что касается бумаги, на которой вы мне пишете, то вы не должны считать меня таким педантом: мне приятна всякая бумага, если она исписана вами.

Чернышевский теперь готов и скоро появится.

Vivat sequens — Helvetius-Holbach-Marx etc.

Д[иц] во всяком случае вел переговоры с Кричевским] и Гельф[антом] относительно работы вроде той, какую вы пишете. Но из этого ничего не вышло. Д[иц] теперь в Берлине. Я сообщу ему ваше предложение относительно Веры.

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Ваш *К. К.*

XIX.

Zinowitz in Pommern, 29/VII 1894 г.

Мой милый Плеханов!

Булгаков живет сейчас в Обергофе, Тюрингия. Письмо я послал ему туда.

Ваша статья против Бернштейна появилась в «N. Z.»; я надеюсь, в ней не пропущено ничего существенного. Я зачеркнул только одну или две небольшие фразы. Еще раз должен вам заметить, что вы очень ошибаетесь, если думаете, что эта статья мне неприятна, и что я отложил ее появление, желая пощадить Бернштейна. Немедленно по получении я послал ее Цеткиной для перевода, а получила последний, тотчас же отправил его в типографию.

Статья не только не поставила меня в затруднение, — напротив — я радостно ее приветствовал: Бернштейну следовало ответить, и вы это прекрасно сделали. И именно потому, что я дружен с Бернштейном, мне было приятно, что вы избавили меня от необходимости самому с ним полемизировать. Моя дружба не заходит так далеко, чтобы я мог спокойно смотреть, как искажается марксизм.

Но я настоятельно прошу вас прислать обе другие полемические статьи, которые вы обещали нашим читателям, поскорее, чтобы не было слишком долгого промежутка между отдельными статьями.

С сердечным приветом от дома дому.

Преданный вам *К. Каутский.*

Простите за бумагу; запасы бумаги, взятые из Берлина, кончились. Я никак не рассчитывал на такую обширную переписку во время моих так называемых каникул.

XX.

Штуттгарт, 4/III 1895 г.

Мой милый Плех[анов]!

Пришлите мне, пожалуйста, сюда, в Штуттгарт, рукопись о Марксе. Я сегодня послал вам статью о Вейзенгрюне, а также два итальянских отзыва о новых произведениях Лориа. Лориа опасный парень, — большинство итальянских социалистов клянется им. Профес[сор] Ферри прислал мне несколько дней тому назад статью о «посмертных трудах К. Маркса», в которых все же остались кое-какие почтенные работы, если бы даже разрушение его теории ценности через Лориа и поразило экономический материализм! Я, конечно, отказываюсь от этой статьи...

XXI.

Штуттгарт, 5/XII 1895 г.

Мой милый Плеханов!

Только что получил прилагаемое письмо. Спешу отослать его.

Мое последнее письмо с различными вопросами — Лориа, Вейзенгрюн, А. Ланге — вы, вероятно, получили. В этот промежуток к вам, должно быть, пришли и корректурные листы «Маркса». Мне кажется лучше, чтобы вы на этот раз читали корректуру после меня, чтобы исправить возможные с моей стороны ошибки.

Сердечный привет.

Преданный вам *К. Каутский.*

XXII.

[1896 г.?]

Дорогой Каутский!

Вот вы и вернулись: вы путешествуете с большой быстротой. И, повидимому, возвращаетесь с большой добычей (статьи Энгельса, о которых вы упоминаете в вашем письме, составляют, я думаю, часть этой добычи). Поздравляю вас с этим. Что касается заметки о моей книге, то должен признаться, — она меня очень удивляет. С каких это пор Ланге стал одним из наших [«*unser*»]? Правда, Ланге говорил о Марксе в «Arbeiterfrage» [Рабочем вопросе], но вам ведь известно, хорошо ли он его понял, вы ведь помните, что он оспаривал теорию стоимости Маркса. А затем уже один тот факт, что Ланге говорил о Марксе в «Arbeiterfrage», а не в «Geschichte des Materialismus» [Истории материализма], показывает, что он ничего не понял *в материалистическом взгляде на историю*. Наконец, прекрасный довод приводит автор заметки, указывая, что «Geschichte des Materialismus» появилась *раньше* напечатания Анти-Дюринга! Это, по меньшей мере, наивно и даже трогательно по своей наивности. Думаете ли вы, что следует ответить этому господину? Тогда — где? Меня удивляет, что заметка была принята *В. Адлером*: он казался мне человеком очень компетентным в вопросах теории. И В. Адлер также считал Ланге одним из «*наших*»? Я начинаю думать, что марксисты являются очень редкими птицами в социалистических партиях Запада. Право, это очень жаль. Будьте добры, постарайтесь передать прилагаемое письмо в Krankenhaus [больницу].

В Одессе арестовано много наших друзей. Вообще, за два последние года русская полиция с особенным ожесточением преследует социал-демократов.

XXIII.

Штуттгарт, 2/III 1896 г.

Мой милый Плеханов!

Опять прилагаю письмо и рецензию на вашего Гельвеция и т. д. из Венской Рабочей Газеты, — первую рецензию, которая попалась мне на глаза. Она написана Карлом Лейтнером [Karl Leuthner]. Можно было ожидать, что ваша критика Ланге обидит иного чувствительного немца. Немцы должны будут привыкнуть к тому, что критика не остановится и перед Ланге.

Сердечный привет вам и вашим от искренно преданного вам *К. Каутского*.

Nota bene. Серия статей Ф. Энгельса отнимает столько места, что я никак не могу поместить статью Струве к годовщине смерти Маркса. Я опубликую ее в начале апреля, как только закончатся статьи Энгельса. Так как мне очень не хочется писать Струве, то я не сообщаю ему об этом. Если вы поддерживаете связь с ним, то будьте добры известить его. Еще раз сердечный привет.

XXIV.

Штуттгарт, 28/III 1896 г.

Мой милый Плеханов!

Только что пришло это коротенькое письмецо. Nota bene, почти все письма приходили заказными. Это неразумно. Благодаря этому привлекается внимание к тем именам, на которые в короткие промежутки отправляются заказные письма.

И еще: обсуждение Лейтнером вашей книги показывает, как необходима критика на «Историю материализма» А. Ланге. Могу ли я вскоре рассчитывать на вашу критику?

Я, кажется, уже сообщал вам, что у нас окончательно решено, что этой осенью я переселяюсь в Лондон. Расходы по переезду так велики, что я буду принужден отказаться от посещения Интернационального конгресса.

С сердечным приветом ваш *К. К.*

XXV.

Женева, 7 апреля 1896 г.

Дорогой Каутский!

Пишу вам второпях несколько строк, чтобы попросить вас дать нам небольшую статью для нашего первомайского номера [1]). Поддерживая постоянные сношения с русскими,

---

[1]) «Работника».

вы более кого бы то ни было другого знаете, что рабочее движение все более усиливается в России. Надо поддержать его. Ваша статья будет мне чрезвычайно полезна. В майском номере за 1894 г. [«Австрия»] есть ваша статья «Heerschau vor Sturm» [Смотр перед штурмом]. Было бы хорошо, если бы вы могли нам дать что-нибудь в этом роде, рассказав русским рабочим, чем кончилась первомайская манифестация в Австрии. Конечно, все это только в общих чертах. Я понимаю, что эта просьба очень несвоевременна, так как вы очень заняты, но что же делать, дорогой Каутский, вы — марксист, а для марксиста, как для св. Павла, несть ни эллина, ни иудея. Вы отдаете все ваше время немецким рабочим, дайте несколько часов и русским рабочим. Уверяю вас, что теперь это — стоит труда. С нетерпением буду ждать вашей статьи или, по крайней мере, вашего ответа, — мы очень спешим. Подумайте, какое большое путешествие должен сделать наш майский номер.

Есть ли у вас новое издание «Geschichte des Materialismus» Ланге? У меня его нет. Сколько страниц предоставляете вы мне для статьи об этом издании?

Итак, «Neue Zeit» идет к гибели (*zu Grunde*, как вы немцы, выражаетесь), потому что вы покидаете Штуттгарт?

Кланяюсь госпоже Каутской. Привет вам.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

P. S. Я получил русское письмо. Благодарю.

XXVI.

Штутгарт, 9/IV 1896 г.

Мой милый Плеханов!

Хоть я и клялся не писать больше статей к 1-му мая, но клялся я по-немецки, и, следовательно, моя клятва действительна только для немцев. Так как я никогда еще не писал к 1-му мая для русских, то для меня нет опасности повторяться. Значит — habeant sibi [пусть себе имеют].

Вы можете, разумеется, распоряжаться статьей как угодно — вычеркивать, поправлять, где я говорю о русских отношениях, и т. д. В агитационных статьях я не признаю авторского самолюбия.

Не знаю, такова ли статья, как вы ожидали.

Моя рукопись написана на обеих сторонах, так как ее ведь еще нужно перевести. Вы можете после перевода отослать немецкую рукопись Адлеру в Вену, редакция «Рабочей Газеты». Может быть, он примет во внимание эту статью, когда будет писать об австрийских делах, а я бы, разумеется, не хотел, чтобы он для этого пользовался переводом с русского.

Письмо нашего общего друга [Струве], отосланное вчера, вы, вероятно, уже получили.

Я пришлю вам новое издание «Истории материализма» Ланге. Так как у меня есть эта книга, то Бернштейн просил меня дать ее ему. Так что я прошу вас ее ему переправить, когда вы ее используете. Может быть, вы захватите ее для него в Лондон? Чем короче будет статья, тем мне будет приятнее, конечно, как редактору, так как мы стеснены местом. Сколько страниц предполагаете вы написать?

«Neue Zeit» не погибнет, а я надеюсь, найдется способ, который даст мне возможность редактировать ее из Лондона.

С искренним приветом от дома дому.

Сердечно преданный вам *К. Каутский.*

XXVII.

[Апрель 1896 г.]

Дорогой Каутский!

Простите, пожалуйста, что я не скоро ответил на ваше письмо. Я был очень занят и не мог вам дать точного ответа. Я и мои друзья, мы не желаем ничего лучшего, чем поместить в «Neue Zeit» статью о последних стачках в России. Но, чтобы статья была законченной, приходится ожидать еще некоторое время. У меня имеется много подробностей по поводу этой стачки, но нет еще всего материала. А при таких обстоятельствах необходимо, чтобы «Neue Zeit», орган международного социализма, дал совершенно точные и полные сведения. Итак, потерпим еще немного.

Что касается Ланге, то должен сознаться, что эти забастовки не давали мне времени подумать о нем. Очень сожалею об этом, но, с другой стороны, я очень рад, — рабочее

движение принимает в России неожиданные размеры, и если мои сношения с русскими товарищами заставляют меня иногда тратить много времени, то о такой потере марксист не может сожалеть. Дайте же мне отпущение грехов, — я грешил по независящим обстоятельствам.

Я прочел новое издание корреспонденций Маркса в New-Jork Tribune «Революция и контр-революция». Книга очень интересна. Но предубеждение Маркса по отношению к славянам, как бы оно ни было обосновано, вызовет упреки со стороны наших врагов (я говорю о России).

Привет госпоже Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

XXVIII.

[Последние числа апреля 1896 г.]

Дорогой Каутский!

Я читал статьи Струве в «N. Z.» (о Марксе). Они очень интересны. Но меня удивляет, что он не выбрал себе псевдонима. Я получил также вашу статью для нашего майского номера. Спасибо, большое спасибо. Статья превосходна и будет читаться русскими рабочими с большим интересом. Будьте добры, — направьте прилагаемое письмо по назначению — Krankenhaus [больница].

Поклон г-же Каутской. Привет вам.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

P. S. Я очень занят: приближение первого мая дает себя чувствовать.

Г. П.

XXIX.

Штуттгарт, 29/IV 1896 г.

Мой милый Плеханов!

Ланге вам отослан, надеюсь, скоро придет и рецензия на него.

2—3 дня тому назад я получил письмо из Петербурга, подписанное V. Reut или Reuts, в котором обращаются к адресату с просьбой выступить от Петербурга, в случае, если он не принял еще другого мандата. Письмо написано

по-немецки, следовательно, предназначено не для русского и не содержит никакого дальнейшего адреса. Относится ли оно ко мне? Но как могу я выступать в качестве русского делегата — речь идет, очевидно, о Лондонском конгрессе? К тому же у русских нет недостатка в делегатах — вы, Аксельрод, Засулич, — было бы смешно делегировать нерусского. Но к кому же относится это приглашение?

Лучше всего направить это письмо прямо к вам. Вы разберетесь, что оно значит и кому назначено.

Попадается ли вам Лейпцигский «Grenzboten» [Пограничный вестник]? В последнем номере есть статья о вашем Чернышевском.

С сердечным приветом.

Преданный вам *К. Каутский.*

P. S. Меня тоже удивило, что наш друг [1]) подписал свою статью. Я его отговаривал, но он настоял на этом.

XXX.

Женева, 15 июля 1896 г.

Дорогой Каутский!

Завтра или после завтра я вышлю вам *Anhang* [приложение] к нашему *докладу* Лондонскому конгрессу, который я получил из России и где речь идет об *аграрном вопросе.* Этот *Anhang* написан совершенно в духе вашей резолюции на Бреславльском конгрессе. Можете ли это напечатать в *следующем №* «Neue Zeit»? Для нас это очень важно. Если вы не можете, телеграфируйте мне в Женеву; ваше молчание я буду толковать в *положительном смысле* и пошлю вам статью, если не будет телеграммы. Я очень плохо пишу на этот раз, но я очень устал и у меня болит голова.

Ваш *Г. Плеханов.*

P. S. Излишне говорить вам, почему нам важно напечатать упомянутое приложение в «Neue Zeit» *до* конгресса — вы это очень хорошо понимаете.

Г. П.

Ответ Каутского [телеграммой].

Печатание невозможно до конгресса. (Bograde.-Genf, 6 Rue de Candolle.)

---

[1]) Петр Струве.

XXXI.

Штутгарт, 20/VII 1896 г.

Мой милый Плеханов!

Статья об аграрном вопросе, к сожалению, слишком поздно попала в мои руки. Ввиду вашего письма я дал распоряжение возможно дольше задержать печатание номера. Но дольше, чем до полудня субботы, мы не могли ждать, — обычно мы печатаем уже в пятницу, а рукопись попала ко мне только в субботу вечером.

Итак, мы запоздали, но, я надеюсь, вы согласитесь, чтобы я, тем не менее, поместил статью в следующем номере, который выйдет во время конгресса.

Все остальное, надеюсь, скоро передать вам устно: ведь мы увидимся в Лондоне?

Наш друг Петр [1]) тоже собирается туда. Я должен признаться, что считаю это отчаянной смелостью, так как Лондон, конечно, будет кишеть русскими шпиками, а он и без того уже на подозрении.

Сердечно жму вашу руку.

Ваш *К. Каутский.*

XXXII.

Штутгарт, 16/II 1897 г.

Мой милый Плеханов!

Некий Циммерман из Фрейберга (Саксония) спрашивал у меня ваш адрес, ввиду настоятельной необходимости написать вам. Я ему адрес послал, так как не думаю, чтобы это могло повредить, но сообщаю вам об этом. Как дела с вашей работой для нас? Издатель требует возвратить ему А. Ланге, так как мы ничего о книге не написали. Если вы не будете об этом писать, то отправьте, пожалуйста, книгу Бернштейну, который готов написать о ней статью.

Надеюсь, что вы здоровы, и что только перегруженность работой, а не болезнь, отдаляет вас от «Neue Zeit». Диц спрашивал меня недавно относительно вашей истории французского социализма. Можем ли мы рассчитывать на нее в этом году?

[1]) Петр Струве.

С сердечным приветом вам и вашей милой жене.

Жму вашу руку.

Преданный вам *К. Каутский.*

XXXIII.

Париж, 20/III 1897 г.

Мой милый Плеханов!

Я опять в том положении, когда должен извиняться перед всем миром за то, что так долго заставляю дожидаться ответа.

В сущности надо было бы отучиться от этих извинений. Дело в том, что я с удовольствием замечаю, что я не единственный, заставляющий ждать ответа. Существуют даже люди, как Адлер, которые и вообще-то отвечают на письма только в исключительных случаях. Настоящий момент так захватил нас всех, что все, не нуждающееся в немедленном исполнении, откладывается в долгий ящик.

На сей раз мое молчание произошло оттого, что я пишу статью об аграрном вопросе, которая меня всецело занимает.

Теперь, наконец, деловое, т.-е. редакционное. Бернштейн живет [следует адрес].

Буду очень рад статьям, которые вы предлагаете. Об'яснение с К. Шмидтом было бы особенно полезно. Я не могу разобраться в Шмидте: думаю, что он и сам в себе еще не разобрался. Мне кажется, что по отношению к историческому материализму он находится в процессе искания. Во всяком случае он еще с большими оговорками подходит к историческому материализму. Читали ли вы в «Vorwärts'е», что он пишет относительно моей полемики с Баксом [Bax]? Это очень симпатично, но не очень решительно.

«Энгельс и родбертусианцы» — тоже хорошая тема. Но только скорее историческая, а не злободневная. Разве еще существуют последователи Родбертуса?

С большим огорчением прочел я дурные вести о состоянии вашего здоровья и вашего ребенка. Я и не подозревал,

что вы были так больны; я слышал только, что вы были в Италии, и надеялся, что вы там поправились.

Надеюсь, что скарлатина прошла благополучно, без последствий. Во всяком случае это должно было быть тяжкое время для вас и вашей жены. Я знаю, что такое скарлатина!

С сердечными пожеланиями здоровья вам и вашей дочери и приветом от нас обоих и моей матери, которая теперь гостит здесь, вам и вашей милой жене.

Преданный вам *К. Каутский.*

XXXIV.

Женева, 20 мая 1898 г.

Дорогой Каутский!

В последнем номере «Neue Zeit» Бернштейн напечатал статью о двух «моментах» социализма. Эта статья является дополнением к напечатанной им в январе, в которой он критикует «Zusammenbruchs Theorie» [теорию крушения]. Бернштейн пытается теперь сделать в области *философии* то, что он, как ему кажется, сделал в области *экономической*. Его критика материализма очень слаба. Но как бы слаба она ни была, она прямо направлена против Ф. Энгельса (см. «Людвиг Фейербах» и письмо к Конраду Шмидту). Если Бернштейн прав в своих критических попытках, то можно задать вопрос: что же останется от философских и социалистических воззрений наших учителей? Что останется от социализма? И поистине пришлось бы ответить: немногое! Или вернее: *решительно ничего!* Я не знаю, согласны ли вы со мной, но я думаю, что вы разрешите мне ответить Бернштейну в «Neue Zeit». К чему я стремлюсь, — это защитить идеи Ф. Энгельса, которые наши «философы», вроде К. Шмидта, считают старыми и не выдерживающими критики. Я должен сознаться, что писания этих философов глубоко меня возмущают и что мой ответ не будет очень любезным. Но для меня речь идет об очень важных вещах, и я не могу сохранить академического хладнокровия. «Философские» идеи господ Шмидта и Бернштейна являются именно теми неокантианскими идеями, против которых всегда боролись мои учителя.

Разве вы согласны с Бернштейном? Мне было бы слишком тяжело поверить этому. Но если нет, то почему же вы не отвечаете? Ведь это на вас нападают, ведь это Эрфуртскую программу эти господа имеют в виду в своей «критике».

Бернштейн цитирует статью Штерна «Naturwissenschaftlicher und Oekonomischer Materialismus [Естественно-научный и экономический материализм]. Именно критикой этой статьи надо начинать ответ Бернштейну. Согласны ли вы дать мне 5—6 страниц в № 36 «Neue Zeit»? Отвечайте мне возможно скорее. И скажите мне ваше мнение об этом крахе марксистской школы (поистине не имеющем прецедентов в истории социализма); это мне очень важно.

Ответив Штерну, я перейду к критике «философии» К. Шмидта и Бернштейна. В одной статье я буду говорить о философии в собственном смысле; в другой статье — о философии истории Бернштейна (два «момента» в социализме). Не можете ли вы прислать мне номера «Zeit», в которых напечатаны статьи Бакса [Bax], на которые вы отвечали в «N. Z.»?

О, да, мы переживаем кризис, и я сильно страдаю от этого.

Ваш *Г. Плеханов.*

Читали ли вы статьи Юлия Вольфа в 4-м выпуске «Zeitschrift für Sozialwissenschaft»? Это — настоящий победный гимн по поводу мнимого теоретического поражения социализма. Бернштейн там цитируется как реформатор современного социализма. Что сказал бы Энгельс обо всем этом?

Юлиус Вольф нападает прямо на вашу Эрфуртскую программу. Было бы хорошо, если бы вы ответили в «Neue Zeit».

Преданный вам *Г. П.*

Кстати. Я опять принялся за свои работы по истории социализма. Я надеюсь, что вы продолжаете (считать) [1]) меня в числе ваших сотрудников этой работы.

Г. П.

В ожидании вашего ответа я уже пишу свою статью о материализме.

---

[1]) Замечание Каутского: это слово пропущено в оригинале. *К[аутский].*

XXXV.

Берлин, Friedenau, 22/V 1898 г.

Мой милый Плеханов!

Только что получил ваше письмо и отвечаю на него немедленно, чтобы сообщить, что я во всяком случае помещу вашу статью. Я напечатал бы ее даже, если бы не был с нею согласен, так как вы имеете право быть выслушанным; напечатаю ее тем охотнее, что вполне разделяю ваше мнение.

Вы спросите, почему не я сам отвечаю Бернштейну? Ближайшая причина та, что у меня нет времени. Я еще не кончил своей книги об аграрном вопросе, и мне хочется тем скорее ее закончить, что я там обсуждаю и тот вопрос, который поставил Б[ернштейн].

Пока я изложу свою точку зрения в предисловии к сочинению одного анонимного автора, которое может быть выйдет уже на будущей неделе. Во всяком случае я в этом предисловии не буду прямо нападать на Бернштейна. Ибо — и это вторая причина, почему я до сих пор молчал, — я хочу возможно дольше воздержаться от прямых нападок на Б[ернштейна]. Когда, связанные теснейшим образом, мы плечом к плечу боролись вместе в течение 18 лет, тогда не так-то легко обратить оружие против старого соратника. Пусть это — сентиментальная причина, но все-таки это чувство во мне очень живо. Тем более не хочется мне нападать на Бернштейна, что я знаю, как тяжело он сам страдает от перемены своих взглядов, какую большую внутреннюю борьбу она в нем вызывает. И я все еще надеюсь, что, когда он попадет в другую среду, когда нам удастся привести его в более тесное соприкосновение с немецкой социал-демократией, — а я надеюсь, что это удастся, — тогда в нем оживут его прежние воззрения. Пока сохраняется эта надежда, я хотел бы избегать всякого, даже только теоретического разрыва с ним; я предпочитаю отстаивать свои воззрения, не полемизируя прямо с Б[ернштейном].

Конечно, если бы никто другой не ответил Б., я *должен* был бы выступить, так как его воззрения нельзя оставить

без возражений, но мне приятнее, когда об этом заботятся другие. Недавно Кунов сообщил мне, что хочет критиковать бернштейновскую теорию кризиса — или, вернее, нетеорию. Ваши статьи подойдут к этому же.

Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с нео-кантианством; ведь и дарвинизм так же хорошо уживается с материализмом Бюхнера, как с монизмом Геккеля и кантианством Ланге.

Если бы Б[ернштейн] полинял [«gehäutet»] только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило. Но его экономические и исторические воззрения мне представляются недопустимыми, и в них мы имеем пред собою не преодоление одной теории другою, а просто разложение законченной теории эмпиризмом и эклектизмом. Критика Б[ернштейна] бесплодна, она не дает положительного результата, она кончается только скепсисом.

Решительный бой против его точки зрения должен будет во всяком случае разыграться в области экономики. Но ваши статьи несомненно будут очень полезны, поэтому пришлите мне их, пожалуйста. Но чем мягче вы будете при этом в обращении, хотя бы и решительны на деле, тем мне будет приятнее. Во-первых, потому, что сам Бернштейн очень страдает от этого, — может быть, больше, чем мы, — и я хотел бы избавить его от всякой лишней обиды, и, во-вторых, потому, что я еще не отказался от надежды вернуть его обратно, а резкая полемика слишком легко ведет к ожесточению и отчуждению.

Статьи Ю. Вольфа я еще не читал, — собираюсь прочесть. Вряд ли я скоро отвечу. Мне еще много надо работать над моим «Аграрным вопросом», и я не хочу ждать с выходом его дольше чем до сентября.

Очень рад слышать, что вы вновь принялись за свои работы для «Истории социализма». Как каждый из нас, вероятно, и вы перейдете положенные пределы; думаю, что

лучше всего будет, если ваша часть образует особый том (II) «Истории», который сможет выйти, когда будет готов, независимо от бернштейновского.

Сердечный привет от нас вашей жене и вам.

Преданный вам *К. К.*

XXXVI.

Женева, 30 мая 1898 г.

Дорогой Каутский!

Посылаю свою статью. Озаглавьте ее, как вам будет угодно. Я не знаю, понравится ли вам статья; вы должны признать, по крайней мере, что я поставил вопрос чрезвычайной важности. Вы без сомнения найдете, что я был мало любезен по отношению к Бернштейну и К. Шмидту. И вы будете правы. Но примите во внимание, что для меня эти господа являются злейшими врагами марксизма; поэтому я не могу без гнева говорить об их копотливо высиженных трудах [élucubrations]. Сообщите, пожалуйста, ваше мнение, а также разрешите ли мне в «Neue Zeit» продолжать полемику? Вторая моя статья будет направлена против неокантианства Конрада Шмидта, а в третьей я докажу, что Бернштейн никогда ничего не понимал в двух «моментах» социализма Маркса — Энгельса. Я очень хорошо понимаю, дорогой Каутский, что подобная полемика может вам показаться неприятной и даже бесполезной (впрочем, философия — не безразличная вещь. «Каков человек, такова и философия», сказал Фихте. Бернштейн возвращается назад к Канту; в то же самое время он уходит от социализма). Вот почему я прошу вас откровенно написать мне ваше к этому отношение. Если вам хоть в малейшей степени будет [неприятно] [1]) разрешить мне атаковать Бернштейна в «N. Z.», то я этого не сделаю. Я прежде всего обратился к вам потому, что мне в «N. Z.» приятнее писать, чем в каком-либо другом органе социалистической партии. Но я не хочу злоупотреблять вашей добротой и глубоко уважаю чувство дружбы, связывающее вас с Бернштейном. Итак, будьте откровенны, дорогой Каутский, и не церемоньтесь со мной.

[1]) Слово пропущено в оригинале. *Перев.*

Над историей французского социализма я много работаю, но должен сознаться, что не взялся бы за это дело, если бы я заранее знал, как оно трудно. Примите выражение моих дружеских чувств. Поклон вашей супруге.

Г. Плеханов.

XXXVII.

Берлин, Friedenau, 4/VI 1898 г.

Мой милый Плеханов!

Конечно, я приму вашу статью; она в высшей степени важна и должна появиться. Я буду рад и продолжению. Бернштейн не неприкосновенен, и личная дружба не может заходить так далеко, чтобы ставить друга выше дела.

Хочу только попросить вас позволить мне смягчить форму некоторых личных выпадов против Бернштейна и К. Шмидта; разумеется, только по форме, а не по существу. При этом вы исходите из неверного предположения. Если Бернштейн и был «возбужден» статьею К. Шмидта, то все же склонность к кантианству он воспринял не от него: она у него была много раньше, также как и большое пристрастие к А. Ланге, о чем, между прочим, свидетельствует его статья о А. Ланге, появившаяся много лет назад в «N. Z.», еще при жизни Энгельса.

Я послал статью для перевода m-me Цеткиной. Как только она будет переведена, она появится. Хотите ли вы читать корректуру? Тогда вы сами увидите, заслуживают ли вашего одобрения мои смягчения.

С сердечным приветом от нас и моей матери вашей жене и вам.

К. Каутский.

Как озаглавить статью? Как-нибудь вроде «Марксизм и материализм»? Я просил Дица послать вам номера «N. Z.», где напечатана моя полемика с Баксом.

XXXVIII.

Z. Z. Zinnowitz in Pommern, 14/VII 1898 г.

Мой милый Плеханов!

Вполне понимаю ваше нетерпение и сам жалею, что не было возможности раньше выпустить вашу работу. Если бы она была у меня *по-немецки*, она могла бы тотчас же появиться, но ее должен был перевести хороший, надежный переводчик; я передал перевод Цеткиной. Но, во время избирательной борьбы, она, как и все, была до перевыборов всецело поглощена агитационной работой и прислала мне поэтому рукопись только неделю тому назад. Я сейчас же послал ее в типографию, и теперь она вскоре выйдет. Чтобы не вызывать дальнейшей задержки, я отказываюсь от своего прежнего намерения послать вам корректуру. Я вычеркнул только некоторые лично-обидные выражения, что вы мне, конечно, разрешаете.

К сожалению, вы до сих пор еще не прислали мне 2-й и 3-й статей, которые я хотел бы пустить сразу после первой. Мне было бы очень приятно, если бы вы сами могли позаботиться о переводе. У меня под рукой нет надежного переводчика, кроме Цеткиной, а у нее не всегда есть время, — это ведет к запаздыванию. Если я получу статьи *переведенными*, я напечатаю их тотчас по получении.

Вы не должны беспокоиться; если статьи и появятся поздно, все-таки они произведут прекрасное впечатление, так как для меня несомненно, что две последующие будут равноценны первой.

Сердечный привет от моих и меня вашей жене и вам.

Преданный вам *К. Каутский*.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ.

Нижеследующее письмо, касающееся тактики меньшевиков осенью 1905 года, во время издания ими газеты «Начало», было вызвано отчасти их приглашением Г. В. принять участие в затевавшемся ими одновременно с этой газетой двухнедельном обозрении. Письмо это, переходившее из рук в руки в Петербурге, на некоторых произвело сильное впечатление. Затем оно куда-то исчезло. Между тем Г. В. не оставил у себя с него копии, о чем он впоследствии чрезвычайно жалел. Теперь совершенно неожиданно оказалось, что оно сохранилось в подлиннике в архиве покойного друга моего Стефановича в д. Красный Колядин, Конотопского уезда, Черниговской губ: будучи зимой 1905—1906 гг. в Петербурге, он, очевидно, получил это письмо от меня или от Веры Ивановны, а при возвращении на свою родину увез его туда. Благодаря этому оно сохранилось и недавно со всеми оставшимися у него рукописями, письмами и пр. было мне прислано его братом, П. В.

Несмотря на то, что в «Дневниках Социал-Демократа» за 1906—1907 гг., а также в письмах «О тактике и бестактности» Г. В. отчасти трактовал о тех же вопросах, которых он касается в настоящем письме, тем не менее последнее, несомненно, является очень ценным историческим документом, почему я спешу его опубликовать, хотя, соблюдая хронологический порядок, следовало бы его отложить до дальнейших сборников.

Л. Д.

Genéve, le 18 dec. 1905.

Товарищи!

Сегодня я отправил вам телеграмму с ответом насчет двухнедельного обозрения, а теперь хочу написать несколько слов ввиду того, что нам скоро придется вместе работать.

Прежде всего два слова о том, почему я до сих пор не приехал. Моя болезнь — хроническое воспаление зева —

до такой степени усилилась нынешнею осенью, что я пытался лечиться, — некоторые врачи советуют мне сделать операцию, другие посылают в Алжир. Поездку в Россию все считают безумием. Но мы недаром переживаем безумное время. Я еду, применив в течение короткого времени некоторые паллиативы, которые позволят мне совершить путешествие.

Теперь о политике. Вы все — и «Начало», и «Новая Жизнь» — да и не вы одни, производите на меня впечатление людей, решившихся как можно скорее привести дело к развязке, к решительному столкновению. Но выгодно ли это нам? Я думаю, что нет. Нам выгодно, наоборот, *отсрочить* решительное столкновение. Понятно — почему. С каждым днем силы нашего врага уменьшаются, а наши увеличиваются. Следовательно, шансы победы нашей растут с каждым днем. Но теперь *пока* больше шансов на стороне врага. Излишне пояснять те общие соображения о современной военной технике, которые вам хорошо известны. Укажу только на Севастополь, Кронштадт и Киев. Там часть солдат была против правительства, и все-таки правительство победило. То же было, как видите, на самых последних днях в Москве. И то же будет, разумеется, в Петербурге; на гвардейские полки рассчитывать невозможно, а одной гвардии достаточно, чтобы потопить в крови всякую попытку восстания. Таково положение дел, и нельзя не считаться с ним. Вы говорите, отвечая «Нашей Жизни»: апелляция к силе неизбежна. Я с этим согласен. Mais pour faire un civet de lièvre il faut qu'il y eût un lièvre [1]). Апеллировать к силе надо тогда, когда *есть* сила. А пока силы *нет*, надо создавать ее, что может быть достигнуто революционной *агитацией*, для которой теперь так много поводов. Я понимаю, как трудно сохранить теперь хладнокровие, но наша партия *обязана* сохранить его: ведь она претендует на звание сознательной выразительницы бессознательного хода событий. Ведь оттого, отодвините вы решительное столкновение, или нет, зависит вся будущность нашего движения. Если мы теперь проиграем битву, реакция вздохнет свободно. Это кажется мне очевидным, а между тем, ни в одном

[1]) «Чтобы приготовить рагу из зайца, нужно иметь зайца». *Ред.*

из номеров «Начала» я не встречаю ни одного, ни единственного соображения в этом роде. Почему же это? По моему мнению, это происходит от того, что вы подвергаетесь действию раскаленной политической атмосферы Петербурга и постепенно утрачиваете чувство меры. Я наперед знаю, что вы не согласитесь с этим, но считаю своею обязанностью высказать вам свое мнение: бывают такие минуты, когда молчать нельзя.

Дальше. В вашей полемике с «*Нашей Жизнью*» вы, в лице товарища Троцкого, едва ли правы. Тов. Троцкий устанавливает «непрерывность» между осуществлением минимума и максимума нашей программы. Но ведь в известном смысле вся история непрерывна. Гегель сказал бы, что непрерывность так же свойственна процессу развития, как и скачки, «перерыв постепенности». Непрерывность процесса не мешает различать в нем *различные моменты*. И вот, различая моменты интересующего нас процесса, приходится сказать, что момент, переживаемый нами теперь, есть момент *осуществления нашей* программы-*минимум*. А раз это так, то и отношение наше к тому, что «*Наша Жизнь*» назвала демократической концентрацией, должно иметь теперь свои особенности. Концентрировать вокруг себя буржуазно-демократические силы вовсе не значит принизиться до их уровня. Это значит заставить их делать известное политическое дело, которое полезно также и для нас. Противопоставление себя буржуазии состоит вовсе не в отталкивании [от] себя тех слоев этого класса, которые в данное время могли бы поддержать нас. Если бы мы в самом деле могли сконцентрировать вокруг себя буржуазно-демократические силы, то мы тем самым помешали бы этим силам повлиять на рабочих в духе буржуазии. Это было бы одним из самых лучших способов противопоставления себя ей. По тов. Троцкому выходит иначе. А другие товарищи молчат, и это очень жаль. Словом: 1) спасти абсолютизм, — или полуабсолютизм, — может теперь только наша собственная неосторожность; 2) «*быть вместе*» с мелко-буржуазными элементами не важно, а полезно для нашего дела. Вот что я хотел вам сказать. Бросьте мое письмо в корзину, но сначала все-таки дайте его прочитать всем членам редакции.

Ваш *Г. Плех.*

P. S. Не знаете ли вы, почему не отвечает мне Сергей Николаевич [1])? И почему не выпускает он сборника?

P. P. S. Вообще я не могу понять той тактики, которая состоит в запугивании буржуазии. Это полезно для Витте, а не для нас. Совет раб. депутатов пишет резолюцию: «выбираю нового председателя и готовлюсь к вооруженному восстанию». Это странно. Выбирай председателя, готовься к восстанию, но не говори об этом последнем — вот азбука нашего дела. Да и в чем состоит подготовка к восстанию? У тов. Мартова есть очень хорошие страницы на этот счет, но вы как будто их позабыли. Бланкисты тоже любили «готовиться к восстанию», и что выходило? В августе 1870 года они делают попытку вооруженного восстания в La Vilette; их бьют; попытка терпит жалкое фиаско. А 4 сентября торжествует республика. Вы когда-то так хорошо знали выводы, вытекающие из таких фактов. А теперь вы о них не вспоминаете. Что же с вами сделалось?

Зачем открывать врагу все свои карты? Ведь он воспользуется этим для своих целей.

Простите, что я пристаю к вам с этим. Но молчать я не могу, а куда же мне обратиться? «Новая Жизнь», та совсем уже задрала хвост и скачет, зажмурив глаза.

Вы третируете буржуазию, как *«реакционную массу»*, а это еще не точно: надо различать.

Жму руки. Ваш *Г. Плех.*

Пользуюсь этим случаем, чтобы сказать вам два слова об издании, о котором мне телеграфировал, — вероятно, — Смирнов [2]). Мне не совсем ясны условия. Я просил бы изложить мне их с бо́льшими подробностями. Что касается списка сотрудников, то я пока напишу вам лишь то, что я решительно против приглашения эмпирио-монистов, с которыми нам придется воевать. Напишите мне, кого вы имеете в виду. Вся редакция «Начала», очевидно, должна быть перечислена. Вера Ивановна тоже, конечно, не откажется. Кроме того, я просил бы привлечь Маслова, Невзорова, Кричевского. Л. И. Аксельрод и ее сестра, И. И. Аксельрод, дали мне свое согласие на сотрудничество. Очень прошу вас не позабыть поместить их имена в списке сотрудников. Туда должен войти также Н. Горбанов (молодой человек, очень даровитый) [1]).

Ваш *Г. П.*

[1]) С. Н. Салтыков, впоследствии небезызвестный член соц.-дем. фракции 2-й госуд. думы, взялся издать собрание статей Г. В. в виде сборника «За 20 лет». *Л. Д.*

[2]) Т.-е. Эммануил Львович Гуревич. *Ред.*

[1]) Кажется, под этим именем скрывался некий Блюм, впоследствии осужденный как провокатор. *Ред.*

Е. СМИРНОВ.

ПИСЬМО К Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]).

[Петербург, кон. дек. 1905 г.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Вчера приехал Лев Григорьевич [2]), который передал, что вы просите, чтобы в газетах не было об'явлений о проектируемом журнале, пока от вас не будет известий о времени вашего приезда. Но теперь наступает время подписки, и вопрос необходимо выяснить возможно скорее.

Прежде всего два слова о вашем приезде вообще. Мне он представляется крайне желательным. Указания о положении дел, заключающиеся в вашем письме, показались нам всем чрезвычайно ценными, и ваше отрезвляющее влияние прямо необходимо. Мы много работаем, но работаем стихийно. Ваши указания и советы могли бы быть чрезвычайно полезны. Поэтому, если есть какая-либо возможность, приезжайте скорей. В смысле полицейском, кажется, препятствий ожидать нельзя. Впрочем, об этом должны справиться у юристов Лев Григ[орьевич] и Вера Ивановна.

Для проектируемого журнала вы необходимы. Без вас начинать его нельзя. По положению вещей я думаю, вернее — мы все думаем, что журнал вы должны вести на правах единоличного редактора. Некоторое осложнение в дело вносится тем, что состоялось, наконец, об'единение между

[1]) Подлинник настоящего письма, за подписью «Е. Смирнов», посланного из Петербурга 21 декабря 1905 г. Г. В. Плеханову в Женеву, был перехвачен и приобщен к делу О. О. 6 ч. 1169/1898 г., хранящемуся ныне в Революционном Архиве. *Л. Д.*

[2]) В середине дек. я, по поручению ЦК нашей партии, с'ездил в Берлин к ЦК (Vorstand'у) герм. соц.-дем. парт. для получения денег, — туда, по моей просьбе, приехал Г. В. (Подробно об этом мною изложено в «4-х побегах». Гиз. М.)

обеими фракциями партии. В результате произошло и слияние обеих редакций. Впрочем, отрицательные стороны этого слияния, если они скажутся сильно на газете (если таковую еще можно будет издавать), скажутся в гораздо меньшей степени на журнале; компромиссы, на которые мы должны были пойти для газеты, не включают, разумеется, обязательства допущения эмпирио-монистов. Думаю, что, в крайнем случае, из «большевиков» в журнал придется впустить только Ленина. Богданов, Луначарский и К° должны будут удовольствоваться «Образованием», куда они теперь вошли.

Итак, дело с журналом вырисовывается в следующем виде. Вы — redacteur en chef; вы сами приглашаете себе помощников (заведующих отделами), если вы найдете это нужным; отношения между помощниками и редактором определяются вами. Думаю, что эти условия для вас вполне приемлемы.

Из телеграммы издателя Глаголева, которую и я подписал, вы уже знаете, что он берется поставить партийный журнал-двухнедельник (размер каждой книжки около 10 листов). Но во время переговоров с Глаголевым (основные положения проекта договора при сем прилагаю) возникло затруднение, разрешить которое предоставляется вам. Глаголев вместе со своим компаньоном, пом. присяж. пов. Кашинским, отказываясь в пользу партии от какой бы то ни было прибыли и безусловно подчиняясь контролю партии, желают быть не только издателями, но и в некоторой форме быть приобщенными к литературной стороне дела. Они хотели бы, если вы на это согласитесь, помогать вам в чтении рукописей, — первый по отделу беллетристики, второй по отделу права и законодательства; только помогать, потому что решающее слово принадлежит вам. Нужно сказать, что это — люди, ровно ничем не проявившие себя в литературе. Первый был секретарем легальной «Жизни», второй состоит редактором изданий Глаголева.

Оба давно помогают соц.-демократам; оба привлекались уже по делам и сидели. Лично я отрицательно отношусь к их условию; Мартов тоже. Я хотел уже совсем порвать переговоры с ними (вначале они ставили это условие в туманной форме и только потом ясно выразили его), но Лев

Григ. и Вера Ивановна предложили написать вам, уверяя, что вы на него согласитесь. Решайте.

Если бы вы высказались против, я сейчас начну переговоры с Поповой. Правда, у нее мы таких выгодных условий ни для партии, ни для редактора и сотрудников иметь не будем, но зато, вероятно, не будем иметь и того условия, которое ставят Глаголев и Кашинский. Теперь решайте. Если согласны, телеграфируйте на адрес Глаголева, и мы сейчас напечатаем об'явление в газетах, при чем перечислим всех названных вами в письме лиц, с присоединением, быть может, Ленина; если нет, телеграфируйте на адрес Потресова (Дегтярная, 11), — и мы начнем переговоры с Поповой.

Привет Розалии Марковне. Крепко жму вашу руку.

Ваш *Смирнов*.

P. S. Если согласны, то разрешаете ли пригласить Горького и беллетристов из «Знания»? Временно, до вашего приезда, функции секретаря редакции буду исполнять я — и я мог бы их пригласить.

Основные положения договора.

1. Книгоиздательство Глаголева ставит партийный журнал. Направление журнала определяется программой РСДРП.

2. Редактор назначается партией. Он ведет журнал на правах единоличного редактора. Он ответственен только перед партией.

3. При основании журнала редактором назначается Г. В. Плеханов.

4. Вся организация литературной стороны дела определяется редактором.

5. Представители книгоизд. Н. М. Глаголев и П. М. Кашинский по соглашению с редактором помогают ему в чтении, — первый — рукописей по отделу беллетристики, второй — по отделу права и законодательства. Решающее слово всецело принадлежит редактору.

П. Б. АКСЕЛЬРОД.

ПИСЬМА К Л. ДЕЙЧУ [1]).

17/II [1883 г., Цюрих].

I.

Дорогой Женька!

Пишу тебе несколько строк, но не потому, чтобы было о чем писать или чтобы расположение к писанию было, а просто, чтобы дать знать, что существую еще. Хандра обуяла меня такая, что даже делать что-нибудь противно. Все как-то скверно идет, — личные обстоятельства все попрежнему неопределенны, а стало быть, и скверны. А в общественном отношении только и получаем такие сюрпризы, как «Правда», «Свобода» [2]) и «Нигилист» Сидорацкого [3]). И хуже всех, конечно, «Свобода», рассчитанная уже не на «провокаторство», а на внесение путаницы и хаоса во все понятия русско-революционного мира. И я готов биться об заклад, что целая треть так называемой социалистической молодежи в России не раскусит истинного смысла «Свободы», если [это] не будет подсказано печатно с нашей стороны. По-моему, «Свобода» основана не для провокаторства, а для гораздо более вредной цели — для образования вавилонского столпотворения в головах той публики, из ко-

[1]) Эти два письма, — одно, относящееся ко времени, предшествовавшему основанию группы «Освобождение Труда», другое — после, — лишь недавно были нами получены из-за границы. *Ред.*

[2]) Появившиеся в Женеве, после убийства Александра II, провокаторские газеты.

[3]) Сидорацкий — бывший социалист; эмигрировал уже психически больной; графоман, антисемит, неизвестно откуда получал средства на издание колоссального количества бессмысленнейших произведений. *Л. Д.*

торой пока главным образом рекрутируется наша армия, если позволено будет так выразиться. А в «В[ольн.] С[лове]» [1]) начинают появляться статьи таких почтенных людей, как Цакни [2]). Да и одна из статей Жебунева [Николая] недурна и обнаруживает довольно близкое знакомство с историей французского рабочего движения. Так-то постепенно притягивает оно к себе наши силы. Заметь, что теперешняя роль «В[ольного] С[лова]» уже далеко не та, что [была], когда я начал в нем участвовать. И я убежден, что федерализм Драг[оманова] служит-таки немалой приманкой для таких безусловно порядочных людей, как Цакни. Такого поганого времени я в самые скептические минуты не ожидал. От Мухачевского [?] юноши ни слуху, ни духу, хотя по всем расчетам уже в прошлую неделю он должен был или сам быть тут, или письмо от него. Буду еще с неделю молча терпеть, а затем приступлю к допросу, как и почему?

Пересылаю тебе, кстати, письмо какого-то русско-американца, полученное через редакцию «S[ozial]-D[emokr.]». Сделай с ним, что хочешь.

Статейку о Туне я окончил, но переписка идет крайне медленно — ведь сам не могу переписать. Вероятно в воскресенье или понедельник получу. Думаю на-днях выслать обратно обе книги Туна. Русской не воспользуюсь — некогда. Ну, а что слышно с его книгой о революц[ионном] движении в России?

Ну, твой *Павел.*

II.

[Почт. шт. 18/X 1883 г.]

Имею просьбу собственно к Жоржу, но для большей верности обращаюсь к нему через тебя. Он мне обещал написать Лаврову о выдаче мне наперед хотя части гонорара [1]). Как мне [ни] неприятно обращаться к народовольцам в таком деле — даже косвенными путями, — но я *вынужден* это сделать, так как нахожусь в крайнем положении и другого выхода не вижу. У знакомых приятелей также не имеется. Прошу тебя, поэтому, купить почтовую карту для Жоржа и затем сам сбрось письмо на почте.

Нельзя ли из «Кр. Кр.» [2]) что-нибудь выслать Юрию [3]), для которого сестры просят одолжить у частного лица или из «обществ[енной] кассы»? Сколько мог, ему старик Каминер выслал; но он больше не в силах, как видно из того, что он и нам ничего не обещает, так что с университетской затеей приходится распрощаться. Я, впрочем, сомневаюсь, чтобы «Кр. Кр.» выдал Юрию пособие, а обратился только потому, что меня просили. Отец Юрия не знает об его аресте.

Сообщи мне в карте, устроилась ли типография [4]) и начал ли работать Герасимов [5])? Что слышно с письмами брата [Стефановича]?

Еще раз прошу тебя позаботиться, чтобы Ж[орж] немедленно написал Лаврову. Я отпросился у кого следует на 5—6 дней, рассчитывая в этот срок получить, хоть по приблизительному расчету, $^2/_3$ выдаваемого гонорара.

Поклон всем.

Твой *Павел.*

---

[1]) Тогда все предполагали, что это орган либералов-земцев, в котором сотрудничал П. Б. и редакторствовал Драгоманов, но впоследствии оказалось, что «Вольное Слово» также был провокаторским органом, основанным тогдашней черносотенной организацией — «Добровольной Охраной». *Л. Д.*

[2]) Довольно видный эмигрант, бежавший из административной ссылки, впоследствии подавший царю прошение о помиловании.

[1]) За его статью, помещенную в «Вест. Нар. Воли». *Ред.*

[2]) П. Б. имел в виду «Загр. Отд. Кр. Кр. Нар. Воли», сборами в который заведывала Вера Ивановна Засулич. *Ред.*

[3]) Юрий Михайлович Тищенко (революционный псевдоним «Титыч»), свояк П. Б., был женат на второй дочери Каминера; некогда видный член общ-ва «Земля и Воля», после распадения последнего отправился за границу, где в 1882 г. окончил политехникум, а по возвращении в Россию был арестован и вместе с женой (и свояченицей) выслан административно в Сибирь. Впоследствии Тищенко совсем отстал от революционного движения; он сделался крупным нефтепромышленником, миллионером и, конечно, эксплоататором. Кажется, скончался недавно в Монако, где, говорили мне, пробовал свое счастье на новом поприще — на столах известного казино. *Л. Д.*

[4]) П. Б. имел в виду новую наборню, которую мне пришлось устроить, после того как, ввиду разрыва с народовольцами, нам, членам тогда возникшей группы «Освобождение Труда», пришлось отдать им нами же налаженную типографию для печатания «Вестн. Нар. Воли». *Л. Д.*

[5]) Один из псевдонимов наборщика Левкова (Рольник). *Л. Д.*

Необходимо сказать несколько слов по поводу следующего письма.

Хотя оно было написано в начале настоящего столетия, но по содержанию относится к нашему революционному движению минувшего века. Написав для «Вестн. Евр.» статью о политических течениях, господствовавших среди русских эмигрантов, не располагая при этом, ввиду пребывания в Нью-Йорке, соответствующими литературными источниками, я отправил рукопись П. Б—чу с просьбой сделать в ней нужные указания и поправки: он, как известно, вследствие продолжительного пребывания в эмиграции, был хорошо знаком с выбранной мною темой.

Л. Д.

III.

Цюрих, 6/I 1913 г.

Дорогой Евгений!

Позавчера получил твою рукопись и в тот же день ее прочитал, а вчера снова перечитал ее с карандашом в руке. Не знаю, удастся ли мне в письме изложить все свои замечания относительно необходимых изменений, поправок и т. д. Прежде чем перейти к ним, я нахожу нужным попросить тебя обратить внимание на мои пометки карандашом на полях и между строками твоего манускрипта. Эти пометки (крестики) или указывают на предлагаемые на вложенных листках мелкие поправки, или (скобки) на слова, которые нужно выбросить, заменив их написанными над соответствующими сторонами; или же они имеют целью просто обратить внимание на то или другое место, с тем, чтобы ты лучше формулировал данную мысль, а то даже выбросил совсем. Само собою разумеется, что я не претендую на то, чтобы ты мои поправки всецело, до буквы принимал; тебе или Э[сфир] М[арковне Зиновьевой-Дейч] может притти в голову более удачный оборот — лишь бы ты изменил или исправил те, по-моему неудачные, выражения или неверные замечания, на которые обращаю твое внимание.

Смущает меня несколько недостаточное соответствие между заглавием и содержанием и еще большее несоответствие между обещанием и исполнением. Заглавие обещает характеристику «Политических течений в эмиграции», а они очерчены слишком не то бледно, не то поверхностно. В качестве воспоминаний и беглых заметок, то что ты пишешь в настоящем очерке, было бы — за исключением некоторых неверных замечаний — очень интересно, и от этого очерк выиграл бы только в смысле содержательности. Но ты обещаешь или претендуешь «*более подробно*» ознакомить читателей со всеми «*направлениями* в эмиграции» за целый период, заполнить целый пробел в истории российского рев[олюционного] движения. И вот с этой точки зрения статья, мне кажется, страдает несоответствием между тем, что она обещает и что она в действительности дает. Мне кажется, ты слишком легко отнесся к поставленной себе задаче и слишком поспешно выполнил ее. Быть может, этот дефект можно исправить или очень смягчить, озаглавив статью: «К характеристике полит[ических] течений»..., ограничившись лишь более скромно выраженным указанием на своевременность попытки дать некоторое представление о политической физиономии эмиграции данного периода.

Так как предметом твоей статьи является эмиграция, то естественнее всего было бы начать не с характеристики лавристов в России, а хоть кратким упоминанием о том, что они, начиная с 1873 года, имели за границей журнал «Вперед», главным редактором которого являлся Лавров, а главным постоянным сотрудником, точнее соредактором — Смирнов. Не мешало бы тут же сказать хоть несколько слов об их прошлом, их эмигрировании за границу и быстро обнаружившихся между ними и бакунистами разногласиях, сейчас же перебросившихся и в Россию. После этих общих замечаний уместно было бы отметить, что с этого момента началась и некоторое время продолжалась в России среди радикальной интеллигенции борьба между лавристами и бакунистами за влияние, и что «одно время» первые в некоторых центрах играли чуть не преобладающую роль. Уже за этим должно бы, по-моему, следовать то, что у тебя рассказано о разложении лавризма в России, а затем и за границей. Попытайся попасть в главные библиотеки Нью-Йорка, не найдешь ли там хоть первые книжки «Вперед» и нескольких номеров газеты «Вперед», чтобы освежить свою память и пополнить [имеющиеся у тебя сведения]... [Часть затеряна.]

На стр. 17 ты отмечаешь отсутствие в «Общ[ине]» указаний определенных путей. По-моему, все это место и отчеркнутую часть 18-й страницы лучше бы совсем выбросить. О каких других путях, кроме возбуждения народных масс на почве местных, насущных нужд и интересов для подготовления всенародного восстания во имя «Земли и Воли», могли указывать мало-мальски последовательные бакунисты-народники? Ведь более или менее общие конкретные боевые лозунги, соответствующие разным этапам и моментам освободит[ельной] борьбы пролетариата и выдвигаемые социал-демократией, исключались принципиально нашей анархической точкой зрения. Припомни, какую тревогу и какой протест вызвал посланный мною вам (весной или зимой) 1880 г. проект *программы действия* чернопередельческого общества «Земли и Воли», в которой перечислен был ряд конкретных требований и лозунгов! Ж[орж] и вы все совершенно справедливо увидели в этом прямое уклонение в сторону социал-демократии от бакунизма. Кроме террора и «генеральной стачки», ничего нельзя было бы и придумать. Но индивидуальный террор был и есть опять-таки метод принципиально анти-анархический, применение которого и дало у нас толчок возникновению и развитию анти-анархического направления; пропаганда же генеральной стачки в стране крестьян-общинников и мелких собственников была бы нелепой утопией, маниловской болтовней.

Не слишком ли сильно сказано, что мои «Итоги Герм[анской] Социал-Д[емократии]» представляют «*наибольший* (!) интерес»? Кроме того, не эти статьи, во всяком случае, не они одни являются наиболее характерными для журнала «Общ[ина]». Нужно бы хоть в немногих словах резюмировать программную статью (кажется, передовая в № 1), а об «Итогах» ограничиться несколькими строчками. А подчеркивать свое согласие с моими выходками против вождей герм[анской] социал-д[емократии] по поводу их резкого отношения к Геделю и Нобилингу я бы тебе совсем не советовал, хотя бы уже потому, что оно совсем не продиктовано было желанием «показаться в глазах Бисмарка еще более миролюбивыми и лойяльными», а вполне выражало их основную и тактическую точку зрения. Кроме того, насколько помню, моя критика их тактики и в данном случае обусловлена

была не раздражением против некоторых социал-д[емократов] за их отношение «к нашей мирной демонстрации на Казанской площади», а всей совокупностью моих воззрений, как бакуниста. Все это место — до первого абзаца на 21 странице — следует или очень сильно сократить, или совсем иначе изложить. О мотивах терпимости к Драгоманову я уже говорил [1]), а возводить ее в нашу специальную добродетель не основательно, ибо отношение «Общ[ины]» к якобинцам и впередовщине (не лично к Лаврову) отнюдь не оправдывает такой характеристики. Кстати: и подчеркивание большей широты нашего *политического* кругозора сравнительно с народниками в России, даже с Кропоткиным, едва ли справедливо. От россиян мы отличались только разве более широким *идейным* кругозором и тем, что гораздо живее интересовались ходом и судьбами социалистического и раб[очего] движения на Западе. Да еще в связи с этим, — вышеуказанным отношением к рабочим в России и к вопросу об организации более широкой и планомерной пропаганды среди них — устной и литературной. Впрочем, по правде говоря, я совсем не уверен в том, что кроме меня кто-нибудь в редакции так *определенно* и последовательно стоял на этой точке зрения, изложенной или примененной мною в большой статье «Переходный момент». Думается мне, что она для характеристики «Общ[ины]» имеет, быть может, бóльший интерес, чем «Итоги». Кстати, в «Перех[одном] моменте» я отметил и подчеркнул, что нашему рев[олюционному] движению грозит перспектива превратиться в якобинское или либеральное. Я не помню хорошо, в какой форме и как я мотивировал это указание или предсказание. В заключение скажу еще, что нужно бы тебе страничку, другую, а лучше еще больше, уделить возникновению и составу группы «Общины». А то выходит только отрывочное резюме одной

[1]) Об'ясняется это тем, что он выступал как «социалист-федералист» и высказывал принципиальное сочувствие пропаганде анархического идеала человеческого общежития. В глазах редакции «Общины» Драгоманов являлся своего рода умеренным анархистом, отличающимся от бакунистов только меньшей революционностью и близко стоящим к ним по своим идеалам «конечной цели». Но нас, недавно приехавших за границу южных бунтарей, возмущала такая терпимость редакции «Общины» к Драгоманову.

моей статьи. Ралли и Эльсниц — бывшие нечаевцы, ставшие за границей бакунистами — под непосредственным *личным* влиянием Бакунина, но разошедшиеся впоследствии лично с ним, вернее с Россом [1]). Из Цюриха они перекочевали в Женеву, где завели свою типографию и вместе с Жуковским издали книгу для рабочих «Сытые и голодные» (кажется, в 1875 г.), а затем в 1876 г. издавали первую рабочую газету «Работник», в которой и я кое-что поместил (или помещал). В Женеве же была типография чайковцев, которой заведывал Гольденберг [Лазарь]. И вот в течение 1876—77 годов очутившиеся в Женеве чайковцы — Морозов, Сергей [Кравчинский], Клеменц и я лично сблизились с кружком «Работника» (летом 1875 г. я на средства «Работника» ездил в Россию), так что в редакции «Общины» как бы слились две группы разных формаций или поколений — шестидесятников и семидесятников, из них первая находилась в довольно близких отношениях с той организацией в России, которая в конце или даже в середине 75 г. была разгромлена. Не помню точно, в июле или августе я еще виделся с Здановичем в Кишеневе и Одессе, а когда я прибыл в Москву, он, Бардина, Субботины (с одной из них я виделся в Одессе), Армфельд и т. д. были уже арестованы. Организация, которая потом фигурировала на процессе «Пятидесяти», кажется, по своим практическим тенденциям, ближе всех стояла к тому течению, которое представлено было «Общиной» и «Работником».

Кажется, все существенное сказал. Посмотри еще «За сто лет» или «Былое» Бурцева: может, найдешь там материал для пополнения очерка о лавриста[х] и «Общине», чтобы вышла бóльшая соразмерность частей. А то получается некоторое несоответствие между заглавием и содержанием. Если бы ты писал просто «Воспоминания», то было бы вполне естественно, что уделяешь больше всего места Кропоткину, как личности, произведшей на тебя наиболее сильное впечатление или наиболее заинтересовавшей тебя. Но в очерке о «политических *течениях* в *русской* эмиграции» это как-то странно. Вот разве если бы ты написал особую главу: «Бакунисты в русской эмиграции», было бы уместно, не нарушая внешней гармонии, выделить Кропотк[ина], во-первых, единственного россиянина (впрочем, кроме Жук[овского], который к иностранцам имел по меньшей мере такое же отношение, как к русским, — что не мешало ему одинаково ничего не делать как у тех, так и у других), посвятившего свои силы всецело западному движению, а во-вторых, вследствие его личных выдающихся качеств. А вообще главы о Кропоткине вышли наиболее удачными и, быть может, с некоторыми сокращениями, они-то уж, конечно, должны остаться. Недурна и глава о ткачевцах. Но опять слишком мало в ней сказано об образовании и составе этой группы. Я и сам больше того, что у тебя имеется, не знаю, но загляни в бурцевские издания, — авось, найдешь что-нибудь. Кстати, ты слишком свысока, пренебрежительно относишься к «Набату», а между тем Ткачев-то, пожалуй, был самым талантливым писателем, в частности и полемистом, русской эмиграции в 70-х годах.

Перехожу к последней главе. Не знаю, действительно ли успехи поляков «превзошли *самые аптимистические* ожидания». Но твои об'яснения этих успехов [1]) во всяком случае не совсем верны. Во-первых, неверно, что «по своим приемам пропаганды они ничем почти не отличались от немецких социал-д[емократов]». «Приемы» эти, наоборот, настолько же еще далеки были до «немецких», насколько «умные» рассуждения младенца далеки от рассуждения зрелого человека [2]). К тому, что ты дальше говоришь, следовало бы только прибавить относительно большее значение рабочих в массе польского населения и их бóльшая восприимчивость к революц[ионной] пропаганде,—благодаря революц[ионным] традициям населения и его национальному гнету.

На стр. 53 ты указываешь на впечатление, производимое рассказами Менд[ельсона] и Дл[уского] на меня. Но это обусловлено было не моим особенно «широким политическим кругозором», которого у меня не было, а моим общим отно-

---

[1]) Росс — псевдоним М. Петр. Сажина, известного единомышленника и друга Бакунина. В мин. г. чествовали его 80-летие. *Л. Д.*

[1]) «Характером их пропаганды».

[2]) Но общее направление их деятельности носило социал-демократическую окраску и несомненно вдохновилось литературой и успехами германской рабочей партии. Этим оно отличалось от нашего рабочего движения.

шением к всемирному рабочему движению, к успеху и росту которого я относился с энтузиазмом, — где бы я их ни наблюдал. Попав осенью 1874 г. в Берлин, я все время пребывания там не пропускал ни одного мало-мальски значительного собрания — за исключением тех случаев, когда у меня не было пары зильбергрошей на пиво и тарелочные сборы. Да потому я и мирился с от'ездом (кратковременным, как я надеялся) за границу, что жаждал воочию увидеть проявление в жизни «идеи четвертого сословия». Да ведь я собственно именно под влиянием этой «идеи» и грандиозных перспектив, вызванных ею в моем уме, когда я познакомился с нею у Лассаля, стал революционером — в захолустном городке Конотопе. Но это en passant [мимоходом].

Боюсь, не забыл ли я что? Но пора уже отправить письмо, — а у меня на совести еще полдюжины писем.

Чтобы не забыть: Лавров потому мне советовал взять на себя отдел рабочего движения в «В[ольном] С[лове]», что сначала Мальш[инский] к нему обратился с предложением вести его; в ответ на это Лавров и написал Мальш[инскому], чтобы он обратился ко мне как к «специалисту» по иностранному раб[очему] движению. А Драгоманов только поддержал перед М[альшинским] эту рекомендацию Лаврова.

Когда тебе нужны будут некоторые справки относительно следующего периода, пришли мне определенные вопросы: мне гораздо легче будет ответить на них, чем по собственной инициативе написать. «Словарь для всех» ты, конечно, уже получил? Мне заглавие твоей статьи все покою не дает. То, что я предложил, мне еще меньше нравится. Не озаглавить ли просто: «Течения в русской эмиграции». Впрочем, если ты еще прочтешь некоторые материалы и воспользуешься моими указаниями (конечно, не буквально), то, быть может, содержание более или менее оправдает название.

Ну, кажется все.

П. Б. АКСЕЛЬРОД.

[Начало 90-х гг.]

ПИСЬМА К В. И. ЗАСУЛИЧ.

I.

Дорогая Вера!

Ваша статья прелестно написана — и не только для «не мудрых людей», но и для «мудрых», за исключением, быть может, «дорогих товарищей». Фактический материал и теоретические замечания слиты в одно гармоническое целое, и статья читается с большим интересом, несмотря на обилие фактов и цитат. И иронии (т.-е. «злости») рассыпано столько, что меня чуть не на каждой странице зависть забирала. И Ж[орж] успел перед самым от'ездом своим просмотреть статью, — также нашел ее очень хорошей. Для немцев придется вероятно кое-что переделать — в архитектурном отношении, или в предисловии об'яснить, кто это В. В. и Мих[айловский], вообще о ком собственно речь идет. Но для русской публики, насколько могу судить, следовало бы резче отметить разные переходы в статье и начало как-нибудь так изменить, чтобы читатель сразу получил представление, куда и зачем вы его ведете. Со стороны архитектурной статья хотя гораздо лучше вышла, чем первоначальный текст статьи «Револ[юционеры] из бурж[уазной] среды», все же требует небольших поправок. Впрочем, об этом вам припишет Яков [1]). Если можно, оставьте у меня рукопись до тех пор, пока пришлете вторую часть.

Рука моя опять плохо действует, а потому кончаю.

Ваш *Павел.*

---

[1]) Шурин П. Б. — Я. Кальмансон. *Л. Д.*

[Следующая приписка, вероятно, Якова Кальмансона.]

Дорогая и многоуважаемая Вера Ивановна, от меня вам критической оценки вашей статьи не дождаться. Воспитан я в страхе божьем и в правилах строгого благочестия и чинопочитания — во всем, что делает начальство, я ничего, кроме хорошего, усмотреть не в состоянии. Мое же теперешнее начальство, это — члены группы. Серьезно говоря, меня статья привела в восторг — прямо прелестная вещь, но понравится ли публике — это для меня вопрос. Причина моих сомнений заключается в чисто внешнем не то чтобы недостатке (оно скорее может быть и достоинство), но для нашей публики неподходящем приеме. Последняя стоит теперь на очень низкой ступени развития; вам эту низкость даже трудно себе представить, и потому-то вы ошибаетесь, полагая в своем письме, что ваша статья хороша, ежели насчет того, чтобы все понимали. В этом отношении в ней есть крупные недостатки (в этом условном смысле). Укажу хотя бы на следующие два... [Конца письма нет.]

II.

Цюрих, 1893 [?] г.

Дорогая Вера!

Вчера я покончил счеты с Гроз[овским] по Фейербаху. Относительно Энгельса (Разв[итие научного социализма]) сдается, только еще «о предисловии» он сможет через несколько дней окончательно ответить, а тем временем он предлагает выработать («восстановить») договор. Он пробудет тут с неделю, а потому, если хотите не давать ему предлога для новых кляуз, пусть Ж[орж] «восстановит», как он помнит, условия договора и немедленно вышлет мне; идол [Грозовский] в свою очередь обещал мне прислать свой проект. Тогда мы с'едемся, чтобы окончательно согласиться. В то же время вы и Ж[орж] должны точно определить пределы моих полномочий, т.-е. по каким спорным пунктам я могу уступать, напр., относительно *величины гонорара*... Я ему сказал, что ввиду того, что я не помню деталей переговоров, я

предложу Ж[оржу] сюда приехать, тем более, что все равно нам нужно бы свидеться. Если хотите, пришлю на дорогу деньги, а то одолжите дня на два, а я затем пошлю кредитору. Нужно вам знать, что получил ответ от Гроз[овского] на письма о третейском суде, — разумеется, в соответствующем тоне. Можете судить сами по следующей фразе: 1. «Система ведения дела была выбрана и установлена не мною, а г. Плех[ановым]. Она состояла в том, чтобы вести переговоры со мною наедине (в мае), при чем г. Пл[еханов] говорил мне, что и на будущее время желает придерживаться той же системы, что он, приезжая, будет даже скрывать от знакомых свое пребывание в Цюрихе»...

Я отказал ему в свидании, но затем он, под предлогом ликвидации счетов по Фейерб[аху], предложил зайти ко мне домой, и тут уже [мы] как бы пришли к вышесообщенному результату. Я ему сказал, что не пошлю вам его письма ко мне, чтобы не вызвать в вас нового раздражения и не помешать попытке заключения мировой. Я лично не жду добра от трет[ейского] суда, или обществ[енного], — его все-таки сделаем героем, а сами втянемся в дело на целые месяцы. А между тем, может случиться, что скоро у нас дела будет по горло, да и теперь собственно его уже достаточно.

Одна фраза в вашем письме привела меня в большое недоумение или, точнее, негодование... [Остальное зачеркнуто и конца нет.]

III.

Дорогая Вера!

Те 20 фр. я послал вам не на дорогу, а на поддержание если не тела, то хоть духа в теле. Но получили ли вы их?

Прилагаю милое письмо Ингермана. Американцам я ответил (официально, кроме послания интимного Ингерману), что хотя и «подарок» дорог, но еще дороже скрывающаяся под их предложением послать Ж[оржу] деньги «любовь». Но вместе с тем я им сообщил о проекте издания Энгельса с предисловием Ж[оржа], при чем они под видом гонорара могли бы ему оказать такую же материальную поддержку.

Я им составил такую смету:

1) 4 листа предисловия по 100 фр. гонор[ара] — 400 фр.,

2) листа 3 перевода по 30 (!) — 100 [фр.]

3) и набора печати и брошюровки приблизительно (по 80 фр.) — 560 фр.

1.060 [фр.].

280 фр. имеются, 180 фр. можно бы из присланных ими присоединить, — остальную сумму, может, они вышлют.

Хочу я вам прислать 30 фр. — но как, на какой адрес? Беда, да и только!

А я, ввиду распоряжения америк[анцев], хотел пока что Ж[оржу] послать 50 фр. и уж написал ему об этом, а потом уже получил ваше письмо. Но все-таки пошлю, а то как бы не захворал от всяких невзгод. Впредь до ответа от американцев я ему ничего не буду писать об их резолюции и письме Ингермана.

Не говорил вам Ж[орж] о письме Ингерм[ана] к нему с месяц тому назад? Мне он ничего не писал, а Ингерм[ан] спрашивает.

«Р[усское] Б[огатство]» пошлю вам, как только получится след[ующая] книжка. Тогда обещали мне дать.

А от Николаева [?] ничего еще нет, а пора бы.

Устал от утренних писем.

Ваш *П. А.*

IV.

Дорогая Вера!

Наконец-то получил от вас несколько строк. Но теперь еще не знаю, где вы собственно обретаетесь. Комаровский[?], от которого я впервые узнал о клевете [1]) Л[ившиц], говорил мне, что вы и Ж[орж] переселяетесь в Женеву. Рука уже начинает болеть, и приходится писать меньше, чем хотел. Сообщение Ш[муйлов?] о взгляде товарища старика на положение дел в России совпадает с тем, что он тут и мне говорил (30 декабря). И, к сожалению, в этом взгляде много правды. Интеллигенция революционно отжила, а рабочие только *начинают* еще проявлять *признаки* пробуждения к революционной жизни.

[1]) Об этом уже сообщалось в печати. *Ред.*

Геноссе [?] пробыл тут всего с 7 часов вечера (а в 8 он уже начал свою речь) до после обеда следующего дня, непрерывно окружен посетителями и притом страшно устал, измучен. Это, конечно, сильно связывало меня. Но, кроме того, я подметил, что он как бы избегал очень пускаться в вопросы о России, точно опасаясь, что речь зайдет о щекотливом денежном вопросе. Я, разумеется, не коснулся его. Да и как было заводить речь о нем, не раз'яснив предварительно, зачем, почему и т. д., когда наша единственная надежда и та заболела; и об Ш[муйлове?] ни слуху, ни духу.

Вообще о финансовой поддержке от геносс[ов, герм. соц.-дем.] *в данную минуту* и говорить нечего. Замечу кстати, что, по словам Каутск[ого], товарищ старика [?] в последнее время стал страшно рассеян и всецело поглощен какими-то мыслями. Я лично вынес впечатление, что он считает гораздо ближе момент решительной битвы с реакцией, чем многие думают. Говоря об освобождении России под влиянием победоносной революции в Германии, он повидимому ожидает ее в близком будущем. Но довольно о геноссах. В первый раз, кажется, у меня в душе... [На этом письмо обрывается.]

V.

Дорогая Вера!

Не знаю, где вы теперь обретаетесь — в Морнэ или Женеве. [В] Морнэ я посылаю на адрес Ж[оржа] и в то же время пишу Раковск[ому], чтобы он вам доставил эту книгу, если бы вас уже не было в Женеве.

Я ограничился приглашением вас сюда к нам, т[ак] ск[азать], из трусости. А теперь я расхрабрился и решаюсь просить вас приехать сюда возможно скорее. Надя даже размечталась до того, что сочинила план водворения нас обоих в Аффолтерне. Но, помимо разных финансовых затруднений, план этот неосуществим уже и потому, что я раньше июня не могу уехать. Надя только со вчерашнего дня начала ходить в заведение на пару часов и в течение ближайших 3—4 недель она едва ли в состоянии будет целые дни про-

водить в деле. Аня [1]) скоро будет рожать, а у Якова — лекции, клиника и т. д. Словом, мне придется часа по 4 в день тратить на кефир, да и теперь я немногим меньше трачу. Итак, теперь вам пришлось бы удовлетвориться Цюрихбергом, где я бы постарался найти для вас комнату по возможности недалеко от леса и от нас (теперь большое число улиц с очень отлогими склонами проведены на Цюрихберге). Ведь теперь вы очень одиноки и с Ж[оржем] вы редко видитесь. Что же вас может удерживать там? Мне кажется, перспектива жизни здесь в течение 4-х месяцев (ну, или около того) не должна бы теперь пугать вас. Мы все не можем вам заменить общества Ж[оржа], но раз вы его лишились, то Цюрих имеет некоторый плюс сравнительно с Морнэ. Так приезжайте же сюда хоть к концу апреля, а мы тем временем будем искать подходящую комнату в подходящем месте. На этот раз даю вам слово даже не грызться с вами по всяким поводам. Буду кроток как агнец. Прилагаю письмо Аксельрод [Л. И.], читающей мне нотацию. А я и теперь думаю, что должен был переслать Ж[оржу] письмо Гелл [?], хотя я и представлял себе впечатление, которое оно произведет на Ж[оржа]. Передал ли он вам письмо (я не читал его) увриера?

А то обстоятельство, что в России много людей называют себя соц[иал]-демократами даже подтверждает мое пессимистич[еское] мнение о теперешнем настроении демократ[ической] интеллигенции. В периоды реакции самые радикальные теории теряют свое революционное действие на умы. Я даже боюсь, что именно наиболее толковые и трудолюбивые элементы интеллигенции уходят теперь в легальную деятельность. И, право, гораздо плодотворнее была бы деятельность всех разговаривающих о революции, если бы они посвятили свои силы легально-просветительной деятельности среди рабочих... Рабочие в силу вещей также необходимо придут, в конце концов, к революц[ионным] выводам, как разночинцы когда-то пришли. Рабочие и низшие слои переживают теперь период, аналогичный с нашими средне-дворянскими и разночинскими.

---

[1]) Анна Исааковна — сестра Надежды Исааковны, жена Якова Кальмансона. *Л. Д.*

Л. ДЕЙЧ.

КТО ПРАВ?

(ОТВЕТ ПРОФ. М. Н. ПОКРОВСКОМУ.)

Известный историк М. Н. Покровский дважды почтил меня своим вниманием: в 1923 г. в статье «Плеханов как историк России» и в 1924 г. — в «Очерках по истории русского революционного движения», но, к крайнему моему огорчению, он в обоих этих произведениях дает далеко не лестный отзыв о моей статье «Как Плеханов сделался марксистом», помещенной в «Пролетарской Революции» (№ 7 за 1922 г.). Так, в вышеназванной статье он пишет:

«Основоположник русского марксизма нередко (?) бывал жертвой домарксистских приемов изучения. В статье его старого друга, Л. Г. Дейча, можно найти рассказ о том, как, только переехав русскую границу и в достаточной степени овладев немецким языком, Плеханов оказался в состоянии прочесть «всего» Маркса и стать марксистом. В основе плехановского марксизма лежала таким образом *книга*: от того, прочел он эту книгу парою лет раньше или позже, зависело, когда сделается марксистом Плеханов, и с какого года будем мы датировать торжество пролетарской идеологии в России» [1]).

В этой заметке несколько неточностей. Но предварительно укажу на следующие странности: автор как бы берет от меня под свою защиту моего покойного друга, который «бывал жертвой», и это он делает в той именно статье, где, как говорится, в пух и прах, будто бы, разбивает бедного Плеханова за плохой его марксизм. Далее, заявление, что «основоположник русского марксизма *нередко* бывал жертвой», по логике, предполагает указание на несколько соот-

---

[1]) См. «Под Знам. Марксизма», 1923, № 6—7, стр. 5—6.

ветствующих этому случаев, между тем М. Н. Покровский ссылается только на один мой «прием». Обращаясь затем к содержанию приведенной цитаты, я вынужден сказать, что она совершенно неверно передает мое сообщение; к тому же М. Покровский придал ей такой вид, будто она является выдержкой из моей статьи. В последней вовсе не сказано: «только переехав русскую границу и в достаточной степени овладев немецким языком, Плеханов оказался в состоянии прочесть «всего» Маркса — и стать марксистом», — этих фраз *нет* в упомянутой им моей статье. Между тем М. Покровский взял слово «всего» (Маркса) в кавычки, а — «книга» — в разрядку, чем ввел читателя в заблуждение. Я тщетно искал приведенное им место, взятое будто бы оттуда.

Никакой писатель, даже излагая своими словами чужое сообщение, не вправе произвольно его изменять; кроме того, он обязан указать, *где, на каких страницах было помещено* то или иное сообщение; он не может ограничиваться одной только ссылкой на все произведение в целом, как это сделал по отношению моей статьи М. Покровский, — этого элементарного правила он почему-то не соблюл. Неправильная передача чужого сообщения применена им также и в его «Очерках», где, между прочим, читаем:

«Как Дейч в своих воспоминаниях рассказывает о движении Плеханова к марксизму? Плеханов, говорит, когда он [1]) жил в России, не знал немецкого языка и поэтому не имел возможности изучить, как следует, Маркса — смешивал Маркса с Дюрингом и т. д. Имея очень неправильные общественные представления, он был заражен всевозможными народническими предрассудками. Попав в эмиграцию и изучив там немецкий язык, Плеханов имел возможность внимательно прочитать все произведения Маркса и Энгельса и сделался, таким образом, марксистом. Так, *примерно*, рассказывает Дейч о зарождении марксизма, но все это — извиняюсь перед этим чрезвычайно почтенным ветераном русской революции — есть совершеннейший вздор, ибо первая марксистская статья Плеханова написана в 1878 г. в Ленинграде, когда Плеханов немецкого языка не знал, но когда он наблюдал воочию непосредственно петербургское рабочее движение, и оно наводило его на целый ряд соответственных выводов» [1]).

[1]) Здесь, очевидно, опечатка, — следует переставить два последние слова. *Л. Д.*

Выражений — «Плеханов смешивал Маркса с Дюрингом», «он имел очень неправильные общественные представления», «был заражен всевозможными народническими предрассудками», «имел возможность прочитать все произведения Маркса и Энгельса», — этих фраз нет в указанной М. Покровским моей статье. Поэтому, если допустимо приписывать, хотя бы «примерно», автору фразы, которых он не писал, то, очевидно, вполне последовательно вместе с этим характеризовать его сообщение столь изысканным термином, как «совершеннейший вздор».

По изображению М. Н. Покровского, как мы видели, я будто бы сообщил, что Плеханов из народника превратился в марксиста под влиянием всего лишь ознакомления со «всеми произведениями Маркса и Энгельса», или, как он это кратко формулирует, — по прочтении «*книги*».

Между тем моя статья, сообщающая «Как Плеханов сделался марксистом», занимает без малого три печатных листа, — уже из одного этого факта, мне кажется, ясно, что почти на 48 страницах я не мог ограничиться сообщением лишь одного обстоятельства, которое, мол, коренным образом изменило миросозерцание моего старого друга. В действительности, в ней довольно подробно изложен целый ряд условий и причин, способствовавших превращению Плеханова из народника в марксиста. Таким образом М. Покровский на-ряду с полным умолчанием о многих сделанных мною в статье сообщениях привел только одно обстоятельство, к тому же совершенно неправильно им переданное. Попытаюсь отчасти заполнить эти упущения, — приведу, хотя бы вкратце, наиболее важные из сделанных мною сообщений, что даст читателю возможность судить, правильно ли обошелся с моей статьей М. Покровский.

Несмотря на господствовавший среди революционной молодежи 70-х гг. эклектизм, Плеханов, — сообщаю я в названной статье, —

[1]) См. «Очерки по ист. русс. рев. движ.», стр. 82, курсив мой. *Л. Д.*

«являлся одним из очень немногих у нас, уже тогда склонявшихся к материализму. Все же... он не мог избежать того, чтобы в раннем периоде развития его социально-политических убеждений не имели на него того или иного влияния крупные европейские — да и наши собственные — авторитеты».

«Не удивительно поэтому, что в 70-х гг., на-ряду с Марксом и Энгельсом, в числе «блестящей плеяды» фигурируют у Плеханова не только Родбертус, но и Дюринг» [1]).

Спрашивается, тождественна ли передача собственного заявления Плеханова, зачислившего Дюринга в «блестящую плеяду», со «смешением Маркса с Дюрингом», что, как мы видели, почему-то вычитал в этой моей статье наш историк?

Далее, М. Покровский, в опровержение моего, будто бы, «вздорного» изображения процесса развития Г. В. из народника в марксиста, ссылается на статью Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», написанную им для «З. и В.» еще в 1878 г., когда он не знал немецкого языка, что, мол, не помешало ей явиться «первой марксистской статьей». В доказательство этого М. Покровский делает из нее обширную выписку, которую, однако, заканчивает следующим характерным замечанием:

«Дальше следует совершенно народническая фиоритура... Благодаря этому, они (т.-е. рабочие. *Л. Д.*) являются драгоценными союзниками крестьян в момент социалистического переворота. Тут еще народник в Плеханове сказывается» [2]).

Из вышецитированного из «Очерков» места, где мое сообщение об'являлось «совершеннейшим вздором», а статья Плеханова — «первой марксистской», было естественно заключить, во-первых, что я, будто бы, отрицал наличность в ней какого-нибудь марксизма, и, во-вторых, что М. Покровский, в противоположность мне, в авторе «первой марксистской статьи» видит уже сложившегося марксиста, не нуждавшегося в знакомстве с произведениями Маркса и Энгельса, следовательно, и в знании немецкого языка. И вдруг читаем, что в этой статье «еще народник Плеханов сказывается»! Что же, разве я в очерке-статье «Как Плеханов стал марксистом» сообщил о той же статье «Закон экономического развития и т. д.» обратное? Вот что я писал там об этой статье.

[1]) См. мою брошюру «Г. В. Плеханов», вып. 1-й, стр. 40—41.

[2]) «Очерки по истор. русс. рев. движ.», стр. 83—84.

«Под этим «законом» Г. В. признает известное положение Маркса, гласящее, что, «когда какое-нибудь общество напало на след естественного своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декретов; но оно может облегчить и сократить мучения родов».

«Из этого положения Плеханов делает такое заключение: так как в России еще сохранилась община, и она, следовательно, «еще не напала на след этого закона, то обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для нее необязательна».

«...Наша страна может миновать «капиталистическую продукцию», так как, мол, «возможность общинной обработки земли доказывается тем, что даже при теперешних условиях эта общинная обработка существует в некоторых отдельных общинах».

Далее я указывал на то, что, несмотря на страстную приверженность к народничеству, Плеханов обнаруживает для своих лет «глубокое понимание марксистского метода», в подтверждение чего привожу блестящее его рассуждение о том, что «вообще история вовсе не есть однообразный механический процесс», и тут же заявляю, что аргументация этого 22—23-летнего бакуниста 70-х гг. «очень напоминала опубликованное впоследствии, в конце 80-х гг., известное «Письмо К. Маркса к ред. «Отеч. Зап.».

«И рядом с этим проникновением в метод основателей научного социализма, — писал я далее, — мы находим в разбираемой статье Г. В. явно бакунинские рассуждения вроде... «разрешающего влияния современного государства... (на общину, артель и проч.)... или далее: таким образом, мы... пришли к тем практическим за-

дачам, которые ставили себе титаны (?) народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и др.» (ibid., стр. 41—42).

Но не только в этот период, а также в течение еще 3-х лет Бакунин продолжал играть преобладающую роль как в мировоззрении Плеханова, так и в практических его проектах и приемах.

«...Центр тяжести нашей деятельности, — писал он в той же статье, — переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем».

Тогда всеобщее крестьянское восстание, вроде Разинского или Пугачевского, всем нам, не исключая Плеханова, представлялось очень близким. В этом случае, по заявлению Г. В., в той же статье, которую М. Покровский назвал «первой марксистской», —

«Городские рабочие, разойдясь по селам и деревням средней части России, из которой, главным образом, пополняется их контингент, сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению, они подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения».

Таким образом, несмотря на местами правильные суждения Плеханова в указанной статье, суть ее все же сводилась к преобладанию в ней бакунизма над марксизмом, что, как ниже увидим, он и сам признавал. Но, повидимому, М. Покровский лучше Плеханова знает, что последний уже написал свою «первую марксистскую статью» еще до поездки за границу, следовательно, до усвоения немецкого языка и изучения произведений Маркса и Энгельса, хотя он же, как мы только что видели, признал в ней «совершенно народническую фиоритуру».

Не один только Плеханов, являвшийся в конце 70-х гг., главным образом, бакунистом и лишь отчасти признававший обще-теоретические взгляды научного социализма, но и лица,

считавшие себя целиком приверженцами последних и, наоборот, противниками Бакунина, подобно И. Ф. Фесенко и некоторым лавристам, в практической деятельности были эклектиками, утопистами, не находившими возможности связывать свои теоретические воззрения с русской действительностью. Не понимая этого противоречия и встречая в произведениях некоторых последователей и полу-последователей Маркса и Энгельса рассуждения, напоминавшие взгляды основателей научного социализма, иной историк или исследователь той эпохи готов зачислить такие статьи во вполне марксистские, а их авторов — в число лиц, уже не нуждавшихся в более основательном изучении сочинений Маркса и Энгельса.

Ни сам Плеханов еще не был марксистом, ни его, следовательно, литературные произведения не являлись «марксистскими», в том смысле, как обязательно понимать этот термин, не только в 1878 г., когда он писал вышеназванную статью о «Законе» и т. д., и в нем, по признанию самого М. Покровского, сказывался «народник», но и в последовавшие годы. В доказательство этого имеется огромное количество фактов, не говоря уже о неоднократных собственных заявлениях Плеханова. До от'езда за границу он оставался ярым последователем Бакунина, вплоть до признания федералистической организации общества, что и выражено было им в первом же номере народнического органа «Черный Передел», главным, если не сказать правильнее, фактически единственным редактором которого он являлся. Что же, — может быть, это мое сообщение — «совершеннейший вздор», так как еще за год перед тем Плеханов поместил в «З. и В.» свою «первую марксистскую статью», в которой, однако, имелась «совершенно народническая фиоритура»? Но если это мое сообщение верно, — в чем не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти, — тогда ведь совершенно не прав М. Н. Покровский, сделавший столь нелестный отзыв о моей статье.

До появления статьи М. Покровского в «Под знам. маркс.» решительно никто не подвергал ни малейшему сомнению

указанного общеизвестного факта, что Плеханов лишь за границей стал марксистом. Впервые мною было сообщено в статье «Как Плеханов стал марксистом» о начавшихся у него еще зимой 1879—1880 г., после возникновения «Черного Передела», некоторых, правда, очень смутных, сомнениях. Ввиду того, что очень строгий, но, как видим, несправедливый ко мне М. Покровский, вероятно, лишь наскоро перелистал эту мою статью, чем единственно могу об'яснить его полные неверных заявлений и суждений вышеуказанные и нижеследующие выдержки, приведенные к тому же на память, я воспроизведу здесь соответствующее место.

> «Таким образом, — писал я там, — судя по статьям Г. В., помещенным в № 1 «Черн. Пер.» [1]), он по-прежнему являлся ярым бакунистом, хотя и признающим некоторые общие положения научного социализма».
>
> «Однако, несмотря на решительное его отстаивание как в литературных произведениях, так и устно правильности всех народнических взглядов, а также полную соединимость их с воззрениями Маркса и Энгельса, — с той же знаменательной зимы 1879—80 г. начал точить его червь сомнения. Припоминаю некоторые вскользь брошенные им фразы, которым тогда ни сам он, ни тем более кто-либо из нас не придавал никакого особенного значения, между тем, как потом оказалось, в них таилось начало серьезного умственного процесса. Но в отчаянных условиях нашей тогда нелегальной жизни, ввиду свирепствовавшего, особенно в столице, возмутительнейшего политического режима, вызванного покушениями на царя, конечно, невозможно было останавливаться на сколько-нибудь подробном рассмотрении тех или иных тонкостей, правильности и совместимости таких-то воззрений с такими-то положениями и т. п. При таких исключительных условиях никакой гениальный человек не в состоянии заниматься анализом начинающегося у него умственного процесса. Для последнего необходима нормальная, спокойная обстановка, мирная жизнь, уверенность в завтрашнем

[1]) Следовательно, уже зимой 1879—1880 г.

> дне. Ничего этого не было тогда ни у Г. В., ни у кого-либо из нас, его близких товарищей.
>
> Однако, несмотря на вечную суетню, обилие занятий, беспокойств и проч., где-то глубоко в душе Плеханова таилось сомнение, — верна ли защищаемая им позиция, правильны ли проповедуемые им и нами, его единомышленниками, взгляды? Это для меня — да и для других — стало ясно потом, когда мы вспоминали, как он неоднократно по тому или другому поводу восклицал с глубокой скорбью в голосе: «Беда! Чувствуешь, что нехватает знаний! Учиться надо, а мыслимо ли при наших условиях?! В сущности, что мы знаем? Многого нам недостает» и т. д.» [1]).

Кроме упомянутой выше выдержки, приведенной М. Н. Покровским из названной статьи Плеханова, снабженной, по его же заявлению, «народнической фиоритурой», и где, также по его признанию, «народник Плеханов сказывается», — М. Покровский в подтверждение, тем не менее, будто бы все же правильности сделанного им деликатного отзыва о моих сообщениях, — привел всего пять следующих строк:

> «Первая марксистская статья Плеханова написана в 1878 г. в Петербурге, когда Плеханов немецкого языка не знал, но когда он наблюдал воочию непосредственно петербургское рабочее движение, и оно наводило его на целый ряд соответствующих выводов».

Следовательно, по утверждению М. Н. Покровского, не только главной, но и единственной причиной, побудившей Плеханова стать «марксистом», было то, что «он наблюдал непосредственно петербургское рабочее движение, происходившее в 1878 г.». Но если бы это было верно, то, значит, с этого года Г. В. перестал бы быть «народником», что несомненно противоречит действительности и что отрицает сам М. Покровский своими фразами о «народнической фиоритуре» и тем, что «народник Плеханов еще сказывается».

Происходившее в Петербурге *рабочее движение* имело на Плеханова лишь то влияние, что указало ему на зна-

[1]) Цит. ст., стр. 51—52.

чение агитации среди *этого слоя*, но *не в его интересах, как класса*, а ввиду *деятельности среди крестьян*. Вот что сам он сообщает в своих известных воспоминаниях, озаглавленных «Русский рабочий в революционном движении»:

> «Передовая статья № 4 «З. и В.» [1]), вышедшего в свет 20 февраля 1879 г., целиком посвящена вопросу о роли городских рабочих «в боевой народно-революционной организации». «Волнения фабричного населения, говорится в этой статье, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, — заставляют нас, раньше чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации. Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед на подобающее им место, *вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей*» (курсив *Г. В.*) [2]).

Между тем как наш автор об'явил эту статью марксистскою, несмотря на заключающуюся в ней «народническую фиоритуру» и сказывающегося еще в авторе ее «народника», — вот как сам Плеханов отзывался о ней:

> «Чрезвычайно характерно, — писал он в «Русском рабочем», — это *невзначай вырвавшееся у народника признание*» [3]).

Вот за эту-то «невзначай» написанную народником часть, но в целом все же народническую статью наш историк возвел всю ее в «первую марксистскую» и сослался на нее в доказательство написанного мною будто бы «сплошного вздора». Что и говорить: чрезвычайно убедительно! Наблюдая непосредственно рабочее движение, Плеханов написал народническую статью, в которую, по его же признанию, «невзначай» попали некоторые марксистские фразы; поэтому

[1]) Т.-е. именно та, из которой, как я выше упомянул, М. Покровский привел обширную выдержку в доказательство «марксизма» Плеханова. *Л. Д.*

[2]) Назв. брошюра, стр. 66, изд. «Пролетариат». СПБ. 1906 г.

[3]) Там же, курсив мой. *Л. Д.*

он еще до поездки за границу стал марксистом, хотя тут же (в этой же статье) сказался «в Плеханове народник»; значит, Л. Дейч, сообщивший, что Г. В. до изучения в подлиннике произведений Маркса и Энгельса не был настоящим марксистом, сказал «совершеннейший вздор»! Можно ли отрицать в этой аргументации неопровержимую последовательность и убедительность?

Возникает, однако, небольшое недоумение: если мое сообщение «совершеннейший вздор», то не следует ли эту художественно тонкую характеристику применить и к самому Плеханову? Ведь он *еще раньше меня* отозвался об указанной своей статье аналогичным образом, и я, в сущности, лишь в несколько иных выраженных повторил его же взгляд. В таком случае возникает еще и другое недоумение: почему М. Покровский, которому должны быть известны произведения основоположника русского марксизма, не указал много лет раньше на «совершеннейший вздор», высказанный самим Плехановым [1])?

Между тем как Плеханов считал свою статью о «Законе и т. д.» вполне народнической, что в значительной степени признал и М. Покровский, он же ее резюмирует в следующих выражениях:

> «Итак, основная идея революционного рабочего движения была формулирована Плехановым еще в «Земле и Воле», в статьях, написанных в конце 1878 г. и опубликованных в самом начале 1879 г. Это для нас ценно, потому что лишний раз подчеркивает, что к своей пролетарской революционной позиции Плеханов шел не от книжки, как изображает (?) Дейч, как изображали до сих пор, а от действительной жизни, от той реальной борьбы, которая происходила на его глазах. Плеханов марксистом сделался, не изучая Маркса в подлиннике, как думает (?) Дейч, а наблюдая в по-

[1]) К слову: М. Н. Покровский, впрочем, и по поводу «Истории русской общественной мысли» Плеханова высказался лишь несколько лет спустя не только после появления этого произведения, но и после смерти автора, чем лишил последнего возможности возразить на эту критику.

длинном виде рабочее движение, и только это рабочее движение, конечно, и натолкнуло его на чтение и изучение Маркса» [1]).

Верно ли, что, будучи еще в «З. и В.», Плеханов «формулировал основные идеи революционного рабочего движения»? Нет, не верно уже потому, что он был тогда и еще долго спустя завзятым *народником;* и не от «действительной жизни, не от реальной борьбы» сделался он марксистом, а все же, главным образом, вследствие изучения Маркса. Неопровержимых доказательств этому не мало. Начну со свидетельства самого заинтересованного в этом споре лица, — с Плеханова. Вот что, кроме вышеприведенного, он сообщает в «Русс. рабочем и т. д.»:

«Народническая интеллигенция», — к которой, конечно, он и себя причислял, — «могла лишь рекомендовать рабочим социалистам «агитацию», «агитацию» и «агитацию», да упрекать их в том, что они, будто бы забывая об этой агитации, слушают «чтение о каменном периоде или о планетах».

Между прочим, эта «рекомендация» и эти «упреки» находились в той именно *его же* статье о «Законе», которая, как мы знаем, и навела нашего историка на вышеприведенное «резюме». Далее Плеханов заявляет:

«К началу 1879 г. *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову. Ввиду этого не удивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени «*Северно-Русский Рабочий Союз*», в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками» [2]).

М. Покровский, быть может, скажет, что эти цитаты не опровергают его утверждения; поэтому приведу еще другие. Как Плеханов отнесся к «рабочему движению», выразившемуся в выработанной «Северно-Русс. Раб. Союзом» программе? Послушаем вновь его собственный рассказ:

[1]) См. «Очерки и т. д.», стр. 85—86. *Л. Д.*

[2]) Цит. брош., стр. 66.

«Возникновению союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической точки зрения, — читаем все в том же «Русс. раб.», — но программа его причинила нам немалое огорчение. В ней — о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении высидевшей утят курицы» [1]).

Далее Плеханов сообщает, что в «З. и В.» он же решительно высказался против этой программы. Нужны ли еще доказательства тому, что, будучи в «З. и В.», Плеханов не только не «формулировал основной идеи революционного рабочего движения», как совершенно ошибочно утверждает М. Покровский, но, наоборот, *полемизировал* с рабочими, отстаивавшими эту именно программу. Следовательно, он не шел «от действительной жизни, реальной борьбы». Неверно также, будто «рабочее движение и натолкнуло его на чтение и изучение Маркса»: он начал изучать последнего еще до знакомства с рабочими. Все это — голословные утверждения, идущие вразрез с действительностью и с заявлениями самого заинтересованного лица — Плеханова.

Нельзя не указать здесь еще и на другого характера противоречие: на опровержение М. Покровским самого себя. На той же странице, на которой М. Покровский об'явил рабочее движение той эпохи «почвой определенной действительности», на которой будто бы возникла новая «идеология» Плеханова, мы несколькими строками ниже читаем:

«В половине 70-х гг. движение достигло такой температуры, что ограничиться разговорами революционеры не могли; они должны были как-то начать действовать. Но как может начать действие группа в несколько сот человек? Вы скажете, что они могли бы обратиться к рабочей массе и двинуть ее на революцию. Но вы видели, что даже в Петербурге, — а это был

[1]) «Очерки и т. д.», стр. 68—69.

центр революционного движения, — *рабочая масса стояла на таком уровне, что ее приходилось подвигать на шествие к наследнику»* [1]).

Если верно, будто бы *вся* рабочая масса стояла на таком низком уровне, — хотя, в действительности, было, конечно, не так, — то спрашивается, каким же образом она могла «натолкнуть Плеханова на изучение Маркса и усвоение его учения? В действительности такое изображение тогдашнего рабочего движения совершенно неверно, чему масса доказательств, в том числе и свидетельство Плеханова, заявившего, как мы видели, что «к концу 1879 г. *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову». Поэтому, не говоря уже о вопиющем противоречии, находящемся на одной и той же странице, поразительно, что М. Покровский заодно с даже в то отдаленное время отставшими от рабочего движения народниками, еще теперь, по прошествии более 45 лет, продолжает сообщать своей аудитории, будто, вследствие отсталости «рабочей массы», ничего другого не оставалось делать, как заниматься террором!

Известно, что одновременно со мною, В. И. Засулич и Стефановичем Плеханов в январе 1880 г. отправился в Швейцарию. Выше я упомянул, что тогда начали уже мелькать в его голове сомнения, на которых он не мог останавливаться. Лишь косвенно, в отдаленной степени могли в этом отношении на него повлиять указанные мною в статье «Как Г. В. Плеханов стал марксистом» встречи с С. Халтуриным и другими рабочими, примкнувшими к народовольцам. Некоторую роль сыграли также появившиеся тогда исследования известного земского статистика Орлова, указывавшие на начавшееся распадение общины, следовательно,—опять «книга». Все же, как известно, Плеханов не только во время выезда за границу, но еще в течение почти двух лет своей жизни там оставался народником, в чем легко убедиться из его статей, напечатанных в вышедшем в Женеве № 2 «Черного Передела», а также из «Заявления прежних издателей «Черного Передела», помещенного в № 3, вышедшем

[1]) «Очерки и т. д.», курсив мой. *Л. Д.*

в марте 1881 г. Вот что, между прочим, читаем в последнем:

«В настоящее время, как и полтора года тому назад, мы думаем, что задача «Черного Передела» заключается в определении задач партии в народе, в агитации на почве требований народа, выраженных лозунгом «Земля и Воля», и во внесении в народный протест идей современного социализма... Орган должен оставаться верным принципу федерализма» [1]).

Как видим, Плеханов продолжал быть бакунистом, допускавшим, подобно апостолу анархии, соединение лозунга «З. и В.» с идеями современного социализма. Неправильна, поэтому, приведенная М. Н. Покровским в его статье будто бы «примерная» передача моего сообщения, что, «переехав русскую границу и в достаточной степени овладев немецким языком, Плеханов оказался в состоянии прочесть всего Маркса — и стать марксистом». Это, может быть, очень остроумная, но все же только — карикатурная передача моего сообщения. Вот что я писал:

«По приезде в Женеву Георгий Валентинович, не теряя даром лишнего часа, засел за занятия. Насколько могу припомнить, кроме разных других, связанных с научным социализмом вопросов, он стал по первоисточникам изучать все, что относится к I Интернационалу... Рядом с этим Г. В. знакомился с такими произведениями, как «La misère de la philosophie» и с сочинениями Прудона — «Philosophie de la misère»; тогда же он вплотную принялся за изучение немецкого языка, в чем делал неимоверно быстрые успехи» [2]).

После этих сообщений я затем на 25 страницах рассказываю о целом ряде происшествий, событий, выступлений, споров, встреч, так или иначе влиявших на изменение народнических воззрений Плеханова. Похоже ли это на данное М. Покровским будто бы «примерное» изображение моих сообщений?

[1]) См. сочинения Г. В. Плеханова, т. I, стр. 133—134.
[2]) См. мою брошюру «Г. В. Плеханов».

Если бы я неверно передал обстоятельства жизни Плеханова за границей, М. Покровский должен был бы указать, в чем именно я отступил от истины. Вместо этого он, как мы видим, ограничился карикатурной формулировкой незначительной части моих сообщений и затем произнесением решительного приговора — «совершеннейший вздор».

Что же получается? А вот что: хотя все переданные мною факты действительно имели место, тем не менее я, очевидно, не должен был поделиться ими с читателями, раз я не желал удостоиться столь лестного отзыва от М. Н. Покровского. Не правда ли, оригинальное положение! Но из приведенных цитат из произведений М. Покровского вытекает еще и следующее.

Я уже упомянул о том, что мое изложение процесса превращения Плеханова из народника в марксиста тождественно со сделанным им самим. Как известно, впервые он коснулся этого вопроса в знаменитой брошюре «Социализм и политическая борьба», подписанной 25-м октября 1883 г. Вот соответствующее место:

> «Лица, сочувствующие направлению «З. и В.» и «Черн. Пер.», органов, в редактировании которых я принимал участие, могут упрекнуть меня в том, что я отступил от теории так называемого народничества... Теоретические его положения действительно кажутся мне во многих отношениях ошибочными. *Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня*, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не могут удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения» [1]).

Следовательно, Плеханов тоже сослался на те же, что и я, обстоятельства, способствовавшие его превращению в марксиста, т.-е. на пребывание за границей и чтение «книг». Значит, и он сообщил «совершеннейший вздор», так как

[1]) См. предисловие к брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба», стр. XI, курсив мой. *Л. Д.*

М. Покровский лучше нас с Плехановым знает, благодаря каким именно обстоятельствам Г. В. стал марксистом; поэтому-то М. Покровский и утверждает, что не пребывание за границей и не чтение «книги», а влияние русского рабочего движения конца 70-х гг. произвело этот переворот в Плеханове.

Сверх всего прочего, получился еще один совершенно неожиданный и в высшей степени оригинальный казус.

В начале этой заметки я обратил внимание читателя на неправильность выражения М. Покровского, будто бы «основоположник русского марксизма *нередко бывал* жертвой домарксистских приемов изучения», так как он сослался только на меня одного. Теперь же оказывается, что и Плеханов прибегнул к «домарксистским приемам изучения» самого себя, следовательно, «основоположник русского марксизма бывал жертвой» уже не меня одного, но и самого себя!

Из упомянутых произведений М. Н. Покровского мы далее узнаем, что изложение в хронологическом порядке фактов и обстоятельств из жизни данного лица тождественно с «домарксистскими приемами изучения» его и, если это изложение вполне соответствует истине, то оно является «совершеннейшим вздором». Затем, по словам М. Н. Покровского, этот факт «чрезвычайно полезно запечатлеть в своем сознании прежде всего из методологических соображений» [1]) и т. д.

Заметка моя была уже сдана в Госиздат, когда в № 3 «Воинствующего материалиста» я прочел в статье Г. Плеханова «Начало социал-демократического движения в России» — к слову, напечатанной Д. Рязановым даже без извещения душеприказчиков — нижеследующее:

> «Наши тогдашние революционные теоретики, к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, запутывались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму. Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями. Начались

[1]) «Очерки», стр. 86.

усиленные попытки заштопать все прорехи старой теории... Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего нелегального положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западно-европейским научным социализмом... Каждый из нас привез с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находился в резком противоречии с теорией «бунтарей». Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи. Сначала мы были рассеяны по разным странам Зап. Европы; но достойно внимания то, что как бы мы ни были удалены друг от друга — так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я — в Париже, — наши умственные взоры всегда устремлялись в одном и том же направлении — в направлении социал-демократической теории, т.-е. марксизма. Тот, кто не жил в то время, с трудом может представить себе, с каким жаром набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык».

Можно ли после этого собственного изложения Георгием Валентиновичем процесса его превращения в марксиста еще сомневаться, что М. Покровский совершенно зря вздумал меня опровергать; иначе придется допустить, что он лучше самого Плеханова знает, когда и как тот стал марксистом.

С. Я. ВОЛЬФСОН.

ВОКРУГ ПЛЕХАНОВА.

(Плехановская литература за 1924 год.)

Настоящий годовой обзор плехановской литературы является для пишущего эти строки третьим [1]).

Если 1922 год мне пришлось характеризовать, как *первый*, позволяющий говорить о плехановской литературе, как год, в котором стихийно проявилась в передовых слоях рабочего класса и в среде марксистской интеллигенции «тяга к Плеханову», то 1923 год позволил установить значительно возросшую интенсивность в изучении Плеханова и в актив этого года поставить ряд значительных достижений, как-то: начало выпуска полного собрания сочинений Г. В., ряд отдельных сборников его работ, несколько брошюр, посвященных Плеханову, некоторые новые материалы, касающиеся его жизни, наконец, большое количество журнальных откликов на пятилетнюю годовщину смерти Георгия Валентиновича.

Актив 1924 года библиографу Плеханова можно признать столь же значительным, как и результат предыдущего года, хотя характер, так сказать, этого актива видоизменился.

Наиболее крупным явлением отчетного периода в интересующей нас области следует признать организацию «Комитетом по увековечению памяти Г. В. Плеханова» выпуска специальных сборников, призванных некоторым образом

[1]) Обзор за 1922 г. был выпущен отдельной брошюрой «Вокруг Плеханова» издательством «Белтрестпечать»; обзор за 1923 г. был помещен под тем же заголовком в первом сборнике группы «Освобождение Труда». *Авт.*

Настоящий обзор был набран для № 4, но, к сожалению, вследствие обилия материала не мог в него войти. *Ред.*

играть роль «Plechanowstudien» и уж первыми тремя выпусками внесших значительный вклад в плехановскую литературу.

Далее следует остановиться на издании полного собрания сочинений Г. В., принесшего в течение года шесть новых томов, так что к началу 1925 года мы имели изданными 14 томов из 26, на которые рассчитано все издание. Если судить по аналогии, то окончание издания потребует еще двух лет. Добросовестное, научно-состоятельное издание полного собрания сочинений Плеханова является, конечно, делом огромной трудности, требующим не только значительной затраты энергии, но и большого времени. В этом обстоятельстве до известной степени оправдание медлительности издания. Но все же до *известной степени*. Советский читатель вправе требовать ускорения издания, которое, повидимому, растягивается на целых четыре года. Тем более, что некоторые из до сих пор невыпущенных томов (напр., 20—21) нуждаются в очень незначительной редакторской работе [1]).

Лучшим доказательством интереса к собранию сочинений Г. В. служит выпуск вторым изданием его первых томов и переход в последних томах с десятитысячного на двадцатипятитысячный тираж.

1924 год не дал нам, как в предыдущем, брошюр, посвященных жизни и деятельности Плеханова, но зато принес две более крупных работы о Г. В. В мае вышла первым изданием, а к концу года закончена печатанием вторым — работа пишущего эти строки «Плеханов» (25 печатных листов), к концу же года появилась работа В. Ваганяна «Г. В. Плеханов» (45 печатных листов).

Согласно произведенному мною подсчету, в Советском Союзе за 1923 г. было выпущено до 160.000 экз. сочинений Плеханова, составляющих без малого три миллиона печатных листов. Эта цифра обратила на себя внимание не только советской, но даже и зарубежной печати. Характерно, что та же цифра осталась мало измененной для 1924 г. По подсчету, который быть может страдает очень небольшой погрешностью, в 1924 г. в СССР выпущено 170.000 экз. сочинений Плеханова об'емом в три миллиона двести тысяч печатных листов.

---

[1]) В настоящее время эти тома уже вышли. *Ред.*

Касаясь моментов, выходящих за пределы плехановской литературы, но связанных с памятью Георгия Валентиновича, я бы хотел отметить присвоение в 1924 году имени Плеханова одному из наиболее крупных вузов СССР — Институту Народного Хозяйства, ранее носившему имя Карла Маркса.

Академиком И. Я. Гинзбургом в минувшем году закончен и отлит из гипса памятник Георгию Валентиновичу для постановки его на площади перед Технологическим Институтом в Ленинграде. Памятник представляет собой фигуру Плеханова во весь рост (3 арш. высоты), стоящего у кафедры и произносящего речь. Ниже, прислонившись к кафедре, стоит слушатель — русский рабочий, который держит в одной руке знамя, а в другой — молот. Обе фигуры стоят на гранитном пьедестале, на котором высечены надписи; фигуры, кафедра и знамя — из бронзы; высота всего памятника приблизительно 9 аршин.

В заключение следует указать, что помимо литературы, вышедшей в СССР и которой посвящен настоящий обзор, в 1924 году вышли две небольшие работы о Плеханове и за границей:

Georges Plékhanoff. Anarchisme et Socialisme. Force et violence. Avec une biographie de l'auteur par M. Kamenskaia. Publications des «Amis de Plékhanoff» № 1. Paris. Pp. XXXVI+110.

D-r S. Wolfsohn. Professor der Weisrussischen Staatsuniversität. Georg Plechanow. Seine Leben und Werke. Wolge-Verlag. Berlin. 564.

I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ПЛЕХАНОВЕ ЗА 1924 Г.

Из воспоминаний Л. Г. Дейча о Г. В. Плеханове.

Из опубликованных в 1924 году воспоминаний Л. Г. Дейча о Г. В. Плеханове наибольший интерес представляет его статья «Первые шаги группы «Освобождение Труда» (Сборник № 1 группы «О. Т.»), непосредственно примыкающая к его статье «О сближении и разрыве с народовольцами», напечатанной в «Пролетарской Революции» № 8 (20) за 1923 год.

Статья дает яркую картину тех неимоверных трудностей, которые приходилось преодолевать «зачинателям» русского марксизма и тех крайне неблагоприятных условий, в которых они вынуждены были развертывать на первых порах свою деятельность. Дейч вспоминает:

«— Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, — все в ней на новый, социал-демократический путь перевести», — смеялся, помню, один ныне здравствующий видный эмигрант-народник.

«— Вы не революционеры, а студенты социологи», — укоризненно восклицал самый авторитетный тогда старожил, друг Бакунина, Н. И. Жуковский.

«И мы не могли не признавать, что для этого насмешливого, отрицательного отношения к нашим стремлениям имеется не мало оснований».

Затрачивая бесконечно энергию и силы, горсточка основоположников марксистской партии медленно, но верно преодолевала инерцию и тем самым заставляла противников считаться с ней, как с внушительной силой.

«Без малейших преувеличений можно сказать, что идейное и моральное влияние вновь появившейся группы «Освобождение Труда» росло если не по дням и часам, то с каждым месяцем. Это сказывалось по многим признакам и фактам. К насмешливому, ироническому отношению некоторых старых «почтенных» эмигрантов присоединилось тревожное, трусливое и заискивающее: они как бы чувствовали, что надвигается опасность, развивается ненавистное им, как анархистам, народникам, народовольцам и ткачевцам, марксистское направление, которое, чего доброго, действительно поведет за собой новое поколение. Они поэтому сочли необходимым начать борьбу с группой «Освобождение Труда» на идейной арене».

Схватки с противниками неизменно оканчивались победами группы, в первую голову Г. В. Это не мало способствовало тому бодрому настроению, которое господствовало среди членов группы, несмотря на их тяжелое материальное положение.

«Все же, несмотря на вечно постигавшие нас разочарования и бывшее тогда у нас поэтому «хроническое безденежье», подчас вызывавшее неприятные ощущения, в общем все мы, женевцы, в особенности Георгий Валентинович, чувствовали себя совсем недурно. Он, по обыкновению, вечно сыпал остротами, заставляя других покатываться со смеху, когда всякому другому на его месте было бы совсем не до шуток».

Из другого материала, опубликованного Л. Г. Дейчем касательно Г. В. Плеханова, следует отметить его записи,

извлеченные из счастливо уцелевших тетрадей, в которые Л. Г. по настоянию Я. В. Стефановича, находясь на Карийской каторге, занес свои воспоминания. Эти воспоминания имеют, конечно, большую историческую ценность, как фиксированные вскоре за событиями, которых они касаются.

В записи, опубликованной во втором сборнике группы «Освобождение Труда», тов. Дейч касается жизни Плеханова в швейцарской деревушке Божи над Клараном и в Берне. Воспоминания дают ряд бытовых штрихов, касающихся Г. В. и его отношения к разным лицам (в том числе к Н. И. Зиберу, влияние которого на Плеханова, до сих пор служит предметом спора).

Такие же штрихи содержатся и в предисловиях Дейча, которыми он снабдил выпущенные Краснодарским издательством «Буревестник» работы Плеханова: «Экономическая теория Карла Родбертуса», «Анархизм и социализм».

В предисловии к первой из указанных работ Л. Г. сообщает следующие любопытные сведения, свидетельствующие об умении Плеханова работать в любой обстановке:

«Однажды в жаркий летний полдень, когда я, посидев у Плеханова, собрался уйти, он заявил, что пойдет со мной ко мне. Увидев, что он захватил с собой какую-то довольно значительных размеров, еще не разрезанную брошюру Родбертуса на немецком языке, я спросил, для чего она ему нужна в дороге. На это он ответил, что, так как жарко, и нам предстоит итти в гору, то он будет подниматься медленно и часто останавливаться. Ввиду этого ему и пригодится взятая им книжка.

«Я шел впереди по прямой узкой горной тропинке, значительно сокращавшей путь, чем более широкая, извилистая, но менее крутая дорога, по которой поднимался Г. В., почти не отрывавший глаз от страниц взятой им брошюры. Вблизи шалэ, которое мы с В. И. Засулич занимали, мне пришлось немного подождать его. Когда он подошел, и я взглянул на нумерацию раскрытой страницы брошюры, то положительно был изумлен. Теперь я, конечно, не помню, сколько, оказалось, успел он прочесть страниц на ходу в столь короткий промежуток времени, но число их было до того велико, что оно показалось мне прямо невероятным, и я спросил, не просматривал, не перелистывал ли он только эту брошюру. В ответ на это он показал мне обычные свои пометки на полях. Другому, даже давно владевшему в совершенстве немецким языком, потребовалось бы несколько часов на прочтение того количества страниц, на которое Плеханову понадобилось всего три четверти часа, к тому же в жару и на ходу.

«К слову, способность Георгия Валентиновича в какой угодно обстановке — на людях, во время бесед, в трамвае, поезде, на пароходе и т. п. — сосредоточиваться и быстро поглощать страницы за страницами самых серьезных сочинений меня всегда изумляла: казалось в таких случаях, что он лишь перелистывает данную книгу, тогда как в действительности он прекрасно ее усваивал, замечая ее достоинства или недостатки, и мог немедленно дать ясный, исчерпывающий о ней отзыв и запоминал навсегда все это».

Характерен также следующий факт. Тов. Дейч рассказывает, что после выхода работы Плеханова о Родбертусе, к нему (Л. Г.) обратился известный Тун, профессор политической экономии и истории русского революционного движения.

«Однажды, он самым серьезным образом предложил мне написать моему другу, не согласится ли он представить в переводе на немецкий язык свои статьи о Родбертусе в качестве диссертации для получения докторского звания. Проф. Тун сказал мне при этом, что, так как защищать эту диссертацию Плеханову пришлось бы у него, то он ручается за полный успех.

«Зная отношения Георгия Валентиновича к «докторам философии», я не счел нужным написать ему об этом из Базеля, где происходил этот наш разговор с Туном, но, при личной встрече, я ему передал об этом предложении. Как я заранее предвидел, он отнесся к нему с добродушной усмешкой, как к курьезу».

В предисловии к «Анархизму и Социализму» Л. Г. Дейч вспоминает о тех условиях, при которых Плеханову пришлось писать эту работу. Предложение написать ее он получил вскоре после смерти любимой дочери. Впоследствии он сообщил тов. Дейчу по этому поводу:

«Я думал, что вследствие угнетенного состояния не смогу написать эту брошюру, но, взяв перо в руки, я увидел, что голова попрежнему работает, и мысли одна за другой свободно текут. Тогда я убедился, что я действительно литератор, для которого перо является неот'емлемым, несмотря ни на какие душевные состояния, его оружием».

«Это сообщение Г. В., — говорит Л. Г. Дейч, — помню, меня чрезвычайно удивило, так как в то время он уже в течение 15—16 лет писал и был автором многих крупнейших произведений. Когда я указал ему на это, он, помню, сказал: «тем не менее, ясно, определенно формулированное в своем уме сознание, что я действительно писатель, явилось у меня только в тот вечер, и это меня чрезвычайно обрадовало, изменило мое тяжелое душевное состояние, вернуло мне бодрость и трудоспособность».

Некоторые штрихи, относящиеся к Плеханову, дает в своей статье «Ленин и старая «Искра» Л. Д. Троцкий.

Свою первую встречу с Г. В. он изображает следующим образом:

«— Приехал Жорж, — сказала мне Вера Ивановна, — хочет вас видеть, зайдите к нему.

«— Какой Жорж? — спросил я с недоумением, решив, что есть еще одно крупное имя, мне неизвестное.

«— Ну, Плеханов: мы его Жоржем зовем.

«Вечером я зашел к нему. В маленькой комнатке, кроме Плеханова, сидели довольно известный немецкий писатель социал-демократ Бер и англичанин Аскью. Не зная, куда меня девать, так как стульев больше не было, Плеханов — не без колебания — предложил мне сесть на кровать. Я считал это в порядке вещей, не догадываясь, что европеец до конца ногтей Плеханов мог только в виду крайности обстоятельств решиться на такую чрезвычайную меру. Разговор шел на немецком языке, которым Плеханов владел недостаточно и потому ограничивался односложными замечаниями. Бер говорил сперва о том, как английская буржуазия умело обхаживает выдающихся рабочих, а затем разговор перешел на английских предшественников французского материализма. Бер и Аскью вскоре ушли. Георгий Валентинович вполне основательно ожидал, что уйду с ними и я, так как час был поздний, и нельзя было беспокоить хозяев квартиры разговором. Я же, наоборот, считал, что теперь-то только настоящее и начинается.

«— Очень интересные вещи говорил Бер, — сказал я.

«— Да, насчет английской политики интересно, а насчет философии — пустяки, — ответил Плеханов.

«Видя, что я не собираюсь уходить, Георгий Валентинович предложил мне выпить по соседству пива. Он задал мне несколько беглых вопросов, был любезен, но в этой любезности был оттенок скрытого нетерпения. Я чувствовал, что внимание его рассеяно. Возможно, что он просто устал за день, но я ушел с чувством неудовлетворенности и огорчения».

Троцкий отмечает, что его отношения с Плехановым складывались в общем неблагоприятно. Причиной недоброжелательного отношения к себе со стороны Г. В. считает раньше всего выдвинутый Лениным план введения Троцкого в редакционную коллегию «Искры» с тем, чтобы усилить в редакции влияние «молодых». Кроме того, в статье содержатся указания на некоторые столкновения между Плехановым и Троцким, относящиеся к тому же периоду.

Редакция постановила до решения с'езда привлечь Троцкого на заседания с совещательным голосом.

«Плеханов категорически против этого возражал. Но Вера Ивановна сказала ему: «а я его приведу». И действительно, «привела» меня на заседание. Сам я узнал об этой закулисной стороне дела только

значительно позже, а на заседание явился, ничего не зная, не ведая. Георгий Валентинович поздоровался со мной с изысканной холодностью, на которую был большой мастер. Как на грех, редакции пришлось в этом же заседании разбирать конфликтный вопрос между Дейчем и упомянутым выше Блюменфельдом. Дейч был администратором «Искры». Блюменфельд заведывал типографией. На этой почве возникла борьба компетенций. Блюменфельд жаловался на вмешательство Дейча во внутренние дела типографии. Плеханов, по старой дружбе, поддерживал Дейча и предлагал ограничить Блюменфельда типографской техникой. Я возражал: нельзя заведывать типографией только в области техники, есть еще организаторские и административные задачи, и Блюменфельд должен иметь во всех этих вопросах автономию. Помню ядовитейшее возражение Плеханова: «хотя т. Троцкий и прав, что на технике вырастают различные надстройки, административные и иные, как учит теория исторического материализма, но...» и пр. Ленин и Мартов поддержали, однако, осторожно меня и провели соответственное решение. Это переполнило чашу. В обоих этих случаях сочувствие Владимира Ильича было, как мы видели, на моей стороне[1]). Но в тоже время он с тревогой следил за тем, как портились мои отношения с Плехановым, что грозило окончательно сорвать намеченный им план реорганизации редакции. На одном из ближайших совещаний со вновь под'ехавшими делегатами, Ленин, отведя меня в сторону, говорил мне: «по вопросу о популярном органе пускай уж лучше Плеханову возражает Мартов. Мартов будет смазывать, а вы станете рубить. Пусть уж лучше смазывает». Эти выражения: рубить и смазывать помню твердо».

В. Ваганян — Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. Государственное Издательство. Москва, стр. 697.

Книгу В. Ваганяна нельзя не приветствовать, как одну из первых больших работ, посвященных Плеханову, работу, мимо которой не пройдет никто из изучающих деятельность великого идеолога российского рабочего класса.

Приветствуя появление этого значительного труда, мы вместе с тем хотим указать на некоторые обстоятельства, умаляющие в наших глазах его значение.

Автор назвал свою работу «опытом характеристики социально-политических воззрений» Плеханова. Законное право каждого исследователя — ограничить для себя определенную сторону в творчестве интересующего его мыслителя и этой стороной заняться. Однако в таком случае исследователь обязан воздержаться от каких бы то ни было механических делений, сечений по внешнему признаку и изолирования *данной* интересующей исследователя стороны от прочих, с ней внутренне связанных. К сожалению, тов. Ваганян поступил вопреки этому правилу. Его характеристика *социально-политических воззрений* Плеханова сводится почти исключительно к характеристике Плеханова, *как политического деятеля.* При этом последнее понимается очень узко. В этом отношении были правы «Известия ЦИК», назвавшие работу Ваганяна *политической биографией* Плеханова. Но даже для того, чтобы дать лишь политическую биографию такого крупного и многогранного мыслителя-деятеля, как Г. В. Плеханов, надо его *политику* исследовать нераздельно с другими сторонами его творчества. Иначе рискуешь создать неправильную перспективу. Между тем тов. Ваганян, характеризуя социально-политическое мировоззрение Плеханова, ограничивает себя шорами *политики* в самом узком смысле слова, а все, что находится за пределами политики, то «не лежит по пути нашего исследования»... А разве можно понять *социально-политические* воззрения Плеханова в эпоху борьбы с ревизионистами, с великолепным презрением пройдя мимо его *философских* и *политико-экономических* воззрений? Разве можно понять его социально-политические взгляды в эпоху борьбы с ликвидаторами, игнорируя выступления Г. В. против религиозного «труположства» и всякого рода философских юродств? Разве можно понять социально-политические взгляды Плеханова, отметая его как историка русской общественной мысли? Книга Ваганяна дает лишний повод ответить на все эти вопросы решительным «нет». Количество не всегда переходит в качество. Большое или большущее количество страниц, посвящаемых, скажем, политической борьбе с ревизионистами и совершеннейший молчок касательно философских теоретико-экономических расхождений с ними, дают искаженную перспективу спора, усекают и комкают вопрос...

И если В. Ваганян во введении к своей работе заявляет, что «самое главное» у Плеханова — разработка принципов программы, тактики и организации партии проле-

[1]) Как я в своем месте докажу, сославшись на несомненных свидетелей, это и многие другие сообщения Л. Троцкого совершенно не верны. *Л. Д.*

тариата и отсюда делает «совершенно ясный» вывод о том, что его работа не должна заключать в себе «разбор его (Плеханова, Г. В.) теоретических воззрений», то это нас убеждает в одном: можно написать много листов о Плеханове и Плеханова все же не достаточно знать...

Автор рассматриваемой книги предваряет читателя, что недочеты и недостатки работы ему известны «быть может, лучше, чем моим будущим критикам». К сожалению, он не указал тех недочетов, которые повидимому считает об'ективно неизбежными в своем труде. Поэтому мы хотим обратить внимание, помимо сказанного выше, еще на один коренной недостаток книги. Это качественная, я бы сказал, ее неодинаковость. Одни главы (главным образом начальные) хорошо продуманы, в них чувствуется серьезное стремление тщательно разобраться в предмете, исследовать имеющийся материал и т. д. В других же главах дает себя знать поверхностность и скороспелость. Местами книга из исследования о Плеханове превращается в плехановскую, что ли, хрестоматию, — в ней один за другим следуют длиннейшие отрывки из Плеханова, слабо связываемые между собой ниточками беглых суждений и общих мест. (В скобках укажем, что иногда отрывки из сочинений Плеханова чередуются с отрывками из сочинений Ленина, но от этой чересполосицы хрестоматия ведь не становится еще исследованием.) Эти места сплошь и рядом сводятся к тому лишь, что автор декретирует свое мнение о том или ином выступлении Плеханова. «Это сказано превосходно», «неудачно», «блестяще», «пустяки», «недопустимая запальчивость» и т. д. Школьные баллы на полях сочинений Плеханова: три с плюсом, пять, четыре с минусом, единица... Так не следовало поступать автору фундаментальной работы, который в предисловии к ней со смирением, о котором правильно говорят, что оно «паче гордости» заявляет: «у справедливой критики я пощады не прошу»...

Если б моей задачей было рецензировать книгу Ваганяна, мне пришлось бы по долгу рецензента останавливаться на множестве ее отдельных недостатков, спорных утверждений и допущенных неправильностей. Однако, касаясь этой книги попутно, — в связи с годовым обзором, — я хочу остановиться лишь на нескольких таких ее местах, которые могут иллюстрировать ошибки или промахи автора.

Говоря о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в понимании Плеханова (стр. 235—249), тов. Ваганян буквально не сводит концов с концами. Начинает он с повторения ходячей легенды о том, что Плеханов недооценивал (не оценивал с надлежащей об'ективностью) роли крестьянства в революции, а затем приводит ряд рассуждений Плеханова, эту легенду очень хорошо... опровергающих. «Я нарочно, — заявляет Ваганян, — привел большие отрывки, чтобы убедить читателя, что установившийся взгляд, будто Плеханов просто обходил молчанием проблему отношения пролетариата к крестьянству, не верен и нуждается в коренном пересмотре». Он, конечно, очень хорошо поступил, опровергая этот неверный взгляд, но вместе с тем он столь же убедительно опроверг свои собственные слова о том, что Плеханов не в состоянии был об'ективно оценить роли крестьянства в революции... Но это не мешает ему через некоторое количество страниц написать нелепую фразу, достойную народника-сектанта, о том, что Плеханов «добровольно отдавал на с'едение деревенской буржуазии всю крестьянскую бедноту».

Больше чем натянуты попытки изобразить Плеханова эпохи между вторым с'ездом и выходом Ленина из редакции «Искры» каким-то невинным агнецом, который не разбирался во всей сложности окружавшей обстановки: «...меньшинство вело хитрую и тонкую игру, — пишет Ваганян. — Они старались выработать такие «планы», которые бы усыпили бдительность Плеханова и вполне удовлетворили их требованиям... А наивный Плеханов тем временем думал (— я), что он готовит почву для единства» и т. д. (стр. 405). Плеханов — наивный ребенок, которого водят вокруг пальца... Как уж тут не сказать словами гоголевской ключницы: «В чем, в чем, батюшка, а в этом грехе-то я не повинна»... «Наивный Плеханов» — разве это не contradictio in adjecto?

Более энергично приходится протестовать против выражения Ваганяна, которое он употребляет, говоря о попытках Плеханова к об'единению фракций РСДРП, предпринятых в 1904 году. «По его мнению, — говорит наш автор о Плеханове, — кто не пишет громовых статей против Маркса,

тот не оппортунист». И далее следует поучение Плеханову: «Но ведь Маркса можно и не критикуя исказить и исказить в таких областях, где менее всего можно было ждать»... (стр. 429). Эти слова читаются в назидание Плеханову, вся деятельность которого была направлена не столько против открытых врагов марксизма и принципиальных его отрицателей, сколько против всякого рода «исказителей» нашей теории, «услужливых друзей» Маркса, уродовавших и ревизовавших марксизм. Кто еще в международном социализме знал, как Плеханов, что можно быть опаснейшим врагом марксизма, отнюдь не выступая с «громовыми статьями» против него?

Оставляя в стороне целый ряд спорных суждений Ваганяна, на которых я не останавливаюсь по причине, указанной выше, хотел бы еще отметить, что работа не свободна и от фактических ошибок.

Неверно, например, что об'явление мировой войны застало Г. В. в Париже. Он находился в это время в Лондоне, где работал в Британском музее.

Неверно, что Плеханов познакомился с П. Л. Лавровым в 1880 году. Их знакомство относится еще к первой поездке Г. В. за границу, т.-е. к 1877 году. Последняя ошибка является тем более непростительной, что тов. Ваганян уже однажды сделал ее (в журнале «Под знаменем марксизма»), на что в свое время мною было уже указано.

На этом поставим точку. Укажу еще, что не хотел бы, чтобы эта заметка, начатая за здравие работы, кончилась за ее упокой. Не хотел бы потому, что мы имеем все основания полагать, что рассматриваемый труд тов. Ваганяна не заканчивает изучения автором Плеханова, а лишь является вступлением в него. В таком случае, от него можно ждать плодотворных результатов в деле разработки плехановского наследства.

О. В. Аптекман. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Ленинград, «Колос», стр. 96.

Небольшая книжка О. В. Аптекмана посвящена воспоминаниям о встречах автора с Г. В. Плехановым в различные периоды его жизни, начиная годом вступления Плеханова в революционную организацию и кончая годами империалистической войны. Некоторые из этих воспоминаний, относящиеся к землевольческому и чернопередельскому периоду деятельности Г. В., были О. В. Аптекманом, несколько иначе изложенными, уже опубликованы в свое время.

В общем, книжка пропитана большой и теплой любовью автора к отцу русского марксизма, чувством восхищения и преклонения пред ним. Странное впечатление производят, однако, восклицания и причитания «что за прелесть!.. Я готов был расцеловать его, этого Плеханова»... «Умница, умница, светловушка дорогой!»... «Когда, когда опять увижу я тебя, светловушка?» и т. д., и т. д. Эти звучащие так по-институтски-обожательно восклицания, которыми пестрит книжка, уж больно не вяжутся с личностью Георгия Валентиновича...

Далее можно отметить в книжке Аптекмана ряд спорных мест. Так, например, нельзя согласиться с утверждением автора, что уж статьями, напечатанными в №№ 3 и 4 «Земли и Воли», «Плеханов подводит под свое программное построение основы марксизма — исторический материализм. Не будучи тогда еще марксистом, он пользуется, однако, методом марксизма — методом диалектического исследования» (стр. 25). Мы утверждаем, что в 1879 году, когда Плеханов писал ту его статью, на которую ссылается О. В. Аптекман, он продолжал еще быть правоверным народником. Если у Г. В. в это время и проявлялся некоторый уклон в сторону *экономического* материализма, то от этого уклона до подведения «под свое программное построение основ марксизма» — бесконечно далеко... Попадаются в воспоминаниях и ненужные преувеличения вроде утверждения, что при казацких волнениях 1878 года «от искр Плеханова занялся пожар во всей почти области Войска Донского» (стр. 29). Такие же фразы, как «Плеханов уже в то время (1879 г. — *С. В.*) проникся материалистическим пониманием истории, словно он родился на свет уже марксистом в готовом виде, как Минерва из головы Юпитера», ничего, кроме недоумения, у читателя вызвать не могут.

Совершенно нельзя согласиться с местами, посвященными Плеханову периода империалистической войны. До невозможности надуманным и несоответствующим действительности является изображение Плеханова, который живописуется Аптекманом как «мученик, истерзанный сомнением,

раздвоением, потерявший свою дорогу, потерявший самого себя... изменивший самому себе»... Все эти слова об «орле с подбитыми крыльями», о «холодных, как у покойника, губах» и т. д. звучат искусственно, по-ложно-классическому... Что же касается попытки оторвать от жизни Плеханова его последние годы, трактовать их как перебежку на другой берег, мы под этими рассуждениями не подпишемся, ибо считаем далеким от исторической правды рассечение деятельности Плеханова на два периода, меж которыми, якобы, залегла непроходимая пропасть.

Здесь мы сталкиваемся с шаблонным, далеким от действительности упрощением...

Georges Plékhanoff. Anarchisme et Socialisme. Avec une biographie de l'auteur par M. Kamenskaja. Paris 1924. Pp. XXXVI+110.

Несмотря на ту выдающуюся роль, которую Г. В. Плеханов играл в социалистическом движении Запада, о нем в Западной Европе знают очень мало. Ни место, которое Плеханов занимал в Интернационале, ни то обстоятельство, что ряд его работ появился на европейских языках даже значительно раньше, нежели на русском, — все это не обеспечило Г. В. того внимания со стороны Запада, которое Плеханов, казалось, бесспорно завоевал для себя. Открывая какую-либо иностранную книгу, посвященную истории социалистического движения, иногда сталкиваешься с такими суждениями о Плеханове, что только диву даешься. Вот, например, престарелый Людвиг Штейн в последнем издании своего труда «Die soziale Frage im Lichte der Philosophie» ничтоже сумняшеся роднит Г. В. Плеханова с П. Б. Струве, говоря о Плеханове как о «школьном образце потускнения и движения вспять». А Фридрих Ленц, автор книги «Staat und Marxismus», зачисляет Плеханова в ...«критики марксизма».

В то время когда у нас плехановская литература с каждым годом все растет, на Западе за последнее десятилетие не вышло, — если не ошибаюсь, — ни одной брошюры о Г. В., ни одной книги его сочинений. При таких условиях приходится особенно приветствовать выпуск возникшим в Париже обществом «Друзей Плеханова» («Amis de Plékhanoff»)

его брошюры «Анархизм и социализм». Правда, эта брошюра была издана на французском языке еще в 1897 г. группой студентов-коллективистов Парижа и социалистической молодежью Тулузы. Но в последнее время она на французском книжном рынке отсутствовала. Кроме того, в новом издании дана еще близкая по теме к брошюре статья Г. В. «Сила и насилие». Изданию предпослана также биография Плеханова, впервые появляющаяся на французском языке и написанная специально для этого издания М. Каменской. Помимо хорошо известных нашему читателю сведений о жизни Г. В., биография дает кой-какие новые штрихи, несомненно интересные и для нас.

Раньше всего следует отметить до сих пор еще не опубликованное письмо Плеханова к Ленину, относящееся к эпохе ликвидаторства. Вот текст этого письма. Должен оговориться, что текст будет, вероятно, не тождественен оригиналу, поскольку я даю обратный перевод с французского.

Дорогой товарищ!

Извините меня за опоздание с ответом вам. Я был нездоров.

Я также полагаю, что единственное средство положить конец кризису, который сильно одолевает нашу партию, это сближение между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками, и я полагаю, что мне следует лично переговорить с вами, но я нахожу, что наше свидание принесет больше пользы, если оно произойдет немного позже, когда положение обеих фракций станет более ясным.

События развиваются быстро, а время хорошо действует на людей.

Меньшевики начинают все более отходить от теории ликвидаторства. Я хочу думать, что большевики, с их стороны, начинают отходить не только от анархо-синдикалистской теории, но отказываются также от слишком прямолинейного толкования концепции легальных рабочих организаций, что, между нами будь сказано, сильно облегчает успех ликвидаторов.

Ожидая, подготовим почву для сближения, каждый в своей сфере.

Преданный вам *Г. В. Плеханов.*

В биографии дан ряд штрихов, характеризующих работоспособность Плеханова. Несмотря на частые запрещения врачей переутомлять себя, Плеханов никогда не прерывал работы, говоря: «При температуре в 39° можно заниматься литературой, перечитывать классиков. Между 38 и 39° — можно заниматься более напряженной работой (этнография и т. д.). При температуре ниже 38° возможна всякая умственная работа».

Этому своему правилу Г. В. оставался верным до конца. Он продолжал работать и находясь уже на смертном одре. Когда он оказался не в силах держать книги, он просил читать ему. Незадолго до смерти он просил перечесть ему речи Перикла, посвященные Пелопоннесской войне.

Умирал Плеханов при полном сознании. Когда он сообщил жене, что чувствует приближение конца, последняя начала спорить, желая отогнать от Г. В. мысль о смерти. На это Плеханов энергично возразил: «Ты обнаруживаешь слабость. Мы оба — ты и я — старые революционеры и нам надо держаться, как таковым». Затем он добавил: «И, наконец, что такое смерть вообще? Превращение материи. Ты видишь, — он обернулся к окну, которое было открыто в сад, — эту березу, которая приникла так нежно к сосне. Быть может, и я превращусь когда-либо в такую березу. Что в этом плохого?»...

* *
*

Следует отметить, что имя Плеханова мелькнуло в периодической печати минувшего года, между прочим, и в связи с недостойной выходкой Бориса Савинкова, во время его процесса, сделавшего намек на то, что он в свое время получил от Донского гражданского совета поручение переговорить с Г. В. Плехановым по вопросу о вхождении последнего в состав совета. По этому поводу выступила в письме от 2 сентября с протестом, опубликованном в «Известиях ЦИК», Р. М. Плеханова.

«Я крайне удивляюсь забывчивости и легкомыслию этого раскаивающегося вождя белогвардейского движения», — писала Р. М.

«В январе 1918 года он отправляется в Петроград, как делегат, к Плеханову от «Донского гражданского совета», а между тем 3 ноября 1917 года, т.-е. два с половиной месяца перед этим, Плеханов, в ответ на его предложение взять на себя составление министерства «тогда, когда победоносные казаки после битвы при Пулкове войдут в Петроград», ясно и решительно сказал Савинкову: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату и не я его буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути». Борис Викторович забыл тут же данный ему совет Плеханова: «И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого».

«Для серьезного вдумчивого деятеля, действительно «ценящего» мнение Плеханова, эти слова были бы предупреждением и заветом. На Б. В. Савинкова они не подействовали: он оставался при своем глубоком непонимании Плеханова. Он не понимал также его истинного отношения к себе: Георгий Валентинович симпатизировал его энергичному революционному темпераменту, с удовольствием в мирные времена слушал его талантливые рассказы о своих революционных похождениях; считал его смелым, способным на самопожертвование революционером, но был всегда очень невысокого мнения о его теоретическом понимании революционных задач и решительно не любил в нем склонности к легкомысленным выступлениям как в литературе, так и в политической деятельности. Этот элемент в характере Бориса Викторовича он называл авантюристическим, а всем известно, как строго Плеханов относился к авантюризму, в какой бы среде он ни появлялся.

«Поэтому Плеханов всегда и неизменно отстранял всякое практическое предложение, с которым к нему обращался Савинков. Так было в апреле месяце 1917 года, когда он явился к Плеханову с предложением войти в редакцию затеваемой им ежедневной газеты. Георгий Валентинович сказал мне после ухода Савинкова: «Не желаю быть редактором органа перепугавшейся мелкой буржуазии». Такой же отказ от участия в проектированном Б. В. Савинковым и Е. А. Ляцким органе продиктовал мне Георгий Валентинович Плеханов в сентябре 1917 года, в эпоху демократического совещания.

«Каким образом после этих фактов Б. В. Савинков зимой 1918 г. мог оставаться в заблуждении относительно позиции Плеханова, можно об'яснить или крайней забывчивостью, или непростительным, по-моему, легкомыслием.

«Друзья Георгия Валентиновича так хорошо были осведомлены об его отношении к Б. В. Савинкову и его затеям, что зимой 1918 года, когда последний по приезде в Петроград через одного из своих близких добивался свидания с тяжко больным Плехановым, считали себя вправе ответить решительным отказом».

II. НОВЫЕ СТАТЬИ, НАБРОСКИ И ПИСЬМА ПЛЕХАНОВА.

1924 год обогатил нас несколькими чрезвычайной ценности страницами, вышедшими из-под пера Плеханова и лишь теперь впервые увидевшими свет. Если одни из этих

страниц ценны для исследователя Плеханова как исторический материал, то другие представляют сами по себе огромный теоретический интерес.

В первую голову последнее следует отнести к опубликованной во втором Сборнике группы «Освобождение Труда» посмертной рукописи Плеханова «Философская эволюция Маркса», представляющей незаконченную, к несчастью, запись лекции, которую Г. В. читал зимой 1905/1906 г. в Высшей Русской Школе в Париже.

Лекцию Г. В. начал вступлением, посвященным марксистскому анализу понятия философии. Эта часть лекции имеет для нас особую ценность как показатель того, насколько далеки от марксизма те ультра-ортодоксальные «марксисты», которые время от времени собираются в поход против философии и швыряют ее «за борт» как обременительный балласт. Известно, что свободный от кавычек марксизм отводит философии определенное место, отнюдь не собираясь рассматривать ее как некую «науку наук», но в столь же малой мере посягая и на ее законные права как обобщающего и систематизирующего начала в сфере мышления.

Допустимо ли для марксиста говорить о философии, разбираться в *философских* основах нашей системы и т. д.? На этот, полный живого интереса, даже несколько злободневный вопрос Г. В. дает следующий ответ:

«Теория мышления и его законов предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь. Мы увидим, что такой общий синтез и был дан Марксом и Энгельсом. Мы считаем диалектическую философию одной из самых замечательных попыток об'единяющей философской мысли.

«Если не считать, вместе с классической метафизикой, философию наукой об абсолютных субстанциях, о которых, по меткому выражению Энгельса, мы знаем только одно, а именно то, что мы абсолютно о них ничего не знаем, то философии приходится дать следующее рациональное определение: философия есть система синтетических идей, об'единяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху степени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи.

«Потребность общественной мысли вызывается всеми условиями общественного и интеллектуального бытия. И чем более развиваются отдельные науки, тем настойчивее эта потребность ищет удовлетворения.

«Результаты отдельных наук дают только материалы для всеоб'емлющего научного синтеза. В области мысли, как в общественно-экономической, применим известный экономический принцип, по которому мы должны стремиться с помощью минимума средств достигнуть максимального эффекта. Это своего рода интенсивное хозяйство в области мысли, конденсация мысли. Человеческий мозг в процессе своего приспособления к окружающей среде справляется с ней при помощи обобщающей мысли, стремящейся найти гармонию в кажущемся хаосе, единообразие — в бесконечном разнообразии высшую закономерность — в царстве кажущегося произвола и случая. Другой вопрос, возможно ли это научное об'единение, возможен ли всеоб'емлющий научный синтез? И на этот вопрос мы находим ответ у Маркса и Энгельса. Не забегая вперед, скажем пока только, что ответ этот положительный».

Плеханов устанавливает, что Маркс в своей эволюции прошел три фазиса: правоверное гегелианство, антигегелианство, диалектический материализм. Путь Маркса и Энгельса представляет три этапа:

«Первый этап — абстрактное гегелевское самосознание, второй этап — конкретно-абстрактный человек Фейербаха, третий и последний этап — реальный человек, живущий в реальном классовом обществе в определенной общественно-экономической обстановке. Линия развития основателей материалистического понимания истории для нас таким образом вполне выяснена. Мысль их, постепенно углубляясь и расширяясь, развивается от абстрактного к конкретному, от исторически-бессодержательного к исторически-определенному, от психологического индивидуализма и суб'ективного морализма к историческому об'ективизму и материализму».

Очень метко указала на значение опубликованной рукописи для наших дней тов. Л. И. Аксельрод-Ортодокс, отметившая, что мысли, высказанные Плехановым, должны быть достаточно авторитетным предостережением для всякой масти «упростителей» марксизма. Особенное внимание Л. И. обращает на опасность некритического отношения к связи, имеющейся между гегелевой системой и фейербахизмом, с одной стороны, и марксизмом — с другой. Отсутствие же этого критического отношения, должно, по справедливому указанию Л. И., неизбежно привести к «искажению диалектического материализма и легко может положить начало возрождению этих пройденных и превзойденных стадий».

* * *

Несколько меньший, но все же значительный теоретический интерес представляет собой опубликованная в первом

Сборнике группы «Освобождение Труда» рукопись Г. В. о Радищеве, представляющая собой незаконченную XIII главу «Истории Русской общественной мысли».

Из представителей прогрессивной общественной мысли XVIII века Радищев интересовал Плеханова больше других.

Уж в своей речи на русском собрании в Женеве в 1900 году, посвященном 75-летию восстания декабристов, Плеханов назвал Радищева самым ярким представителем освободительных стремлений нашего XVIII в.

И не случайно, конечно, говоря в своей посмертной рукописи о Радищеве, Г. В. вспомнил слова Гегеля, который, закончив в своей «Философии истории» обозрение древнего Востока и перейдя к Западу, сказал: «В Греции мы чувствуем себя, как на своей родине». «Миросозерцание Радищева, — говорит Плеханов, — хотя и не тождественно с миросозерцанием передового человека нашего времени,—по весьма понятной причине, тождество является здесь очевидной невозможностью, — однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий».

Плеханов ценил в Радищеве самого выдающегося из русских мыслителей XVIII века, разделявших идеи Великой Французской Революции. Г. В. высказал ряд представляющих собой глубокий интерес мыслей по вопросу о влиянии, оказанном на Радищева французским материализмом.

Он показал, что его учение о развитии человеческого характера было целиком заимствовано у французских материалистов. Революционные идеи французов встретили у Радищева живой отклик. «Екатерина II нашла, — говорит Плеханов, — что путешествие из Петербурга в Москву распространяет французскую заразу. По-своему она была совершенно права. Радищев, несомненно, выступал, как последователь французских революционеров»... Г. В. считал Радищева первым в ряду тех учителей жизни, между которыми впоследствии выдвинулись Чернышевский и Добролюбов. Этой мысли он не успел надлежащим образом обосновать, ибо его исследование о Радищеве оборвалось посредине. Но того, что

содержится в неоконченной посмертной рукописи Г. В., посвященной Радищеву, достаточно для того, чтобы получить общее представление об отношении Плеханова к первому идеологу русского революционного движения.

* * *

В четвертой книжке ленинградского журнала «Звезда» опубликована небольшая статья Г. В. «Толстой и природа». Статья эта в свое время предназначалась для сборника, который имел выпустить организованный в 1908 году комитет по празднованию 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого. Однако сборник не был издан, а рукопись Плеханова в числе других застряла в толстовском музее.

Статья является ценным дополнением к другим высказываниям Г. В. о Толстом.

«Толстой, — говорит Плеханов, — один из самых гениальных и самых крайних представителей индивидуализма нового времени. Индивидуализм положил глубочайшую печать как на его художественные произведения, так в особенности на его публицистические взгляды. Неудивительно, что он отразился и на отношении его к природе. Как ни любил Толстой природу, но он не мог бы найти ничего убедительного в доводах Фейербаха против мысли о личном бессмертии. Эта мысль являлась для него психологической необходимостью. А если вместе с жаждой бессмертия в его душе жило, можно сказать, языческое сознание своего единства с природой, то это сознание вело у него лишь к тому, что он не мог, подобно древним христианам, утешаться мыслью о загробном бессмертии. Нет, такое бессмертие было для него слишком не заманчивым. Ему нужно было то бессмертие, при котором вечно продолжала бы существовать противоположность между его личным «я» и прекрасным «не я» природы. Ему нужно было то бессмертие, при котором он не переставал бы чувствовать вокруг себя жаркий воздух, «клубясь уходящий в бесконечную даль» и «делающий глубокою голубизну бесконечного неба». Ему нужно было то бессмертие, при котором продолжали бы «жужжать и виться мириады насекомых, ползать коровки, везде кругом заливаться птицы». Короче, для него не могло быть ничего утешительного в христианской мысли о бессмертии души: ему нужно было бессмертие тела. И едва ли не величайшей трагедией его жизни явилась та очевидная истина, что такое бессмертие невозможно».

В связи с последними днями жизни Г. В. особый интерес приобретает одно место статьи Плеханова. Выше читатель найдет указание на слова, сказанные Г. В. незадолго до смерти жене: «Что такое смерть? Превращение материи»

(см. Отзыв о биографии Плеханова М. Каменской. Париж 1924). Известно также, что, умирая, Плеханов просил надписать на его памятнике слова Шелли: «Он об'единился с природой». Следующее место из рассматриваемой статьи исчерпывающе доказывает, что предсмертные слова Г. В. не были результатом случайных настроений, а соответствовали его цельному миросозерцанию. За десять лет до смерти Плеханов писал:

«Есть люди, не видящие ничего особенно страшного в том, что им со временем придется совершенно слиться с природой, окончательно раствориться в ней. И чем яснее сознают они по тем или другим впечатлениям свое единство с природой, тем менее страшной становится для них мысль о смерти. Таков был, вероятно, Шелли, которому принадлежат глубоко поэтические слова, сказанные им по поводу смерти Китса: «Он об'единился с природой» (He is made one with Nature). Таков же был Людвиг Фейербах, сказавший в одном из своих двустиший:

Fürcht' dich nicht vor dem Tod. Du verbleibst ja stets in der Heimat,
Auf dem vertrautem Grund, velcher Dich liebend umfangt [1]).

* * *

Из корреспонденции Плеханова, опубликованной в 1924 г., наибольшую ценность имеет переписка с Фридрихом Энгельсом. Она напечатана во втором Сборнике группы «Освобождение Труда» и состоит из 11-ти писем Плеханова к Энгельсу и 5-ти писем Энгельса к Плеханову. Переписка относится к 1889—1895 годам [2]).

Наиболее интересное в переписке представляют места, относящиеся к легальному народничеству. В письме, относящемуся к середине 1894 г., Плеханов обращает внимание Энгельса на необходимость особенно энергичной борьбы с народнической традицией: «Если во времена Маркса, — пишет он, — наши русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистического периода, то в наше время та же мысль становится

[1]) Не бойся смерти, Ты ведь останешься всегда на родине, в близкой тебе земле, которая любовно об'емлет тебя.

[2]) Письма Плеханова к Энгельсу [но без ответных последнего. *Ред.*] впервые появились в № 11—12 журнала «Под знаменем марксизма» за 1923 г.

очень опасной утопией. Теперь крайне необходимо с ней бороться».

В письме, писанном, повидимому, вскоре за цитированным (1 июля 1894 г.), Плеханов ставит вопрос о народнической вере в прочность и прогрессивность общинных устоев в связи с выступлениями Н. —она (Даниельсона, переводчика «Капитала»). Он пишет:

«Без всякого преувеличения теперь можно сказать, что чем больше разрушается наш старый экономический строй, который так мил Н. —ону, тем больше мы приближаемся к революции. Н. —он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы уже страдаем от капитализма и еще страдаем оттого, что капитализм не достаточно развит. Страдание на страдание, это учетверяет наши экономические бедствия, не говоря о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать скверного на его счет».

Плеханов все время настаивал на необходимости выступления Энгельса против Даниельсона, которого характеризовал как «революционера и утописта в одно и то же время». Энгельс, однако, уклонился от того, чтобы «впутаться в полемику», что должно было потребовать от него очень много времени. Да, кроме того, он самую полемику считал бесплодной, т.-е. бесполезной. Глубочайший интерес представляют собой эти его строки, в которых он, отказываясь выступать в роли просветителя русских утопистов, высказывает мысль о том, что их «просветителем» явится сама история.

«Нет возможности полемизировать с этим поколением русских, неизменно верящих в спонтанейно-коммунистическую миссию, отличающую Россию, настоящую «святую Русь», от других неверных народов. И, наконец, в такой стране, как ваша, где крупная современная промышленность привита к примитивной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные ступени цивилизации, -- в стране, которая сверх того окружена более или менее действительно интеллектуальной китайской стеной, воздвигнутой деспотизмом, нельзя удивляться, если происходят самые странные, самые невероятные сочетания идей... Это — ступень, через которую страна должна пройти. Мало-по-малу, с ростом городов, отрезанность талантливых людей исчезнет, а вместе с тем — и эти заблуждения ума, вызванные одиночеством, беспорядочностью случайных знаний этих забавных мыслителей».

Характерно, что Энгельс, считая необходимым требовать марксистской последовательности от социалистов России, где социалистической партии приходится вести борьбу за самое

существование свое, в то же время допускал значительную терпимость по отношению к социалистам Запада, где социалистическая партия уже завоевала себе прочное положение. Так, повидимому, в связи с ироническим восклицанием Плеханова по поводу эклектизма Жореса (письмо от 20 февраля 1895 г.) Энгельс пишет ему (в письме от 26 февраля 1895 года):

«Жорес на хорошем пути: он изучает марксизм, но не нужно его слишком торопить; он уже сделал довольно большие успехи, — гораздо больше, чем я предполагал. И потом, не будем требовать слишком много ортодоксии: партия слишком велика, и теория Маркса слишком распространена, чтобы путаники (confusionnaires), более или менее изолированные, могли много повредить на Западе. У вас — другое дело, подобно тому как было у нас в 1845—1859 гг.».

* * *

Три письма Плеханова к С. М. Кравчинскому-Степняку (1888—1892 гг.) гораздо менее важны, нежели переписка с Энгельсом. Одно из писем интересно тем, что показывает, как уже в конце 80-х годов в голове Г. В. зрела мысль об обширном труде по истории русской общественной мысли.

«Мы изложили бы в ней, — пишет Плеханов о предполагаемой работе, к участию в которой он хотел привлечь Кравчинского, — мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева (предварительно в нескольких словах упомянувши о Крижаниче и Посошкове). Мы рассказали бы о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах Павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдаче в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дуббельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебывали или еще остаются в ссылке».

И хотя Плеханов говорит в письме о «книжечке», но из приведенного плана становится ясно, что мысль его уносилась далеко за пределы «книжечки»... Письма дают несколько лишних доказательств мучительной материальной нужды, которую приходилось Г. В. претерпевать в те годы.

Опубликованные в первой книге сборников «Воинствующий материалист» тридцать семь писем Г. В. Плеханова и

девять писем Р. М. Плехановой, адресованных издательству «Мир» в Москве, имеют весьма небольшой общественный интерес.

Письма эти, охватывающие период с 1909 до 1917 г., носят узко деловой характер и трактуют исключительно технические вопросы, связанные с выпуском издательством «Мир» работ Г. В., преимущественно с выпуском «Истории русской общественной мысли». Письма эти дают иллюстрации к общеизвестному факту исключительной добросовестности научной работы Плеханова, зачитывания им огромного литературного материала перед выполнением любой работы, большого интереса ко всем деталям, связанным с печатанием его произведений.

Ленин. «Как чуть не потухла «Искра» (предисловие к комментариям Л. Каменева, справка А. Потресова). Письмо Ленина к Н. К. Крупской. Запись Ленина. Ленинский Сборник I. Институт Ленина при ЦК РКП (б), стр. 33—50.

Опубликованная в первом Ленинском Сборнике рукопись В. И. Ленина «Как чуть не потухла «Искра» относится к началу сентября 1900 г. и посвящена переговорам, которые В. И. Ленин и А. Н. Потресов в качестве представителей организации «Искра» вели с группой «Освобождение Труда» по поводу создания общепартийного органа.

Как видно из записи, Ленин и Потресов при первом же свидании с Плехановым натолкнулись на его непримиримую позицию по отношению к участию в органе П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского, которых организаторы «Искры» стремились на определенных условиях использовать. Равным образом при первых же свиданиях имели место некоторые трения, обусловленные крайне резким отношением Плеханова к «союзникам» (экономистам).

На совещании, которое происходило 24—28 августа с участием Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода, В. И. Ленина и А. Н. Потресова, Г. В. заявил о своем желании участвовать в создающемся органе в качестве рядового сотрудника, ибо, как передает его заявление В. И. Ленин, «иначе будут только трения, он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, он понимает и уважает нашу партийную

точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником».

Заявление Плеханова произвело чрезвычайно сильное впечатление на представителей «Искры»; дальнейшее изображается Лениным так:

«Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Г. В. (Плеханов) говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем: сколько голосов? — Шесть. — Шесть неудобно. — «Ну, пускай у Г. В. (Плеханова) будет 2 голоса, — вступается В. И. (Засулич), — а то он всегда один будет, — два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся. Тогда Г. В. (Плеханов) берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих — тоном, не допускающим возражений. Мы сидим все, как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся все (более) робкими, что Г. В. (Плеханов) «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что «новая система» всецело равняется полнейшему господству Г. В. (Плеханова) и что Г. В., отлично понимая это, не стесняется господствовать во всю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты на голову, но еще не реализовали себе вполне своего положения». И Ленин и Потресов исполнились жгучей ненависти по отношению к Плеханову, считая, что он их третирует, оскорбляет, создает «атмосферу ультиматумов» и т. д.».

Возмущение Ленина действиями Плеханова было тем сильнее, чем с большим пиэтетом он относился к Г. В. «Мою влюбленность в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, vénération, ни перед кем я не держал себя с таким смирением» — и никогда не испытывал грубого такого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок». Ленин и Потресов решили порвать с Плехановым. С тяжелым чувством шли они на собрание, где должны были об'явить о разрыве. «Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека) — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, об'являть ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?».

В конце концов, однако, до разрыва не дошло. Выход оказался в компромиссном решении о совместном издании сборников «Заря» и газеты «Искры», при чем сохранялось в силе прежнее решение о руководстве изданием коллегией

из шести соредакторов при представлении Плеханову двух голосов. В последний момент, пред фиксацией соглашения выплыл было вопрос о возможных разногласиях в редакционной среде. Ленин считал возможным разрешать эти разногласия путем голосования. Плеханов же отстаивал право сохранения самостоятельности *по основным* вопросам. По этому поводу Ленин говорит:

«Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставляющих смеяться, но этот вопрос так-таки и замял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего «индивидуализма» и от своих «ультиматумов», ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы».

Та трещина, которую дали отношения Плеханова и Ленина после конфликта

(«внутри порвалась какая-то струна, замечает В. И., — и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие...»),

однако, не помешала Ленину попрежнему считать абсолютно необходимым сотрудничество с Плехановым. Об этом он категорически заявлял в письме к неизвестному социал-демократу от 5 сентября 1900 г. (Письмо Ленина к X, опубликованное в том же сборнике).

Интересно, что в письме к Н. К. Крупской, относящемуся к началу сентября, В. И. всецело оправдывает Плеханова в его борьбе с экономистами.

«Во-первых, совершенно неверное представление о Vademecum'e господствует в России под влиянием росказней сторонников «Рабочего дела». Послушать их — это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевания личностей, сплошное употребление «недопустимых» приемов и т. п., а на деле в этой вещи преобладает, в громадной степени преобладает принципиальная сторона, и нападки на личности лишь придаток, неизбежный придаток при тех запутанных и до нельзя обостренных отношениях, которые постарались создать «молодые». Vademecum, это — вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма, против «стыда и позора» социал-демократии. «Я никогда не думал, что мне суждено пережить такой стыд» — восклицает Плеханов в конце предисловия к опубликованным им документам. И против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что вся суть его брошюры — именно об'явление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусковщины», именно принципиальный раскол, а раскол, «драка» в «Союзе» лишь побочный результат этой принципиальной розни».

Отметим еще следующий важный факт. Если еще в августе при переговорах с Плехановым, Ленин и Потресов настаивали на условном привлечении к работе в журнале Струве, то в декабре они уж вынуждены были окончательно порвать с ним. В записи от 29 декабря 1900 г. Ленин — после свидания со Струве — заявляет, что он показал себя «политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом». Поведение Струве, повидимому, оказало на Ленина ошеломляющее действие, и В. И. заявлял, что это свидание имело для него историческое значение, «подводящее итог целой — если не эпохе, то стезе жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь».

Материалы к выработке программы РСДРП 1903 г. Проекты, программы и переписка В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова. С предисловием и вводными замечаниями Л. Каменева. Ленинский Сборник, II. Институт Ленина при ЦК РКП (б), стр. 8—170.

Материалы эти представляют собой большой ценности источник для ознакомления с историей выработки программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Они ярко освещают подготовительную фазу выработки программы и те разногласия, которые проявились в составе редакции «Искры» в это время. Материалы заключают первоначальный проект программы, составленный Г. В. Плехановым, замечания Ленина на этот проект программы, выработанный Лениным, поправки Мартова к последнему проекту и замечания Плеханова по поводу него; второй проект, выработанный Плехановым, отзывы Ленина о втором проекте, комиссионный проект и замечания к нему Плеханова и Ленина, ряд связанных с проектом писем Плеханова, Засулич, Ленина, Аксельрода, Потресова и некоторые другие материалы.

Из рассмотрения указанных документов явствует с несомненностью, что дискуссия велась преимущественно лишь по *теоретической* части программы и что, несмотря на всю

ту критику, которой многократно подвергался проект Плеханова, он все же оказался незначительно измененным и своей наиболее существенной частью претворился в программу, принятую с'ездом.

Считая необходимым согласовать плехановский (второй) и ленинский проекты, не вынося при этом наметившихся разногласий за стены редакции, редакционная коллегия «Искры» выделила (по предложению В. И. Засулич) согласительную комиссию, которая и должна была составить окончательный проект партийной программы.

Здесь следует указать, что свои основные разногласия с Плехановым Ленин сводил к следующим четырем пунктам:

1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще.

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, например, рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельско-хозяйственного капитализма не то затемнена, не то вовсе обойдена. Затем место «диктатуры пролетариата «заняла» революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплоатируемой массы». Такая формулировка противоречит основному принципу «Интернационала»: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса». Помимо пролетариата, другая часть «трудящейся и эксплоатируемой массы» (т.-е. главным образом мелкие производители) лишь отчасти революционна в своей борьбе с буржуазией. Именно, она революционна лишь тогда, когда она, «имея в виду переход в пролетариат» «становится на точку зрения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте, так что в общем и целом отношение пролетариата к «трудящейся и эксплоатируемой массе» изображено неправильно.

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на комментарий.

Что же касается Плеханова, то он против ленинского проекта восстал с большой решительностью:

В письме к В. И. Засулич, от начала марта 1902 г. он писал, что этот проект «в полном смысле слова невозможен», что он «не сделает чести группе «Освобождение Труда». В письме к Аксельроду от 12 марта 1902 года он добавлял, что если «проект Фрея (Ленина) будет принят», то он, Плеханов, «вынужден будет заявить, что он все-таки считает его неудовлетворительным. Выйдет что-то вроде нового раскола. В предупреждение его лучше воспрепятствовать принятию».

Все же, когда В. И. Засулич было внесено предложение о согласовании проектов, Г. В. на это предложение охотно пошел. В письме от 19 марта 1902 года он писал Вере Ивановне:

«Я полагаю, что комиссия недурно сделает, если согласит мой проект с проектом Фрея (Ленина); боюсь только, что эта работа ей не удастся.

1) «Характеристика капитализма дается такая; которая охватывает и процесс развития капитализма в России, но вместе с тем отмечает различие в степени (по сравнению с передовыми странами)».

Тут находится, по моему мнению, des Pudels Kern. Фрею (Ленину) хотелось найти такую формулировку, в которой утонуло бы всякое различие между Россией и Западом. Я понимаю психологическое основание такого стремления, но знаю также, что оно приводит подчас к крупным логическим и социологическим промахам... Теперь исполнение желания Фрея (Ленина) поставило бы нас в альтернативу: или 1) не ответить критикам на их «критику» марксовского взгляда на капитализм (а такой ответ должен заключаться в программе, чтобы она не вызывала упрека в том, что ее авторы не приняли во внимание современного состояния «науки», или 2) давать неверную характеристику капитализма, так как русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма, но... если комиссия сумеет избежать этой альтернативы, то тем лучше. Открытая полемика между Фреем (Лениным) и мною имела бы то неудобство, что подала бы повод к толкам о расколе между «ортодоксами», а такие толки теперь очень для нас невыгодны и даже прямо опасны...

3) Совершенно не понимаю, как это «формулировать пункты «в духе пролетарской (надеюсь, не мартыновской) борьбы». А я как формулировал? Вся наша программа *от начала до конца* должна иметь в виду именно эту борьбу, но если кому-нибудь не нравится, что в моем проекте указано на то, что пролетариат совершит революцию, поддержанный другими слоями эксплоатируемой массы, то здесь я вижу *принципиальное разногласие. Дело не в том, что пролетариат совершит революцию* **в интересах** этих слоев, а в том, что некоторые из них он может и должен привлечь для **совместной борьбы с капиталом.**

Вы говорите в своем письме, что в манифесте коммунистов все другие слои, кроме пролетариев, названы реакционными. Но ведь манифест имел в виду тогдашнего немецкого клейнбюргера; теперь обстоятельства значительно изменились, и я думаю, что чем дальше будет развиваться капитализм в передовых странах, тем более часть мелкой буржуазии и мелкого крестьянства будет вынуждаться к переходу на сторону пролетариата. Мы *не обязаны думать как Маркс там и тогда, где и когда сам Маркс думал бы иначе.* Кроме того, я очень хорошо помню, как едко Энгельс насмехался над теми геноссами (товарищами), которые воображают, что мелкая буржуазия неизбежно должна быть реакционной.

Против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею. Фрей (Ленин) нашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом проекте о ней говорилось *слишком «крикливо»*. Я заменил выражение *диктатура пролетариата* выражением *власть пролетариата*: *это одно и то же*, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор. Но выходит, что теперь у меня сказано недостаточно *«крикливо»*. Прибавьте *«крику»*.

Согласительная комиссия за основу приняла проект Плеханова, внеся в него некоторые изменения в направлении, указанном проектом Ленина. По поводу этих исправлений Г. В. сделал ряд замечаний, в которых между прочим говорил:

«Буржуазное общество в его развитом виде характеризуется (марксистами) господством в нем товарного производства на основе капиталистических производственных отношений. Комиссия выкинула эту, единственную возможную (научную) характеристику, вообразив, что я поставил ее в своем проекте по недосмотру, по ошибке, по непониманию или по чему-либо подобному. Но я поставил ее en connaissance de cause [сознательно]. Современное буржуазное общество отличается именно тем, что в нем господствует производство товаров и что эти товары производятся на выше названной основе. Именно этим обстоятельством и об'ясняется то, что средние цены товаров отступают от их трудовой стоимости».

«Чего нельзя терпеть», заявлял далее Плеханов, «так это следующего»:

«Комиссия, поправляя мой проект, пришла к той формулировке, что у нее «вообще мелкие производители» (тот же третий параграф) оказываются вынужденными периодически продавать свою рабочую силу. Это фактически неверно, как это скажет комиссии всякий, знакомый со статистикой: не все мелкие производители находятся в таком положении. Это безусловно необходимо поправить».

В общем и целом Г. В. все же соглашался с проектом комиссии и заявлял:

«И так, я на проект согласен, даже и в том случае, если вы не примете в соображение ни одного из моих замечаний».

Все же комиссия с указаниями Плеханова посчиталась и в окончательном ее проекте имеется ряд изменений, сделанных согласно приведенным указаниям.

* * *

Об отношениях Плеханова к Ленину.

Отношения Г. В. Плеханова и Ленина бегло характеризуются в некоторых из воспоминаний, посвященных В. И. Ленину и опубликованных в год его смерти. Так Н. К. Крупская в № 83 «Правды» от 11 апреля 1924 года пишет:

«Плеханова В. И. любил страстно. Плеханов сыграл крупную роль в развитии В. И., помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом; всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов. С какой радостью он повторял слова Плеханова: «не хочу умереть оппортунистом». Даже в 1914 году, когда разразилась война, Вл. Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов: «неужели он не поймет?» — говорил В. И.».

Л. Б. Каменев характеризует отношения Ленина к Плеханову почти таким же образом.

«Соратники Владимира Ильича знали давно, что даже после окончательного разрыва с Плехановым Владимир Ильич сохранял к последнему особое чувство. Мы знали, что никогда Владимир Ильич не ставил Г. В. Плеханова на одну доску с другими своими противниками, что он ценил в нем не только большой ум, революционную опытность и громадные значения, но и боевой дух, воинственный пыл подлинного марксиста. Всегда и на всех поворотах исторического пути — вплоть до катастрофического августа 1914 г. — Владимир Ильич готов был прежде всего посчитаться и особенно тщательно взвесить аргументы Плеханова. «В Плеханове живет подлинный якобинец», — не раз говаривал Владимир Ильич, а это было в его устах высшей похвалой. Не раз с восхищением отзывался он о тех литературно-политических боях, которые провел Плеханов. Среди политических недоносков, с которыми по долгу службы приходилось иногда сражаться Владимиру Ильичу, он явно выделял Г. В. Плеханова как бойца, достойного своего противника.

Для правильного понимания отношения Владимира Ильича к Плеханову надо вспомнить, что после самой резкой полемики с Плехановым в 1905—1907 гг. не кто иной, как сам же Владимир Ильич выдвинул в 1909 г. об'яснение тактики Плеханова в первой революции как попытки политического маневра, который во всяком случае заслуживает серьезного разбора. И уже тогда мы шутливо говорили Владимиру Ильичу: «А, ведь вы, Владимир Ильич, влюблены в Плеханова». Владимир Ильич отшучивался»...

К. С.

НА МОГИЛЕ ПЛЕХАНОВА.

На памятнике Плеханова на его могиле высечен стих Шелли:

«He is made one with Nature!»
[«Он слился с природой».]

Слова эти поставлены по собственной просьбе Г. В., выраженной им перед смертью. И это далеко не случайность.

Правда, Шелли был романтиком, а Плеханов, по своим взглядам и всему своему складу, как нельзя более далек от романтизма. Но есть романтизм и романтизм. Шелли принадлежал к тем немногим представителям романтизма, — и при том старой школы, — которые болели страданьями народа и звали его на борьбу с деспотизмом.

Плеханов указывает на это в статье о пьесе Гамсуна [1]) и в доказательство приводит следующие строфы из Шелли:

Зачем вы, о пчелы родимой страны,
Оружье и цепи готовить должны,
Чтоб шершни без жала, презревши заботы.
У нас отнимали добычу работы?

И дальше:

Растите хлеба, — но не наглым глупцам.
Ищите богатства, — не дерзким лжецам,
И тките одежду, — на смерть паразиту,
И куйте оружье, — себе на защиту.

Не менее важна другая сторона поэзии Шелли. Это — пропитывающее ее ощущение близости с природой, космическое чувство, так хорошо знакомое самому Плеханову и так ярко проявившееся в начертанных на памятнике словах.

[1]) «Сын доктора Стокмана». Сб. «От обороны к нападению», стр. 545—546.

Слова эти взяты из поэмы-элегии «Адонаис», написанной Шелли на смерть друга, поэта Джона Китса, рано скончавшегося. Вот интересующее нас место:

Тише, тише! Он не умер...
Он живет, он бодрствует — это смерть умерла, а не он;
Не будем плакать об Адонаисе...

«*Он слился воедино с природой:* его голос слышится во всей ее музыке, от стенанья валов до пенья неясного певца ночи, он живет, он присутствует, и это можно чувствовать и знать во мраке и в лучах, в травках и в камне, он распространяется всюду, где может двигаться та сила, которая вовлекла его существование в свое; та сила, которая правит всем миром...

«Он часть той красоты, которую некогда он делал еще более прекрасной: когда пластический порыв духа легко и торжественно проходит сквозь ленивый плотный мир, придавая целому ряду явлений те формы, в которых они предстают, он принимает в этом участие... он... придает им свое подобие, согласно с способностями каждой массы; и вспыхивает в своей могучей красоте сквозь мир деревьев, зверей и людей, до самого неба.

«Сиянья небосвода временами могут быть затемнены, но не погашены; как звезды, они восходят до предназначенной высоты, и смерть есть ползучий туман, бессильный запятнать ту красоту, которую он может окутать. Когда благородная мысль возвышает молодое сердце над его смертным уделом, и любовь и жизнь спорят в нем о том, какова должна быть его земная доля, мертвые живут там и движутся, как светлые ветры по темному бурному воздуху» [1]).

Позволю себе здесь обратиться к одному воспоминанию, тесно связанному с только что сказанным.

Это было в Сан-Ремо. Мы гуляли с Плехановым по берегу моря. Солнце клонилось к закату. Темнело. Дул резкий ветер, бурлило море и было как-то особенно притягательно-красиво. Кругом все разошлись. Мы были одни. И Георгию Валентиновичу следовало уже итти домой, так как температура менялась, и это могло повредить его здоровью. Но он все медлил. Мы говорили о старом Либкнехте, который подолгу живал в тех местах, об Энгельсе. «Правда ли, что Энгельс завещал после смерти не только сжечь свой труп, но и пепел бросить в море? Зачем это?», — спросил я. — «Для того, чтобы поскорее раствориться в природе», — последовал короткий ответ. Как-то особенно отчетливо и

[1]) Соч. Шелли. Стр. 184—187. Вып. 5. Пер. К. Бальмонта. М. 1898. В английском подлиннике это место находится на стр. 22 и след. The poetical work of P. Schelley ed. by H. Forman. Vol. IV. London 1901.

энергично прозвучали эти слова под ритмический гул валов. Плеханов остановился, вглядываясь в даль. «Какой пантеистический взгляд!», — воскликнул он через мгновенье. Мы оба молчали, охваченные одним и тем же чувством [1]).

Знаменательно, как то же чувство общения с природой проявилось в последние — критические — дни жизни Г. В. Об этом, — со слов его жены, — рассказано в предисловии к недавнему французскому изданию книги «Анархизм и социализм».

Состояние здоровья ухудшилось, и Плеханов понял, что положение его тяжелое. Когда он заговорил с женой о смерти и о будущем, она, все время поддерживавшая в нем мысль о выздоровлении, запротестовала против его слов.

«Тогда он сказал ей: «Ты обнаруживаешь признаки слабости. Мы оба, ты и я, старые революционеры, и нам нужно держаться вот как!». С этими словами он поднял руку и сжал кулак со всей оставшейся у него энергией. Он прибавил: «И затем, что такое смерть? Превращение материи. Видишь, — сказал он, обращая свой взор к окну, которое выходило в сад, — видишь эту березу, которая так нежно прижалась к сосне? Я тоже, может быть, превращусь когда-нибудь (un jour) в подобную березу. Что же здесь дурного?» [2]).

Какой пантеистический взгляд!

Мы часто говорили с Г. В. о психике современных людей, о роли в их верованиях и переживаниях страха смерти.

Материалисты умеют умирать как стоики, — было убеждение Плеханова. Он высказал это убеждение, когда добровольно окончили жизнь ветераны социализма Лафарг и Лаура Маркс. И он доказал это, умирая. Даже самою смертью хотел он служить торжеству того миросозерцания, для разработки и пропаганды которого совершил так бесконечно много при жизни.

В этом — секрет той надписи, которую он завещал сделать на своей могиле.

---

[1]) Само собою разумеется, выражение «пантеизм» было употреблено тут в материалистическом, а не в мистическом смысле.

[2]) «Anarchisme et socialisme» par G. Plékhanoff. Avec une biographie de l'auteur par M. Kamenskaja. Paris, 1924. Pp. XLV—XLVI.

РОЗЫСКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

I.

Получено сведение, что известный Георг Плеханов, остающийся по сие время неразысканным и подлежащий задержанию, имеет будто бы постоянное пребывание в двух местностях: за Нарвской и Московской заставами, попеременно. Его знают будто бы многие рабочие, как руководителя движений этой среды. Со многими из рабочих, имеющих некоторое главенство над остальными, Георг Плеханов, от времени до времени, входит в непосредственные сношения. В средствах он не только не нуждается, но, напротив, снабжает ими других пропагандистов. Это последнее сведение подтверждается тем, что несколько дней назад его заметили проехавшим по Невскому под вечер на рысистой лошади, с дамой в собольей ротонде. Основываясь на этих данных, можно предположить, что Плеханов находится в близких сношениях с кем-либо из лиц состоятельных, а, может быть, даже и с какой-либо женщиной, обладающей средствами и сочувствующей делу пропаганды, почему было бы полезно обратить внимание пригородной полиции на изложенные здесь обстоятельства к розысканию Плеханова. Что касается его примет, то в этом отношении можно указать только на то, что он: выше среднего роста, лет около 30-ти, одевается различно, но имеет две отличительные приметы — рыжеватые волосы только на подбородке, щеки же или бриты, или коротко подстрижены, или не имеют растительности, так как в указанном виде борода остается неизменною. Затем, вторая примета состоит в том, что Плеханов, за редкими

исключениями, носит почти постоянно круглую, серую, драповую шапку без полей.

18 марта 1879 г.

Дело III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 3-й экспедиции, № 138, ч. 1-я за 1879 г., лл. 166—167.

Нужно ли доказывать, что все это от начала до конца — полицейские выдумки. *Ред.*

II.

Его Превосходительству Господину С.-Петербургскому Губернатору.

С.-Петербургского уездного Исправника и начальника пригородной полиции

Рапорт.

При производстве розыска известного Плеханова, между прочим, было обращено внимание на то, что неизвестная личность весьма часто приезжала на Московское шоссе на щегольской паре, часто с дамою, тщательно закутанные, и у Чесменской богадельни или у Средней Рогатки пересаживались в сани, запряженные тройкою серых лошадей. По произведенному дознанию положительно оказалось, что это ездил действительный статский советник Владимир Александрович Ратьков-Рожнов, проживающий в Царском Селе на собственной даче по Средней улице № 9, а в Петербурге квартира его и лошади стоят в Миллионной в собственном доме, и разумеется нет никакой связи с розыскиваемым лицом.

Независимо вышеизложенного розыск Плеханова продолжается.

Полковник *Ридингер.*

№ 107
марта 24 дня
1879 г.

(Там же, лл. 239 и об.)

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЙ И ПОКАЗАНИЙ АРЕСТОВАННЫХ ЛИЦ С 1881 ПО 1900 Г.

I.

Разбор шифрованной депеши Мин. Внутр. дел от Тамбовского Губернатора 15 марта 1881 года.

№ 3/2320.

По сведениям, почти достоверным, государственный преступник Георг Плеханов уже два месяца в России [1]), но где — неизвестно; ведет переписку со своей матерью, проживающей в Липецке. Прошу разрешения [на] просмотр писем, получаемых [в] Липецке на имя Марии Федоровой Плехановой и дочери ее, живущей с нею. Поручение может быть возложено на исправника или капитана Куртьянова, помощника начальника губернского жандармского правления.

Губернатор барон *Фредерикс.*

II.

21 марта 1881 года. № 7538.

Всеподданнейше представляя при сем копию с телеграммы, полученной от Тамбовского Губернатора, почитаю обязанностью доложить вашему императорскому величеству,

[1]) Само собой разумеется, известие это было ложным: Г. В. в то время жил в Париже и, вообще, как известно, после оставления России в январе 1880 г. в течение 37 лет затем жил в эмиграции, после чего вернулся только в 1917 году. *Л. Д.*

что о содействии к просмотру корреспонденции, получаемой Марией Федоровой Плехановой и ее дочерью, с целью выяснения места пребывания Георгия Плеханова, мною уже сообщено статс-секретарю Макову.

Плеханов, дворянин Тамбовской губ., бывший юнкер Константиновского Военного училища, а впоследствии студент Горного института. Первую известность в революционной деятельности он получил во время демонстрации на Казанской площади, но задержан не был и с этого времени разыскивается. Жена его была задержана с прочими арестованными на площади лицами, но тогда же освобождена по недостаточности улик.

По показанию государственного преступника Гольденберга, Плеханов принадлежал к числу руководителей появившейся в 1877 году революционной партии «бунтарей», деятельность которых проявилась в особенности в Чигиринском уезде [1]).

В революционной среде Плеханов именовался «Жоржем». По сведениям прошлого года он находился в Париже.

Генерал ад'ютант гр. *Лорис-Меликов.*

16 марта 1881 г.

Дел. 1879 г. № 66, 138 и 548. № 144/1880.

III.

Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандарм. управл. империи по государственным преступлениям с 1884 по 1885 г.

IX. «Эмиграция».

Общество «Освобождение Труда» с Плехановым во главе ведет свою агитацию в Женеве... Принадлежа номинально к числу народовольцев, Кравчинский, кажется, тайно сочувствует ныне Плеханову и агитирует против Тихомирова,

[1]) Конечно, это неверно: хотя Г. В. принадлежал к революционным народникам, но, как известно, не все последние «проявили себя в Чигиринском уезде». Он к тому же отрицательно отнесся к «авторитарному принципу», как тогда некоторые называли пользование царским именем, самозванство, ложные царские манифесты и т. п. *Л. Д.*

который неоднократно побуждал Кравчинского ехать в Россию для устройства дел партии, но безуспешно.

К событиям, происходящим в России, отдельные фракции эмигрантов относятся весьма различно. Так, Тихомиров придает серьезное значение совершенному с его ведома убийству Судейкина, ввиду деморализации, которую оно, по его мнению, произвело на правительство. Драгоманов же и кружок Плеханова, отнесясь к факту равнодушно, отметили явным неодобрением появившееся в иностранных газетах подробное описание сцены убийства, представляющее партию в самом неблаговидном свете перед обществом и вызывающее симпатию к правительству [1]).

Арест Дейча в Германии и выдача его России, в связи с последовавшим еще незадолго до того времени погромом Киевск. революционн. группы, произвели на эмиграцию удручающее впечатление (стр. 84).

В течение 1884 года не произошло никакой перемены в мире эмигрантов. Сторонники «Народной Воли» группировались около Лаврова и Тихомирова, а группа «Освобождение Труда», с Плехановым во главе, достаточно мирно вела свои дела в Женеве. В этом же городе Драгоманов издавал «Общее Дело» и надеялся привлечь к участию в нем украинофилов юга, хотя в то же время и Тихомиров рассчитывал на них, в качестве редактора «Вестника Народной Воли» [2]).

Выдача немецким правительством Дейча (которого судили в России военным судом как дезертира) и киевские аресты весною вызвали такую страшную панику среди эмиграции, что майский номер «Общего Дела» должен был напечатать энергичную статью относительно об'единенной и единодушной деятельности со стороны всех кружков и партий. Открытие заговора Лопатина не произвело сильного впечатления, так как все ожидали неудачи (стр. 275).

[1]) Едва ли Драгоманов, сам неоднократно дискредитировавший «партию» в глазах европейской публики, отметил явным неодобрением указанное обстоятельство. *Л. Д.*

[2]) Неверно, будто Драгоманов издавал «Общ. Дело», — он издавал украин. журн. «Громаду». Неправда, что Тихомиров рассчитывал на украинофилов. *Л. Д.*

IV.

Дело департамента государственной полиции.

№ 3495.

Из показаний арестованного в моск. губерн. тюр. замке сына капитана Михаила Михаил. Егунова (показания на 177 стр.).

Егунов пришел к Брусневу, беседовал с ним, и тот показал знание заграничной жизни в Цюрихе. Бруснев сказал, что эмигрант Плеханов теперь уже не живет в Швейцарии, а где-то в деревне в Южной Франции, недалеко от швейцарской западной границы, где он живет инкогнито, что нелегальные сочинения группы «Освобождение Труда» печатаются в Женеве, хотя теперь на них печатается «Лондон», что это тоже делается из предосторожности. На журнале «Сборник Социал-Демократ» печатается: редактор Петр Алексеев, но это только псевдоним, так как рабочий Петр Алексеев, осужденный в процессе 193-х [1]), об этом не знает. Вообще из его слов выходило, что эмигранты за границей теперь стали очень осторожны. Про Веру Засулич он рассказывал, что она очень живая и деятельная женщина, что прежде чем писать статью она ее обдумает с Плехановым, а после уже излагает, что Аксельрод содержит, кажется, в Швейцарии, кумысное заведение, на средства которого живут Плеханов и Вера Засулич [2]), а также печатаются нелегальные брошюры, что около эмигранта Плеханова группируется много евреев, почему в Париже группу «Освобождение Труда» называют еврейской группой [3]). Георгий Плеханов, по его словам, теперь уже не так узко смотрит на революционную политическую деятельность в России, как раньше, что он начинает даже одобрять и террористическую деятельность. Что это даже видно из статей, помещенных в № 4 сборника «Социал-Демократ». Между прочим, он ука-

[1]) Неверно: Петр Алексеев судился по процессу 50-ти... *Л. Д.*

[2]) Чистейший вздор: работая неимоверно много вместе с женой и взрослыми детьми, Пав. Бор. Аксельрод едва-едва добывал тяжелым физическим трудом на самое скромное существование своей большой семьи. *Л. Д.*

[3]) Это, конечно, также вздор.

зал на статью Аксельрода в этом сборнике о «социал-демократических выборах в Германии», что Аксельрод в этой статье прямо указывает на то, что сравнивать русские условия для политической деятельности с германскими нельзя, так как в Германии эти условия гораздо лучше, благодаря конституционному государственному режиму, а потому и нельзя русским революционным деятелям ставить в пример деятельность немецкой социал-демократической рабочей партии.

На вопрос Кашинского, почему Плеханов в заглавии журнала сборника пишет слово социа*ль*, а не социа*л*-демократической рабочей партии, что де над этим в России подсмеиваются, и говорили, что Плеханов даже буква в букву хочет перенести в Россию программу немецкой социал-демократии, — Ляхович отвечал, что так грамматически правильно, потому так и печатают. Далее Ляхович рассказывал, что у Плеханова есть целый план, по которому он думает выпустить брошюры, приспособленные для чтения рабочим, что в числе задуманных революционных брошюр Плеханов думает написать серию брошюр о западных революциях: Франции, Австрии и др.

Так закончилась первая часть разговора с Ляховичем, из которого должна была выясниться личность Ляховича, насколько возможно ее выяснить по одному разговору...

Ляхович изложил свои поручения нам, привезенные им от эмигранта Плеханова к русским кружкам и организациям. Плеханов предлагал русским кружковым деятелям войти с ними в близкие сношения, во-первых, для того, чтобы оказать ему денежную помощь периодической присылкой денег, на которые он мог бы усилить выпуск нелегальных брошюр; во-вторых, он предлагал присылать ему нелегальные сочинения, написанные в России, для печатания. И, наконец, если только силы организации настолько обладают материальными и литературными средствами, что их хватит на газету, то предлагал издание такой газеты. Когда Ляхович изложил предложение Плеханова, то Кашинский из'явил этим предложениям полное свое сочувствие, а также Бруснев спросил Ляховича: сколько же нужно высылать денег Плеханову, во что обойдется газета, как ее выпускать во вре-

мени? Ляхович сказал, что издание номера в 2.000 экземпляров обойдется около 200 рублей без доставки. При чем формат предлагавшейся газеты будет подобен газете «Неделя». Что издание этой газеты предполагается где-то в восточной Германии, недалеко от русской границы (стр. 20, 1893, т. I).

В этом сбивчивом показании очевидно имеются в виду сообщения специально приехавшего из-за границы с поручениями от группы «Осв. Тр.» нелегального тов. Райчина, доставшего заграничный паспорт на имя Ляховича. *Ред.*

V.

Обзор и ведомость дознаний, произведенных в жандармском управлении за 1891 год. XVI.

Швейцария. С 1889 г. деятельность русских эмигрантов в Швейцарии почти совершенно прекратилась. В Цюрихе и Берне проживают почти исключительно эмигранты из евреев, не заявившие в минувшем году ничем особенным о своем существовании.

В Женеве попрежнему группируются вокруг Плеханова: (Обз. III, 3; VII, 63; XI, 81; XIII, 49) Засулич (Обз. VI, 27, 77; VII, 63; IX, 85; XIII, 49; XIV, 100, 102), Бохановский, Добровольский (Обз. XIV, 100) и другие.

В конце прошлого года по поводу постигшего некоторые местности империи неурожая заметно было оживление среди женевских эмигрантов, выпустивших даже прокламацию, приглашающую революционеров воспользоваться этим бедствием для возбуждения революционного движения в народе, но оживление это скоро улеглось и ничем иным не выразилось.

VI.

Обзор дознаний в жандармском управлении империи за 1895 и 1896 гг. XIX и XX.

Возобновленная во второй половине 1894 года революционная пропаганда приняла в 1895 году широкие размеры. На устраиваемых в рабочих квартирах собраниях появлялись

лица интеллигентного класса под вымышленными именами, одетые в рабочие костюмы, и прямо возбуждали рабочих против существующего общественного и государственного строя, указывая на устройство забастовок и стачек как на верное средство борьбы для улучшения быта рабочих и на необходимость произвести революцию. Знакомили их с элементарными положениями политической экономии, а затем указывали на необходимость образования кружков, устройства стачек с целью заставить фабрикантов выполнить требования 8-часового рабочего дня. Было устроено большое число сходок, среди которых необходимо отметить:

2 июня у Путиловского вала и 14 июля близ Парголова Финляндской ж. д., созванные Мертенсом, Ленгником, и сходку, происходившую в июле и собранную Плаксиными. На первой сходке Ленгником и Мертенсом раздавались рабочим воззвания от 30 мая: «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен» и другое [об избрании] эмигранта Плеханова депутатом на социалистический конгресс, при чем, согласно решения, эти воззвания затем распространяли Николаев, Савинов, Королев — за Невской заставой — и др. …

В связи с переживаемыми событиями, по почину Лондонской группы, стал обсуждаться вопрос относительно плана действий. Было высказано мнение, что террор — единственный способ борьбы с правительством и что только на этой почве эмиграция может вступить в серьезные сношения с революционерами внутри России, где, будто бы, также преобладает террористическое направление. Для об'единения на этих основаниях различных групп эмигрантов первоначально командированы были из Лондона в Париж Лазарев, Гольденберг и Николай Чайковский, поездка коих не увенчалась, однако, желанным успехом.

Отказались пристать к единению лишь старые представители социал-демократизма — Плеханов и Аксельрод, с которым и Лазарев также виделся в свою поездку…

В связи с замечающимся за последние годы развитием социально-демократического движения в России стало подниматься и значение одно время совершенно было потеряв-

ших всякий вес эмигрантов этого направления, группирующихся, главным образом в Швейцарии, вокруг Аксельрода и известного Плеханова. Вдохновляемая последним женевская группа «Освобождение Труда» значительно усилилась путем соединения с несколькими кружками учащейся молодежи, организованными ранее Кричевским, Курнатовским, Тепловым и другими, и присвоила себе ныне наименование «Социал-демократического Союза». Наиболее выдающиеся члены новой организации (Крутовский, Гордон, Петров, Шоур, Коган, Теслер, Мерлис и др.) поставили своей задачей поездку в Россию с целью организации на месте пропаганды и усиления связей, которые группа успела установить с действующими в империи социал-демократами. За недостатком денежных средств «Союз» пока еще не в состоянии обзавестись собственным печатным органом, по получении же денежных пособий из России намеревался выпустить ряд популярно изложенных брошюр для распространения преимущественно между рабочими.

В августе 1897 года в Лондоне имел место международный конгресс социалистов, на котором, между прочим, принимали участие Егор Лазарев, Хаим Раппопорт и Плеханов.

VII.

О революционных изданиях за 1892 г.

Обзор XVII.

«Первое мая 1891 г.». Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге с приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову с предисловием Г. Плеханова. В предисловии к брошюре Плеханов заявляет, что в настоящее время в наиболее развитых кружках русских рабочих, «в этом авангарде русского революционного пролетариата», сознание социально-политических задач рабочего класса уже приняло настолько определенные формы, что революционеру-интеллигенту остается лишь принять их к сведению и руководству, навсегда прекратив свои многолетние искания самой лучшей из всех возможных программ. Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии (стр. 232—233).

«Русский рабочий в революционном движении». Автор заявляет, что «история давно безвозвратно осудила русский царизм. Но он существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготовляет их, беря отовсюду. Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат, это — тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие». Русские рабочие, «уже в семидесятых годах видевшие слабые стороны народничества, в девяностых сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя социал-демократов» (стр. 234).

«Всероссийское разорение». Рассуждая по поводу постигшего Россию голода, автор брошюры приходит к выводу, что «полное экономическое разорение России может быть предупреждено лишь полным политическим ее освобождением» (та же стр.).

VIII.

Министерство иностранных дел. Императорская Российская Миссия в Швейцарии. Берн, 5/17 февраля 1896 г.

№ 126, д. № 6341.

С некоторого времени между находящимися в Женеве нигилистами замечается усиленное движение. Проживающая в Женеве же 39, chemin de la Rosairie, Вера Засулич ведет обширную переписку, отправляя значительное число заказных писем в Америку, в Лондон, в Париж, под псевдонимом Елизаветы Белинской (О. О. № 6, ч. I, 973).

IX.

4335. Доклад № 16. Париж, 29 февр. (12 марта) 1896 г.

Резолюция господина И. Д. Директора.

«Доложено господину министру: Представить краткую памятную записку к среде 11/III».

Пометка «Исполнено».

Имею честь донести, что эмигрантка Вера Засулич давно уже проживает в Лондоне и известна в Женеве под именем Белдинской, а не Белинской.

X.

Из агентурных сведений 1898 года.

13 декабря, вечером, в квартире Сизова, в д. № 14, кв. 10, по деревне Волынке, только не в его комнате, а в соседней, где проживает его товарищ по заводу, некто «Федор», собралось 10 человек рабочих Путиловского завода и в числе их известные: Михаил Егоров, Василий Белоусов, Калинин и Сизов. Миссуна начал было рассказывать собравшимся о происхождении капитала, чуть ли не с доисторических времен, но был шумно остановлен всеми присутствовавшими, которые, в особенности Егоров и Калинин, с азартом стали говорить, что «все это нам хорошо известно, а потому они желают слышать что-нибудь живое, текущее», при этом Егоров высказался так: «ничем этим вы нас не удивите, меня в особенности: я с юных лет знаком с этим делом и даже лично с Верой Засулич, которая в 1891 г. приезжала тайно в С.-Петербург и виделась с избранными рабочими, в том числе и со мной [1]). Жалею, что не привел на наше собрание моего приятеля Полякова, который знал бы, что нужно сказать рабочим.

(О. О. № 5, ч. 6, л. Г. 98 ч. Ва. д. № 3656.)

---

[1]) Сообщение это неверно: В. И. Засулич в это время в Россию не приезжала. *Л. Д.*

XI.

О С.-Петербургском революционном кружке «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». № 319.

Арестованный по делу петербургского Союза борьбы студент-технолог Фридрих Ленгник показал (см. протокол допроса 15 января 1897 г.).

«Другое исполненное союзом мое требование заключалось в просьбе издать листки с предложением избрать Плеханова депутатом от русских рабочих на Лондонский социалистический конгресс. Проект этого издания составлен был мною совместно с Мертенсом, но последний в его воспроизведении никакого участия не принимал. (Дело деп. пол., № 319, т. II/1896.)

XII.

Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармском управлении за 1898 и 1899 гг.

XXII и XXIII.

Швейцария. Союз русских социал-демократов. Распространившиеся в 1879 году слухи об усилении в России народовольческого течения, угрожающего успехам движения социал-демократического, обеспокоили стоящего во главе федеративной фракции «Союза русских соц.-демократов», «Освобождения Труда» эмигранта Георгия Плеханова, который поспешил издать брошюру, озаглавленную «Новый поход против русской социал-демократии». В означенной брошюре автор, доказывая несостоятельность туманных и сбивчивых народовольческих программ, выступает энергичным противником политического террора. Появление этой брошюры вызвало не только обострение отношений между существующими за границей политическими фракциями, но и поселило крупные раздоры среди самих социал-демократов. Некоторые из них решили выйти из «Союза русских социал-демократов» и отобрать от Плеханова принадлежащую им [?] типографию, передав ее в ведение Антона Ляхоцкого, которому поручено было печатать в ней произведения «Союза» без участия Плеханова. Желая успокоить своих единомышленников, последний заявил, что, печатая свою брошюру, он имел в виду

не только нанести удар зловредному народовольческому течению, но и уступить требованиям русских социал-демократов, опасающихся вторжения народовольцев в политическую жизнь России.

Затем в 1898 г. последовавшее запрещение журнала «Новое Слово» вызвало новое волнение в среде социал-демократов. Раздосадованные этим распоряжением Плеханов и Аксельрод задумали взамен запрещенного органа основать за границей нелегальный журнал под названием «Социал-Демократ», но мысль эта не нашла себе поддержки между действующими в империи представителями социал-демократического направления, ограничившимися присылкой эмигрантам довольно значительной суммы денег на издание брошюр по рабочему вопросу и расширение существующей в Женеве типографии социал-демократического союза. На эти средства действительно были отпечатаны, в количестве 1.000 экземпляров каждая, брошюры: «Рабочий день» и «Закон 2-го июля», «Об агитации», «Листок работника», «Кто чем живет», «Эрфуртская программа» и т. п., которые направляются затем особыми транспортами для водворения в Россию через Берлин, при посредстве книжной торговли редакции местной социалистической газеты «Vorwärts».

Независимо от изложенного, «Союзом русских социал-демократов» изданы были в феврале 1898 г., по заказу и на деньги либерального кружка писателей и адвокатов, две брошюры, под заглавием «Материал для характеристики положения русской печати».

XIII.

Из донесений заграничной агентуры.

В заграничном Социал-демократическом Союзе произошел маленький раскол: старики, т.-е. Плеханов, Аксельрод и другие, не давали хода молодым, вследствие чего происходили частые недоразумения и недавно, после последнего с'езда Союза, из администрации [редакции?—*Л. Д.*] вышли: Плеханов, Аксельрод и некоторые другие лица, редактировавшие «Работник». Вместо «Работника» будет издаваться журнал «Рабочее Дело».

(О. О. № 5, ч. 45, т. II 1898 г., № 1493.)

XIV.

12 октября 1899 г. «Листок Работник» и «Сборник Работник» [вероятно, «Русский Рабочий»] прекратили свое существование, а на их место появился новый орган «Российской социал-демократической рабочей партии» — «Рабочее Дело» (вышел первый номер). В состав редакции новой газеты вошли: Кричевский, Иваншин и несколько легальных лиц, а Плеханов, Аксельрод, Засулич и Гинзбург попрежнему остались лишь членами вышеназванной партии и в редакторы не попали, так как отказались от баллотировки.

(О. О. № 5, ч. 45, т. II/1898 г.)

XV.

1105. — 27 мая 1900 г.

Вследствие возникших разногласий между эмигрантом Георгием Плехановым и молодыми представителями заграничного социал-демократического союза, имевших последствием отнятие Плехановым типографии, печатавшей произведения подпольной издательской фирмы «Рабочее Дело», у представителей сей фирмы возникла мысль о необходимости послать в Россию особых делегатов для сбора материальных средств на устройство новой типографии и для привлечения к делу издательства новых литературных сил, а также для установки более тесной связи с революционными группами, действующими внутри империи.

Примечание: В. И. Засулич, которой я прочитал эти сообщения, сказала: «Нас молодые обвиняли, между прочим, в излишней революционности, а также в том, что мы будто бы вообще против стачек». По ее же словам, Георгий Валентинович сравнивал обвинения, выставленные молодыми против членов группы «Освобождение Труда», с обвинением собаки в бешенстве: «хотя она пьет воду, но не так, как следует, — с кислым видом», — говорил он. *Л. Д.*

не только нанести удар зловредному народовольческому течению, но и уступить требованиям русских социал-демократов, опасающихся вторжения народовольцев в политическую жизнь России.

Затем в 1898 г. последовавшее запрещение журнала «Новое Слово» вызвало новое волнение в среде социал-демократов. Раздосадованные этим распоряжением Плеханов и Аксельрод задумали взамен запрещенного органа основать за границей нелегальный журнал под названием «Социал-Демократ», но мысль эта не нашла себе поддержки между действующими в империи представителями социал-демократического направления, ограничившимися присылкой эмигрантам довольно значительной суммы денег на издание брошюр по рабочему вопросу и расширение существующей в Женеве типографии социал-демократического союза. На эти средства действительно были отпечатаны, в количестве 1.000 экземпляров каждая, брошюры: «Рабочий день» и «Закон 2-го июля», «Об агитации», «Листок работника», «Кто чем живет», «Эрфуртская программа» и т. п., которые направляются затем особыми транспортами для водворения в Россию через Берлин, при посредстве книжной торговли редакции местной социалистической газеты «Vorwärts».

Независимо от изложенного, «Союзом русских социал-демократов» изданы были в феврале 1898 г., по заказу и на деньги либерального кружка писателей и адвокатов, две брошюры, под заглавием «Материал для характеристики положения русской печати».

XIII.

Из донесений заграничной агентуры.

В заграничном Социал-Демократическом Союзе произошел маленький раскол: старики, т.-е. Плеханов, Аксельрод и другие, не давали хода молодым, вследствие чего происходили частые недоразумения и недавно, после последнего с'езда Союза, из администрации [редакции?—*Л. Д.*] вышли: Плеханов, Аксельрод и некоторые другие лица, редактировавшие «Работник». Вместо «Работника» будет издаваться журнал «Рабочее Дело».

(О. О. № 5, ч. 45, т. II 1898 г., № 1493.)

XIV.

12 октября 1899 г. «Листок Работник» и «Сборник Работник» [вероятно, «Русский Рабочий»] прекратили свое существование, а на их место появился новый орган «Российской социал-демократической рабочей партии» — «Рабочее Дело» (вышел первый номер). В состав редакции новой газеты вошли: Кричевский, Иваншин и несколько легальных лиц, а Плеханов, Аксельрод, Засулич и Гинзбург попрежнему остались лишь членами вышеназванной партии и в редакторы не попали, так как отказались от баллотировки.

(О. О. № 5, ч. 45, т. II 1898 г.)

XV.

1105. — 27 мая 1900 г.

Вследствие возникших разногласий между эмигрантом Георгием Плехановым и молодыми представителями заграничного социал-демократического союза, имевших последствием отнятие Плехановым типографии, печатавшей произведения подпольной издательской фирмы «Рабочее Дело», у представителей сей фирмы возникла мысль о необходимости послать в Россию особых делегатов для сбора материальных средств на устройство новой типографии и для привлечения к делу издательства новых литературных сил, а также для установки более тесной связи с революционными группами, действующими внутри империи.

Примечание: В. И. Засулич, которой я прочитал эти сообщения, сказала: «Нас молодые обвиняли, между прочим, в излишней революционности, а также в том, что мы будто бы вообще против стачек». По ее же словам, Георгий Валентинович сравнивал обвинения, выставленные молодыми против членов группы «Освобождение Труда», с обвинением собаки в бешенстве: «хотя она пьет воду, но не так, как следует, — с кислым видом», — говорил он. *Л. Д.*

XVI.

Обзор жандармск. управления за 1899 г. XVIII.

Что касается Женевы и группирующейся там партии «Освобождение Труда», то последняя все более и более падала даже в глазах эмиграции, считающей ее не отвечающей потребностям современной революционной борьбы с правительством. Материальные условия названной группы попрежнему крайне печальны, а главные ее представители — Плеханов и Засулич живут почти впроголодь, поддерживая свое существование сборами по подписке среди учащейся в Швейцарии молодежи. К концу года значение «освобожденцев» стало, однако, подниматься, ввиду полученных из России сведений об усилении, будто бы, в империи социал-демократической партии. В настоящее время эмигранты социал-демократического направления, группируясь вокруг Плеханова и в Цюрихе около Аксельрода, Петрова, Когана и Курнатовского, стараются завязать сношения со своими русскими единомышленниками. Ряды их за последние месяцы пополнялись несколькими новыми лицами, прибывшими из России легально.

Примечание: Конечно, неправда, будто члены группы «Освобождение Труда» существовали сборами. Даже когда материальное их положение было крайне тяжелым, все же до этого не доходило; тем менее это было возможно в конце 90-х годов, когда никакой нужды члены этой группы уже не испытывали: Георгий Валентинович к тому времени выпустил в России две книги: «О монистическом взгляде», имевшую огромный успех, а также «Обоснование народничества в трудах Воронцова» и много журнальных статей. Розалия Марковна, в качестве чрезвычайно популярного врача среди рабочего населения Женевы, недурно зарабатывала. Вера Ивановна также немного зарабатывала, помещая в легальной прессе статьи; условия жизни П. Б. Аксельрода, дети которого к тому времени подросли, тоже значительно улучшились. К тому же, со второй половины 90-х годов, как известно, у членов этой группы завязались уже самые тесные сношения с наиболее видными представителями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — с Лениным, Потресовым и др. *Л. Д.*

ИЗ АРХИВА Г. В. ПЛЕХАНОВА В ПАРИЖЕ [1]).

1. Статья Г. В. Плеханова по поводу Гос. Думы, от 1906 г.
2. План речи против Ленина в 1906—1907 гг.
3. План статьи об Enrico Leone.
4. Набросок статьи к 25-й годовщине смерти Маркса.
5. План статьи против синдикалистов (Богданов, Enrico Leone).
6. К истории партии 1907—1912 гг.
7. К партийным делам 1892 г.
8. К вопросу об отношении немец. социал-демократич. партии к Плеханову.
9. Плеханов и издатели.
10. К истории кооптации в «Искру» (1903—1904 гг.).
11. К с'езду Лиги в 1903 г., конфликт с Загр. Бюро Соц.-Дем. Раб. партии.
12. К истории дневников.
13. К биографии Г. В. Плеханова, к истории влияния его на эмиграц. молодежь.
14. Письмо Ляцкого (от 1/III 1917 г., о первых днях революции).
15. » д-ра Ефрона и др. товарищей (к периоду борьбы с союзн. рабочедельцами (Акимов и К°).
16. Письмо Рязанова (?) от 1892 г.
17. » Иодко от 1896 г.
18. Письмо Раковского, без даты.
19. Письмо (Histoire et regime de la grande industrie и т. д.).
20. » из Америки, подписанное Шейном и Сток. (к созданию органа соц.-демократ. партии).
21. Письмо Мартынова (к истории пятитомника).
22. » Аснина, Курца и Шевича (к истории Совета Соц.-Дем. партии).
23. Письмо неизвестного тов. от 1909 г. (по поводу взгляда, высказанного в дневнике).
24. Письмо тов. Аркомеда (о том же).
25. Письма тов. Петра от 1908—1909 гг. (о ликвидаторах).

[1]) Настоящий список материалов, находящихся в архиве Г. В., получен недавно от Розалии Марковны Плехановой. Этот перечень статей, писем и документов не является исчерпывающим: будут опубликовываться списки и в последующих №№, по мере получения их от Р. М. Плехановой. *Ред.*

26. Письмо Веры Григорьевой (по поводу привлечения Плеханова к участию в органе «Рабочее Знание»).
27. Письмо Бухгольца (рекоменд. тов. Григорьевой).
28. » Дивильковского (к истории партийцев).
29. » Кольцова от 1900 г. (к периоду борьбы с рабочедельцами).
30. » Рустамбека-Тостева.
31. » Семашко (по поводу суда над Блюмом).
32. Письма, относящиеся к периоду «Работника», с указанием на состояние рабочего движения во Франции и о впечатлении, произведенном письмами Аксельрода о тактике.
33. Письмо Шавишвили (отношение тт. кавказцев к Г. В. Плеханову).
34. » тов. Альбина (к периоду борьбы с рабочедельцами).
35. » Бухгольца (о европейском рабочем движении).
36. Письма Иды Ис. Аксельрод от 1909 г.
37. » Фриды Абр. Гинзбург от того же года.
38. Открытое письмо большевистскому центру (только для членов партии).
39. Письмо «Старого товарища» (по поводу «Vademecum»).
40. » Л. Г. Дейча.
41. » Азефа.
42. » Плеханова к Бурьянову от 21/VI 1915 г. (по поводу голосования за кредиты.
43. Письмо Тышко-Грозовского ко II с'езду Заграничн. Лиги.
44. » Староверa и Кольцова.
45. » Офицера.
46. » Кости.
47. » к Вере Ивановне Засулич, переданное Г. В. для просмотра с припиской Веры Ивановны.
48. Письмо Л. Г. Дейча от 1905 г.
49. Партийные документы и письма: а) к Лиге русс. рев. соц.-дем., б) Панина о рабочем с'езде.
50. Офиц. обращение Дейча к загранич. представит. РСД партии.
51. Офиц. документы Союза Соц.-Демократ.
52. Циркуляр о принятии тт. Невзорова, Гельфанда и Давидова в Союз.
53. Резолюция, предложенная меньшевиками-партийцами Собран. I и II групп РСДРП и группы Бунда, состояв. в Женеве 30/VII 1911 г.
54. Обращение Полетаева к Женевск. членам Союза (1899—1900).
55. Обращение рабочей газеты «Правда» — Троцкого к редакции «Дневника Соц.-Дем.» (копия принятой резолюции).
56. Воззвание, подписанн. секр. ЦК РСДРП.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

(К БИОГРАФИИ В. Н. ИГНАТОВА.)

Глубокоуважаемый Л. Гр.!

Разрешите остановить ваше внимание на одной подробности в биографии В. Н. Игнатова, напечатанной в Сборнике № 3.

Конечно, на протяжении 40 лет можно было *забыть*, сколько именно раз виделись братья Игнатовы с Плехановым и другими товарищами в Швейцарии.

Но вряд ли Илья Николаевич мог *запомнить* факт приезда к нему в ссылку брата, если бы этот факт не имел места. А между тем, Ил. Н. определенно заявлял: «О разногласиях в обществе «Земля и Воля» я узнал от брата Василия, приехавшего ко мне в Вятскую губернию летом 1879 г.».

Отнюдь не сомневаясь в превосходной памяти покойного проф. А. Ф. Фортунатова, может быть, самое правильное было бы остановиться на предположении, что о поездке Вас. Н. Игнатова ему не было известно, потому что тот решился на нее, так сказать, в последний момент, под влиянием воронежских событий в народнической партии; а ввиду конспиративности этого дела не говорил о нем даже с близкими людьми.

М. Л.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

ОГЛАВЛЕНИЕ.